

- [Карл Май](#)
  - [Глава I. НА ЗАПАДНОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ](#)
  - [Глава II. СТЕРВЯТНИКИ ЛЬЯНО-ЭСТАКАДО](#)
  - [Глава III. СРЕДИ КОМАНЧЕЙ](#)
  - [Глава IV. САКРАМЕНТО — КРАЙ БОГАТЫЙ](#)
  - [Глава V. ОГРАБЛЕНИЕ ПОЕЗДА](#)
  - [Глава VI. ПОСЕЛОК ХЕЛЛЬДОРФ](#)
  - [Глава VII. ТРАГЕДИЯ У ГОРЫ ХЕНКОК](#)
  - [Глава VIII. ЗАВЕЩАНИЕ ВИННЕТУ](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Карл Май
Золото Виннету

Глава I. НА ЗАПАДНОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ

Прошло уже немало времени с рассвета, и я успел проехать не одну милю. Солнечные лучи безжалостно жгли меня и моего гнедого мустанга, удваивая усталость. Пора было подумать об отдыхе. Передо мной тянулась волнистая бескрайняя прерия. Я не видел человеческого лица с тех пор, как пять дней тому назад сиу-оглала рассеяли наш небольшой отряд, и уже начинал тосковать по разумным существам: мне хотелось убедиться, что при столь долгом вынужденном молчании я не разучился говорить.

Расседлав и стреножив мустанга, я пустил его пастись в лощину, а сам поднялся на вершину холма, чтобы осмотреться. Оттуда, как на ладони, были видны все окрестности, и я мог не опасаться, что кто-нибудь подкрадется ко мне незамеченным и застигнет меня врасплох. А повод для таких опасений был, и весьма веский.

Наш отряд, насчитывавший двенадцать человек, двинулся в путь с берегов реки Плат, чтобы спуститься по восточным отрогам Скалистых гор и перебраться в Техас. В то же время племена индейцев сиу вступили на тропу войны и покинули свои стойбища, чтобы отомстить за смерть своих сотоварищей, погибших в стычке с нами. Мы знали о нависшей над нами угрозе и принимали все мыслимые меры предосторожности, и все же встречи с одним из отрядов воинственных краснокожих избежать не удалось: нас окружили, половину перебили, а остальные, сумев прорвать кольцо, бежали в разные стороны.

Положение наше сложилось — хуже некуда, дай Бог ноги унести. Но замечать следы было некогда: наверняка индейцы шли за нами по пятам, и смотреть приходилось в оба. Согласитесь: лечь вечером спать, чтобы утром проснуться в Стране Вечной Охоты без скальпа — перспектива не самая приятная.

Итак, я улегся на вершине холма, достал из сумки кусок вяленого бизоньего мяса, натер его за неимением соли, порохом и принялся жевать, надеясь с помощью зубов превратить его в подобие пищи, которую можно было бы без риска для здоровья отправить в желудок. Утолив голод, я вытащил из кармана сигару собственного изготовления, закурил ее и принялся от скуки пускать дым кольцами и завитками, испытывая при этом такое наслаждение, словно я плантатор из Виргинии и курю листья

лучшего в мире табака, сорванные в перчатках и скрученные нежными пальчиками девушек.

Я отдыхал, наслаждаясь покоем и ароматным дымом, когда на горизонте показалась точка, двигавшаяся в моем направлении. Я сразу же скатился вниз, чтобы меня не заметили, а сам продолжил наблюдение за всадником. Его лошадь двигалась так медленно, что ему потребовалось полчаса, чтобы преодолеть милю. Он сидел в седле по-индейски, то есть чуть ли не на шее животного, но, судя по одежде, это был белый.

К моей досаде, я заметил также, что за ним следуют четверо краснокожих. Достав подзорную трубу, я прикинул к окуляру и разглядел сиу-огалала, покрытых татуировкой, беспощадных и мстительных, по-видимому, из того отряда, который гнался за мной по пятам. Белый путешественник, сам того, возможно, не желая, привел ко мне моих врагов.

Тем временем путник приблизился ко мне настолько, что я уже мог разглядеть его. Это был худой, невысокий человек в шляпе, от которой осталась одна туля. В прерии подобный головной убор ни у кого не вызывает удивления, но шляпа без полей подчеркивала в его внешности существенный и странный даже для Дикого Запада недостаток: у приближавшегося ко мне путника не было ушей, а ужасные шрамы на их месте свидетельствовали о том, что человека лишили их насильственно. На его плечах висела длинная попона, укрывавшая все тело, так что снизу выглядывали только длинные худые ноги в столь необычной обуви, что в Европе ее вид привел бы в изумление любого сапожника. Такую обувь носят аргентинские гаучо, и, чтобы смастерить ее, с лошадиной ноги снимают кожу чулком, а потом в этот чулок засовывается человеческая нога. Свежая, еще теплая кожа обтягивает ее, высыхает, стягивается, дубеет и, плотно схватив плюсну и лодыжку, превращается в великолепный сапог, единственным недостатком которого является полное отсутствие подметки, что, в конечном счете, не так уж и страшно — подошва человека, достаточно загрубевшая, вполне может ее заменить.

У седла незнакомца болталось нечто, отдаленно напоминающее ружье, хотя издали я принял этот предмет за палку, подобранную в лесу. Лошадь путника выглядела не менее нелепо, чем сам хозяин. У нее были длинные, как у верблюда, ноги, невероятных размеров ослиная голова, а уши, словно слишком большие и тяжелые для нее, висели, как у собаки ньюфаундлендской породы. Несуразное животное шло с низко опущенной головой, будто приплюсываясь к земле.

У любого человека, мало знакомого с нравами Дикого Запада, внешний вид всадника вызвал бы снисходительную усмешку, однако мне он

показался, несмотря на всю его странность, одним из тех вестменов, о чьих достоинствах можно судить только после того, как с ним сойдешься поближе. По-видимому, он не догадывался, что за ним по пятам следуют четверо самых жестоких врагов, так как спокойно и безмятежно ехал своей дорогой и ни разу не оглянулся.

Когда нас разделяло не более сотни шагов, он наконец-то обратил внимание на мои следы. Трудно Даже сказать, кто первым заметил их — может быть, всадник, а может быть, и его лошадь. Но я собственными глазами видел, как лошадь остановилась, опустила голову еще ниже, к самой земле, и стала коситься на отпечатки копыт моего мустанга. При этом она быстро двигала ушами, да так, что создавалось впечатление, будто какая-то невидимая сила пытается вырвать ей уши с корнем. Незнакомец решил было спешиться и осмотреть мои следы повнимательнее — затея в его положении совершенно ненужная и опасная, — и поэтому я крикнул:

— Не теряйте зря времени, сэръ! Спускайтесь с холма!

Я тотчас же встал в полный рост, чтобы он мог меня увидеть и не принял за грабителя. Его кобыла подняла голову и наострила уши, словно пытаясь поймать ими звук моего голоса, и взмахнула в знак одобрения жалким обрубком хвоста.

— Так уж и быть! — ответил мне всадник. — Но в следующий раз, когда вам захочется поорать, делайте это потише — на этом Богом забытом лугу могут быть чужие уши, которым не обязательно все слышать. Пойдем, Тони!

Лошадь подчинилась, привела в движение свои длинные ноги и вскоре уже была рядом с моим мустангом. Видимо, он пришелся ей не по вкусу, потому что, посмотрев на него свысока, она с пренебрежением повернулась к нему той частью тела, которую мореходы именуют кормой. Старая кобыла явно принадлежала к нередкой в прерии породе верховых животных, которая живет исключительно для своего хозяина и ко всем остальным относится с недоверием и подозрительностью.

— Позвольте мне самому решать, как громко я могу говорить, — ответил я. — Откуда вы путь держите и куда направляетесь?

— Вам-то что за дело?

— Откуда вам знать, до чего мне есть дело, а до чего нет? Мы не успели обменяться и дюжиной слов, а я уже вижу, что вы вежливости не обучены. Должен вам заметить, я привык к тому, что на мои вопросы отвечают.

— Вы сразу показались мне достопочтенным джентльменом, — насмешливо отозвался незнакомец, поглядывая на меня с высоты своей

клячи, — поэтому я готов немедленно дать вам требуемое объяснение.

И он показал рукой сначала назад, а затем вперед.

— Я прибыл оттуда, а еду туда.

Этот человек нравился мне все больше. Видимо, он принимал меня за сбившегося с дороги случайного искателя приключений, эдакую залетную птицу, решившуюся на свой страх и риск пересечь прерию в одиночку. Надо сказать, у него были на то основания, так как настоящий вестмен не придает совершенно никакого значения своей внешности, скорее даже нарочито пренебрегает чистой и опрятной одеждой, выставя напоказ свои засаленные лохмотья, которые заменяют ему визитную карточку. Внешний вид тех, кто долгие годы живет на Диком Западе, никак не согласуется с приличиями, принятыми в обществе, а любого пристойно одетого человека вестмен принимает за щеголя и гринхорна, от которого следует ожидать подвоха. Я же совсем недавно приобрел в форте Рондэйл трапперскую обновку, а на оружии, от которого так часто зависела моя жизнь, не было ни единого пятнышка ржавчины. Именно эти два обстоятельства и ввели в заблуждение незнакомца, человека явно бывалого. Поэтому я не стал принимать близко к сердцу его невежливый ответ, показал, подражая ему, рукой вперед и невозмутимо произнес:

— Постарайтесь доехать «туда», желаю удачи! Но у вас появились попутчики, а вы их, кажется, и не заметили: за вами следуют четверо краснокожих!

Незнакомец изумленно уставился на меня. В его глазах зажглось веселье.

— Я не заметил четверых краснокожих?! Придет же такое в голову! К вашему сведению, эти джентльмены следуют за мной с раннего утра и горят желанием познакомиться со мной поближе, но по принятым у них правилам хорошего тона лучшее время для знакомства — ночь. Поэтому мне совершенно незачем оглядываться, я знаю, что они хотят дождаться темноты, чтобы напасть на меня. Но я опережу их и сам нанесу им визит вежливости. Только вот ведь незадача — раньше прерия была ровная, как блюдце, а здесь я вижу холмы... Значит, пора поговорить с ними. Подождите меня здесь минут десять, и вы увидите, как это делается. Боюсь, правда, что вы дадите стрекача от одного запаха краснокожих, такие люди, как вы, на дух их не переносят. Вперед, Тони!

Не устаивая меня больше своим вниманием, он исчез вместе со своей клячей среди зеленых холмов. Я знал, что он собирается предпринять, так как и сам бы действовал подобным же образом, пытаюсь зайти индейцам в тыл, пока они не разгадали хитрость.

Между тем краснокожие приблизились. До сих пор им не о чем было беспокоиться: они не спускали с вестмена глаз и были уверены, что тот достаточно далеко. Однако вскоре они должны были наткнуться на мой след и насторожиться. На всякий случай я проверил оружие и взвел курок.

В том месте, где след незнакомца пересекался с моим, индейцы внезапно остановились и сгрудились вокруг своего предводителя.

Я поднял было штуцер, но пустить его в дело мне не пришлось: из-за холма раздался выстрел, второй, и двое краснокожих замертво свалились с лошадей.

— И-хи-хии! — пронесся над холмами победный индейский клич.

Однако на этот раз кричал не индеец, а маленький охотник, пустивший лошадь вскачь — он делал вид, что собирается броситься после первых двух выстрелов наутек. Кляча его преобразилась. Она мчалась, вымахивая длинными ногами так, что из-под копыт летели комья земли, и прядала ушами; каждая жилка на ее теле напряглась, как струна, готовая лопнуть в любую минуту. Всадник и лошадь стали одним существом, вестмен даже бросил поводья, заряжая на скаку ружье. Он действовал ловко, уверенно и бесстрашно, тем самым подтверждая, что ему не впервой выходить победителем из схватки с самым жестоким и беспощадным врагом.

Вслед ему прогремели два выстрела, но пули просвистели мимо. Раздосадованные неудачей, индейцы бешено взревели, выхватили томагавки и бросились в погоню. Вестмен мчался без оглядки, но вдруг, не прибегая к поводьям, словно чудом развернул лошадь, и она встала как вкопанная — так же неподвижно, как стоят козлы для пилки дров. Снова прозвучали два выстрела, и оба индейца рухнули на землю.

Моя помощь маленькому охотнику не потребовалась, и я со штуцером в руках пошел к нему навстречу. Он же спрыгнул с лошади у тел убитых краснокожих и горделиво поглядывал на меня.

— Теперь вам понятно, как следует говорить с дикарями? — спросил он.

— Спасибо за науку, сэр. Теперь понятно.

Моя улыбка показалась ему насмешливой, он окинул меня пристальным взглядом и с подозрением в голосе спросил:

— Не хотите ли вы сказать, что и сами так поступаете?

— Нет, что вы. Я поступаю так только на равнине, где негде укрыться, а среди холмов я просто возвращаюсь по собственным следам и жду врага за вершиной.

— Смотрите-ка! Откуда вы взялись и кто вы такой?

— Я писатель.

— Писатель? Что это значит?

— Это значит, что я пишу книги.

— Пишете книги? — изумленно повторил он, отступая от меня на шаг. На его лице появилось выражение не то подозрительности, не то жалости. — Как у вас со здоровьем, сэр?

И он покрутил указательным пальцем у своего виска, жест понятный во всем мире.

— Я никогда не жаловался на здоровье, — спокойно ответил я, даже не собираясь обижаться.

— Не жаловались? Может быть, лучше все-таки показаться доктору? Мне это непонятно, черт возьми! Я стреляю в бизона, потому что хочу есть. А для чего вы пишете книги?

— Чтобы люди их читали.

— Сэр, вы можете обижаться на старого бродягу, но вы занимаетесь совершенной глупостью. Это же надо было такое придумать! Писать книги, чтобы другие их читали! Возьмите, к примеру, меня: я охотник, но дичь свою никому не отдаю. Пусть тот, что хочет читать книги, сам их и пишет! Так что же вы делаете здесь? Зачем пожаловали в прерию? Вы что, и здесь собираетесь писать книги?

— Сначала я путешествую, встречаюсь с разными людьми, а потом возвращаюсь домой и в книге рассказываю о том, что со мной приключилось, что довелось увидеть, с кем свела меня судьба. Тысячи людей читают мои книги, и им совсем не обязательно отпрапляться в прерию, чтобы узнать, какова здесь жизнь.

— Вы и обо мне напишете?

— Ну конечно, — ответил я в надежде, что это расположит вестмена ко мне.

Но я просчитался. Незнакомец пристально посмотрел на меня, сжал в руке рукоятку ножа и подошел ко мне вплотную. Он встряхнул меня за плечо и с явной угрозой произнес:

— Вон там стоит ваша лошадь, сэр. Сделайте милость, садитесь в седло и немедленно убирайтесь вон, если не хотите, чтобы десять дюймов холодной стали пощекотали вам ребра. Я не желаю видеть вас в прерии, где я хозяин. Я не потерплю присутствия человека, при котором слова сказать нельзя, шагу нельзя ступить, чтобы потом весь мир об этом не узнал. Я не хочу, чтобы вы меня ославили. Прочь!

Он был невысок ростом и едва доставал до моего плеча, однако грозил всерьез. Мне хотелось расхохотаться, но я сдерживался, чтобы не распылять его злость еще больше.

— Поверьте мне на слово, я напишу о вас только хорошее, — примирительно произнес я.

— Мне все равно, хорошее или плохое! Убирайтесь! Будет так, как я сказал!

— Тогда я обещаю вам, что не напишу о вас ни слова, — продолжал я свои попытки восстановить мир.

— Я вам не верю! Разве можно верить обещаниям выжившего из ума писаки? Убирайтесь отсюда, иначе вам плохо придется!

— Что же со мной может случиться?

— Сейчас увидите!

Со спокойной улыбкой я взглянул в его горящие гневом глаза и решил, что настало время положить конец разыгравшейся комедии.

— Показывайте же, не тяните! — вызывающе сказал я, желая проверить, как далеко он готов пойти в своих угрозах.

— Смотрите! Как вам нравится это лезвие? — прошипел он, выхватывая нож и поднося его к моей груди. — В нем обещанные десять дюймов!

— Прекрасный нож! Сейчас я докажу вам, что сумею оценить его по достоинству!

С этими словами я молниеносно перехватил его руку, заломил ее за спину и сжал запястье с такой силой, что он скорчился от боли и выронил оружие. Мгновение спустя обе его руки уже были стянуты ремнем от мешочка с пулями, висевшего у него же на поясе.

— Тысяча чертей! — воскликнул он, сбитый с толку моим внезапным нападением. — Какая муха вас укусила? Что вы собираетесь со мной сделать?

— Пока еще не решил. Но в следующий раз, когда вам захочется поорать, делайте это потише — на этом Богом забытом лугу могут быть чужие уши, которым не обязательно все слышать, — съязвил я.

Быстро подняв с земли выроненный им нож и ружье, которое незнакомец сам отложил в сторону, пока осматривал мертвых индейцев, я отнес оружие на безопасное расстояние и вернулся к моему пленнику. Маленький охотник, поняв, что он в моих руках, яростно пытался освободить руки, но ремень не поддавался. От усилия кровь прилила у него к лицу, он корчился, извивался, однако все было напрасно.

— Успокойтесь, сэр, — посоветовал я ему. — Вы останетесь связаны до тех пор, пока я сам не соизволю освободить вас. Я не желаю вам зла, но, признайте, мне надо было доказать вам, что с выжившим из ума писакой следует вести себя повежливее — хотя бы потому, что он привык

разговаривать с другими на их же языке. Я не обидел вас ни словом, ни делом, а вы схватились за нож и угрожали мне, поэтому по законам прерии заслуживаете того наказания, которое я сам выберу для вас. Никто из вестменов не посмеет упрекнуть меня в жестокости, если я суну вам между ребер десять дюймов стали, как вы хотели это проделать со мной.

— Бейте! — угрюмо, не пытаясь оправдываться или молить о пощаде, ответил он. — Поскорее кончайте со мной, пока я не умер от стыда, оттого, что я, Сан-Иэр, белым днем позволил схватить себя, даже не сумев оставить противнику, одному-единственному противнику, пару царапин на память. Сан-Иэр вел себя как мальчишка и заслуживает смерти!

— Сан-Иэр? Вы Сан-Иэр?! — изумился я.

Я много слышал об этом славном вестмене, но мне ни разу не доводилось встречать его, так как он избегал общества прочих людей, считая их недостойными своей дружбы. Он никогда не охотился в компании, путешествовал в одиночку, о нем рассказывали самые невероятные истории. Много лет назад индейцы племени навахо лишили его ушей, и с тех пор все забыли его настоящее имя, дав ему кличку, странным образом составленную из двух слов, относящихся к разным языкам: Сан-Иэр, то есть «Безухий»¹.

— Вы действительно Сан-Иэр? — продолжал бормотать я, не в силах прийти в себя от удивления.

Он не удостоил меня ответом, а только проворчал с видом обреченного, для которого главное — сохранить не жизнь, а доброе имя:

— Что вы привязались к моему имени? Если оно вам не нравится, считайте, что я его не называл, если оно вам по душе — сделайте милость, уберегите его от позора.

Я подошел к нему и развязал руки.

— Вот ваше оружие, — сказал я, подавая ему нож и ружье. — Вы можете беспрепятственно уйти отсюда когда и куда пожелаете.

— Вы шутите? Разве я могу простить вам мое поражение? Ведь все скажут, что какой-то гринхорн победил Сан-Иэра. Добро бы взял надо мной верх кто-нибудь из известных на Диком Западе людей, например, Виннету, Длинный Галлер, охотник Олд Файерхэнд или сам Олд Шеттерхэнд, тогда другое дело, стыдиться было бы нечего...

Мне стало жаль старого вестмена: мой удар поразил его в самое сердце. Теперь следовало утешить его и подсластить пиллюлю, тем более что его уважали и даже побаивались как белые, так и краснокожие жители прерии.

— Неужели вы в самом деле думаете, что гринхорну удалось бы

одолеть вас? — начал я, все еще не открывая своего имени.

— А кто вы такой, как не гринхорн? — огрызнулся он. — По вас не скажешь, что вы знакомы с прерией накоротке. Костюм у вас с иголки, оружие блестит, словно вы собрались на маскарад. Игрушка, а не оружие!

— Это очень хорошая игрушка, мистер Сан-Иэр! Сейчас вы сами в этом убедитесь. Смотрите!

Я поднял с земли камешек величиной с двухдолларовую монету, швырнул его вверх, а когда он завис в воздухе там, где сила броски уравнивается земным тяготением, вскинул штуцер и выстрелил. На землю брызгами посыпались осколки.

Сотни раз я упражнял руку и глаз, чтобы добиться такого мастерства в стрельбе. В сущности, это было не так и сложно. Но маленький вестмен был поражен.

— Боже! Вот это выстрел! У вас всегда так получается?

— Девятнадцать раз из двадцати.

— Вы лучший стрелок в прерии! Как мне вас называть?

— Олд Шеттерхэнд.

— Не может быть! Олд Шеттерхэнд, судя по рассказам, значительно старше вас, иначе его не назвали бы Стариной Шеттерхэндом.

— Вы забыли, что слово «олд» не всегда говорит о возрасте.

— Конечно, вы правы, но... Извините меня за некоторое сомнение, сэр, но Олд Шеттерхэнд как-то попал в лапы медведя-грizzly, так что у него... то есть у вас, сэр, должны быть шрамы на спине и на боках...

Я расстегнул куртку и рубаху.

— Тысяча чертей! Здорово вам досталось! Небось все ребра светились, как у скелета!

— Почти. Это случилось на берегах Ред-Ривер. Я провалялся две недели с жуткой раной рядом с тушей медведя и уповал уже только на Бога, когда меня нашел Виннету, вождь апачей.

— Виннету? В таком случае вы действительно Олд Шеттерхэнд! Но это еще хуже! Теперь вы подумаете, что Сан-Иэр — круглый дурак!

— Ну что вы! Вас ввел в заблуждение мой костюм, и вы приняли меня за гринхорна, иначе я не смог бы застигнуть вас врасплох.

— Не утешайте меня! Я ведь был готов к отпору, но вот ведь незадача, лишь убедился на себе, что силой вас Бог не обидел. Что вам я, когда вам ничего не стоит справиться и с медведем... К тому же мне совсем не стыдно, что меня скрутил, как мальчишку, сам Олд Шеттерхэнд. Позвольте теперь представиться, сэр. Мое настоящее имя — Сэмюэль Гаверфилд. Зовите меня просто Сэм.

— А меня друзья называют Чарли. Вот вам моя рука.

— С удовольствием пожму ее, сэр. Старый Сэм не протягивает пятерню каждому встречному, но вам... Моя рука к вашим услугам. Только, ради Бога, не покалечьте ее, она мне еще понадобится.

— Не беспокойтесь, Сэм, я буду осторожен. Надеюсь, ваша рука еще не раз пригодится мне, собственно, как и моя — вам. Но позвольте еще раз спросить вас: откуда и куда вы направляетесь? Может быть, теперь вы ответите мне?

— Прошу прощения, что сразу не удовлетворил ваше любопытство. Вы действительно имели право спрашивать меня. Я еду из Канады, где провел несколько месяцев в обществе лесорубов, а теперь, вот ведь незадача, направляюсь в Техас, а оттуда — в Мексику, где, как говорят, развелось так много всякой сволочи, что просто сердце радуется. Если люди не врут, там на каждом шагу можно получить удар ножом или ни за что ни про что заработать пулю в лоб. О чем еще можно мечтать?

— А я собрался в Техас, а оттуда — в Калифорнию. Но, поскольку мне все равно, каким путем туда добираться, могу завернуть и в Мексику, тем более что, как вы утверждаете, там сейчас весело. Разрешите составить вам компанию?

— Станный вопрос, сэр! Ну конечно, буду только рад. Ведь вы уже побывали на юге, а именно такой спутник мне и нужен. Но... простите, сэр, за излишнее любопытство, вы и в самом деле пишете книги?

— Да, пишу.

— Гм-м! Если сам Олд Шеттерхэнд ударился в писание книг, значит, это не совсем то, что я думал. Однако, скажу вам откровенно, я скорее предпочел бы попасть к медведю в берлогу, чем взять в руки перо и обмакнуть его в чернильницу. За всю свою жизнь я не сумел вывести на бумаге ни единого слова. Но давайте вернемся к нашим делам: объясните мне, откуда здесь взялись индейцы. Я узнал сиу-оглала, а с ними надо держать ухо востро.

Я рассказал ему историю нашего маленького отряда. Сэм внимательно выслушал меня и, покачивая в раздумье головой, произнес:

— Вот ведь незадача, задерживаться нам здесь не стоит. Вчера днем я наткнулся на следы отряда в шестьдесят верховых. Столько краснокожих — не шутка. Наверняка эти четверо были из их компании и выехали на разведку. Вы когда-нибудь бывали в этих местах?

— Нет.

— Милях в тридцати к западу можно найти воду. Мне кажется, индейцы направятся туда, чтобы напоить лошадей. Поэтому, если мы не

жаждем встретиться с ними, нам лучше повернуть на юг. Если тронуться в путь немедленно, то к вечеру можно добраться до Западной железной дороги.

— Я готов ехать. Но сначала лучше спрятать тела убитых индейцев.

— Ни в коем случае! — запротестовал Сэм. — Мы оставим их здесь, на виду, но прежде я отрежу им уши, чтобы краснокожие знали, чьих это рук дело.

Он сам оттащил все четыре трупа на вершину холма и уложил их в ряд.

— Вот так, — сказал он, доставая нож и принимаясь за «работу». — Они их увидят и сразу догадаются, что здесь побывал Сан-Иэр. Вы не поверите, как это жутко, когда зимой до смерти хочется, чтобы у тебя замерзли уши, а мерзнуть-то нечему. Однажды, только однажды я сплеховал и попал в плен к краснокожим. Я защищался изо всех сил, убил нескольких, а одному отхватил томагавком ухо. Чтобы унижить меня, они, прежде чем поставить к столбу пыток, отрезали мне уши. Но ночью Сэм Гаверфилд неожиданно исчез и теперь платит им той же монетой. Посмотрите сюда.

Он протянул мне ружье, и я увидел, что его приклад был сплошь усеян насечками, каждая из которых означала убитого краснокожего. Делая новые, Сэм показал пальцем:

— Это все индейцы. А вон те восемь, что повыше, — белые. Когда-нибудь я расскажу вам о них. К ним непременно надо будет добавить еще двоих — отца и сына. Таких негодяев свет не видывал. Когда я до них наконец доберусь, можно и умирать.

Его глаза заблестели от влаги, а на лице появилось выражение горечи и скорби. Я догадался, что в сердце старого охотника живет боль и что он, возможно, ушел в эти пустынные места, гонимый скорбью и жаждой мести.

Тем временем Сан-Иэр перезарядил ружье. Это была одна из тех допотопных хлопушек, какие нередко встречаются в прерии. Деревянная ложа давно потеряла первоначальную форму, на стволе толстым слоем лежала ржавчина. Никто, кроме хозяина, не смог бы попасть из него даже в бизона с двух шагов, но в опытных руках эта рухлядь превращалась в смертоносное оружие.

— Тони! — позвал Сан-Иэр.

Лошадь, пасшаяся в сотне футов от нас, бросила щипать травку и подошла к хозяину, встав так, что тому оставалось только вскочить в седло.

— Сэм, у вас чудесная лошадь, хотя на первый взгляд за нее и доллар

отдать жалко. Но теперь я понимаю, что вы не расстанетесь с ней и за тысячу.

— Еще чего! Ни за миллион! Что мне деньги?! Я знаю в Скалистых горах такие места, где золото можно грести лопатой, и, если когда-нибудь повстречаю человека, которого полюбит мое старое сердце, я покажу ему дорогу туда. Нет, за деньги я не отдам мою Тони.

Подтягивая подпругу, он любовно трепал лошадь по шее.

— Мы с ней неразлучны. Тот, кого теперь зовут Сан-Иэр, когда-то был совсем другим человеком, счастливым и жизнерадостным. У него была жена, за которую он был готов, не задумываясь, отдать жизнь, и сын, за которого он отдал бы и десять тысяч жизней. У него была ферма и был дом. Когда он выезжал в город, то запрягал в коляску свою лучшую лошадь по кличке Тони. Ее жеребенка он тоже назвал Тони. Ведь почему бы и нет, правда?

— Конечно, — ответил я, глубоко тронутый внезапно открывшейся мне ребячьей откровенностью Сэма.

— Но потом явились бандиты, шайка из десяти человек. Они сожгли мою ферму, убили жену и ребенка пристрелили лошадь, которая не потерпела в седле чужака. Уцелел только жеребенок, и то потому, что случайно оказался на пастбище вдали от дома. Вернувшись домой с охоты, я нашел пепелище. Что еще я могу рассказать вам? Восьмерых из шайки я уложил из моего ружья, но двое сбежали, и с тех пор я гоняюсь за ними по всей стране, и в конце концов я до них доберусь, так как человек, на чей след однажды напал Сан-Иэр, никогда и нигде от него не скроется, даже среди монголов. Именно поэтому я и направляюсь в Мексику и Техас. Вот так молодой, жизнерадостный фермер превратился в старого бродягу, который шатается по лесам и прериям, думая только о мести, а жеребенок стал похож на облезлую козу. Но до сих пор оба они не пали духом и надеются пережить еще не одно приключение, пока не просвистит смертельная стрела или пуля, пока не обрушится на одного из них последний удар томагавка. А тот из двоих, кто останется жив, — неважно, человек или животное, — умрет от тоски и горечи.

Сан-Иэр отвернулся от меня, чтобы скрыть блеснувшую в глазах слезу, и вспрыгнул в седло.

— Я многое могу порассказать о былой жизни, Чарли, но обычно я молчу. Вы первый, перед кем я открылся, хотя мы раньше никогда не встречались и ничто нас не связывает. Наверное, вы будете и последним. Думаю, вы слышали обо мне немало, да и ваше имя повторяют у каждого костра в прерии, поэтому мне хотелось доказать вам, что я не считаю вас

чужаком. Будьте же любезны, забудьте о том, что вам удалось застигнуть старика Гаверфилда врасплох. А я со своей стороны постараюсь больше не посрамить имя Сан-Иэра и сделаю все, что в моих силах, хотя их у меня и не так много, как у вас, сэр.

Пока мы беседовали, я успел снять путы с моего скакуна и тоже сел в седло. Хотя Сан-Иэр и говорил, что мы направимся на юг, он вдруг повернул коня на запад да еще прихватил с собой копья убитых им индейцев. Такое поведение показалось мне странным но я, ни о чем не спрашивая, молча следовал за ним уверенный, что вестмен все обдумал. Старик напоминал мне Сэма Хокенса, такого же старого, высохшего и неистощимого на уловки.

Так и не обменявшись ни словом, мы удалились на значительное расстояние от холма, где разыгралась недавняя схватка, когда маленький вестмен остановился, воткнул одно копьё в землю, словно желая указать возможным преследователям, в каком направлении мы скрылись. Затем он достал из переметной сумы восемь кусков толстой ткани, четыре из них вручив мне.

— Чарли, спешитесь и обмойте копыта вашего коня этим тряпьем, — сказал он. — На траве не останется следов, и краснокожие подумают, что у нас выросли крылья и мы улетели, ха-ха-ха! Теперь вы повернете на юг и поедете к железной дороге. Ждите меня там. Тем временем я пристрою остальные копья и нагоню вас. Если вдруг мы разминемся, днем условным знаком будет крик стервятника, а ночью — вой койота.

Мы разъехались, и несколько минут спустя я потерял вестмена из виду. Тряпье на копытах мешало мустангу, он недовольно взбрыкивал, но я не торопился освободить его от обузы и только через пять миль, когда окончательно убедился, что следов за мной не остается, «разул» коня.

Теперь мустанг бежал ходкой размашистой рысью. Прерия становилась ровнее, холмы исчезли, навстречу стали попадаться кусты орешника и боярышника. Солнце уже склонялось к закату, когда впереди показалась прямая линия, пересекающая равнину с востока на запад.

Неужели это и есть железная дорога, о которой говорил Сан-Иэр?

Я пришпорил коня и поскакал туда. Действительно, вскоре я уже стал различать железнодорожную насыпь высотой в человеческий рост и блестящие рельсы на ней. Мною овладело странное чувство: я не то чтобы растрогался, нет, мне стало грустно. Читатель, наверное, меня поймет. Впервые за несколько месяцев я снова соприкоснулся с цивилизованным миром. Стоило дождаться поезда, остановить его, сесть в вагон — и уже через сутки я был бы в городе где-нибудь на Востоке, среди людей, одетых

в приличное платье...

Отгнав от себя непрошенные мысли, я стреножил лошадь, а сам пошел за хворостом для костра. Прямо у насыпи стоял засохший куст, которого вполне хватило бы на то, чтобы вскипятить кофе на ужин. Я вытащил нож, чтобы срезать его целиком, наклонился и вдруг с удивлением обнаружил лежащий у корневища молоток. Я смотрел на него как на чудо, невесть как попавшее в эти дикие края. Молоток был как новенький — без малейшего пятнышка ржавчины, поблескивающий в лучах заходящего солнца. В моей голове родились смутные подозрения. Молоток не мог быть забыт здесь строителями: уже через день от росы на нем появилась бы ржавчина. Значит, не далее как сегодня утром в этих местах побывал человек...

Конечно, здесь мог пройти путевой обходчик, но такие люди не забывают свои инструменты под кустом.

Я медленно и осторожно прошелся по насыпи, но не нашел никаких следов. Тогда я взобрался на железнодорожное полотно, но и там мои поиски завершились ничем. И только по ту сторону насыпи мое внимание привлек маленький кустик редкой в тех краях пахучей травы, на котором еще сохранился отпечаток человеческой ступни. Примятые стебельки уже успели подняться, однако лепестки мелких желтых цветков осыпались. След был от мокасин, так как каблуки на сапогах белых оставляют более глубокие отпечатки. Неужели здесь прошли индейцы? Но зачем индейцам понадобился молоток? К тому же ведь и многие белые в прерии носят индейские мокасины!

Поскольку я не мог сразу ответить на все свои вопросы, необходимо было все осмотреть как можно тщательнее. Я не забывал ни на мгновение, что сиу-оглала рыщут в окрестностях в поисках новых скальпов и добычи. Враг мог скрываться за каждым кустом. С револьвером на изготовку я крался от куста к кусту, но ничего нового так и не обнаружил. Обрато я возвращался по другой стороне насыпи, но и там все мои старания не увенчались успехом.

Мустанг безмятежно щипал траву и не выказывал беспокойства — верный признак того, что по меньшей мере поблизости от нас не было ни одной живой души. Однако сомнения и подозрения, разбуженные странной находкой, продолжали мучить меня, и я решил не оставлять поисков. Проходя по насыпи, я вдруг услышал легкий шелест осыпающегося песка и быстро оглянулся, ожидая увидеть крадущихся за мной краснокожих. Но за спиной у меня никого не было, хотя песок и в самом деле медленно струился по склону всего в двух шагах от меня. Может, кто-то недавно раскапывал там насыпь?

Я по локоть погрузил руки в песок, а когда вытащил их, с ужасом заметил, что они обагрены кровью. Внимательно осмотрев место, я понял, что песком засыпали огромную лужу крови.

Здесь произошло убийство. Это было совершенно ясно, так как кровь животного никто не стал бы скрывать столь тщательно. Немного выше на траве едва виднелась длинная полоса, словно кто-то тащил тело.

Кровь еще не успела впитаться в землю, а следы были оставлены не более часа назад. Я удвоил внимание и подолгу всматривался в заросли, прежде чем отважиться перебраться от одного куста к другому.

Преодолев таким образом метров двести, я добрался до особенно густых зарослей. Мне показалось, что там, в чаще колючих веток, лежит человек. Это мог быть как убитый, так и убийца.

Зачем я подвергал себя опасности? Чего было проще подождать Сэма и продолжить путешествие вместе с ним, выбросив напрочь из головы драму, разыгравшуюся у железной дороги. Однако читатель должен знать, что, если вестмен хочет сохранить жизнь и скальп, он обязан предугадать действия врага и ожидать нападения в любую минуту. Он тщательно осматривает и проверяет каждую мелочь и уж тем более не оставит у себя за спиной подозрительные следы, так и не выяснив, кому они принадлежат — ведь от этого зависит его собственная безопасность, сама жизнь. Иногда он становится более дотошным, чем самый педантичный профессор. Он обращает внимание даже на самые незначительные мелочи, не имеющие вроде бы отношения к делу и которые, как впоследствии обычно оказывается, касаются его самым непосредственным образом. Часто бывает, что за один день вестмен покрывает расстояние в сорок-пятьдесят миль, а на следующий — всего лишь полмили, так как вынужден ползти на брюхе, поминутно оглядываясь и пригнувшись. Ведь даже если ему самому ничто не грозит, он, по крайней мере, может принести пользу другим и предостеречь их.

Я подобрал с земли сухую ветку, нахлобучил на нее шляпу и поднял ее над кустом боярышника, за которым сидел, — со стороны это должно было выглядеть так, словно кто-то пытается выбраться из зарослей. Однако выстрела не последовало, не дрогнул даже листик. Скорее всего там лежит мертвец... либо же я имел дело с очень хитрым противником, слишком опытным, чтобы попасться на мою удочку. Следовало действовать решительнее. Я отполз в сторону, швырнул в ближний куст ком земли, чтобы на мгновение отвлечь внимание противника, вскочил на ноги и, преодолев в два прыжка разделяющее нас открытое пространство, с ножом занесенным для удара, ворвался в заросли.

Там, укрытый сломанными ветками, лежал человек. Он был мертв. Я перевернул его на спину и увидел оскаленное в предсмертной гримасе лицо. Это был белый, с которого сняли скальп. Из груди у него торчала стрела с острым зазубренным наконечником. Такие стрелы индейцы берут с собой только тогда, когда выходят на тропу войны.

От места, где был спрятан труп, тянулись следы в сторону насыпи. Там прошли двое индейцев-мужчин и двое юношей. Очень осторожно, скрываясь за кустами, я пошел по следу.

Внезапно я услышал лошадиное фырканье, но, так как ветер дул в мою сторону, в этом не было ничего опасного — лошади не могли меня учуять. Я подполз поближе и осторожно выглянул из кустов. На огромной поляне стояло десятков шесть лошадей. Их охраняли двое часовых. У одного из них, очень молодого, почти мальчика, я заметил на ногах сапоги из толстой кожи. Вероятнее всего, это были сапоги, снятые с убитого белого.

Затаившись, я внимательно всматривался в то, что происходило на поляне. Лошади были расседланы, но оставались в уздечках. На одном прекрасном жеребце, к моему удивлению, я обнаружил сбрую, которую используют только белые. Видимо, к индейцам сиу прибыли гости.

Индейцы, привыкшие общаться с белыми, не понимающими их языка, пользуются своего рода языком жестов, и каждый, кто собирается на Дикий Запад, должен понимать эти знаки. Очень часто краснокожие, даже разговаривая между собой, не могут избавиться от обыкновения подкреплять свои слова жестами. Именно это и помогло мне понять, о чем беседовали часовые, хотя ни одно слово не долетало до меня. Они взмахивали руками, словно разбивали рельсы, они натягивали луки, словно пускали стрелы в цель, они изображали жестами пламя и лошадь, что могло означать только паровоз, который индейцы называют «огненным конем». Я узнал все, что хотел узнать, и, тщательно заметая следы, пустился в обратный путь.

Когда я наконец-то снова добрался до своего мустанга, то увидел, что он пасется в обществе Тони, а Сэм удобно расположился в кустах и невозмутимо жует вяленое мясо.

— Сколько вы их там насчитали, Чарли? — спросил он.

— Кого? — сделал я удивленное лицо.

— Как кого? Индейцев.

— А вы как о них пронюхали?

— Хи-хи-хи! Неужели старый Сан-Иэр теперь кажется вам гринхорном, как вы ему раньше? Вы ошибаетесь, сэр.

Он смеялся громко, совершенно не опасаясь, что его услышат. Точно

так же смеялся Сэм Хокенс, когда чувствовал свое превосходство. Все старые вестмены одинаковы, что с ними поделаешь!

— Это почему же я ошибаюсь, Сэм?

— Нежели я должен что-то объяснять Олд Шеттерхэнду? Ну-ка, ответьте мне, что бы вы сделали, если бы прибыли сюда на встречу с другом, а вместо него увидели рядом с конем молоток?

— Я бы растянулся на траве и жевал вяленое мясо, ожидая, пока он вернется.

— Не пытайтесь надуть старого Сэма. Я знаю вас всего несколько часов, но уже понял, что вы за человек. Вас не было на месте, и я решил пойти посмотреть, что к чему.

— А если бы я был занят делом, в котором вы мне могли только помешать? Если вы уже поняли, что я за человек, то должны знать, что я в состоянии сам о себе позаботиться. И где же вы ходили за мной по пятам?

— Я шел за вами по той стороне насыпи, пока вы не обнаружили того беднягу, которого уколошили краснокожие. Я знал, что вы где-то рядом, поэтому мог идти быстро. Осмотрев убитого, я понял, что вы пошли с визитом к индейцам, и вернулся сюда, где и ожидал вас в спокойствии духа и тела. Итак, сколько вы их там насчитали?

— Человек шестьдесят.

— Вот оно что! Значит, это тот отряд, следы которого я видел вчера. Я правильно понял: они откопали топор войны?

— Да.

— Здесь обосновались надолго?

— Трудно сказать, но лошадей расседлали.

— Тысяча чертей и одна ведьма! Наверняка они задумали что-то недоброе. Не может быть, чтобы вы вернулись, так ничего и не выгнав.

— Они хотят разобрать рельсы, чтобы поезд потерпел крушение, а потом ограбить всех пассажиров.

— Откуда вам это известно? Вы понимаете язык оглала?

— На этот раз их язык мне не пригодился, хотя я его и знаю. Часовые у лошадей все объяснили своими жестами.

— А вы не ошиблись? Опишите мне их жесты.

Я исполнил его просьбу и не только описал жесты индейцев, но и повторил их. Маленький вестмен вскочил на ноги от волнения, но быстро взял себя в руки и снова опустился на землю.

— Да, вы все правильно поняли. Придется нам здесь задержаться и спасти поезд. Однако торопиться тоже ни к чему, сначала надо все хорошенько обдумать, чтобы не попасть к ним в лапы. Вы говорите, их

человек шестьдесят? Вот ведь незадача! На моем прикладе осталось место для десятка зарубок, не больше.

Несмотря на всю серьезность нашего положения, я с трудом сдержал улыбку. Маленький человечек думал не о том, что ему придется сразиться с шестью десятками коварных и опасных в бою краснокожих, а о том, где ему отмечать смерть новых жертв своей ненасытной мести.

— И скольких же вы собираетесь уложить? — спросил я.

— Пока и сам не знаю. Двоих или троих укокошу наверняка, а остальные, вот ведь незадача, разбегутся при виде двадцати или тридцати белых.

Как я понял, Сэм тоже рассчитывал на помощь пассажиров поезда.

— Главное, — заметил я, — узнать, на какой поезд они хотят напасть. Нам нельзя ошибаться.

— Гм, подождите минутку, дайте мне пораскинуть мозгами. Если принять во внимание время и то, где они хотят устроить засаду, им вздумалось захватить поезд из Маунтин², и это меня удивляет. Поезд, идущий с Востока, везет всегда такие товары, от которых у любого краснокожего разбегаются глаза, в то время как с Запада не везут ничего, кроме пассажиров. Придется нам расстаться и пойти вдоль железной дороги в разные стороны.

— Мы обязательно так и поступим, если не сумеем узнать, откуда и в какое время ходят здесь поезда.

— Может, вам еще представить точное расписание? Я столько лет прожил на белом свете, но еще ни разу не решился сесть в деревянную клетку, которую именуют вагоном и где даже неробкий человек от страха не знает, куда ему девать ноги. Я предпочитаю путешествовать по прерии верхом на моей Тони. А куда же подались остальные индейцы?

— Не знаю, я видел только их лошадей, но, думается, они точно знают, когда появится поезд, и примутся за дело только ночью, иначе мы бы уже услышали, как они стучат по рельсам. До сумерек осталось каких-то полчаса. Как только стемнеет, мы разыщем их и все разузнаем.

— Хорошо, пусть будет по-вашему.

— Один из нас останется и глаз не будет спускать с железной дороги. Наверняка краснокожие разберут путь неподалеку от лошадей, чтобы в случае осечки побыстрее унести ноги.

— Совсем не обязательно, Чарли. Они уверены в том, что дело выгорит, и не станут держаться за лошадей.

— Нам придется быть настороже на тот случай, если индейцы вышлют разведчиков, чтобы проверить, все ли спокойно в окрестностях.

— Не беспокойтесь, нас они врасплох не застанут. Посмотрите на мою Тони, я никогда не привязываю ее и не стреноживаю, и это умнейшее животное всегда предупреждает меня о приближении чужака. Ваш мустанг фыркает, когда чувствует индейца?

— Да.

— А моя Тони — нет. Подкрадывающийся краснокожий тоже может слышать фыркание, и тогда он поймет, что вы знаете об опасности. Поэтому я отучил мою Тони фыркать, и она у меня, умница, все прекрасно поняла. Я всегда пускаю ее пастись на свободе, а она, учуяв чужака, подходит и тычется в меня носом.

— А если она ничего не учует?

— Не обижайте ее, сэр. Сегодня ветер дует со стороны индейцев, и я разрешу вам пристрелить меня на месте, если Тони не учует их за тысячу шагов. Кроме того, учтите, что эти негодяи обладают орлиным зрением и заметят вас издали, даже если вы влезете на насыпь и притворитесь шпалой. Поэтому спокойно сидите здесь, Чарли.

— Так уж и быть, поверю вашей Тони. Я, правда, знаком с ней только один день, но уже успел убедиться, что стоит она многого.

Я тоже растянулся на траве, вытащил сигару собственного изготовления и закурил. У Сэма сначала широко открылись глаза, затем так же широко раскрылся рот, раздулись ноздри, жадно втягивая запах табака, а лицо расплылось с восторженной улыбке. Вестмену редко выпадает счастье побаловать себя хорошим табаком, может быть, именно поэтому многие из них предаются курению с подлинной страстью.

— Великолепно!.. Чарли, неужели у вас есть сигары? — спросил Сэм, сглатывая слюну. Его пальцы задвигались, словно он уже держал в них сигару.

— Ну, конечно, осталась по меньшей мере дюжина. Не хотите ли закурить?

— С удовольствием! Вот уважили старика, так уважили. Теперь я ваш должник.

Он закурил и по индейскому обычаю втянул дым не в легкие, а проглотил, а затем тоненькой струйкой выпустил его через рот из желудка. На его лице было написано неземное блаженство, словно он попал в рай.

— К черту краснокожих и все поезда! Мне нет до них дела. Вот это удовольствие! Хотите, я отгадаю марку сигары?

— Попробуйте. Вы хороший знаток табака?

— Еще какой!

— Ну и?..

— Гусфут из Виргинии или Мэриленда.

— Нет.

— Неужели? Не может быть, чтобы я ошибся. Это не что иное, как гусфут. Я прекрасно знаю его вкус и аромат.

— Нет.

— В таком случае это бразильская легитимо.

— Вы опять ошиблись.

— Кюрасао из Баии?

— И снова мимо цели.

— Тогда что же это такое, черт подери?!

— Посмотрите повнимательнее на саму сигару.

Я достал новую сигару и принялся аккуратно лист за листом ее разворачивать.

— Чарли, вы с ума сошли! Как можно портить сигару? Да любой траппер отвалит вам за нее пять бобровых шкурок, а если давно не курил, то и все восемь.

— Не волнуйтесь, через два-три дня я получу новую партию.

— Через два-три дня? Новую партию? Откуда?

— Мне их пришлют с моей фабрики.

— Что? У вас есть фабрика?

— Да.

— Где?

— Там, — ответил я, показывая на моего мустанга.

— Чарли, не шутите со мной.

— А я и не шучу.

— Не будь вы Олд Шеттерхэндом, я был подумал, что вы с ума спрыгнули.

— Да поглядите же вы на табак.

Сэм Гаверфилд долго крутил в пальцах листья, нюхал их, пробовал даже жевать и в конце концов заявил:

— Это зелье мне совершенно незнакомо, но вкусом и запахом сигара очень хороша.

— А теперь я покажу вам мою фабрику.

Я подошел к мустангу, ослабил подпругу и достал из-под седла плоский сверток. Развернув его, я обратился к Сэму:

— Посмотрите, что там внутри.

Сэм недоуменно глядел на горсть листьев.

— Чарли! Вы что, принимаете меня за дурака? Ведь это же листья дикой вишни.

— Вы совершенно правы. Добавьте туда немного сушеной дикой конопли и заверните в лист растения, которое вы здесь называете «заячье седло». В этом свертке помещается моя табачная фабрика. Я собираю нужные мне листья, складываю их и прячу под седло. От тепла и трения листья подсыхают, и я получаю сырье для моих сигар.

— С трудом верится.

— Однако это сущая правда. Конечно, такая сигара только отдаленно напоминает настоящую, и даже неразборчивый, привыкший к самому страшному зелью курильщик выбросит ее после первой затяжки, но если он несколько лет побегаёт по прерии без настоящего табака, а потом закурит ее, она покажется ему гусфуттом из Виргинии или Мэриленда. Вы проверили это на себе.

— Чарли, я потрясен!

— Только, ради Бога, держите язык за зубами, если попадете в общество людей, никогда не бывавших на Западе. Они примут вас за человека, напрочь лишённого вкуса.

— Плевал я на них и на их вкус. К тому же я понятия не имею, какого черта мне делать в их обществе. Ваши сигары превосходны.

Открывая Сэму мой тайну, я ничуть не испортил ему удовольствие: он выкурил сигару полностью и с сожалением выбросил окурочок, такой крохотный, что уже обжигал пальцы и губы.

Тем временем начало смеркаться, и вскоре так стемнело, что уже пора было действовать.

— Пора? — спросил Сэм.

— Пора, — отозвался я.

— Что вы предлагаете?

— Пойдем посмотрим, как себя чувствуют лошади краснокожих, оттуда отправимся к их лагерю, но зайдем с двух сторон. А потом опять встретимся.

— Согласен, но если произойдет что-то непредвиденное, ну, скажем, одному из нас придется уносить ноги или мы потеряем друг друга из виду, то встречаемся к югу отсюда, у воды. Там лес словно стекает с гор на прерию, в милях двух от его северной опушки прерия образует что-то вроде зеленого залива, где легко отыскать друг друга.

— Хорошо. Вперед!

Я не думал, что может произойти что-то «непредвиденное»: сиу-оглала вели себя беспечно, уверенные, что им ничто и никто не угрожает. Однако Сан-Иэр был прав в том, что надо быть готовым к любым неожиданностям.

Взяв оружие, мы двинулись в путь.

Стояла непроглядная тьма, и мы, не скрываясь, в полный рост, пересекли железнодорожное полотно. Точно так же, не таясь, мы пошли вдоль насыпи. В прерии глаза очень быстро привыкают к темноте, и мы распознали бы любого приближающегося к нам индейца на расстоянии нескольких шагов. Миновав кусты, в которых было спрятано тело убитого белого, мы подошли к ложбине с пасущимися лошадьми.

— Идите направо, а я налево, — шепнул мне Сэм и отполз в сторону.

Обойдя табун, я выбрался на открытую местность, лишенную зарослей, и заметил растянувшихся на земле индейцев. Они не разжигали костров, лежали молча и так тихо, что слышен был шелест насекомых в листьях ближайших кустов. Поодаль сидели трое: они вполголоса разговаривали, и я решил, что это должны быть вожди.

Подкравшись к ним, я, к моему удивлению, увидел, что один из беседующих — белый. Что общего у него с индейцами? Он не был их пленником. Возможно, это один из тех бродяг и проходимцев, которые шатаются по прерии и присоединяются то к краснокожим, то к белым, словом, ко всякого рода разбойничьим шайкам, в надежде чем-то поживиться. А может быть, это один из тех белых охотников, которые, попав в плен, спасают свою жизнь, беря в жены индейскую девушку и тем самым становясь полноправным членом племени. Хотя в таком случае его одежда была бы индейского покроя.

Двое других действительно были вождями, о чем свидетельствовали перья, украшавшие завязанные узлом волосы. Значит, у железной дороги собрались воины из разных стойбищ, а может быть, и племен. Прячась за кустами и прикрывая ладонью глаза, чтобы меня не выдал их блеск, я подполз к кусту, у которого они сидели. Я лежал так близко, что, протянув руку, мог бы к ним прикоснуться.

Белый говорил по-английски, вожди — на странной смеси индейских и английских слов, понятной всем вестменам.

— Мой белый брат точно знает, что на огненном коне везут поклажу из золота? — спросил один из вождей.

— Мои братья могут не сомневаться, — ответил белый.

— А кто сказал моему брату о золоте?

— Один из воинов, стерегущих кораль огненного коня.

— Золото привезут из страны вайкуров?

Эти слова насторожили меня еще больше. Я знал, что индейцы называют так Калифорнию, значит, груз золота должен быть очень крупным.

— Да.

— И отдадут Великому Белому Отцу из Вашингтона, чтобы он сделал из него доллары?

— Да.

— Великий Белый Отец не получит золота! Он не сможет сделать даже одну монету! Много ли мужчин скачет на огненном коне?

— Воины моего краснокожего брата храбры, и они победят бледнолицых, сколько бы их ни ехало.

— Уфф! Воины оглала принесут домой много скальпов, и их жены и дочери будут плясать от радости. Скажи, у всадников, скачущих на огненном коне, много вещей, так нужных краснокожим воинам? Мы хотим одежду, оружие и огненную воду.

— Ты отберешь у них не только это, но и многое другое. Но взамен воины оглала отдадут мне то, что обещали.

— Мой белый брат получит все золото и серебро, которое везут на огненном коне. Нам оно ни к чему, в наших горах больше нуггетов, чем звезд на небе. Ка-Во-Мен, вождь оглала, — при этих словах он ткнул пальцем себя в грудь, — однажды встретил мудрого и отважного бледнолицего, который сказал ему, что золото — это смертоносная пыль. Злой дух высыпал ее на землю, чтобы превратить людей в воров и убийц.

— Твой мудрый бледнолицый — дурак. Кто он такой?

— Ты ошибаешься, он не дурак, а мудрый и отважный воин. Однажды сыновья оглала выкопали топор войны и пошли к берегам Бруд-фок, чтобы снять скальпы с белых охотников, которые осмелились ловить бобров в их владениях. Среди бледнолицых был один воин, которого все они, как и ты, считали дураком, потому что он приехал в прерию не для того, чтобы убивать зверей и грабить краснокожих. Но в его голове жила мудрость, а руки его были сильны, как лапы серого медведя. Его пуля всегда находила цель, а его нож выпил кровь не одного гризли из Скалистых гор. Мудрый белый хотел помочь своим братьям избежать мести краснокожих воинов, но они только посмеялись над ним и сделали все по-своему. Поэтому они погибли, а их скальпы украшают сегодня вигвамы оглала. Но белый воин не покинул в несчастье своих товарищей и храбро сражался, однако сыновей оглала было много, очень много, и они сумели сбить его с ног и набросить на него веревки. Ты видел, как могучий дуб падает под ударами топора и хоронит под собой все живое? Мы привели его в стойбище, но не убили, потому что он был мужественный воин, и многие краснокожие девушки пожелали стать скво в его вигваме. Верховный вождь оглала Ма-Ти-Ру готов был отдать ему свою дочь, но бледнолицый пренебрег любовью цветка прерии, похитил лошадь вождя,

выкрал оружие и сбежал. За ним гнались, но он отправил в Страну Вечной Охоты многих воинов и сумел уйти от мести.

— Когда это случилось?

— С тех пор солнце победило четыре зимы.

— А как звали бледнолицего?

— Его кулак крепче камня, голой рукой он может разможить череп любому воину, поэтому мы называем его Сэки-Лата, Разящая Рука. Белые охотники называют его на своем языке Олд Шеттерхэнд.

Вождь оглала сказал правду. Мне действительно пришлось пережить подобное приключение четыре года тому назад. Хотя, честно говоря, мне показалось, что Ка-Во-Мен слишком лестно отзывается о моих достоинствах.

— Олд Шеттерхэнд? Как же мне его не знать! — воскликнул белый охотник. — Когда я напал на Олд Файерхэнда, чтобы отнять у него бобровые шкурки, он как раз находился в «крепости». Мерзавец, он-то и сорвал все мои планы. Только мне да еще двум моим товарищам удалось уйти. Ну ничего, я с ним еще повстречаюсь и с лихвой верну долг. Он у меня взвоет!

Только теперь я узнал его. Это был предводитель шайки грабителей, напавшей на нас в Саскачеване, но получившей такой отпор, что лишь трое унесли ноги. На расстоянии вытянутой руки от меня сидел один из тех негодяев, которых следует опасаться больше, чем сотни самых диких индейцев. Кроважадностью, коварством и хитростью он превосходил любого краснокожего.

До сих пор молчавший Ма-Ти-Ру поднял руку в знак того, что он хочет говорить, и произнес:

— Если Сэки-Лата еще раз попадет в мои руки, он умрет у столба пыток. Ма-Ти-Ру сам оторвет его мясо от костей, сам вытянет из него все жилы. Сэки-Лата отнял жизнь у многих воинов оглала, угнал лучшую лошадь вождя и отверг красивейшую дочь прерий. За это он умрет.

Если бы они знали, что тот, о ком они говорили и кому угрожали смертью, лежит в двух шагах от них и слышит их проклятия!

— Краснокожие мужи никогда больше не увидят Сэки-Лата, — вдруг сказал Ка-Во-Мен. — Говорят, он уехал за Великую Соленую Воду, в страну, где нещадно палит солнце, где песка больше, чем травы в прерии, и где мужчины заводят по несколько жен.

Я несказанно удивился, что даже индейцы знали о моем намерении отправиться в путешествие по Сахаре. Но я уже побывал в Африке и успел благополучно возвратиться оттуда, а краснокожие, как друзья, так и враги,

все еще помнили обо мне. Как прихотлива слава: здесь, орудуя ножом, я стал более известен, чем у себя на родине, где написал и издал несколько книг.

— Он вернется, — с уверенностью произнес Ма-Ти-Ру. — Кто хоть раз вдохнул воздух прерии, тот не сможет надышаться им до конца своих дней.

Я мысленно согласился с краснокожим. Горцу, спустившемуся в долину, снятся горы, моряк, оказавшийся на суше, мечтает о соленых ветрах, а тот, кто попал в объятия бескрайней прерии, не может оставить ее надолго, его всегда будет тянуть назад. Именно поэтому и я всегда возвращался из своих путешествий в просторы Северной Америки.

Ка-Во-Мен взглянул на небо и обратился к белому:

— Пусть мой брат посмотрит на звезды. Нам пора идти. Скажи, разве железные руки, которые мы отняли у слуги огненного коня, достаточно крепки, чтобы разорвать его дорогу?

Теперь я понял, кого и зачем они убили. По наущению белого краснокожие выследили и прикончили путевого обходчика, чтобы завладеть его инструментами. Именно их и назвал вождь железными руками.

— Они сильнее, чем двадцать воинов, — ответил белый.

— Мой брат умеет пользоваться ими?

— Да. Теперь идите за мной. Через час появится поезд. Но пусть мои братья помнят, что они обещали все золото и серебро отдать мне.

— Ма-Ти-Ру никогда не лжет! — гордо подтвердил свое обещание вождь, поднимаясь на ноги. — Золото твое, но все остальное и скальпы заберут мужественные воины оглала.

— Но вы дадите мне и мулов и людей, чтобы перевезти золото на Канейдиан.

— Воины оглала будут сопровождать тебя до границы с Мексикой. Но если огненный конь привезет много вещей, которые понравятся Ка-Во-Мену и Ма-Ти-Ру, мы проводим тебя еще дальше, до того города, где, как ты говоришь, тебя ждет сын.

Сказав это, вождь издал громкий гортанный крик, призывая своих воинов. В мгновение ока из темноты выросли многочисленные тени краснокожих. Пора было уходить, и я пополз назад. Внезапно вблизи раздался еле слышный шорох, словно легкий ветерок коснулся травы.

— Сэм! — скорее выдохнул, чем прошептал я и приготовил нож. Но тут на расстоянии нескольких шагов показался мой товарищ. Он приподнялся на одно мгновение и так же тихо, почти неслышно, ответил мне:

— Чарли!

Я подполз к нему.

— Что вы увидели? — спросил я, наклоняясь к нему.

— Да ничего особенного. Эка невидаль — полсотни краснокожих.

— А что слышали?

— Ничего. Мерзавцы молчат, как рыбы. А вы?

— Очень много. Они уходят на запад, а нам еще надо успеть добраться до наших лошадей.

Мы отползли на безопасное расстояние, затем встали в полный рост и побежали. Перебравшись на другую сторону железнодорожного полотна, я остановился.

— Сэм, ступайте к лошадям. Проедете полмили вперед вдоль насыпи и подождете меня там, а я тем временем послезу за краснокожими. С них нельзя спускать глаз ни на минуту, иначе все может пойти прахом.

— Давайте лучше наоборот, Чарли. Я тоже хочу кое-что сделать, а то вы подкрадываетесь, подслушиваете, подглядываете, а я сижу сложа руки, и мне становится стыдно.

— Это невозможно, Сэм. Мой мустанг послушается вас, а ваша Тони заупрямится и не пойдет за мной.

— Вот ведь незадача! Придется мне последовать вашему совету.

И он пошел быстрым шагом к лошадям, совершенно не заботясь о том, чтобы замести следы. Не успел он исчезнуть из виду, как около насыпи появились индейцы.

Я тихонько крался за ними. У куста, под которым лежал молоток, они остановились, сгрудились, и через минуту послышались удары по рельсам. Вскоре к этому звону присоединился лязг других инструментов. По-видимому, белый негодяй принялся за дело всерьез — он отрывал рельсы от шпал отобранными у обходчика инструментами.

Пора было начинать действовать и нам. Я покинул поле будущего боя и поспешил вперед. Спустя пять минут я нагнал Сэма.

— Они снимают рельсы? — спросил вестмен.

— Да.

— Я так и понял. Когда приложишь ухо к рельсу, то слышишь каждый удар.

— Вперед, Сэм! Совсем скоро поезд будет здесь, и мы должны успеть предупредить людей до того, как индейцы заметят огни паровоза.

— Чарли, я с вами не пойду.

— Почему? Что вы задумали?

— Если мы сейчас оба уйдем отсюда, нам потом придется много

времени потратить на то, чтобы снова разведать обстановку. Лучше будет, если я подкрадусь к индейцам, пригляжу за ними, а когда вы вернетесь, все вам расскажу.

— Вы правы, Сэм. Я знаю, что на вас можно положиться.

— Уж я постараюсь. Идите, Чарли. Найдете меня здесь.

Я вскочил на мустанга и помчался навстречу поезду так быстро, как это только можно было сделать в темноте, не рискуя свернуть шею коню и себе. Необходимо было перехватить поезд на таком расстоянии от места засады, чтобы индейцы не заметили, что он остановился. Тем временем ночь светлела, на небе замерцали звезды и пролили на прерию мягкий свет. Теперь я мог ехать быстрее.

Милях в трех от западни, которую готовили краснокожие, я спешил, в неверном свете звезд собрал хворост и сухую траву и сложил их в кучу рядом с железнодорожным полотном. Затем из пучка травы и длинной ветки смастерил факел, расстелил одеяло и сел у рельсов, время от времени прикладывая ухо к железу.

Прошло минут десять, прежде чем я услышал далекий перестук колес. Из-за горизонта вынырнула маленькая светлая точка, словно на небе всходила еще одна звезда. Она быстро приближалась и увеличивалась в размерах.

Вскоре точка распалась на две. Пора было действовать. Я поднес спичку к сухой траве, она вспыхнула, затрепал хворост, и вверх взметнулось пламя. Такой огонь нельзя было не заметить с поезда. Два клина яркого света бежали впереди паровоза, словно ощупывая дорогу.

Я сунул факел в костер, подождал, пока он вспыхнет, и, размахивая им над головой, пошел навстречу поезду. Машинист понял, чего я хочу: раздались три пронзительных свистка, тормозные колодки с визгом вжались в колеса, воздух сотрясся от скрежета, и паровоз остановился рядом с костром. Машинист выглянул из окошка и крикнул:

— Эй, вы там! Что стряслось? Вы хотите сесть на поезд?

— Как раз наоборот, я хочу, чтобы вы покинули его, выходите.

— И не подумаю. Мне это совсем ни к чему.

— И все же придется. Впереди индейцы разобрали рельсы и готовят вам горячий прием.

— Индейцы? Тысяча чертей! Это правда?

— Зачем же мне лгать?

— Что случилось? — вмешался в разговор подошедший кондуктор.

— Этот человек говорит, что впереди индейцы, — объяснил машинист.

— В самом деле? Вы их видели?

— Как вас сейчас. Индейцы оглала, шестьдесят раскрашенных дьяволов.

— Черт бы их побрал! Они уже в третий раз за последний год устраивают нам засаду. Ну, ничего, мы зададим им жару. У меня давно руки чешутся расправиться с негодяями. Где они затаились?

— Милях в трех отсюда.

— Машинист, закройте огни одеялами. У негодяев очень острое зрение. Благодарю вас, сэр, за предупреждение. Вы траппер? Я не ошибся?

— Вы не ошиблись. Я действительно своего рода траппер или вестмен, как вам больше нравится. Со мной товарищ, но он остался следить за индейцами.

— Вы поступили разумно, благодаря вам нам теперь не угрожает опасность. Возможно, мы даже испытаем некоторое удовольствие, приняв участие в необычном приключении.

В ближайшем вагоне открылись окна, пассажиры прислушивались к нашей беседе; начали распахиваться двери, люди выходили и, кто поодиночке, кто группами, присоединялись к нам. Нас забросали вопросами, все толкались, разговаривали наперебой и лишь после строгого окрика кондуктора утихли.

— У вас в почтовом вагоне золото? — вполголоса спросил я кондуктора.

— Откуда вам это известно? — удивился он. — Ведь эти сведения держались в секрете!

— От индейцев. Их привел сюда белый. Согласно договору с краснокожими он получит все золото, а ваши скальпы и имущество станут добычей оглала.

— Вот оно что! Но как ему удалось пронюхать, что мы везем?

— Насколько я понял, у него есть свой человек на железной дороге, но кто он и где служит, мне неизвестно.

— Ничего, мы схватим белого грабителя и тогда допытаемся, кто шепнул ему про золото. Простите нас, сэр, но не могли бы вы представиться? А то мы не знаем, как к вам обращаться.

— Моего товарища зовут Сан-Иэр, а меня...

— Сан-Иэр? — перебил он меня. — Тысяча чертей, вот это удача! Он один стоит больше, чем дюжина храбрых молодых людей! А вы кто будете?

— Меня обычно называют Олд Шеттерхэндом.

— Олд Шеттерхэнд? Тот самый, за кем три месяца тому назад гналась в Монтане сотня индейцев сиу? Тот, кто за три дня пробежал на лыжах от Сьерра-Невады до форта Юнион?

— Да, это я.

— Сэр, я много о вас наслышан и очень, очень рад нашей сегодняшней встрече. Простите за любопытство, не вы ли в свое время спасли поезд от нападения индейцев понка, которых вел белый вождь по имени Паранох?

— Да, такое действительно случилось. Но это было давно, и тогда со мною был Виннету, знаменитый вождь апачей, имя которого знают все жители прерии. Однако пора от слов переходить к делу. Индейцы знают, когда должен появиться поезд, поэтому нам нельзя медлить, чтобы они не заподозрили неладное.

— Вы правы! Прежде всего сообщите нам, где они устроили засаду и где выставили часовых. Тот, кто собирается напасть на врага, должен знать, что предпринял неприятель.

— Вы рассуждаете как стратег, сэр. К сожалению, у меня нет таких сведений. Я не мог ждать, пока они закончат все приготовления, иначе я не успел бы предупредить вас. Мы обо всем узнаем от моего товарища! Я хотел только спросить вас, собираетесь ли вы ударить на краснокожих или предпочитаете уклониться от боя?

— Ну, конечно же, мы нападём на них, — поспешно заявил кондуктор. — Надо хорошенько проучить и раз и навсегда отвадить их от железной дороги. Я понимаю, вас всего лишь двое, а этого явно маловато, чтобы расправиться с шестью десятками краснокожих, поэтому вам нельзя...

— Простите, сэр, — перебил его я, — но позвольте нам самим решать, что нам можно, а чего нельзя. Не далее как сегодня, середь бела дня, Сан-Иэр за две минуты уложил четверых краснокожих, и, уверяю вас, даже без вашей помощи мы сумеем отправить несколько десятков оглала прямой дорогой в Страну Вечной Охоты. Дело вовсе не в числе: будет совсем нелишним пораскинуть мозгами, чтобы не потерять ни одного человека. Ваши люди вооружены?

Об этом не стоило и спрашивать, я и так знал, что все пассажиры обычно носили на поясе револьверы, но кондуктор всерьез вознамерился стать великим полководцем и руководить боем, чего ни в коем случае нельзя было допускать. Чтобы повести людей ночью против индейцев, необходимо знать и уметь несколько больше, чем умеет и знает железнодорожный кондуктор, даже если он человек незаурядный и неробкого десятка.

— Ну, конечно, — ответил с улыбкой кондуктор, — среди пассажиров едут шестнадцать наших рабочих, они хорошо стреляют и умело орудуют ножами. Есть еще двадцать солдат, следующих при полном вооружении в

форт Палви. Я думаю, что среди нас найдется еще несколько человек, которым будет весьма приятно встретиться с краснокожими. Кто идет с нами?

Все без исключения готовы были принять участие в ночной вылазке, и, хотя, возможно, многие робели, отказаться и прослыть трусом никто не решился. Такие люди были бы нам обузой, поэтому я придумал, как дать им возможность выйти с достоинством из щекотливого положения. Я сказал:

— Выслушайте меня внимательно, джентльмены. Вы все храбрые люди, но не следует оставлять поезд без охраны. Наверняка в вагонах есть дамы, и их нельзя оставить без защиты. Я нисколько не сомневаюсь, что мы рассеем шайку краснокожих, но может случиться так, что убегающие индейцы набросятся на покинутый всеми поезд, поэтому несколько отважных мужчин должны остаться здесь. Прошу выступить тех, кто готов взять на себя охрану поезда и дам.

Из толпы выступило восемь человек, готовых ценой собственной жизни защищать жизни дам. Это были мужья трех женщин, а также пятеро пассажиров, которые, как мне показалось, знали толк в хороших сигарах, ценах на скобяные изделия, вина и пеньку, но не в оружии.

— Конечно, должны остаться также машинист и кочегар, — сказал я.

— Разумеется, — снова подал голос кондуктор. — Они-то и будут командовать оставшимися мужчинами. А я поведу отряд.

— Не имею ничего против, сэр. Видимо, вы уже не раз побывали в стычках с индейцами?

— Я и без того хорошо знаю их повадки. Краснокожие умеют только нападать из засады, а в открытом бою, встретив настоящих мужчин, бросаются врассыпную. Нам предстоит не скажу чтобы прогулка, но и не очень трудная задача.

— Сомневаюсь. Нам предстоит сразиться с оглала, самым кровожадным среди племен сиу. К тому же их привели сюда вожди Ка-Во-Мен и Ма-Ти-Ру, находчивые и жестокие. Справиться с ними будет нелегко.

— Вы что же, вздумали пугать меня? Нас тут более сорока готовых на все мужчин. Сейчас мы снимем одеяла с огня, вы сядете в поезд и покажете машинисту то место, где индейцы разобрали путь. Там мы остановимся, спрыгнем на насыпь и зададим негодьям такую трепку, что ни один из них не уйдет живым. Останется только починить рельсы и наверстать опоздание.

— Извините, сэр, вы никогда не были полковником кавалерии? — съязвил я, теряя хладнокровие. — Для вас, как кажется, нет ничего

приятнее, как растоптать противника копытами лошадей. Но вам придется сражаться с краснокожими, а с ними этот номер не пройдет. Вы погубите все сорок человек, а заодно и себя. Я отказываюсь от сомнительного удовольствия подставлять голову под пули неприятеля.

— Как? Вы не хотите помочь нам? Не потому ли, что во главе отряда встал я, а не вы? Или, может быть, вы трусили?

— Я трусил? Если вы после всего, что слышали обо мне, посмели бросить мне в лицо обвинение в трусости, то это значит, что рассудок покинул вас. Меня называют Олд Шеттерхэндом, и я мог бы кулаком убедить вас в том, что не зря ношу это имя. Мне совершенно безразлично, останутся ваши скальпы и поезд в целости и сохранности или же станут добычей индейцев. Но мой скальп принадлежит мне, я имею на него неоспоримое право и постараюсь не расставаться с ним как можно дольше. Поэтому желаю вам всего доброго, джентльмены. Честь имею кланяться.

Я повернулся, собираясь уйти на самом деле, но кондуктор схватил меня за плечо и удержал.

— Стойте, сэр! Вы не можете уйти! С общего согласия я встал во главе отряда и теперь требую подчинения. Я лично отвечаю за любой ущерб, нанесенный имуществу компании, поэтому не вправе оставить поезд далеко от места сражения. Вы поедете с нами и покажете нам место засады. Вагоны будут для нас надежным укрытием, и, даже если нам не удастся с ходу рассеять индейцев, мы можем отстреливаться из окон, пока не подоспеет помощь из следующего поезда. Разве я не прав, джентльмены?

Все согласно кивнули. Среди них не оказалось никого, кто хотя бы понаслышке знал, что такое схватка с индейцами. Те нелепости, которые им наговорил кондуктор, казались им верхом военной мудрости. Довольный своей речью, кондуктор снова обратился ко мне:

— Прошу вас сесть в поезд, сэр.

— Ну что же, если вы приказываете, мне остается только подчиниться. Я еду.

Я тихонько свистнул, и мустанг тут же встал рядом со мной. Одним прыжком я оказался в седле.

— Да нет же! — воскликнул упрямый кондуктор. — Вы поедете с нами на поезде!

— Ну уж нет! — отрезал я. — Я поеду один и на лошади. Как видите, наши желания не совпадают.

— Я приказываю вам сойти с коня! — взвизгнул он.

— Мне кажется, вы еще никогда не имели дела с настоящим вестменом, а то говорили бы со мной другим тоном. Будьте так любезны,

займите свое место!

Я направил мустанга прямо на него, схватил его правой рукой за шиворот и поднял в воздух. Подскакав к паровозу, я швырнул великого железнодорожного полководца в будку машиниста и галопом умчался в прерию.

Звезды светили ясно, и через полчаса я уже спрыгнул с коня возле Сэма.

— Почему вы один? — спросил он. — Я надеялся, что вы приведете подмогу.

Я рассказал ему, почему полсотни взрослых вооруженных людей не пришли к нам на помощь.

— Чарли, я подозревал, что все так и случится. Эти господа смотрят на нас свысока только потому, что мы с вами не каждый день бываем в парикмахерской. Вот ведь незадача! Но сегодня их подстригут по индейской моде! Хи-хи-хи! — и он показал рукой, как краснокожие снимают скальп. — Но вы мне еще так и не рассказали, что слышали от индейцев.

— Краснокожих привели сюда их вожди Ка-Во-Мен и Ма-Ти-Ру.

— Славная будет потасовка. Мое сердце заранее радуется.

— Их подстрекает белый, пронюхавший, что на поезде везут золото.

— Вот оно что! Конечно, добычу они поделят по справедливости: белому — золото и серебро, а краснокожим — скальпы.

— Разумеется.

— Так я и думал. Наверняка это кто-то из известных главарей разбойничьих шаек. Их хлебом не корми, дай загрести жар чужими руками.

— Он мой старый знакомец. Когда-то его шайка напала на Олд Файерхэнда, но обожглась и еле унесла ноги.

— Как его зовут?

— Не знаю и знать не хочу. Какое значение это имеет? Такие люди меняют имена чуть ли не каждый день. Что вы разведали?

— Краснокожие спрятались по обеим сторонам железнодорожной насыпи. Их лошадей стерегут всего два воина. Что мы будем делать, Чарли? Поможем этим простофилям или уедем?

— Мы обязаны помочь им, сэр. Неужели у вас другое мнение на этот счет?

— Вовсе нет. Я давно не был в церкви, Чарли, но знаю, что мы должны помогать ближним. Кроме того, не забывайте о моих ушах, я за них еще не расплатился полностью. Держу пари, что завтра утром на насыпи будет лежать несколько индейцев, и у них, вот ведь незадача, не будет ушей. Что

вы предлагаете, Чарли?

— Встанем между индейцами и их лошадьми, а когда подойдет поезд, ударим по краснокожим сзади.

— Послушайте! Мне пришла в голову одна мысль. А что, если нам устроить стампедо³?

— Мысль неплохая. Но все же я воздержался бы. Перевес не на нашей стороне, и мы не сумеем перебить всех индейцев. Да мне, честно говоря, и не хочется лишать их жизни. Олухи с поезда попадут в западню, и нам не останется ничего другого, как сдерживать краснокожих до прибытия следующего поезда. А можно напугать их до полусмерти, чтобы они бросились наутек. Я бы оставил им возможность убраться отсюда — ведь если мы угоним их лошадей, то краснокожим волей-неволей придется засесть здесь и сражаться насмерть. Вам никогда не приходилось слышать, чего иногда стоит умение выстроить противнику золотой мост спасения?

— Гм, до сих пор мне встречались только деревянные, каменные и железные мосты. Я с уважением отношусь к вашему мнению, Чарли, и допускаю, что вы правы, уж больно хорошо представлять себе, как краснокожие мечутся и пытаются унести ноги, а лошадей и след простыл. Как представляю — просто становлюсь сам не свой. К тому же мы ведь можем напугать их даже не до полусмерти, а до смерти, если погоним краснокожих на их собственных лошадей.

— Вот это верно! Но лучше подождать и посмотреть, что к чему.

— Ну конечно. А пока поезд не подошел, лучше покончить сейчас с теми двумя часовыми.

— Я не одобряю кровопролития, но в этом случае вы правы: как ни грустно, а нам придется убить их.

Отойдя подальше, я привязал мустанга к дереву, а Сэм поступил так же со своей Тони. Хотя он был совершенно уверен, что даже в случае стампедо она не бросит хозяина, обезумевшие от страха индейские лошади могли поневоле увести ее с собой.

Огней поезда все еще не было видно, а это говорило о том, что горевояки все еще обсуждают план действий.

Подкравшись к индейскому табуну, мы без труда обнаружили обоих часовых, которые ходили вокруг лошадей, вглядываясь в темноту и перекликиваясь. Когда один из них приблизился к кусту, за которым мы скрывались, блеснуло лезвие ножа и поразило жертву прямо в сердце. Второй часовой погиб точно так же. Человек, не знающий прерию, не в состоянии представить себе ту ожесточенность, с какой белые и краснокожие уничтожают друг друга, нередко ступая по колено в крови.

Отвернувшись, чтобы не смотреть на гибель второй жертвы, я заметил, что вблизи стоит лошадь белого — с удобным испанским седлом и огромными литыми стремянами в виде носка сапога, какими обычно пользуются всадники в Центральной и Южной Америке. Не мешкая, я подошел к животному, сунул руку в седельную кобуру и обнаружил там вместо револьвера два тугих кошелька и бумаги.

Времени на то, чтобы рассмотреть находку и ломать над ней голову, не было, и я вернулся к Сэму.

— Что делаем теперь? — спросил он меня.

— Объедем табун и зажжем траву. Стойте! Смотрите, кажется, приближается поезд.

— В самом деле. Давайте устроимся здесь и посмотрим, как краснокожие проучат зазнаек.

Изливая перед собой яркий поток света, поезд медленно приближался к засаде. Завизжали тормоза, и состав остановился в нескольких шагах от разрушенного полотна.

Я представил себе злость и бешенство, охватившие вождей индейцев, когда они поняли, что кто-то предупредил пассажиров и машиниста и что их главный козырь — неожиданность — бит. Ка-Во-Мен и Ма-Ти-Ру с яростью взирали на темные окна вагонов, выжидая, что предпримут белые. В этом положении пассажирам следовало сидеть внутри, как в крепости, и отражать любые попытки краснокожих захватить поезд. Я уже думал, что так они и поступят, но вдруг, к моему удивлению, двери открылись, и люди начали спрыгивать на землю, а затем, даже не видя в темноте противника, пошли вперед.

Большей глупости нельзя было себе и представить. Как только они попали в яркую полосу света, отбрасываемую паровозом, индейцы дали залп. Воздух сотрясся от жуткого воя. Не перезаряжая ружей, краснокожие, размахивая томагавками и ножами, ринулись вперед. Толкаясь и даже не попытавшись оказать сопротивление, белые поспешили снова укрыться в вагонах. Убитые и раненые лежали в полосе света, и только выстрелы из окон помешали индейцам добить свои жертвы и снять с них скальпы.

Теперь, после неудачной вылазки, машинисту стоило бы отвести поезд назад, однако он оставался на месте. Возможно, машинист и кочегар сидели в вагоне вместе с пассажирами, отрезанные от паровоза.

— Олухи! Неужели они надеются отсидеться? — прошипел рядом со мной Сэм.

— В любом случае у них это не получится. Краснокожие знают, что времени в обрез, и не станут ждать следующего поезда. Они пойдут

напролом, хотя обычно предпочитают действовать хитростью. Поэтому давайте-ка мы поможем горе-воякам. Объедем лошадей и подожжем прерию полукольцом через каждые пятьдесят шагов.

— А вам не кажется, что от огня вспыхнут и вагоны?

— Я не думаю, чтобы на поезде везли что-либо горючее, вроде масла или смолы, а сами вагоны сделаны из твердых пород дерева и загореться не должны... Как вы считаете, Сэм, что сделают индейцы, чтобы не сгореть заживо? Я на их месте зажег бы встречный огонь, а сам спрятался бы под вагонами. Ка-Во-Мен и Ма-Ти-Ру — опытные вожди, именно так они и сделают.

— Погодите минутку, Чарли. Для начала я оседлаю вот эту соловую лошадку. Если уж поджигать прерию, то лучше это делать верхом.

Я последовал его примеру и выбрал себе гнедого жеребца. Быстро перебегая от одной лошади к другой, мы разрезали пути, которыми были стреножены животные, и, хотя мы потратили много времени, сделать это было совершенно необходимо. Затем мы подожгли заросли и прыгнули в седла.

Сначала вспыхнула сухая трава, затем занялись кусты. Индейцы пока еще ничего не заметили.

— Где встречаемся? — спросил Сэм.

— Там, у насыпи. Позади огня.

Кони были возбуждены еще до того, как мы подожгли заросли, а теперь, учуяв огонь, они обеспокоенно сбивались вместе, прядали ушами, готовые бежать в любую минуту. Я подался направо, в глубь прерии, и, проскакав по кривой около мили, зажег траву еще в нескольких местах. И только там мне пришла в голову мысль, что мы допустили роковую оплошность: торопясь обратить в бегство чужих лошадей, мы напрочь забыли о собственных.

Развернув коня, я помчался назад. Огненное кольцо расширялось и освещало каждый куст, над прерией катился топот убегающих лошадей, а от насыпи мне навстречу несся вой бешенства и злобы, какой могут издавать только глотки краснокожих. Под колесами вагонов замерцали маленькие огоньки. Я не ошибся, предполагая, что индейцы разожгут встречный огонь, а сами укроются под поездом.

Я уже видел моего мустанга, рядом с ним стояла длинноногая Тони, а справа к ним мчался Сэм. Его соловая неслась так быстро, что чуть ли не касалась земли брюхом. Видимо, он тоже вспомнил о нашей роковой оплошности.

В то же время и индейцы заметили наших лошадей, и около десятка

раскрашенных фигур со всех ног бросились к ним. Двое из них бежали быстрее остальных и были уже в нескольких шагах от моего мустанга. Я закинул ружье за спину и привстал на стременах, выхватывая томагавк.

Я узнал индейцев — это были вожди. Однако прежде чем я успел к своему коню, один из них уже вспрыгнул ему на спину.

— Прочь, Ма-Ти-Ру! Это мой конь!

Услышав свое имя, краснокожий вождь повернул ко мне голову, и глаза его вспыхнули ненавистью.

— Сэки-Лата! Смерть бледнолицему псу!

Он выхватил из-за пояса нож, но тут же упал с коня под ударом моего томагавка. В то же мгновение второй вождь одним прыжком занял его место в седле и попытался пустить коня вскачь, не заметив впопыхах, что тот привязан.

— Ка-Во-Мен, ты хотел встретиться со мной! Что же ты пытаешься бежать?

Вождь понял, что ему не миновать гибели на лошади, которой невозможно управлять, и спрыгнул на землю, собираясь укрыться в зарослях, но я взмахнул томагавком, и тяжелый боевой топор упал ему на голову, сминая орлиные перья. Тремя выстрелами я уложил еще троих краснокожих, пытавшихся завладеть нашими лошадьми, остальные пустились наутек.

Между тем огонь надвигался на нас. Не мешкая, я разрезал привязь и прыгнул в седло. Мой мустанг взвился на дыбы.

— Эй, Чарли! Скачем туда, где огонь еще не сомкнулся! — раздался рядом голос Сэма.

Сан-Иэр на скаку перепрыгнул с соловой индейской лошади на свою Тони и, сидя в седле, изогнулся, как кошка, полоснул ножом по ремням, стягивающим ноги животного.

Промчавшись рядом с пышущей жаром стеной огня, мы повернули налево и остановили лошадей. Землю покрывал еще не успевший остыть толстый слой пепла. По обе стороны от нас бушевало море огня, которое, казалось, поглощало из воздуха весь кислород. Дышать было невозможно.

Огонь уходил дальше в прерию, воздух становился прохладнее, и полчаса спустя лишь на горизонте виднелись отблески пожара. Вокруг лежала почерневшая земля, витавший над нею дым закрывал звезды.

— Вот ведь незадача! Давненько мне не было так жарко! — отдуваясь, произнес Сэм. — Не удивлюсь, если окажется, что вагоны полыхают, как солома.

— Ничего с ними не случилось. Поезда часто ходят через горящие

леса или прерию, и еще ни разу ни один вагон не пострадал.

— Что вы собираетесь делать теперь, Чарли? Индейцы видели нас и будут вести себя осторожно.

— Наверняка с полсотни краснокожих лежат сейчас под вагонами и плятятся на нас: мы сейчас видны как на ладони в отсветах пожара. Поэтому мы поскачем дальше в прерию, а затем вернемся, но уже с другой стороны, откуда они на нас не ждут.

— Вы правы, Чарли. Я не могу уехать отсюда просто так, когда заварушка только начинается. К тому же ваш томагавк сегодня уже хлебнул индейской крови, а я не добыл ни одного уха.

— Крови? Вы ошибаетесь, Сэм. Я не убил их, — холодно ответил я.

— Не убили? Ничего не понимаю, вот ведь незадача! Я ведь сам видел, как они покатались по земле!

— Я только оглушил их.

— Вы не в своем уме, Чарли! Как можно только оглушить индейца, который потом будет гоняться за вами по всей прерии, чтобы отомстить!

— У меня есть серьезная причина не убивать их.

— Чарли! Я ведь знаю, что это были вожди. Они-то меньше всех заслуживают снисхождения.

— Когда-то они взяли меня в плен и могли поставить к столбу пыток, но не сделали этого. Мне пришлось на их доброту ответить неблагодарностью: я бежал от них, украв у вождя его коня. Поэтому сегодня мой томагавк не раскроил им головы.

— Чарли, я знаю, что вы умнее старого дурака Сан-Иэра, но, по-моему, вы сделали глупость. Они ведь никогда не скажут вам спасибо. В лучшем случае они растреляют, что Олд Шеттерхэнд лишился силы и не в состоянии прихлопнуть даже москита, в худшем — они пойдут по вашим следам. Надеюсь, что огонь исправил вашу ошибку и поджарил вождей, пока они валялись там без чувств.

Так, разговаривая, мы мчались по прерии. Старая лошадь Сэма, странно нелепо выбрасывая свои длинные ноги, к моему удивлению, без труда поспевала за моим мустангом. Вскоре мы снова оказались у железной дороги, мили за полторы от поезда. Стреноженные лошади остались в темноте, а мы крадучись пошли вдоль насыпи.

Резкий запах пожарища и мелкие частицы пепла, летавшие в воздухе, затрудняли дыхание. В горле першило, и мы с трудом сдерживались, чтобы не закашляться. Подкравшись к поезду, мы обнаружили краснокожих там, где и предполагали: под вагонами, где ни огонь, ни пули белых не могли их достать. Внезапно мне в голову пришла одна мысль.

— Сэм, вернитесь к лошадям и приведите их сюда, не то индейцы, когда побегут, случайно наткнутся на них и уведут, — сказал я.

— О чем вы, Чарли? Краснокожие рады до смерти, что нашли такое безопасное пристанище. К чему им бежать?

— А я прогоню их оттуда.

— Но как? Выстрелами?

— Нет, от пуль они не разбегутся.

Я объяснил ему, что собирался сделать, и он даже крикнул от удовольствия.

— Да, Чарли, я должен признать, что на выдумки вы горазды. Будьте осторожны, чтобы краснокожие вас не сцапали, а я в нужное время буду возле вас с лошадьми. Мы набросимся на них, как бизон на койотов, хи-хи-хи!

Маленький вестмен пополз назад, а я, с ножом в руке, распластался на земле и стал подкрадываться к поезду. Огромные колеса паровоза не позволяли мне заглянуть под него, но я был уверен, что не менее дюжины краснокожих скрывается там от пуль. Внезапно выпрямившись на насыпи, я двумя огромными прыжками преодолел расстояние до паровоза и скрылся в будке машиниста раньше, чем кто-либо из индейцев успел прицелиться.

Снизу раздался вой, но было уже поздно: паровоз стоял под парами, и мне без труда удалось подать состав назад. Вопль боли огласил прерию. Тяжелые стальные колеса давили, месили, резали живую плоть. Отъехав на сотню шагов, я остановил поезд и снова повел его вперед.

— Собака! — прозвучал рядом со мной яростный крик, и в двери появился человек с ножом в руке.

Это был белый. Ударом ноги в грудь я сбросил его на насыпь.

— Чарли, ко мне! — раздался голос Сэма. — Скорее!

Справа от поезда скакал Сан-Иэр. Его лошадь, угадывая желание хозяина, то останавливалась, то вставала на дыбы, то крутилась волчком. Это было удивительное зрелище, так как вестмен управлял ею лишь коленями, держа в одной руке поводья моего мустанга, а второй отбиваясь от наседавших на него двоих индейцев. Остальные краснокожие мчались туда, где раньше стояли их лошади, тщетно надеясь, что, несмотря на пожар, животные не разбежались.

Я сразу же остановил поезд и поспешил на помощь Сэму, но оба индейца, увидев меня, тут же пустились наутек. Вскочив в седло, я бросился вдогонку за ними, и вскоре мы с Сэмом оказались в самой гуще убегających краснокожих. Мне не хотелось лишать жизни этих людей,

несмотря на то, что они по закону прерии заслуживали смерти, поэтому я больше устрашающе вскрикивал и размахивал томагавком, в то время как мой товарищ раз за разом наносил точные смертельные удары. Охваченные паникой индейцы, убедившись, что лошади исчезли, разбежались во все стороны, как стадо перепуганных оленей при виде своры охотничьих псов.

Неожиданно я услышал громкий крик Сэма:

— Тысяча чертей! Да это же Фред Морган! Ступай в ад, сатана!

Я оглянулся на крик и в отблесках далекого пожара увидел, как Сэм привстал на стремянах, занося руку для сокрушительного удара. Его лицо горело ненавистью. Однако белый, тот самый, что сидел с вождями, а затем пытался убить меня в будке машиниста, не стал ждать, когда томагавк вестмена обрушится ему на голову, упал на землю, покатился, проворно вскочил на ноги и исчез в толпе убегающих краснокожих.

Сан-Иэр пришпорил Тони, и она огромным прыжком снова оказалась в гуще краснокожих. Однако мне не довелось увидеть, чем закончилась схватка Сэма с его смертельным врагом, так как трое могучего телосложения оглала напали на меня, чтобы завладеть конем, и мне пришлось потрудиться, чтобы обратить их в бегство.

Я не преследовал убегающих индейцев. И так слишком много крови было пролито в тот день, к тому же я был уверен, что после жестокого урока им в голову не придет вернуться обратно. Следовало остановить Сэма, чтобы он отказался от погони, которая могла закончиться для него плачевно, поэтому я громко, в полную силу легких, завыл койотом и повернул коня назад к поезду.

Все пассажиры высыпали на полотно. Машинист и кочегар искали убитых и раненых, а кондуктор стоял рядом и сыпал проклятиями. Увидев меня, он вскричал:

— Кто вам позволил тронуть с места поезд и дать уйти краснокожим? Они уже были у нас в руках!

— А мне кажется, что у вас руки короткие. Если бы оглала остались здесь, они бы нашли способ выкурить вас и снять с вас скальпы.

— Кто поджег прерию?

— Я.

— Вы с ума сошли! Вы подняли на меня руку! Я имею право арестовать вас и отдать под суд!

— Ну что же, попробуйте стащить Олд Шеттерхэнда с коня, связать ему руки и закрыть в вагоне. Мне очень хочется посмотреть, как вы это сделаете.

Кондуктор оробел и заговорил почтительнее:

— Вообще-то я не собирался поступать так с вами, сэр, и, хоть вы наделали глупостей, я вас прощаю.

— Весьма благодарен, сэр, — ответил я, устав от бессмысленных препирательств с самоуверенным глупцом. — И что же вы предпримете теперь?

— Сейчас рабочие починят путь, и поезд отправится в дорогу. Как вы считаете, нам не угрожает новое нападение краснокожих?

— Можете не беспокоиться, они не вернуться. Ваша атака была так всесторонне обдумана и блестяще проведена, что наверняка отбила у индейцев всякое желание нападать на поезд.

— Надеюсь, вы не издеваетесь надо мной, сэр! Не то мне пришлось бы требовать от вас извинений. Мне никак нельзя ставить в вину то, что их было слишком много и что они так хорошо приготовились к нападению.

— Я предупреждал вас об этом. Оглала прекрасно обращаются с огнестрельным оружием. Из ваших шестнадцати рабочих и двадцати солдат погибло девять человек. Это вы, а не я, послали их под пули, их кровь на вашей совести. О вашей победе лучше молчать. Я и мой товарищ вдвоем вынудили краснокожих бежать, а если бы вы послушались меня, то все ваши люди были бы целы и невредимы.

Кондуктор все же пытался что-то сказать в свое оправдание, но подошли пассажиры, встали на мою сторону, и ему не осталось ничего другого, как скромно спросить:

— Надеюсь, вы останетесь с нами, пока мы не уедем?

— Разумеется. Настоящий вестмен никогда не бросает начатое дело, не доведя его до конца. По другую сторону от железной дороги огня не было, соберите там хворосту, разожгите костры и приступайте к работе. На всякий случай поставьте на часах несколько человек.

— А не могли бы вы взять на себя эту обязанность?

— Какую?

— Стоять на часах.

— Милое дело! После всего, что я для вас сделал, вы еще пытаетесь устроиться поудобнее за моей спиной? Пораскиньте мозгами, и ваш военный талант и опыт полководца подскажут вам, где поставить часовых.

— Но мы не столь зорки, как вы.

— Раскройте глаза и напрягите зрение, и вы все увидите. Тихо! Вы слышите?

— Это топот лошади. Наверное, к нам мчится какой-нибудь индеец. К оружию!

— Неужели вы думаете, что индеец будет так шуметь? Это мой

товарищ, и я вам настоятельно советую принять его поучтивее. Сан-Иэр не понимает шуток.

Это и в самом деле был Сэм. Он подскакал к нам и спрыгнул с лошади с таким выражением лица, словно был обижен на весь мир.

— Вы слышали мой зов? — спросил я.

Он ответил мне кивком и обратился к кондуктору:

— Это вы придумали такой замечательный план?

— Да, — ответил тот так простодушно, что я не сдержал улыбки.

— Примите мои искренние соболезнования. Моя старушка Тони обладает потрясающим умом по сравнению с вами. Однако и для вас не все еще потеряно. Когда-нибудь и вы выйдете в люди. Только, ради Бога, остерегайтесь попасть в президенты. Тони, оставайся на месте, я сейчас вернусь!

Кондуктор лишился дара речи и в изумлении молча открывал и закрывал рот. Впрочем, если бы он даже нашелся что сказать, слушать его было некому, так как Сан-Иэр уже исчез в ночной тьме. Что же могло вывести из себя старину Сэма? Ведь ему было наплевать на судьбу поезда и на самодовольного кондуктора. Ответ был один: встреча с Фредом Морганом, белым разбойником, которого я пинком выбросил из паровоза.

Я догадывался, куда отправился Сэм, я сам поступил бы точно так же, но до сих пор у меня не было на это времени. Сидя на насыпи, я наблюдал за тем, как рабочие суетятся на полотне, приводя его в порядок. Спустя несколько минут маленький вестмен вернулся и сел рядом со мной. Теперь его лицо было не просто хмурым и озабоченным, оно стало мрачным, как грозовая туча.

— Ну и как? — спросил я.

— Что как? — прошипел он в ответ.

— Они мертвы?

— Мертвы? Вы смеетесь надо мной? Вы их погладили томагавком по затылку и хотите, чтобы они были мертвы? Таким ударом и муху не убьешь! Вы слышали, что я сказал кондуктору?

— Что именно?

— Что моя старушка Тони обладает потрясающим умом в сравнении с ним.

— Ну и что же?

— Догадайтесь сами. Даже моя Тони сообразила бы, что Ка-Во-Мена и Ма-Ти-Ру надо уложить навсегда, а не на десять минут. Они очнулись и улизнули.

— Вот и прекрасно!

— Прекраснее некуда! Два распоследних негодяя разгуливают по прерии, тогда как их скальпы могли бы оказаться в наших руках.

— Вы уже знаете, что я думаю по этому поводу, Сэм, поэтому прекратите браниться. Лучше скажите, что вас так взбесило.

— От такого взбесится и святой! Как вы думаете, кого я встретил?

— Фреда Моргана.

— Действительно! Как вы узнали?

— Вы назвали его по имени, да так громко, что услышала вся прерия.

— В самом деле? Я не помнил себя от ярости. Знаете, кто он такой?

— Неужели убийца вашей жены и ребенка?

— Он самый, собственной персоной.

Я вскочил на ноги.

— Невероятное стечение обстоятельств! Вам удалось его настигнуть?

— Нет, негодяй скрылся. Я бы вырвал с корнем собственные уши, будь они у меня!

— Я же видел, как вы бросились за ним в погоню.

— Он исчез, как в воду канул. То ли затерялся среди бегущих краснокожих, то ли юркнул в обгоревшие кусты и затаился там. Но я обязательно найду его, хоть из-под земли достану! У них нет лошадей, и мы легко их нагоним.

— Нагнать их — дело нехитрое. Отличить следы белого от следов индейцев тоже легко, но если он не дурак, то пойдет косолапой походкой краснокожих, и тогда нам не удастся выследить его.

— Что же нам делать, Чарли? Я должен добраться до него во что бы то ни стало!

Я сунул руку в карман и вытащил кошельки и бумаги, которые обнаружил в седельной кобуре лошади Фреда Моргана.

— Может быть, здесь мы найдем что-то, что подскажет нам, где его искать?

Я открыл один кошелек, затем второй. Свет от костра упал на их содержимое, и я с удивлением воскликнул:

— Смотрите, Сэм! Камни, настоящие драгоценные камни! Алмазы! Они стоят целое состояние.

Откуда? Каким образом драгоценности попали в кошелек к главарю разбойничьей шайки? Сколько крови он пролил, чтобы завладеть ими?

— Алмазы? В самом деле, — ответил Сэм почти равнодушно. — Еще никогда в жизни мне не приходилось держать в руках такой дорогой осколок нашего брэнного мира.

Я протянул один из кошельков Сэму.

— Это бразильские алмазы. Посмотрите, как они сверкают даже при свете костра.

— Гм! Какие странные существа люди. Ведь это камень, не серебро, не золото, а просто камень. Правда, Чарли?

— Это уголь, Сэм, не более чем уголь!

— Вот ведь незадача, мне все равно, уголь это или что-то другое. Даже мою старую пушку я не отдам и за пригоршню этих камешков. Что вы собираетесь делать с ними?

— Верну владельцу.

— Как его зовут?

— Пока не знаю, но вскоре выясню. Такое богатство не может исчезнуть бесследно и без шума. Хозяин наверняка обратился в полицию, газеты трубят о краже на каждом углу.

— Вы правы, Чарли, с завтрашнего дня подписываемся на все газеты Соединенных Штатов.

— Может, не стоит так торопиться? Успеем подписаться и послезавтра. Давайте-ка лучше посмотрим эти бумаги.

Сэм согласно кивнул, и я развернул пакет. Внутри оказались подробнейшие карты территории Соединенных Штатов, Мексики и Канады и письмо следующего содержания:

«Дорогой отец!

Твое присутствие совершенно необходимо. Приезжай поскорее, независимо от того, удалось тебе проверить дело с камнями или нет. Есть возможность сорвать банк. В середине августа я приеду на Сьерра-Бланка, туда, где Пекос протекает между Скеттл-Пик и Хэд-Пик. Подробности узнаешь при встрече.

Твой Патрик.

Галвестон...»

Дата, поставленная после названия города, была оторвана, поэтому нам оставалось только гадать, когда негодяй-сын написал письмо негодяю-отцу.

— Тысяча чертей! — воскликнул Сан-Иэр, когда я прочел ему письмо вслух. — Все сходится, его сына зовут Патрик. Именно этих двоих и не хватает мне, чтобы сделать две последние зарубки на прикладе. Я уже много лет гоняюсь за ними. Повторите, пожалуйста, название тех двух гор.

— Скеттл-Пик и Хэд-Пик.

— Вот ведь незадача! Где меня только по свету не носило, а в тех краях я не бывал.

— Не беспокойтесь, Сэм, мне как-то довелось ехать из Санта-Фе на

плато Орган, а так как я спешил и не хотел столкнуться с серым гризли в Сьерра-Бланке, то повернул именно туда.

— Так вы бывали на Пекос?

— Ну, конечно.

— Вот вы-то мне и нужны. Мы с вами собирались в Техас и Мексику, но теперь придется взять правее. Я ведь и направлялся туда лишь потому, что надеялся отыскать этих людей, но теперь, когда они сами назначают мне свидание, я был бы круглым дураком, если бы не полетел к ним на крыльях любви. То-то они обрадуются, когда увидят Сан-Иэра верхом на старушке Тони. Вы поедете со мной?

— Разумеется. Мне тоже очень хотелось бы потолковать с Фредом Морганом, ведь только он один знает, кому принадлежат камни.

— Тогда спрячьте их подальше и пойдёмте посмотрим, что там поделявают отчаянные головы с Западной железной дороги.

Кондуктор выставил часовых, как я и советовал ему. Рабочие сновали по шпалам, восстанавливая путь. Часть пассажиров празднично сидела на насыпи и с видом городских зевак наблюдала за работой. Остальные перевязывали раненых и хоронили убитых. Со всех сторон на нас бросали уважительные взгляды, а когда мы поднялись на насыпь, нас окружили, благодарили за помощь и спрашивали, могут ли быть нам в чем-то полезны. По-видимому, жестокий урок, преподнесенный индейцами, пошел пассажирам впрок. Я попросил их продать нам немного свинца, пороха, табака, хлеба и спичек, если, конечно, у них найдутся эти столь ценные в прерии товары.

Несколько человек сразу же помчались в вагоны, и через пять минут мы с избытком получили все, о чем просили. От денег они наотрез отказались, а мы с Сэмом с легким сердцем приняли подарки как знак уважения и благодарности.

Рабочие уже собирали инструменты, когда к нам подошел кондуктор:

— Вы поедете с нами, джентльмены? — спросил он. — Я с удовольствием отвезу вас куда прикажете.

— Спасибо вам, сэр, но мы предпочитаем путешествовать верхом.

— Как вам будет угодно, я не буду настаивать. Вы, конечно, понимаете, что мне придется доложить о случившемся, и я непременно расскажу, как вы нам помогли.

— Благодарю вас, но нам это ни к чему.

— А кому принадлежит сегодняшняя добыча? — спросил вдруг кондуктор.

— По закону прерии вся собственность побежденного переходит к

победителю.

— Победители — это мы, поэтому имеем право взять у индейцев все, что у них есть. Идите сюда, джентльмены, вся добыча наша. Каждый из нас должен получить что-нибудь на память о сегодняшнем сражении.

Сан-Иэр не вытерпел, встал и, глядя в упор на кондуктора, отдельно произнес:

— Сэр, покажите мне краснокожего, которого вы убили!

У кондуктора забегали глазки.

— Как мне вас понимать?

— А так и понимайте! — взревел разъяренный Сэм. — Все вещи убитых лично вами индейцев принадлежат лично вам, но на остальные лучше не зарьтесь!

— Сэм, не портите им удовольствие, — шепнул я ему. — Нам же все это не нужно.

— Черт с ними, пусть грабят трупы, — уступил Сэм и, повернувшись к кондуктору, добавил: — Но не вздумайте прикоснуться к скальпам, их вы не заслужили!

— Вон там, в кустарнике, — вмешался я, — лежит тело убитого обходчика, заберите его и предайте земле. Негоже бросать его здесь на корм стервятникам.

Когда со всем этим было покончено, поезд тронулся, набрал скорость и быстро исчез в темноте. Через несколько минут мы уже не слышали даже перестука колес. Я и Сэм остались одни в огромной тихой прерии.

— Что теперь, Чарли? — спросил Сэм.

— Спать, — ответил я.

— Вы думаете, индейцы не вернутся сюда?

— Думаю, нет.

— Вот ведь незадача! Я-то считаю, что Фред Морган вернется сюда обязательно, хотя бы для того, чтобы отыскать лошадь и свои драгоценные безделушки.

— Сомневаюсь. Разве можно найти лошадь, умчавшуюся в прерию от пожара? Кроме того, он уже знает, что здесь, кроме героев железной дороги, есть люди, с которыми справиться не так легко и от которых следует держаться подальше.

— Но ведь и он узнал меня, и ему наверняка захочется пустить мне пулю в лоб или воткнуть нож под лопатку.

— Для этого надо будет еще нас выследить. По крайней мере, до утра нам ничего не грозит.

Мы сели на лошадей, отъехали на милю от железной дороги, туда, где

трава не выгорела, завернулись в одеяла и улеглись спать.

Я сильно устал и уснул, едва положил голову на седло. Сквозь сон я слышал стук колес поезда, но так и не проснулся.

Когда я открыл глаза, уже начинало светать. Сан-Иэр сидел рядом, его лицо расплылось в широкой довольной улыбке: он курил сигару, подаренную ночью кем-то из пассажиров.

— Доброе утро, Чарли! Сегодня я действительно вижу разницу между настоящим табаком и тем зельем, что вы готовите под седлом. Закурите и вы сигару, а потом возьмемся за дела. О завтраке и думать не стоит, пока не найдем воду.

Я с не меньшим удовольствием закурил настоящую сигару и сел рядом с Сэмом.

— Как поедем? — спросил Сэм.

— Вернемся к месту засады, а оттуда двинемся кругами, чтобы напасть хоть на какой-то след.

— В дорогу!

Однако все наши поиски были напрасны. Утренний ветер развеял пепел, и, как мы ни старались, не нашли ни одного отпечатка.

— Черт бы побрал этот ветер! Если бы не письмо, что бы мы теперь делали? — чертыхался Сан-Иэр, которому не терпелось добраться до Фреда Моргана. — Пора ехать на Рио-Пекос, но сначала я должен сообщить краснокожим, кому они обязаны вчерашним удовольствием.

И, пока я отдыхал, лежа на насыпи, он ловко орудовал ножом, переходя от мертвеца к мертвецу и оставляя на каждом из них свое клеймо.

— В путь! — воскликнул Сэм, покончив со своим ужасным делом. — До воды далеко. Любопытно, кто легче переносит жажду, моя Тони или ваш мустанг?

— Думаю, ваша Тони. Я тяжелее вас.

— Безусловно, Чарли, вы тяжелее меня, но у моей Тони больше мозгов, а это тоже чего-нибудь да стоит. Не моя вина в том, что Фреду Моргану удалось улизнуть живым. Но в том, что вожди остались целехоньки, виноваты вы, и только вы. Не будет вам моего прощения, пока вы не поможете мне поймать обоих Морганов.

Глава II. СТЕРВЯТНИКИ ЛЬЯНО-ЭСТАКАДО

Между Техасом, Нью-Мексико и индейскими владениями в отрогах гор Озарк, в нижней и верхней Сьерра-Гуадалупе и на плато Гуальпа лежит огромная и страшная часть страны, которую без преувеличения можно назвать Сахарой Соединенных Штатов. Высокие холмы отделяют ее от верховьев Пекос и истоков Ред-Ривер, Сабин, Тринидад, Бразос и Колорадо.

Пустынное однообразие сухого раскаленного песка кое-где сменяется столь же раскаленными скалами. После дневного испепеляющего зноя наступает холодная ночь. Даже самая неприхотливая растительность не может прижиться в этих Богом проклятых местах. Ни одинокая гора, ни зеленеющее каменистое ущелье, по которому после дождя бегут потоки воды, не прерывают здесь, как в Сахаре, мертвого однообразия пустыни. Здесь нет ручьев, питающих своей живительной влагой оазисы, и усталому страннику негде отдохнуть после трудного многодневного пути.

Пустыня открывается перед вами внезапно: стоит спуститься с поросших лесами горных отрогов, и вот уже без всякого перехода, без степи с чахлым кустарником и пожухлой травой перед вами простираются пески, лишенные жизни. Повсюду видна смерть в разном обличье, но одинаково ужасная и беспощадная. Только кое-где встречается одинокий мескитовый куст с редкими листьями, словно вырезанными из дубленой кожи — дьявольская насмешка над людьми, тоскующими по зелени. Но еще хуже рожденные к жизни неведомо какой силой серые, безобразные кактусы, покрывающие иногда огромные пространства. Горе опрометчивому всаднику, сунувшемуся в их заросли: твердые, как сталь, тонкие иглы изорвут в кровь ноги лошади, перережут сухожилия, и несчастное животное больше никогда не сможет ходить. Хозяин будет вынужден бросить его и добить, чтобы оно не погибло медленной, мучительной смертью.

Однако ужасы пустыни не остановили человека, и он отважился шагнуть в ее пределы. Через пустыню пролегли дороги, ведущие к Санта-Фе и к форту Юнион, вверх, к Пасо-дель-Норте, и вниз, к зеленым прериям и богатым водой лесам штата Техас. Но сколько бы вы ни искали здесь то, что принято называть дорогой, вам не удастся ее найти. Здесь иногда проезжает одинокий всадник, следопыт или разведчик, отряд отчаянных

сорвиголов, готовых как на доброе, так и на злое дело, но чаще все-таки на злое. Изредка в тишине слышится скрип колес: длинный караван фургонов, запряженных волами, медленно ползет вперед. Ветер несет песок, и уже через полчаса на земле не видно следов копыт и колес. Люди, решившиеся пересечь пустыню, сами выбирают путь и держатся нужного направления по известным им приметам. Чем больше песков, тем меньше примет, и вскоре уже даже самый опытный и острый глаз не замечает вокруг ориентиров, поэтому дорогу обозначают колышками, вбитыми в землю.

Несмотря на то, что по размерам эта пустыня не может сравниться ни с Сахарой, ни с Гоби, она собирает кровавую жатву во много раз более обильную, чем африканские и азиатские пески. Кажется, что она не может насытиться, и чем больше человеческих жизней уносит, чем более жадно и яростно набрасывается на свои жертвы. Брошенные разбитые фургоны, седла, скелеты животных и людей, высушенные солнцем и выбеленные песком, возникают на пути и рассказывают леденящие душу истории своим немым безмолвным языком, так сильно действующим на воображение. В небе кружат стервятники, терпеливо наблюдающие за путником. Они знают, что не останутся без добычи.

Что же это за пустыня? Ей дают разные имена на английском, французском и испанском языках, однако все они происходят от одного слова — кол, вежа. Да оно и неудивительно: ведь, как я сказал выше, все дороги в пустыне отмечены вбитыми в землю кольями. Стейкед-Плейнз и Льяно-Эстакадо — два самых распространенных названия этого гиблого места...

От верховьев Ред-Ривер в направлении гор Сьерра-Бланка ехали два всадника, сидевшие на смертельно уставших лошадях. Несчастные животные были крайне истощены, от них буквально остались кожа да кости, а шерсть вздыбилась, словно перья у птицы, которая вот-вот замертво упадет в своей клетке. Спотыкаясь на каждом шагу, лошади медленно переставляли утопающие в песке, подгибающиеся ноги. Их глаза налились кровью, сухой язык вываливался изо рта, на шерсти, несмотря на жару, не было ни капли пота — в их телах не оставалось другой жидкости, кроме загустевшей от зноя крови.

Этими лошадьми были старая Тони и мой мустанг, а всадниками — Сан-Иэр и я.

Уже пять дней мы ехали через Льяно-Эстакадо, и за все это время нам ни разу не встретилась вода. Глядя на измученных лошадей, я не раз думал о том, что стоило бы завести в эти края африканских верблюдов.

Маленький Сэм словно высох и стал от жары еще меньше. Он висел

на шее своей лошади, удерживаемый в седле непонятной и неведомой силой, с открытым ртом и безумным взглядом. Мне казалось, что мои веки налились свинцом, а горло пересохло так, что даже самый тихий звук раздерет мне его в клочья. Кровь в жилах медленно струилась расплавленным железом. Я уже не чувствовал, а знал наверняка, что не пройдет и часа, как мы потеряем сознание, свалимся с лошадей на землю и умрем от жажды, не приходя в себя.

— Воды, — простонал Сэм.

Я молчал, не зная, что ответить. Вдруг мой конь споткнулся и встал как вкопанный. Я понукал его, дергал за поводья, но он не двигался с места. Старая Тони последовала его примеру. Видимо, силы лошадей были на исходе, и они уже не могли продолжать путь.

— Слезаем, — прохрипел я. Невыносимая боль пронзила горло. Казалось, что губы, рот, глотка и легкие исколоты в кровь тысячами острых игл.

Взяв мустанга под уздцы, я побрел вперед. Освобожденное от ноши животное послушно двинулось за мной. Сэм тащил за собой свою Тони, но он был более истощен и шел пошатываясь, словно с минуты на минуту мог свалиться на землю. Но чем я мог ему помочь?

Мы прошли не больше мили, как вдруг я услышал тяжелый вздох, оглянулся и увидел, что бедняга Сэм лежит на песке. Его глаза были закрыты. Я подошел к нему и молча присел рядом. Не стоило расходовать силы на уговоры и увещевания: ничто не могло спасти нас.

Так вот каким должен стать конец моей скитальческой жизни! Вот где мне было суждено сложить голову. Я попытался вспомнить родителей и близких, оставшихся в далекой отчизне, но тщетно. Я пробовал молиться, но некогда прекрасная память отказывала мне, и я не сумел вспомнить ни строчки. Казалось, мой мозг расплавился и кипит под черепом, словно суп под закрытой крышкой.

Мы попали в западню, в которую до нас попадал не один путешественник. Никто еще не сумел найти из нее выход.

Из Санта-Фе через Паса-дель-Норте возвращаются на Восток золотоискатели, которым судьба улыбнулась на калифорнийских приисках. У них нет другого пути, кроме как через Льяно-Эстакадо. Когда я говорил о разных облициях смерти, обитающей в пустыне, я имел в виду не только зной и огромные безводные пространства. На границе Льяно-Эстакадо собираются шайки тех, кому не повезло и кто не хочет возвращаться домой с пустыми карманами, или тех, кому не по вкусу честный труд.

Это люди без чести и без совести, каких во множестве извергают

восточные штаты, они не отличаются умом, но сильны и закалены в стычках и сражениях и не боятся ни Бога, ни черта. Горе тому, кто встретится с ними. Они редко нападают в открытую, предпочитая действовать исподтишка, подло и жестоко. Честному человеку трудно даже представить себе их вероломство и беспощадность. Этих стервятников Льяно-Эстакадо называют стейкменами: они вытаскивают вехи, которыми отмечена дорога, и ставят их в других местах, уводя путников в глубь пустыни, где те неминуемо гибнут от жажды и голода. Грабители без зазрения совести отнимают у умирающих все, что имеет ценность, и бросают их в раскаленных знойных песках. По всей пустыне белеют на солнце кости сотен несчастных жертв, в то время как близкие напрасно ожидают их возвращения или хотя бы известия об их судьбе.

Вот так и мы доверились вехам и только ближе к полудню заметили, что они уводят нас от нужного направления в сторону. Мы не знали, когда и где это произошло, и уже не могли вернуться назад, так как сил на обратную дорогу у нас не оставалось. А теперь Сэм лежал на песке, я сидел рядом, и мы чувствовали себя мертвыми. Спасти нас могла только счастливая случайность.

Неожиданно прямо над моей головой раздался хриплый и пронзительный клекот. Я медленно и с трудом поднял глаза вверх и увидел стервятника, видимо только что взмывшего в небо и теперь кружившего над нами. Птица была права, считая нас своей верной добычей.

Однако кто испугнул стервятника? Неужели где-то рядом сидел бескрылый собрат хищной птицы и, сжимая ружье, с нетерпением ждал, когда мы испустим дух? Я знал, что воздушные и сухопутные стервятники обычно появляются вместе, поэтому начал осматриваться в надежде обнаружить следы.

Из-за зноя, слепящего солнца и слабости кровь прилила к глазам, их жгло, и казалось, что я вот-вот ослепну. Все-таки мне удалось заметить в тысяче шагов от нас несколько точек, которые не могли быть камнями или кактусами. Взяв штуцер, я оперся на него и заковылял в том направлении.

Не прошел я и полпути, как уже различил трех койотов и небольшую стаю стервятников, сидящих на песке. Эти хищники никогда не нападают на живую добычу: безусловно, где-то там лежал живой еще человек, иначе кровавая трапеза была бы уже в разгаре.

При виде койотов у меня в душе родилась надежда, очень слабая и призрачная, основанная только на том, что эти животные не могут долго обходиться без воды и не заходят далеко в безводные пустыни. Но все же первым делом следовало проверить, что за добычу они караулили. И вдруг

меня осенила мысль.

Если мы приговорены к смерти от жажды и если нет воды, то почему не напиться крови? Неужели кровь койота не вернет нам силы? Я вскинул штуцер и прицелился, но руки мои дрожали, и ствол плясал, как сухой лист в непогоду. Пришлось сесть на землю, опереть руки о колени, и только после этого я сумел выстрелить.

Я выпустил две пули, и два койота упали на песок. Забыв о слабости, я побежал к ним. Одному из них я прострелил голову, второму пуля перебила передние лапы, и он, воя от боли, катался по земле. Мне до сих пор стыдно за такой неудачный выстрел, и единственным оправданием мне служит то, что я почти умирал от жажды.

Достав нож, я взрезал убитому койоту вену на шее и припал к ней. От животного несло падалью, грязная шерсть набивалась мне в рот, но я жадно глотал кровь, и она казалась мне божественным напитком. Силы быстро возвращались ко мне. Вытащив из кармана кожаную фляжку, я наполнил ее кровью и подошел к человеку, лежащему рядом без сознания. Это был негр. Стоило мне взглянуть в его черное, посеревшее от близости смерти лицо, как рука моя дрогнула, и я еле удержал фляжку.

— Боб! — позвал я.

Услышав меня, негр с трудом поднял веки.

— Воды! — простонал он.

Я опустился на колени рядом с ним, приподнял его голову и приложил фляжку к губам.

— Пей!

Негр разжал зубы, но глотать не мог, горло его свела судорога, и мне пришлось изрядно повозиться, пока не удалось влить в него ужасное, но живительное питье.

Теперь необходимо было вернуться к Сэму. Я снова нацедил фляжку из убитого животного, оставив раненого ждать своей очереди.

Маленький вестмен лежал на земле в полном оцепенении.

— Пейте, Сэм, — сказал я, протягивая ему фляжку.

— Пить? — восторженно спросил он, схватил обеими руками фляжку и залпом осушил ее.

— Кровь! Когда-то я думал, что это противно, но теперь вижу, что нет напитка лучше.

Тем временем вернулся третий койот и, несмотря на то, что негр пришел в себя и уже сидел, набросился на своего мертвого собрата. Пришлось снова зарядить ружье, подойти поближе и пристрелить его.

Если много путешествуешь по свету, иногда происходят встречи,

которые могут показаться невероятными, чудесными, и именно такой была моя встреча с негром по имени Боб, которого я давно и хорошо знал. Некогда я гостил у его хозяина, ювелира Маршалла из Луисвилля, и верный, неунывающий негр пришелся мне по душе. Сыновья ювелира сопровождали меня в поездке на плато Камберленд, а затем проводили меня на Миссисипи. Мне нравились эти два воспитанных молодых человека, их общество доставляло мне истинное удовольствие, и я охотно бывал у них. Но каким образом старый поседевший слуга оказался в самом сердце пустыни?

— Вам стало лучше, Боб?

— Совсем лучше, — ответил он, только теперь узнавая меня. — Неужели это вы, масса? Масса Чарли, великий охотник? Боб теперь счастливый, что встретить масса Чарли. Теперь мы пойти и спасти массу Берна.

— Бернارد? Он тоже здесь? Где же он?

— Масса Берн быть там, — неуверенно сказал Боб, показывая на юг. — О нет, он быть там. Или там?

Негр вертелся на месте, показывая то на запад, то на север, то на восток. Очевидно, он и сам не знал, где находится его молодой хозяин.

— Что привело Бернарда сюда, на Льяно-Эстакадо? — спросил я, пытаюсь хоть как-то разобраться в происходящем.

— Боб не знает. Боб даже не знает, где сейчас масса Берн. Боб упал, а масса ушел с остальными.

— А кто те люди, с кем он путешествует?

— Они охотники, купцы... Боб их совсем не знает.

— А куда направляется Бернارد?

— В Калифорнию, к молодому массе Аллену.

— Значит, Аллен в Калифорнии?

— Да, да, масса Аллен поехал в Сан-Франциско и купил там много золота для мистера Маршалла. Но хозяину золото больше не понадобится. Хозяин умер.

— Мистер Маршалл умер? — удивился я. Во время моего последнего визита ювелир был весел и бодр.

— Мистер Маршалл умер не от болезни, а от руки убийцы.

— Как? — воскликнул я. — Его убили? Но кто?

— Боб не знает убийц, их никто не знает. Они пришли ночью и вонзили нож в грудь мистеру Маршаллу, забрали все камни и золото. Ни шериф, ни суд, ни масса Берн не знает, кто убийца и куда он побежал.

— Когда это случилось?

— Много недель тому назад. Масса Берн теперь очень бедный, он написал письмо массе Аллену в Калифорнию. Но он не получил ответа, и поэтому сам пошел искать массу Аллена.

Известие о смерти старого добряка ювелира опечалило меня. Убийца и грабитель одним взмахом ножа разрушил счастье семьи, лишил жизни отца и вверг в нищету сыновей. Драгоценные камни и золото исчезли. Я невольно вспомнил о бриллиантах, найденных мною в седельной кобуре Фреда Моргана. Неужели убийцей был Фред Морган? Но как он оказался в прерии?

Однако было не время ломать голову над загадкой бриллиантов — меня ждали более насущные, безотлагательные дела. Следовало найти Бернарда Маршалла и помочь ему.

— Боб, каким путем вы ехали?

— Мы выехали из Мемфиса и от форта Смит пошли через горы до Престопа. Боб ехал со всеми. Конь очень устал и хотел пить. Боб тоже хотел пить, много-много воды, больше, чем в Миссисипи. Потом я упал, а конь убежал один. Боб уже почти умирал от жажды, когда пришел масса Чарли и дал Бобу кровь. Масса Чарли, спасите массу Берна! Спасите его, и я буду любить вас и целовать вам ноги! Спасите молодого массу!

Старый преданный слуга умолял меня помочь его хозяину. Я сам не менее горячо желал того же, но, к сожалению, надежды почти не оставалось. Несмотря на это, я продолжал расспрашивать Боба.

— Сколько человек ехало с вами?

— Очень много: девять человек, не считая Боба.

— Они говорили о том, по какой дороге поедут?

— Этого Боб не знает. Он всегда ехал сзади и ничего не слышал.

— Я вижу, у тебя есть нож и сабля. Остальные тоже были вооружены?

— О да! У них были ружья и револьверы. Много-много оружия.

— У вас был проводник?

— Его звали мистер Вильямс. Он говорил, что знает дороги через пустыню.

— Попробуй вспомнить, куда они направились, когда ты упал с коня.

— Боб не знает. Он сразу закрыл глаза и ничего не видел. Может быть, туда, а может, в ту сторону.

— Когда это было: вчера или сегодня? Утром или вечером?

— Сегодня. Солнце уже опускалось, и масса Берн ехал прямо на солнце.

— Прекрасно. Ты можешь идти?

— Да, теперь, после крови, Боб побежит как олень и вскоре догонит

массу Берна. Кровь — очень хорошее лекарство от жажды.

Действительно, после нескольких глотков крови я тоже почувствовал себя намного лучше, силы вернулись ко мне, и я уже не страдал так от палящего зноя. Точно так же «лекарство от жажды» подействовало и на Сэма: он уже стоял рядом с нами и внимательно слушал, о чем мы разговариваем.

Спутники Бернарда Маршалла, по-видимому, были крайне истощены зноем и жаждой, иначе молодой человек, чье врожденное благородство я хорошо знал, никогда бы не бросил без помощи слугу. Возможно, на него напало обычное в таких случаях оцепенение, и тело больше не повиновалось ему. Судя по словам Боба, их отряд направлялся на запад, туда же, куда стремились и мы. Но как мы могли помочь Бернарду, если сами уповали только на Бога, а наши лошади едва держались на ногах?

Как я ни пытался что-то придумать, в голову не приходила ни одна мало-мальски приемлемая мысль. Следовало для начала хотя бы осмотреться.

— Оставайтесь здесь с лошадьми, — попросил я Сэма. — Может быть, после отдыха они смогут пробежать милю-другую. Если через два часа я не вернусь, идите по моему следу.

— Так уж и быть, Чарли. Все равно ты далеко не уйдешь, одного глотка целебного напитка хватит ненадолго.

С некоторых пор мы перешли на «ты», как это принято среди вестменов.

Оглядевшись, я увидел, что Боб, упав с лошади, еще полз какое-то время. Пойдя по его следам, я обнаружил и следы всего отряда. Действительно, там прошло десять лошадей. Животные очень устали и еле переставляли ноги, часто спотыкались и даже останавливались.

Не знаю почему, но ужасное беспокойство и страх за судьбу Бернарда Маршалла овладели мной. Собрав остатки сил, я пошел по следу, но Сэм оказался прав: надолго меня не хватило. Мили через полторы я выдохся и сел отдохнуть возле простирившихся к горизонту пожелтевших и высохших на солнце кактусовых зарослей.

И здесь, пока я сидел и размышлял, что же предпринять, в голову мне пришла мысль, придававшая новые силы.

Когда на раскаленных равнинах Флориды зной иссушает землю, когда всему живому грозит гибель от жажды, а воздух кажется расплавленным свинцом, отчаявшиеся люди поджигают траву и кустарник. И начинается дождь. Я сам дважды был свидетелем такого чуда, хотя ничего чудесного в этом явлении нет, и любой человек, знакомый с силами природы, сможет

объяснить его без сложных научных толкований.

Осененный внезапной спасительной мыслью, я ножом нарезал сухих, как порох, побегов, развел костер и швырнул пылающие угли в самую гущу кактусовых зарослей. Спустя несколько минут в небо взметнулось огромное пламя, и вскоре огненное море бушевало в пустыне.

Я пережил не один пожар в прерии, но ни один из них не распространялся так быстро и с таким грохотом, как этот. Под напором огня кактусы взрывались с оглушительным треском, словно заговорили пушки целой армии. Горящие стебли взлетали вверх, взмывая над языками пламени и пробивая густые тучи дыма. Земля дрожала у меня под ногами, а жар был такой, что мне пришлось отойти от огня на добрых полмили.

Это была лучшая и, пожалуй, единственная помощь, какую я мог оказать Бернарду Маршаллу и его спутникам. И я с легким сердцем пошел назад, к Бобу и Сэму, не заботясь о том, что после пожара найти следы отряда будет значительно труднее. Если мне удастся вызвать дождь, то их жизнь будет вне опасности.

Через полчаса я встретился с идущими мне навстречу товарищами.

— Господи, Чарли, объясни мне скорее, что там случилось? — спросил Сэм. — Сначала я подумал, что началось землетрясение, но теперь я вижу, что горит песок! Если это так, то без дьявола здесь точно не обошлось.

— Горит не песок, а кактусы. Их там целое море, Сэм.

— Но как они могли загореться? Не ты же их поджег!

— В том-то и дело, что я.

— Боже мой, зачем?

— Чтобы вызвать дождь.

Маленький вестмен пристально посмотрел на меня.

— Дождь? — удивленно протянул он. — Ты меня извини, Чарли, воспитание у меня не самое блестящее, поэтому я скажу тебе напрямик: по моему, ты умом тронулся.

— Вот и хорошо. Разве ты не знаешь, что у некоторых племен сумасшедшие считаются мудрецами?

— Да уж, мудрее трудно придумать! От огня стало только жарче.

— Ты прав, именно этого я и добивался. Стало жарче, и в воздухе появилось больше электричества.

— Я знаю, Чарли, ты человек ученый, но я в эти выдумки не верю. Что такое электричество? Я не могу его ни съесть, ни выпить, значит, оно не существует.

— Скоро ты его увидишь и услышишь, когда начнется гроза и

засверкает молния.

— Вот ведь незадача, — пробормотал он свою любимую поговорку, обеспокоенно всматриваясь мне в лицо. — Я всегда говорил, что ученость до добра не доведет. Чарли, давай-ка лучше повернем назад.

— Ты видишь этот туман? — спросил я вместо ответа, указывая рукой туда, где сизая пелена закрывала солнце.

— Тысяча чертей! Чарли, я готов признать, что ты не спятил, и взять свои слова назад!

— Скоро из тумана образуется туча, а из нее польется дождь.

— Если так и будет, я обещаю закричать на всю пустыню, что я — старый осел, а ты — умнейший человек в Соединенных Штатах.

— А кто тебя здесь услышит? К тому же ты преувеличиваешь мои заслуги. Я видел раньше такой пожар во Флориде и попытался применить тот же способ и здесь. Как мне кажется, маленький ливень нам не повредит, если, конечно, ты не боишься промокнуть.

— Господи, Чарли, да я об этом только и мечтаю!

— Смотри, Сэм, вот уже и тучка повисла над нами. А если ты мне еще не веришь, взгляни на свою Тони. Ты мне не раз говорил, что у нее мозгов больше, чем у многих людей, Похоже, она уже предчувствует дождь.

В самом деле: старая кобыла весело махала остатком хвоста, скалилась и жадно раздувала ноздри. Мой мустанг вел себя точно так же.

— Вперед, Сэм, — продолжал я. — Дождь прольется только над пожарищем, потому пойдете туда, чтобы и нам досталось живительной влаги.

Мы поспешили на пепелище, оставшееся после пожара на месте кактусового леса. Серый пепел под ногами зловеще клубился, но наши лошади бодро бежали вперед, чутьем угадывая, где их ждет спасение.

Мои предсказания действительно сбылись. Полчаса спустя тучка увеличилась до таких размеров, что закрыла черной пеленой полнеба. А потом начался дождь, но не так, как обычно, без первых капель, не постепенно, а сразу, словно с небес опрокинули огромную лохань с водой. Тяжелые, как плети, струи дождя захлестали по земле и по нашим спинам. Не прошло и минуты, как мы промокли насквозь, словно только что преодолели вплавь реку. Какое-то время лошади вели себя спокойно, наслаждаясь купаньем, а затем принялись фыркать, прыгать и резвиться, как жеребята.

Не теряя времени, мы расстелили на земле одеяла и сливали собранную таким образом воду в бурдюки. Боб прыгал и кувыркался от радости, строил смешные рожи и веселился от души. Даже Сэм, не

привыкший улыбаться без повода, скалил зубы и гоготал.

— Ах, масса Чарли! Вода! Теперь Боб снова крепкий и сильный, теперь он сможет идти и бежать. Теперь он доберется до Калифорнии и найдет массу Аллена. Скажите, масса Чарли, а масса Берн тоже получил от вас эту воду?

— Думаю, что получил. Вряд ли они успели отъехать далеко отсюда. Пей, Боб, пей вволю, пока не кончился дождь.

Негр сорвал с головы широкополую шляпу, подставил ее под льющиеся с неба потоки воды и, когда она наполнилась, широко, от уха до уха, раскрыл свой огромный рот и жадно, в несколько глотков, осушил ее.

— Как хорошо! Боб будет пить еще и еще! Много-много воды! — и он опять подставил шляпу под дождь, но вдруг скорчил обиженную гримасу и разочарованно протянул: — Вода кончилась, масса Чарли!

В самом деле, после последнего раската грома дождь прекратился так же внезапно, как и начался. Однако нас это совершенно не огорчило, так как мы не только успели напиться вволю, но и запастись водой впрок, наполнив все фляжки и кожаные мехи.

Как только жажда оставила нас, в наших отдохнувших, взбодренных телах проснулся голод. Подкрепившись вяленным бизоньим мясом, мы сели в седла и пустили лошадей вскачь, надеясь еще сегодня догнать Бернарда Маршалла и его спутников. Боб, несмотря на возраст, оказался прекрасным бегуном и без труда поспевал за нами. Время от времени он хватался рукой за мое стремя и бежал рядом, умоляя меня помочь его молодому хозяину.

Дождь уничтожил все следы, но теперь, когда я знал, в каком направлении движется отряд, они мне были и не нужны. Вскоре я обнаружил оброненную кем-то пустую кожаную фляжку.

Мы долго ехали вдоль огромного черного пепелища, и казалось, что оно никогда не кончится. А когда оно все-таки осталось позади, я заметил вдали черную точку, ясно различимую на белом песке пустыни. Посмотрев в подзорную трубу, я насчитал девять человек и десять лошадей. Один из них вдруг покинул сидящих на земле спутников, сел в седло и помчался в обратном направлении.

Мне не составило труда догадаться, что это был не кто иной, как Бернард Маршалл, и что он собирается сделать. До сих пор он, как и остальные его спутники, находился в оцепенении, лишившем его воли. Равнодушный ко всему, что происходило вокруг, он, возможно, и не заметил отсутствия слуги. Однако после дождя способность мыслить и действовать вернулись к нему, и теперь Бернард мчался назад, чтобы отыскать Боба. Он даже вел за собой вторую лошадь. К моей досаде, никто

за ним не последовал. Я мог бы держать пари, что остальные были надменные янки, для которых жизнь негра не стоила и ломаного гроша. Такие люди палец о палец не ударят ради спасения ближнего, тем более чужого слуги.

Внезапно всадник осадил лошадь и, поднеся руку к глазам, принялся всматриваться в нашу сторону. По-видимому, он заметил нас, потому что через минуту уже мчался назад, совершенно справедливо опасаясь неожиданных встреч с незнакомыми людьми в столь диких местах. Его товарищи уже сидели на конях и вытаскивали из седельных кобур ружья.

— Боб, беги вперед и объясни им, кто мы такие, — велел я негру.

Тот пустился бежать, а мы рысью поехали сзади. Как только Бернард Маршалл узнал своего верного слугу, он пошел ему навстречу с радостной улыбкой, а остальные спешили и ожидали нас, не проявляя больше признаков беспокойства. Еще за сотню шагов мы услышали, как Боб кричит:

— Не стреляйте, масса Берн! Это очень хорошие люди! Это же масса Чарли, который убивает только негодяев и помогает джентльменам и неграм!

— Чарли? Неужели это возможно? — воскликнул удивленный нашей встречей Маршалл, внимательно вглядываясь в меня и, видимо, еще не совсем веря своим глазам.

Узнать меня было не так-то просто. В городах я избегал щегольства, но старался одеваться пристойно и следил за своей внешностью. Теперь перед Бернардом стоял заросший густой бородой бродяга в потрепанной трапперской одежде. Если бы не слова Боба, он вряд ли вспомнил бы, что некогда мы были знакомы и даже дружны. Только когда я подошел к нему, он наконец-то убедился, что я действительно тот, за кого себя выдаю.

— Чарли?! В самом деле ты! Но как ты здесь оказался? Ведь ты собирался поехать из форта Бентон в Снежные горы!

— Там было слишком холодно, Бернард, — шуткой ответил я, — поэтому мне вздумалось погреться на Льяно-Эстакадо. Ты представишь меня своим спутникам?

— Ну конечно, Чарли! Господи, какой счастливый случай! Поверь, даже тысяча долларов обрадовала бы меня намного меньше.

Он познакомил меня со своими товарищами по путешествию, к счастью, назвав меня по имени, а не по вестменскому прозвищу, которое было слишком известно. Это были пятеро мужчин с внешностью типичных янки, назвавшихся скупщиками мехов Объединенной пушной компании, и трое южан-купцов, обвешанных оружием. Никто из них не был похож,

даже отдаленно, на настоящего вестмена, и все они больше напоминали людей, подавшихся на Запад в поисках счастья. Во главе отряда стоял некто Вильямс, показавшийся мне на первый взгляд приятным человеком. Он не обратил никакого внимания на Сэма, слишком невзрачного на вид, и принялся расспрашивать меня.

— Куда вы направляетесь, сэр?

— Возможно, в Пасо-дель-Норте, но, может быть, попадем в совершенно иное место. Все зависит от того, кто нам встретится по пути и что нам придется делать.

— А чем вы занимаетесь, если не секрет?

— Ездим по белу свету, на мир смотрим.

— Да, занятие не слишком утомительное. Видимо, вы человек состоятельный, если можете позволить себе ничего не делать. Даже ваше оружие стоит уйму денег.

К сожалению, он ошибался. Оружие у меня было действительно великолепное, но, кроме него, у меня не было и гроша за душой. Однако его вопрос мне не понравился, еще больше меня насторожил хитрый цепкий взгляд, словно ощупывающий мои карманы. Это настолько не вязалось с его приятной внешностью, что я решил не спускать с него глаз.

— Мне казалось, что на Льяно-Эстакадо неважно, богат ты или беден, — ответил я, умышленно не подтверждая, но и не отрицая его предположений. Если он честный человек, то мне в любом случае ничего не грозит, если же он разбойник, то я поощрю его к действиям, и он выдаст себя.

— Вы совершенно правы, сэр, здесь самое дорогое — это жизнь, всего полчаса назад мы уже стояли одной ногой в могиле и спаслись самым чудесным образом. Такое крайне редко случается в этих местах.

— О чем вы говорите, сэр?

— Ну конечно, о дожде. А вас он не захватил?

— Да, у нас тоже прошел дождь, мы сами его вызвали.

— Вызвали дождь? Вы?

— Мы так же, как и вы, тоже стояли одной ногой в могиле и встали бы туда обеими, если бы не поняли, что у нас нет иного пути к спасению, как вызвать тучу и гром.

— Э-э-э! Да вы мастер рассказывать байки! Но не думайте, что нам так легко втереть очки. Вы, верно, когда-то побывали в штате Юта, на Большом Соленом озере, и принадлежите к святым Последнего дня. Они большие любители сочинять.

— Да, я и там побывал, но к святым Последнего дня не имею никакого

отношения, потому что живу днем сегодняшним. Вы позволите нам присоединиться к вашему отряду?

— Так уж и быть, раз вы знакомы с мистером Маршаллом. Как вы решились вдвоем пуститься в путешествие по Льяно-Эстакадо?

Недоверие, которое я испытывал к Вильямсу, заставило меня изображать себя человеком легкомысленным и неопытным.

— Для такого путешествия и не требуется особой отваги. Дорога размечена вехами, так что пересечь пустыню не так-то уж и сложно.

— Вы только посмотрите, как этот молодой человек в мгновение ока разделался с пустыней! — язвительно хохотнул Вильямс. — А вам никогда не приходилось слышать о стервятниках Льяно-Эстакадо?

— Вы имеете в виду хищных птиц?

— Нет, я имею в виду хищных людей — стейкменов, беспощадных грабителей. Но лучше о них сейчас не говорить, чтобы не накликать беду. Должен вам сказать, я бы не удивился, встретив в пустыне Олд Файерхэнда или Олд Шеттерхэнда. Хитрый старик Сан-Иэр тоже мог бы безбоязненно сунуться сюда, но вы?! Вы что-нибудь слышали об этих людях?

— Не припомню. Их имена мне ничего не говорят. А как долго нам еще придется ехать, пока мы не выберемся из Льяно-Эстакадо?

— Нам осталось два дня пути.

— И мы, конечно, держимся правильного направления?

— Неужели сомневаетесь?

— Мне показалось, что вехи повернули на юго-восток вместо юго-запада.

— Уверяю вас, вам только показалось. Меня трудно провести, я знаю Льяно-Эстакадо как свои пять пальцев.

Мои подозрения возрастали с каждой минутой. Будь он в самом деле столь опытен, как говорил, то уже давно заметил бы, что сбился с пути. Поэтому я решил и дальше прикидываться простаком и под этой личиной порасспросить его.

— Почему ваша компания посылает вас так далеко на юг? Я всегда думал, что на севере мехов больше.

— Очень точно подмечено! — насмешливо произнес Вильямс. — Но нас интересуют не только меха, но и шкуры. Здешние индейцы заготавливают впрок мясо бизонов, и у них можно за бесценок скупить тысячи дубленых шкур.

— Вот как? А я думал, что ради бизоньих шкур не стоит ехать в такую даль. В резервациях поблизости от индейских поселений их можно купить сколько угодно, и обойдутся они ничуть не дороже. К тому же торговцы,

как мне говорили, могут не опасаться индейцев. Это правда, что письмо в конверте или любая бумага с печатью служат торговцам верительными грамотами?

— Да. Мы не только не опасаемся дикарей, но даже рассчитываем на их содействие.

— Наверное, у вас есть с собой такие письма?

— Конечно. Стоит мне показать бумагу с печатью, и любой индеец придет мне на помощь.

— Это очень интересно, сэр. Покажите, пожалуйста, и мне эту бумагу. Вильямс смутился, но тут же попытался скрыть замешательство.

— Вы когда-нибудь слышали о тайне переписки? Я могу показывать эти бумаги только индейцам.

— Я и не собирался читать их. Судя по вашим словам, вам никогда не приходилось держать ответ перед белыми.

— Я держу ответ перед кем бы то ни было только с оружием в руках. Зарубите это себе на носу!

Он заговорил умышленно грубо, с явной целью прекратить неудобный для него разговор. Я изобразил на лице испуг и смущенно умолк. Сан-Иэр хитро улыбнулся и подмигнул своей Тони — каково, мол. Я отошел к ожидающему меня в сторонке Бернарду Маршаллу.

— Боб рассказал мне, куда и с какой целью вы отправились, — обратился я к молодому человеку. — Скажите, полиция напала на след убийцы, лишившего вас средств к существованию?

— Нет, никаких следов не нашли. Но мне кажется, что убийца был не один.

— А где теперь Аллен?

— В Сан-Франциско, по крайней мере, оттуда он прислал нам последние письма.

— Найти его там не составит труда. Вы решили заночевать здесь?

— Наши лошади устали. Продолжать сегодня путь бессмысленно.

— Тогда позволь мне оставить тебя — мне надо позаботиться о лошади.

Я расседлал мустанга, насыпал ему кукурузы и стреножил. Сан-Иэр точно так же поступил со своей старушкой Тони. Мы не перекинулись с ним ни словом: двое охотников, проживших вместе несколько недель, прекрасно обходятся без слов и по глазам узнают мысли друг друга.

Затем я снова вернулся к Маршаллу и беседовал с ним до темноты, но не стал посвящать его в свои планы, промолчал и о своих подозрениях.

— Не пора ли расставить часовых, сэр? — спросил я Вильямса. —

День выдался тяжелый, мы устали и хотим спать.

Тот незамедлительно назначил часовых, но, как ни странно, не доверил охранять лагерь ни мне, ни Сэму, ни Бернарду.

Я лег рядом с мустангом, пристроив голову к нему на живот, и сделал так не без умысла — умное животное предупредило бы меня о приближении человека. Торговцы улеглись неподалеку, приспособив седла в качестве подушек, Бернард хотел было устроиться рядом со мной.

— Ложись вместе с остальными, чтобы они не могли разговаривать между собой, — шепнул я ему.

Он удивленно посмотрел на меня, но безропотно подчинился. Сэм понял мою задумку и тоже устроился рядом с остальными, так что беседовать они могли только стоя на часах.

Взошли звезды, но после дождя между небом и землей висела густая пелена тумана, и светили они не столь ярко, как обычно. Сначала на часах стояли два купца-южанина, а потом их сменили Вильямс и самый молодой из скупщиков мехов. Они обходили лагерь каждый со своей стороны и, встречаясь, останавливались на минуту-другую. Вероятно, именно в это время они успевали перекинуться несколькими словами.

Очень осторожно я пополз к ним. К счастью, там рядом стояла лошадь Боба. Вряд ли негру дали хорошего коня, обученного предупреждать хозяина об опасности. И действительно, спокойное животное терпеливо сносило мое присутствие и ни единым звуком, ни единым движением не выдало меня.

Вильямс и второй часовой снова сблизилась. После долгой жизни в прерии чувства мои обострились, я мог расслышать шепот на расстоянии нескольких шагов.

— Я его, а ты — негра... — донесся до меня голос Вильямса.

Вслед за этим часовые разошлись, а я остался ждать. Услышанного мною было мало, чтобы разгадать их план. Через несколько минут они снова вернулись, и до моих ушей долетел тихий шепот:

— Конечно, их тоже...

По-видимому, речь шла обо мне и Сэме.

— Не волнуйся, один — щуплый старичок, а второй — простофиля.

Итак, они решили убить нас, хотя я и не знал почему. Когда они снова сошлись, послышалось:

— Всех троих...

Теперь речь шла об участии купцов-южан. Мнимые скупщики мехов собирались напасть на своих спящих спутников, и, хотя нас было семеро против пятерых, они убили бы нас, не получив при этом ни единой

царапины.

— Ни минутой раньше, — продолжал шептать Вильямс.

Но когда они приведут свой приговор в исполнение? Прямо сейчас или перед рассветом? В любом случае медлить было нельзя.

Во время следующей своей встречи они уже не разговаривали: каждый из них знал, что ему делать, слова были ни к чему. Настал мой черед вмешаться в события, и как только Вильямс прошествовал мимо меня, я прыгнул ему на спину. Не успел он еще упасть, как я левой рукой сжал ему горло, не давая позвать на помощь, а правой ударил в висок. Он обмяк и без движения застыл на земле.

Взяв его ружье, я пошел навстречу молодому разбойнику, который в темноте не заметил подмены. С ним я расправился тем же нехитрым способом и оставил его лежать на песке. Я знал, что оглушенные мной негодяи еще не скоро придут в себя, и направился к остальным. Только двое из них еще не спали: Сэм, который уже догадался, что должно произойти, и Бернارد, который не мог уснуть, встревоженный моим поведением.

Я снял с пояса лассо. Сэм тут же последовал моему примеру.

— Только вон тех троих скупщиков мехов, — шепнул я ему на ухо, опасаясь, как бы он сгоряча не принялся вязать всех без разбору, а затем громко крикнул:

— Эй, люди! Поднимайтесь!

Все вскочили на ноги, но в то же мгновение петли наших лассо затянулись на двух разбойниках, прижав их руки к туловищу так, что они были не в состоянии выхватить оружие. Тем временем Бернارد Маршалл набросился на третьего мнимого торговца и держал его, пока Боб не стянул ему руки ремнями. Все произошло настолько быстро, что купцы-южане не успели опомниться, и только когда с разбойниками было покончено, один из них почувствовал необыкновенный прилив отваги и крикнул, хватаясь за ружье:

— Предательство, к оружию!

Сан-Иэр расхохотался в ответ:

— Не хватайся за свою пушку, мой мальчик. Фейерверка сегодня не будет. Праздник отменяется.

Пока я подслушивал часовых, хитрый Сэм предусмотрительно разрядил ружья, а так как не знал, кого именно я подозреваю, на всякий случай вынул заряды из всех.

— Не пугайтесь, джентльмены, с вами ничего плохого не случится, — успокаивающе произнес я. — Эти люди собирались прирезать нас во сне,

поэтому мне пришлось побеспокоиться о нашей безопасности.

Мои слова прозвучали для купцов как гром с ясного неба. То, что они в течение нескольких дней путешествовали вместе с грабителями, готовившимися предательски убить их, потрясло южан. Боб тоже перепугался и подбежал ко мне, словно ища у меня защиты.

— Масса Чарли, они хотели убить и Боба?

— Да, и тебя тоже.

— Тогда мы повесим их, правда, масса Чарли? Мы повесим их высоко-высоко на столбе.

Захваченные врасплох разбойники молчали, видимо надеясь, что часовые придут им на помощь.

— Боб, там за лошадьми лежит Вильямс и его товарищ. Принеси их сюда, — приказал я негру.

— Они уже мертвые? — спросил он.

— Не совсем. Я оглушил их.

— Сейчас Боб их принесет. Боб не боится их, если они без сознания.

Через минуту негр, обладавший недюжинной силой, уже тащил на спине одного из грабителей. Пока он ходил за вторым, а Сэм вязал их, я объяснил купцам-южанам, почему я так поступил с их спутниками. Разъяренные тем, что их так легко провели и чуть было не убили, торговцы стали требовать немедленно казнить разбойников.

— Прерия живет по своим законам, — возразил им я. — Если бы они подняли против нас оружие, тогда мы могли бы с чистой совестью пристрелить их на месте. Но поскольку их намерения так и остались намерениями, то мы не имеем права убивать. По крайней мере, сейчас. Сначала надо их судить.

— Ах, судить! — обрадовался негр, предвкушая представление. — А потом Боб повесит тех пятерых разбойников!

— К чему такая спешка, — охладил я его пыл. — Темно, хоть глаз выколи, хворосту для костра нам не набрать — придется ждать рассвета. Нас семь человек, значит, пятеро могут спокойно спать, а двое будут караулить разбойников. Не волнуйтесь, до восхода солнца эти птички не упорхнут.

Хотя торговцы и заупрямились, настаивая на немедленном суде и линчевании, но в конце концов уступили моим доводам. С одним из них я стал на часах, а остальные снова улеглись спать. Через два часа нас сменил Сан-Иэр, готовый караулить негодяев в одиночку. Благо ночь уже близилась к концу, и одной пары опытных глаз было вполне достаточно, чтобы не упустить их.

Схваченные нами разбойники молчали и даже не пытались перекинуться парой слов, чтобы заранее сговориться, что отвечать на суде. Утром, когда мы проснулись, Вильямс и его напарник уже пришли в себя и тоже упрямо молчали. После завтрака мы задали коням корму, а затем приступили к суду.

— Чарли, ты будешь шерифом, — сказал мне Сэм, даже не спрашивая согласия остальных. — Ты их раскусил, ты их схватил, тебе и вести дело.

— Нет уж, Сэм. Дело будешь вести ты, — возразил я.

— Сэм Гаверфилд — шериф? Что это тебе вздумалось смеяться над стариком? Я человек простой, неученый а ты книги пишешь, тебе сам Бог велел быть шерифом.

— Сэм, как-то так получилось, что я еще не стал гражданином Соединенных Штатов, к тому же ты намного дольше меня живешь в прерии. Но если ты наотрез отказываешься, шерифом станет Боб.

— Что? Боб шерифом? — вознегодовал старик. Я уже давно заметил, что большинство белых вестменов, несмотря на всю свою честность, отвагу и готовность прийти на помощь ближнему, отказывали в правах людям с иным цветом кожи. — Тогда согласен — шерифом буду я, и только я!

Он уселся на песок, постарался придать своему лицу серьезное и торжественное выражение, что, честно говоря, получилось у него из рук вон плохо. Своим поведением он словно пытался убедить всех, что любой вынесенный им приговор будет верхом справедливости, несмотря на то, что суд совершается в безлюдной пустыне.

— Джентльмены, прошу вас сесть в круг, — приступил он к своим обязанностям. — Вы будете присяжными заседателями. А ты, Боб, стой рядом с обвиняемыми и охраняй их. Ты наш констебль.

Боб потуже затянул ремень, на котором висела сабля, и встал рядом с пленными.

— Констебль, мы свободные граждане свободной страны, поэтому развяжите обвиняемых. Пусть убийцы предстанут перед судом без веревок на руках, тем более что они скоро нам понадобятся для другого — мы накинём их им на шею, хи-хи-хи.

— Но, мистер Сэм, — растерянно возразил негр, — они ведь могут убежать...

— Делай, что тебе велят, — оборвал его Сан-Иэр. — Убежать им все равно не удастся. Без оружия и лошадей далеко они не уйдут. Наши пули догонят их прежде, чем они сделают десяток шагов.

Разбойников развязали, и они встали на ноги. Даже без

предупреждения Сэма они прекрасно понимали, что побег невозможен.

— Тебя зовут Вильямс, — начал Сэм. — Это твое настоящее имя?

— Я не буду отвечать на ваши вопросы, — нагло сказал упрямый грабитель. — Разбойники не мы, а вы. Это вы напали на нас, и судить надо вас.

— Ну что же, мой мальчик, воля твоя, можешь поступать как тебе заблагорассудится, — обманчиво мягко согласился с ним Сэм. И тут же добавил: — Но я тебе напомню, что по законам прерии молчание расценивается, как признание вины. Расскажи мне, о чем вы сговаривались этой ночью, пока стояли на часах? Ну, давай, смелее.

— Мы не сказали друг другу ни единого слова.

— А вот этот человек, которому я доверяю больше, чем себе, — произнес Сэм, указывая на меня, — подкрался к вам и все слышал. Отвертеться вам не удастся, сразу видно, что вы не вестмены, настоящие бывалые охотники никогда не позволили бы захватить себя врасплох.

— Это мы-то не вестмены? Тысяча чертей! Верните нам наше оружие, и мы вам мигом докажем, кто из нас гринхорн, а кто вестмен. Вы напали на нас ночью, чтобы убить и ограбить, а теперь еще оскорбляете и выставяете на посмешище.

— Не стоит так распяляться, мой мальчик. Сейчас ты узнаешь, кто напал на вас, и перестанешь петушиться. Как ты думаешь, кто мог уложить вас ударом кулака, да так, что вы ничего и не заметили? Ну конечно, только Олд Шеттерхэнд. А теперь внимательно посмотри на меня: только тот, кому индейцы навахо отрезали уши, имеет право называть себя Сан-Иэр. Мы и есть те двое, что могут сунуться в Льяно-Эстакадо. Ты не поверил нам, что мы вызвали вчерашний дождь, а зря. Если бы ты пораскинул мозгами, то сразу догадался бы, кто мы такие. Неужели ты когда-нибудь слышал о дождях в пустыне? Сами по себе, добровольно, они здесь не идут.

К моему удивлению, наши имена не произвели на негодзя ожидаемого впечатления. По-видимому, Вильямс решил, что ему нечего нас опасаться именно потому, что мы были слишком известны.

— Если вы действительно те, за кого себя выдаете, — сказал он, — мы ждем от вас справедливости. Что правда, то правда. Когда-то у меня было другое имя. Но ведь и вас на самом деле зовут не Олд Шеттерхэндом и не Сан-Иэром. Менять имя или нет — это дело вкуса, преступления здесь нет.

— Тебе никто и не ставит в вину то, что ты сменил имя.

— Тогда в чем вы нас обвиняете? Этой ночью мы действительно перекинулись несколькими фразами о том что кое-кого следует убить, но

разве мы говорили, что убьем именно вас? Разве мы назвали ваши имена?

Бесхитростный Сэм смутился и не нашелся, что ответить. Он долго смотрел вдаль, жевал губами и наконец не очень уверенно произнес:

— Да, имен вы не назвали, но мы все равно догадались о ваших намерениях.

— Что бы мы ни говорили, мы не подняли на вас оружие. Значит, и судить нас не за что. И если вы честные люди, то вы отпустите нас на все четыре стороны без всякого суда. Мы оказали гостеприимство Сан-Иэру и Олд Шеттерхэнду, а они вместо благодарности напали на нас и решили вздернуть. Если об этом узнают, то все охотники от Великих Озер до Миссисипи, от Мексиканского залива до Калифорнии скажут, что вы не вестмены, а убийцы и грабители.

В глубине души я был вынужден признать, что негодяй избрал правильную линию защиты. Его слова настолько вывели из себя простодушного Сэма, что тот вскочил с места.

— Вот ведь незадача! — воскликнул он. — Не хватало еще, чтобы нас обвиняли в убийстве. Не бывать этому! Смертная казнь отменяется. Вы свободны и можете отправляться хоть к черту на рога! Как вы считаете, господа присяжные заседатели?

— Они не виновны, — согласились с приговором Сэма трое торговцев, которые, по-видимому, сомневались и раньше в вине Вильямса и его сообщников.

— Я тоже не могу обвинить их в чем бы то ни было, — поддержал их Бернард Маршалл. — Мне совершенно все равно, кто они такие и как их зовут, а наше обвинение основывается только на том, что услышал Чарли. Но ведь он мог и ошибиться.

Боб буквально остолбенел, когда наконец до него дошло, что ему не суждено собственноручно накинуть петлю на шею грабителям. Что касается меня, то такой поворот дела меня полностью устраивал, я даже предвидел его, и поэтому настоял на том, чтобы суд состоялся утром, рассчитывая, что за ночь страсти улягутся. По той же причине я уклонился от роли шерифа и предоставил Сэму провалить обвинение. Старый и опытный вестмен был дьявольски ловок и хитер на охоте и в стычках с краснокожими, но неминуемо должен был сплеховать на суде.

В прерии жизнь человека постоянно подвергается смертельной опасности, поэтому зачем же отнимать ее у пятерых разбойников, если они — неважно, по какой причине — еще не совершили преступления. В противном случае пришлось бы убивать всех врагов только потому, что они враги и наверняка замышляют что-то недоброе. Я не жаждал крови

Вильямса и его сообщников, тем более не боялся их, однако мне стало чертовски обидно, что Сэм не сумел уличить преступников и так легко согласился освободить их. Следовало все же довести суд до конца, а потом помиловать разбойников.

— Ты согласен с нашим решением? — спросил меня Сан-Иэр.

— Сэм, ты знаешь, в чем заключается главное достоинство твоей Тони? — ответил я вопросом на вопрос.

— В чем же?

— У нее потрясающий ум.

— А у тебя потрясающая память. В самом деле, я как-то говорил тебе об этом. Но я не виноват, не злился на меня. Я вестмен, а не судейский крючоктвор. Наверное, ты лучше провел бы суд и сумел бы прижать их к стенке, да только ты же сам не захотел стать шерифом. А теперь мы дали слово и не можем его нарушить.

— Да, теперь мое мнение уже ничего не изменит, и мы не можем судить их за намерение убить нас. Однако отпустить их восвояси тоже нельзя. Мистер Вильямс, я хочу задать вам несколько вопросов и предупреждаю, что от ваших ответов будет зависеть ваша дальнейшая судьба. Как нам быстрее добраться до Пекос?

— Держите прямо на запад.

— Как долго нам придется ехать?

— Два дня.

— Я уверен, что вы стейкмены, грабители из тех, кто направляет путников по ложному пути и убивает их. Вчера вы сами предостерегали нас. Я внял вашим словам, а потому не собираюсь вам доверять. Вы останетесь с нами и в течение двух дней будете нашими пленниками. Если мы через два дня не доберемся до Пекос, я своей рукой всажу вам пулю в лоб, и, поверьте, уж я-то не промахнусь. Я предупредил вас. Джентльмены, привяжите этих людей к седлам — ив путь!

— Как хорошо! — радостно оскалился негр. — Если мы не дойдем до реки, Боб вздернет их на дереве.

Через четверть часа наш отряд уже был в пути. Привязанные к лошадям пленные ехали в середине кавалькады, а рядом с ними находился Боб: ему очень хотелось подольше побыть констеблем, а потому он не спускал с разбойников глаз.

Я и Бернард Маршалл ехали во главе отряда. Мой товарищ несколько раз пытался завести разговор о событиях прошлой ночи, но я отвечал ему односложно, и в конце концов он умолк.

— Это правда, что ты вызвал дождь? — спросил Бернард после того,

как мы молча преодолели две мили.

— Да.

— Я не могу в это поверить, хотя знаю, что ты никогда не лжешь.

— Я действительно вызвал дождь, чтобы спасти и себя и вас.

Я объяснил ему, что воспользовался очень простым способом. Шаманы многих диких племен, живущих в засушливых районах, прибегают к нему и завоевывают славу чародеев.

— Мы обязаны тебе жизнью. Мы непременно погибли бы от жажды.

— Не от жажды, а от рук убийц. Вы не поверили мне. Присмотрись к чепракам на этих лошадях: под ними скрыты плоские бурдюки с водой. Я бы пристрелил разбойников собственноручно, если бы не питал отвращения к кровопролитию. Как зовут того молодого негодяя, что ночью стоял на часах вместе с Вильямсом?

— Он назвался Меркрофтом.

— Имя наверняка вымышленное. Несмотря на молодость, он показался мне самым опытным из всей шайки. Не могу отделаться от ощущения, что я встречался с ним раньше. Я не позавидую им, если через два дня мы не выйдем к Пекос. Но давай оставим их на время в покое. Лучше расскажи мне, как убили вашего отца. Ты уж меня прости, я понимаю, что тебе тяжело вспоминать об этом, но я спрашиваю не из праздного любопытства.

— Честно говоря, никто ничего толком не знает. Аллена не было дома, он отправился в Сан-Франциско скупать золото, а мы остались вчетвером: отец, Боб, наша экономка и я. Мастера и работники живут отдельно. Однажды отец вышел на свою вечернюю прогулку, а утром мы нашли его в прихожей лежащим в луже крови. Мастерская и магазин были открыты, и все, что стоило хотя бы доллар, исчезло без следа. К несчастью, отец всегда носил при себе ключ, подходивший ко всем нашим замкам.

— Вы никого не подозревали?

— Только один из мастеров знал об этом ключе, однако полиция ничего от него не добилась. Пропали также драгоценности, отданные нам на хранение. После того как мы расплатились за них, денег совсем не осталось. Еле-еле я наскреб полсотни долларов, чтобы добраться до Калифорнии и отыскать брата. Я тревожусь за Аллена: прошел уже месяц, как от него нет вестей.

— Как я понял, ты уже не надеешься поймать убийцу и вернуть себе хотя бы часть украденного?

— Я потерял всякую надежду. Грабители, наверное, покинули пределы страны, и, хотя я поместил объявление о краже драгоценностей в

крупнейших газетах Америки и Европы, боюсь, что это ни к чему не приведет. Опытный негодяй найдет способ сбыть их с рук.

— Как бы мне взглянуть на это объявление?

— Нет ничего проще. Я всегда ношу при себе «Морнинг Геральд».

Он достал из нагрудного кармана газету и протянул ее мне. Пока я читал объявление, у меня в голове роились мысли о странностях судьбы и невероятных стечениях обстоятельств, которые люди обычно называют случаем. Возвращая газету, я задумчиво спросил, не глядя на Маршалла:

— А что, если я назову тебе одного из убийц?

— О чем ты, Чарли? Не шути так со мной, — разволновался вдруг Бернард.

— А может быть, и помогу тебе вернуть часть пропавших драгоценностей.

— Опомнись! Что ты говоришь? Когда случилось это несчастье, ты был далеко в прерии. Как ты можешь сделать то, чего не смогли ни полиция, ни родственники, а ведь они были рядом.

— Взгляни на это.

Я протянул ему кошелек, найденный у Фреда Моргана. Бернард схватил его дрожащими от возбуждения руками, развязал непослушными пальцами шнурок и заглянул внутрь.

— Боже милостивый! Наши алмазы! Это они, я узнаю их! Но как?.. Где ты их нашел?

— Возьми себя в руки, Бернард, — прервал я поток его восклицаний. — Не кричи так громко. Не стоит посвящать остальных в наши с тобой дела. Если это действительно ваши камни, оставь их у себя, а, чтобы ты не принял меня за убийцу и грабителя, я расскажу тебе, как они попали ко мне.

— Как ты мог подумать, что я способен обвинить тебя в...

— Тише! Тебя слышно даже в Австралии. Из-за этих алмазов убили твоего отца, и, если ты не хочешь, чтобы однажды ночью прирезали и тебя, научись скрывать свои мысли и чувства.

Несмотря на строгую отповедь, я внутренне радовался счастью моего друга и жалел, что не могу вместе с камнями вернуть сыну отца.

— Рассказывай же, Чарли! — попросил меня Бернард, умерив свой неуместный, но вполне понятный восторг. — Как случилось, что алмазы оказались в твоих руках?

— В моих руках оказался также и убийца. Я был в двух шагах от него, я подслушал его разговор с индейскими вождями, а потом, когда он бросился на меня в паровозе, вот этой ногой столкнул его на землю. Я

догадывался, что этот человек негодяй и грабитель. Сэм пытался нагнать его, но эта хитрая бестия сумела убежать. Надеюсь, скоро мне удастся схватить его. Насколько я знаю, убийца направился на тот берег Пекос. Его там ждут сообщники, с которыми он собирается обдeldывать грязные делишки. Мы нападem на их след, поймем и будем судить.

— Прошу тебя, Чарли, расскажи мне все по порядку.

Читатель уже знает о событиях, разыгравшихся у Западной железной дороги, поэтому я не стану повторять рассказ о нападении на поезд индейцев оглала, о стампедо, о Фреде Моргане и пожаре в прерии. Под конец я показал Бернарду письмо Патрика Фреду Моргану, он внимательно прочел его и сказал:

— Мы его поймем, Чарли. Я буду не я, если не вытяну из него, куда он спрятал остальные драгоценности!

— Бернард, я уже устал объяснять тебе, что надо говорить потише. На Западе подобная опрометчивость может стоить жизни, — снова укорил я неосмотрительного юношу.

— Ты в самом деле возвращаешь мне камни без каких-либо условий?

— Ну, конечно, ведь они твои.

— Чарли, ты... я хотел бы тебе предложить... — с этими словами он вытащил из кошелька самый крупный камень и протянул его мне. — Прошу тебя, не откажи, возьми этот алмаз в знак благодарности.

— Ни в коем случае, Бернард! Камни принадлежат не только тебе, но и твоему брату, поэтому ты не имеешь права распоряжаться ими по своему усмотрению.

— Я уверен, что Аллен одобрит мой поступок.

— Может быть, но не забывай, что вы потеряли много больше, и сейчас не стоит делать такие дорогие подарки. Поэтому оставь камень у себя, когда-нибудь подаришь мне на память что-нибудь попроще. А теперь поезжай в том же направлении, а я подожду Сэма.

Я оставил его в одиночестве переживать нежданную радость и остановил мустанга, поджидая Сан-Иэра, ехавшего позади отряда.

— Что вы там делали? — спросил он меня. — Вы с этим мальчишкой размахивали руками, словно собирались взлететь на воздух вместе с лошадьми.

— Ты можешь мне не поверить, Сэм, но я знаю, кто убил отца Бернарда.

— Невероятно! Тебе всегда чертовски везет. Другие годами потеют, чтобы чего-то добиться, а тебя удача словно сама находит. Надеюсь, ты не ошибся? Так кто же это такой?

— Фред Морган.

— Фред Морган? Он? Чарли, ты меня уже не раз посрамил, я знаю, что ты умнее меня, но вот этому поверить не могу. Морган орудует на Западе, среди вестменов, но на Востоке не промышляет...

— Я не собираюсь с тобой спорить, наверно, так оно и есть, как ты говоришь, но камни, которые я отнял у Моргана, принадлежат Маршаллу, и я их ему вернул.

— М-да! Наверное, ты все-таки прав. Бедный мальчишка небось сам не свой от радости. Теперь у нас есть еще одна причина искать встречи с Морганом. Я не успокоюсь, пока не отмечу его смерть на прикладе моего ружья.

— А что ты будешь делать после того, как покончишь с ним?

— Что буду делать? Вот ведь незадача, я еще не думал над этим! Я ведь только ради встречи с ним подался на Юг и готов следовать за ним в Мексику, в Бразилию и даже на Огненную Землю. Но если он попадетсЯ мне здесь, то мне потом будет все равно, куда идти. Может быть, переберусь в Калифорнию. Поговаривают, что там сейчас не заскучаешь.

— Бернард направляется на прииски. Мне не хотелось бы отпускать его одного. Вокруг золота всегда вьются люди, которые только и ждут, как бы поживиться за чужой счет. Давай сначала проводим его, а потом махнем дальше, за Фредом Морганом.

— Согласен. Вот тебе моя рука. Но сначала выведи нас из этих песков, пока я тут не изжарился, как бифштекс на сковородке. К тому же меня с души воротит от этого общества, и с каждым часом все больше. Особенно мне не нравится вон тот парень, не знаю почему, но у меня руки так и чешутся придушить его. Никак не могу вспомнить, где я раньше встречал его, но то, что встречал и он занимался грязными делишками, — это точно.

— Я сам не могу избавиться от такого же чувства, — ответил я Сэму, встревоженный тем, что наши подозрения совпадают.

День прошел быстро, а когда наступил вечер, мы остановились на ночлег, задали корм лошадям, сами подкрепились жестким, как подошва, вяленным мясом и легли спать. Пленных связали на ночь и выставили караул, а утром снова двинулись в путь. К полудню однообразная пустыня стала меняться, теперь нам попадались сочные зеленые кактусы, а кое-где из-под песка пробивались пучки желтой травы. Вскоре трава из желтой стала зеленой, а островки все более и более обширными и наконец слились в одно сплошное зеленое море. Пустыня осталась позади, началась прерия.

Мы спешили и пустили лошадей пастись. Изголодавшиеся животные жадно набросились на траву, нам даже пришлось привязывать их

к колям. Уверенные в том, что вскоре найдем воду, мы уже не берегли скудные запасы, оставшиеся у нас после дождя в пустыне.

Радуюсь, что испытания кончились, мы более доброжелательно смотрели на наших пленников. Словно угадав наши мысли, Вильямс подошел ко мне.

— Сэр, теперь вы верите, что я говорил вам правду? — спросил он, открыто глядя мне в глаза.

— Верю, — ответил я, удивляясь выдержке негодяя.

— Тогда верните нам оружие и лошадей и отпустите нас. Мы не сделали вам ничего плохого, и теперь, когда ваши подозрения не подтвердились, вы должны освободить нас.

— Может быть, и так. Но я не вправе один решать за всех. Сначала я должен посоветоваться с друзьями.

Я пригласил остальных и, когда они уселись в кружок, произнес заранее обдуманное вступление:

— Джентльмены! Пустыня, к счастью, осталась позади, перед нами местность, в которой без труда можно найти и воду и пищу. Будем ли мы и дальше держаться вместе или разъедемся? Куда вы направляетесь? — спросил я торговцев-южан.

— В Пасо-дель-Норте, — ответили они.

— Ну что же, это значит, что наши пути расходятся, так как мы держим путь в Санта-Фе. Ответьте мне еще на один вопрос: как мы поступим с пленниками?

Не раздумывая и не терзаясь сомнениями, торговцы решили отпустить их на свободу, к тому же не на следующий день, а немедленно. Я предвидел такой исход дела, поэтому не стал возражать.

Как только мы развязали разбойников и вернули им лошадей и оружие, они сразу же стали собираться в путь. На мой вопрос, куда они подадутся, Вильямс, все еще выдававший себя за скупщика шкур и мехов, ответил, что они поедут по берегу Пекос в сторону Рио-Гранде, чтобы поохотиться на бизонов. Через полчаса они ускакали, даже не попрощавшись, что, впрочем, меня совершенно не задело. Я прекрасно понимал, что разоблаченные мною разбойники не могли питать к нам нежных чувств и если и мечтали о новой встрече, то при совершенно иных обстоятельствах.

Вскоре уехали и торговцы. Оставшись одни, мы долго сидели молча, пока Сэм не обратился ко мне:

— Как ты думаешь, Чарли, они действительно отправятся на Рио-Гранде?

— Нет, они будут караулить нас вблизи Санта-Фе.

— Вот-вот, и я так же думаю. Ты был прав, когда обманул их. Мы заночуем здесь или сразу двинемся дальше?

— Я бы подождал здесь. Мы не можем пойти по их следу, так как именно этого они ждут и будут смотреть в оба. Дорога у нас дальняя, а наши лошади устали и отощали. Пусть вволю попасутся и отдохнут до завтра.

— А если они вернуться ночью и нападут на нас? — спросил Бернард Маршалл.

— Ну что же, тогда мы поговорим с ними на их же языке, как они того и заслуживают. Врасплох нас застать им не удастся: мой мустанг выносливее других лошадей, поэтому я сейчас поеду в разведку.

Следы разбойников вели на юго-запад, в глубь прерии, тогда как торговцы повернули южнее. Мой мустанг шел быстрой рысью, и через полчаса я уже различил впереди темную точку. Я знал, что у мнимых скупщиков мехов нет подзорной трубы, поэтому не опасался, что они заметят меня, и продолжал следовать за ними.

К моему удивлению, один из всадников внезапно покинул отряд и поскакал прямо на запад, где виднелись обширные пространства, поросшие густым кустарником. Что делать? По чьему следу идти? Чутье подсказывало мне, что одинокий всадник опаснее: те четверо удалялись от нас, в то время как этот явно что-то задумал. И я поехал за ним.

Не прошло и трех четвертей часа, как одинокий всадник скрылся в густом кустарнике. Я пришпорил мустанга и поскакал туда же, огибая заросли с таким расчетом, чтобы не попасться бандиту на глаза, если ему вдруг вздумается повернуть назад и проверить, не идет ли кто по его следу.

Углубившись в кустарник, я какое-то время ехал верхом, но в конце концов мне пришлось спешиться и буквально продираться сквозь сплетение веток. Вскоре я выбрался на небольшую поляну с прохладным чистым родником. Привязав мустанга так, чтобы он мог пастись и пить воду, утолил жажду и сам.

Продолжив поиски, я вскоре наткнулся на следы, а вернее, на множество следов. Между колючих кустов вилась наезженная тропинка, по которой совсем недавно проскакали несколько всадников. Выходить на тропу было опасно: где-нибудь рядом мог сидеть часовой, поэтому, чтобы не подставляться под пулю, я медленно, от куста к кусту, пополз дальше.

Пробираясь вдоль тропинки, я вдруг услышал громкое фырканье, но не обеспокоился, а даже обрадовался. Индейские лошади, обученные предупреждать хозяина о приближении чужака, фыркают тихо, значит, рядом были белые. Я пополз было на звук, но сразу же застыл, словно

окаменев: прямо передо мной из куста торчали две ноги в высоких кавалерийских сапогах. Это был часовой, наблюдавший за тропинкой.

Подкрадываться ползком — дело нелегкое, но ползти назад, не спуская при этом глаз с насторожившегося часового, да так, чтобы не хрустнула ни одна ветка, трудно вдвойне. Я пятился целых пять минут, пока не скрылся за ближайшим кустом.

Обойдя часового стороной, я снова направился вдоль тропинки, уверенный, что она выведет меня к лагерю. Так оно и случилось. Передо мной поднималась сплошная стена густого кустарника, увитого хмелем, из-за которого до меня доносились голоса и лошадиное фырканье. По-видимому, там была большая поляна, где разбойники чувствовали себя в безопасности. Однако сколько я ни ползал вокруг, так и не сумел найти даже узкой щели, чтобы хоть одним глазом посмотреть, что там делается.

Продираться напролом больше было нельзя, и я вспомнил старый способ, которому учил меня Сэм Хокенс: вытащив острый, как бритва, нож, я аккуратно срезал ветку и медленно, очень медленно, убрал ее; точно так же я срезал вторую, третью, четвертую, и теперь внизу, у самой земли, образовалась щель, сквозь которую я мог не только видеть происходящее, но и просунуть в случае необходимости руку.

На поляне шириной футов в шестьдесят стояло два десятка лошадей, чуть поодаль высилась груда каких-то вещей, укрытая бизоньими шкурами; на расстоянии вытянутой руки от меня сидел на земле мужчина — его могучую мускулистую спину обтягивала шитая золотом мексиканская куртка. Перед ним в окружении бородатых мрачных мужчин стоял Вильямс.

Я оказался прав, поехав за одиноким всадником!

— Наверное, один из них, — объяснял Вильямс тоном мальчишки, оправдывающегося перед учителем, — подслушал нас. Он так ударил меня по голове, что я потерял сознание. До сих пор не прошло.

— Вас подслушали? — грозно переспросил человек в мексиканском костюме. — Ты осел, Вильямс. Только последний идиот позволит подслушать себя посреди Льяно-Эстакадо, где и укрыться-то негде.

— Не спеши браниться, капитан, — защищался Вильямс. — Когда ты узнаешь, кто нас подслушал, заговоришь по-другому

— С тобой по-другому? Да я готов разорвать тебя на части. Мало того, что ты позволил себя подслушать, ты еще и подставил голову под кулак. Видели вы когда-нибудь, чтобы такого верзилу уложили одним ударом? Что-то ты не то поешь, Вильямс. Небось струсил, а теперь плетешь небылицы, чтобы оправдаться.

Лицо Вильямса налилось кровью, на лбу надулись вены.

— Ты знаешь, капитан, что я не трус. Тот, кто уложил меня, справился бы и с тобой.

Капитан громко рассмеялся в ответ.

— Рассказывай дальше!

— Даже Патрик свалился и не пискнул!

Значит, молодой негодяй, назвавшийся Меркрофтом, был на самом деле Патриком. Вот теперь я знал, кто он такой!

— Патрик? Да у него бизоний череп, у Патрика! Как же это случилось?

Вильямс подробно рассказал все, что с ним приключилось, начиная от встречи с нами и кончая сегодняшним днем, когда мы их освободили.

— Каналья, я пристрелю тебя как собаку! Я дал тебе четырех моих лучших людей, а ты не смог справиться с какими-то бродягами! Недотепа! К нему приходят два гринхорна, какие-то Сэм и Чарли, и вяжут его как мальчишку!

— Тысяча чертей, капитан! Ты хоть знаешь, кто такие Чарли и Сэм? Да пояись они сейчас перед нами с оружием в руках, я думаю, что немногие из нас решились бы защищаться. Это были Олд Шеттерхэнд и старик Сан-Иэр.

Капитан вскочил на ноги и закричал:

— Ты хочешь выкрутиться и потому лжешь. Но тебе все равно придется ответить перед нами.

— Ты можешь разрезать меня на куски, капитан, но я говорю правду.

— Если это действительно так, — задумчиво произнес умеривший свой пыл капитан, — то оба они должны исчезнуть с лица земли. Эта парочка не успокоится, пока не доберется до нашего горла.

— Время у нас есть, они сказали, что едут в Санта-Фе, поэтому пока нам ничего не грозит.

— Помолчи, Вильямс. Ты в сотню раз глупее их, и то не сказал бы им, куда едешь на самом деле. Я очень хорошо знаю охотников прерии и их обычаи. Если им понадобится найти наши следы, они найдут их, даже если мы полетим по воздуху. Может быть, сейчас кто-нибудь из них сидит рядышком в кустах и подслушивает нас.

Справедливости ради не могу не признаться, что холодок побегал у меня по спине. К счастью, никто не принял слова капитана всерьез и не бросился прочесывать заросли. Тем временем капитан продолжал:

— Я целый год провел в обществе старика Флоримона по прозвищу Ищейка, которого индейцы называют Ас-Ко-Лак, то есть Медвежье Сердце,

от него я узнал, к каким изощренным уловкам прибегают охотники. Смею вас уверить, джентльмены, они вовсе не собираются в Санта-Фе и уж, во всяком случае, до завтрашнего утра не покинут свой лагерь. Они прекрасно знают, что ваши следы будут видны и завтра, а их лошадям не мешает отдохнуть перед дальней дорогой. На рассвете они пойдут по нашему следу, и, хотя в конце концов мы их убьем, успеют укокошить человек десять из нас. Говорят, у Олд Шеттерхэнда есть ружье, из которого можно палить неделю, не заряжая его. Сам сатана смастерил это ружье и подарил ему в обмен на душу. Нам надо напасть на них еще сегодня вечером, как только стемнеет и они лягут спать. Слава Богу, их всего четверо, и больше одного часового им не выставить. Готовьтесь, к полуночи мы должны быть там. Добираться будем пешком.

Главарь разбойничьей шайки знал нас не так хорошо, как ему это казалось, не то он отдал бы совсем другой приказ. Как в прерии, так и в городах, люди склонны к преувеличениям и охотно верят во всякие небылицы. Стоит кому-нибудь из вестменов не потерять присутствия духа и храбро повести себя перед лицом врага, как молва о нем разносится от лагеря к лагерю, от костра к костру, его подвиги обрастают все новыми и новыми неправдоподобными подробностями, его уже называют непобедимым, заговоренным или продавшим душу дьяволу, и в конце концов одно лишь его имя обращает врага в бегство. Именно таким образом мне досталось от сатаны ружье, стреляющее целую неделю, тогда как на самом деле у меня был самый обычный двадцатипятизарядный штуцер работы мастера Генри...

— Где Патрик и остальные? — спросил у Вильямса капитан.

— Он поехал к Хэд-Пику. У него там назначена встреча с отцом, по моему, он говорил тебе об этом. А по дороге он ошциплет тех троих торговцев — у них хорошее оружие и куча звонкой монеты.

— А добыча? Куда он денет добычу?

— Пришлет сюда с двоими парнями, а третий поедет с ним.

— Оружие, оружие! Плевал я на хлопушки торговцев! Добратсья бы до ружья Сан-Иэра — слышал, оно бьет аж на тысячу двести шагов!

Внезапно вблизи раздался лай дикой собаки, и я насторожился: несомненно, это был условный знак, и выбрали его люди, не знающие, что в этих местах дикие собаки не водятся.

— Антонио вернулся, — заметил капитан. — Притащил кольца, которые мы потом употребим на Льяно-Эстакадо. Скажите, пусть несет их сюда, не оставляет снаружи. Пока Олд Шеттерхэнд и Сан-Иэр околачиваются поблизости, действовать надо как можно осторожнее —

береженого Бог бережет.

Его слова окончательно убедили меня в том, что на нашем пути встала шайка стейкменов, стервятников пустыни, беспощадных и набивших руку в своем кровавом ремесле, а под бизоньими шкурами лежала груда добра, отнятого у жертв вместе с жизнью.

В то же мгновение на другом конце поляны, напротив меня, заросли раздвинулись. Я понял, что это были срубленные у основания и связанные веревками кусты, образующие как бы занавес, отделявший тропинку от поляны. В эти искусно сделанные, незаметные постороннему глазу ворота въехали трое всадников. За их лошадьми тащились по земле связки длинных кольев.

Прибывших встретили радостными возгласами, и теперь я мог спокойно удалиться, не привлекая к себе внимания. Однако меня одолевало мальчишеское желание сбить стейкменов с толку и еще раз доказать им, что на всякого мудреца довольно простоты. Еще раньше, во время разговора, сидящий на земле капитан расстегнул пояс, на котором висели нож и две кобуры с украшенными серебром пистолетами. Просунув руку в проделанную мной узкую щель, я потихоньку вытащил один из них, сунул его в карман и, уничтожая следы моего пребывания, пополз назад, унося с собой срезанные ветки. Я передвигался индейским способом — опираясь на пальцы рук и ног, — что требует большой силы и частых упражнений, но зато позволяет не приминать траву. Только удалившись от поляны на двести шагов, я выпрямился и побежал к лошади.

Уже в сумерках я вернулся к моим товарищам. По выражению их лиц я понял, что они беспокоились и ждали моего возвращения с нетерпением.

— Масса Чарли снова здесь! — воскликнул Боб голосом, в котором звучала радость. Чувствовалось, что он за эти дни привязался ко мне. — Боб очень боялся, что масса Чарли не возвратится.

Сэм и Бернارد не спешили выразить свои чувства, хотя в их глазах читалось нетерпение. Когда мы сели, Сэм спросил:

— И что же ты узнал?

— Торговцев убьют.

— И только-то? Для этого не обязательно было полдня разгуливать по прерии, я это знал заранее.

— Раз уж ты такой провидец, отгадай, кто такой Меркрофт.

— К чему ломать голову? Как бы его ни звали, он отпетый негодяй.

— У него совсем другое имя...

— Не принимай меня за дурака, Чарли. Конечно, я ему не поверил, — язвительно перебил меня Сэм.

— Он Патрик Морган!

— Что? Патрик Морган? — От волнения Сэм вскочил на ноги и в гневе простер руки к небу. — Сэм Гаверфилд, ты старый осел! Ты был шерифом на суде и сам выпустил убийцу твоего счастья на свободу! Чарли, ты знаешь наверняка, что это был он?

— Вернее не может быть. Теперь я понимаю, почему его лицо показалось мне знакомым. Он вылитый отец.

— Все сходится! Куда он теперь подался? Он не должен уйти от нас!

— Сначала он подкараулит тех троих торговцев, расправится с ними и отправит добычу в лагерь, сам же в сопровождении еще одного негодяя поедет на Хэд-Пик, чтобы встретиться там с отцом.

— Немедленно едем за ним. Бернард, Боб, седлайте коней!

— погоди, Сэм, — остановил я вестмена. — Уже стемнело, и мы не сможем найти его следов. К тому же нам пора готовиться к приему почетных гостей.

— Почетных гостей? Кто же это собрался нас навестить?

— Патрик Морган состоит в шайке грабителей, у них тут вблизи лагерь. Их главарь, щеголь в расшитом мексиканском костюме, прошел неплохую выучку у старика Флоримона. Я подслушал их, когда Вильямс примчался в лагерь и рассказывал, кто и как сорвал их замыслы. Теперь они в отместку хотят напасть на нас в полночь.

— Так они думают, что мы заночуем здесь?

— Они думают совершенно правильно.

— Ладно уж, я готов остаться здесь, чтобы встретить их от души. Сколько их там?

— Я видел двадцать одного человека.

— Многовато на четверых. Но давайте разложим костер и свернем наши куртки и одеяла так, чтобы негодяи приняли их за нас. А сами устроимся поодаль и подождем, когда вся шайка окажется между нами и огнем. По такой мишени трудно промахнуться.

— Замечательно придумано, — одобрил его предложение Бернард. — Как мне кажется, это единственное, что мы можем сделать в нашем положении.

— Я рад, что вы согласны. За дело! Давайте, пока еще не совсем стемнело, наберем хворосту для костра, — призвал Сэм, вставая с места.

— Не торопись, — вмешался я. — Ты действительно думаешь, что мы таким образом сможем справиться с бандитами? Ведь не так-то просто перестрелять при свете костра два десятка человек, да еще отчаянных головорезов.

— А почему бы и нет? Уверен, они бросятся бежать после первых же выстрелов!

— Они называют своего главаря капитаном. Такие прозвища дуракам не дают. А что, если он настолько хитер, что разгадает наш обман и не полезет в западню? Тогда плохи будут наши дела. И как бы мы ни отстреливались, живыми уйти нам не удастся...

— Настоящий вестмен всегда должен быть готов к смерти, — высокопарно заявил Сэм.

— Но тогда ты не сможешь отомстить Морганам.

— Какой благовидный предлог, чтобы пуститься наутек и не связываться с грабителями! Вот ведь незадача: я не уберусь отсюда, пока не докажу им, что Сан-Иэр их и в грош не ставит.

— На этот раз ты меня не понял, Сэм. Я придумал кое-что получше.

— Что?

— Надо напасть на их лагерь. Пока они будут искать нас здесь, мы угоним их лошадей и увезем запасы продовольствия.

— Прекрасно. Только вот ведь незадача: ты собрался угонять лошадей, на которых они поедут нас убивать!

— Мне известно точно, что они придут сюда пешком. А поскольку добраться сюда пешком не так-то просто, они покинут свой лагерь часа за два до полуночи. Примерно столько времени займет их ночная прогулка.

— Ты не ошибся, Чарли?

— Не волнуйся, Сэм. Поджидая их здесь, мы подвергаемся большей опасности. Кроме того, лишив разбойников продовольствия и лошадей, мы не дадим им возможности хозяйничать в пустыне. Причем сделаем это без единого выстрела.

— Но они оставят часового!

— Я знаю, где он прячется.

— Они пустятся за нами в погоню.

— Пешком? Вот если мы останемся здесь и вяжемся в перестрелку, тогда нам действительно придется уносить ноги.

— Ну что же, ты меня убедил. Когда выезжаем?

— Через четверть часа стемнеет совсем...

— Масса Чарли замечательно придумал, — обрадовался негр. — Боб поедет вместе со всеми и отберет у разбойников все вещи. Это лучше, чем оставаться здесь, Боб не хочет, чтобы его пристрелили.

Тем временем темнота сгустилась, и вскоре ночь опустилась на прерию. Мы покинули лагерь, и я повел наш маленький отряд к разбойничьему логову. Привязав лошадей у края густых зарослей, мы

пешком отправились к уже знакомой мне поляне. Мы с Сэмом следовали впереди, осторожно и внимательно осматриваясь, за нами, изо всех сил стараясь не шуметь, ползли Бернард Маршалл и Боб.

Вблизи поляны я приказал моим товарищам залечь в кустах, а сам нашел то место, где лежал днем и подслушивал разговор Вильямса с капитаном. На поляне полыхал костер. Я прильнул к вырезанной мною щели и увидел, что грабители готовятся в дорогу.

— Найди мы хоть что-нибудь, похожее на след, я бы предположил, что один из них подслушал нас, — говорил капитан. — Но следов нет. Куда же тогда, черт побери, подевался мой пистолет? Неужели я потерял его утром по дороге и не заметил пропажи, когда снимал пояс? Хоблин, ты в самом деле видел всех четверых?

— Как сейчас вижу вас, капитан. Трое белых и негр, а рядом паслись лошади. Одна из них похожа больше на безрогую козу.

— Это старая кляча Сан-Иэра. Она не менее известна, чем ее хозяин. Они не заметили тебя?

— Нет. Мы с Вильямсом подъехали к ним на безопасное расстояние, а потом я ползком подобрался к ним и все высмотрел. Вот только место там ровное, как блюдце, поэтому подкрасться поближе и подслушать их я никак не мог. Думаю, капитан, и вам бы это не удалось.

Ученик Флоримона не ударил в грязь лицом, не забыл науку старого вестмена и выслал разведку к нашему лагерю. К счастью, лишь тогда, когда я уже вернулся.

— Ладно уж, все будет хорошо, нечего тревожиться по пустякам. Вильямс устал, поэтому останется здесь, а ты, Хоблин, станешь на часах у тропинки. Пора!

В тусклых отблесках костра я увидел, как поднялся занавес, открывая проход, и девятнадцать вооруженных до зубов разбойников вышли на охоту за нами. Они еще не прошли по тропинке, когда я уже лежал рядом с Сэмом.

— Как дела, Чарли? Они уходят?

— Да. Остались только часовой у тропинки и Вильямс. Нам лучше немного выждать — вдруг они вернуться. Бернард, Боб, оставайтесь здесь, а мы пойдем осмотримся.

Мы с Сэмом залегли в кустах у тропинки, терпеливо выжидая. Прошло минут десять — разбойники не возвращались. Не подозревая об опасности, по тропинке медленно брел часовой. Когда он поравнялся с нами, Сэм вскочил и схватил его за горло, а я стащил с бедолаги куртку, оторвал рукав и затолкал его разбойнику в рот. Через минуту, связанный по

рукам и ногам, он лежал в колючих кустах.

— Вперед! — скомандовал я.

Не таясь, мы пошли по тропинке, раздвинули занавес из срезанных веток и вышли на поляну. Вильямс, спиной к нам, сидел у костра и держал над пламенем кусок мяса. Поглощенный этим занятием, он не услышал, как мы подошли к нему.

— Держите мясо повыше, мистер Вильямс, не то оно пригорит, — произнес я.

От неожиданности разбойник уронил мясо в огонь, повернулся на звук голоса и, узнав меня, замер на месте.

— Какая жалость, сэр! Теперь вы останетесь без ужина. Поверьте, я не хотел причинить вред такому честному торговцу, как вы.

— Олд... Шеттерхэнд... — с трудом выдавил он. — Что вам здесь понадобилось?

— Что мне понадобилось, Вильямс? Да вот хотел вернуть капитану пистолет, который одолжил у него, пока вы рассказывали о встрече с нами.

Вильямс медленно подобрался, словно готовясь к прыжку и проверяя, сможет ли дотянуться до ружья, лежащего поодаль.

— Не вздумайте сопротивляться, Вильямс, не то поплатитесь жизнью. Оглянитесь, и вы увидите, что я здесь не один.

Стейкмен повернул голову и застыл: прямо на него глядел ствол ружья Сан-Иэра.

— Гром и молния! Я погиб! — воскликнул он.

— Я пощажу вас, если вы будете послушны и сделаете все, что я скажу. Бернард, Боб, подите сюда! — громко позвал я.

Через минуту в воротах стояли негр и молодой ювелир.

— Боб, принеси лассо и свяжи этого человека. Ты с ним знаком и знаешь, что, чем меньше у него свободы, тем лучше.

— Тысяча чертей! Живым вы меня не возьмете! — вскричал Вильямс, выхватил нож и вонзил его себе в грудь.

У негодя хватил мужества покончить с собой. Удар был точен: первое мгновение он еще сидел, прижимая Руки к груди, а затем свалился на землю, вздрогнул всем телом и вытянулся.

— Боже, прости ему грехи, — сказал я.

— На его совести не одна жизнь, — угрюмо произнес Сан-Иэр, глядя на мертвеца. — Впервые он поступил по справедливости и прихлопнул кого следует. Собаке — собачья смерть.

— Он сам себя осудил и сам привел приговор в исполнение. Слава Богу, нам теперь не придется этим заниматься, — ответил я, не испытывая

угрызений совести, хотя именно я стал причиной смерти Вильямса.

Мы послали Боба за часовым, оставленным в кустах у тропинки, и вскоре Хоблин лежал у наших ног. Я вынул кляп из его рта, он глубоко вздохнул, сел и испуганно уставился на безжизненное тело Вильямса.

— То же самое будет и с тобой, если ты не выложишь нам все, что знаешь.

— Я все скажу! — в страхе обещал пленник.

— Где вы спрятали золото?

— Оно зарыто за мешками с мукой.

Мы сняли бизоньи шкуры, с удивлением рассматривая гору награбленных вещей. Там было все, что когда-либо провозили через Льяно-Эстакадо: оружие всех систем и калибров, порох, свинец, патроны, волосяные веревки для лассо, седла, одеяла, вороха одежды, целые штуки сукна и ситца, стеклянные бусы и бисер, которые так нравятся индеанкам, скобяные изделия, мясные консервы и множество всего другого. Этого хватило бы, чтобы обеспечить товаром дюжину лавочек на целый год.

Боб легко расшвырял тяжелые мешки, словно это были кисеты с табаком. Бернارد нашел мотыгу и лопату и принялся копать. Вскоре мы наткнулись на кожаные мешки с золотым песком и самородками.

Я внутренне содрогнулся, представив, сколько несчастных искателей смертоносного металла погибло в пустыне от рук грабителей, чтобы здесь собралось такое богатство. Возвращающиеся домой старатели несут с собой совсем немного золота, предпочитая менять его прямо на приисках на депозитные квитанции и ценные бумаги.

— Где деньги и бумаги, отнятые у ваших жертв? — спросил я Хоблина, понимая, что именно они представляют собой главную ценность.

— Они спрятаны далеко отсюда. Капитан не хотел хранить их здесь, потому что среди нас были люди, которым он не доверял.

— Кто знает, где спрятаны бумаги?

— Только он и лейтенант.

— Лейтенант?

— Да, мы так называем Патрика Моргана.

Теперь мне стало ясно, что означала в письме Патрика отцу фраза «есть возможность сорвать банк». Неужели он решил предать своего сообщника и сбежать с деньгами и бумагами?

— Как далеко отсюда находится тайник?

— Мне это неизвестно. Как кажется, капитан не доверяет даже лейтенанту. Сегодня лейтенант с одним товарищем уехал на Хэд-Пик, а я должен был завтра пойти по их следу и не спускать с них глаз.

— Вот как! Но тогда капитан описал тебе, где ожидать лейтенанта и его сообщника.

Пленник умолк.

— Говори правду! Ты заслужил смерть, но мы отпустим тебя, если ты ничего не скроешь.

— Вы правильно догадались, сэр. Мне действительно приказали убить лейтенанта, если он сунется к тайнику. Он находится в небольшой долине, я бывал в ней раньше, но вам по описанию не найти ее.

— Так что тебе приказал капитан?

— Он велел мне спрятаться и пустить лейтенанту пулю в лоб, если тот появится в долине.

— Я обещал дать тебе свободу и сдержу слово, но только после того, как ты проводишь нас в долину.

— Я сделаю все, что вы хотите.

— И запомни: твоя жизнь висит на волоске. Если ты попытаешься надуть нас — пощады уже не будет.

— Пора уходить, — вмешался Сэм. — Теперь мы знаем все, что нам нужно.

— Возьмем с собой золото и то, что нам понадобится в пути: оружие, порох, пули, табак и продовольствие, — распорядился я. — Захватим также кое-что для подарков индейцам, если мы с ними повстречаемся: одеяла, бусы, ножи. Отбирайте товар, а я тем временем посмотрю лошадей.

Мне с первого взгляда понравились четыре приземистых лошадки мичиганской породы, словно сотворенной для переноски тяжелых грузов. Кроме них, я отобрал трех мустангов, чтобы заменить усталых и измученных кляч Бернарда и Боба; третий предназначался для связанного Хоблина.

Тут же нашлись и вьючные сумы. Упаковав все, что мы собирались взять с собой, мы нагрузили лошадей и Уже были готовы тронуться в путь.

— Что будем делать с остальными лошадьми? — спросил Сэм.

— Боб снимет с них путы и отпустит в прерию. Конечно, разбойники потом могут поймать нескольких из них, но не убивать же ни в чем не повинных животных! Вы поезжайте, а я останусь и подожгу эту кучу.

— А почему не сделать это сейчас же? — спросил меня Бернард.

— Огонь виден издали, и стейкмены тут же поспешат назад, поэтому лучше будет, если вы отъедете подальше. Я догоню вас.

— Ты прав, Чарли. Вперед, мальчики! — воскликнул Сэм, вспрыгивая на свою Тони и трогаясь в путь. За ним потянулись вьючные лошади, а сзади ехали Бернард и Боб, ведя между собой коня, на котором сидел

связанный Хоблин. Выждав, пока не стихнет цокот копыт, я принялся рассыпать порох по ворохам награбленного добра. Распустил одеяло на длинные полосы, пропитал их оружейным маслом, и фитиль метров в двадцать протянулся от моих ног к пороху. Когда огонь побежал к фитилю, я взял мустанга под уздцы и пошел по тропинке. Дойдя до последних кустов, я прыгнул в седло, и в то же мгновение сзади загрохотало: это рвались завернутые в одеяла патроны. За моей спиной полыхали заросли, огонь безжалостно пожирал добро, награбленное стейкменами у несчастных путешественников.

Глава III. СРЕДИ КОМАНЧЕЙ

На территории Техаса, Нью-Мексико и Аризоны, там, где притоки Рио-Гранде стекают с хребтов и отрогов гор Сьерра-де-лос-Органос, Гуадалупе и Рианка, раскинулась огромная дикая страна. Беспорядочные нагромождения скал, глубокие ущелья с отвесными стенами, покрытые девственными лесами долины сохраняют столь первозданный вид, словно с того дня, когда Господь сотворил землю, были напрочь отрезаны от внешнего мира.

Ветер подхватывает цветочную пыльцу и семена и перебрасывает их через горные хребты и пики, благодаря чему в долинах и на лугах буйствует растительность. Черные и бурые медведи блуждают там, нагуливая жир перед холодной зимой, которую проводят в укромных берлогах. Стада бизонов в несколько сот голов с топотом протискиваются сквозь узкие проходы и кочуют в поисках новых пастбищ. Здесь же время от времени появляются белые и меднокожие действующие лица, по дикости не уступающие окрестностям, и когда они исчезают — никто не знает, что с ними произошло, так как каменные исполины молчат, молчит и первозданный лес, а человек до сих пор не понимает языка зверей.

Кто отважится ступить сюда? Иногда забредает отчаянный охотник, полагающийся только на себя самого и на свое ружье, иногда здесь находит убежище беглец, скрывающийся от людского возмездия за свои преступления, крадется индеец, вышедший на тропу войны против всего мира, потому что весь мир — и белых, и краснокожих — объявил его вне закона. Здесь из-за кустов может внезапно показаться меховая шапка траппера, широкополое сомбреро мексиканца или похожая на шлем, завязанная узлом на макушке черная грива индейца.

Что здесь понадобилось каждому из них, что привело в эти недоступные места? Ответ всегда один — вражда с людьми и борьба за существование. Однако выжить здесь так трудно, что иногда кажется: жизнь не стоит тех усилий, которые приходится тратить, чтобы ее сохранить.

Внизу по равнине проходит граница между владениями апачей и команчей, там вершатся героические дела, о которых история умалчивает. Иногда после кровопролитного сражения не один побежденный — целые их отряды вынуждены искать спасения в этих недоступных горах, где ждет их новое сражение не на жизнь, а на смерть — на этот раз с силами

природы, победить которые значительно труднее, чем противников из плоти и крови.

Река Пекос зарождается в горах Сан-Хуан и вначале течет к юго-востоку, а затем, пробившись через Сьерра-Бланка, сворачивает прямо на юг. Миновав горы, река описывает огромную дугу в западном направлении; справа и слева от нее высятся горные отроги, но вдоль берегов тянется где широкая, а где поуже полоса прерии, приметная издали по высокой траве. Зеленые леса словно стекают со склонов в пойму реки.

Трудно найти более опасное место. Горы стоят такой сплошной стеной, что щель или каньон здесь редкость, и поэтому тот, кто не хочет встретиться с врагом, никак не может обойти его стороной. Конечно, можно бросить лошадь и, рискуя сломать себе шею, найти убежище в отвесных скалах, но человека без лошади ждет в этих краях верная гибель...

Итак, мы ехали по долине Пекос. Я бывал там и раньше, но тогда я путешествовал в компании многочисленных и опытных воинов племени апачей. Теперь же нас было всего четверо, к тому же нам приходилось не спускать глаз с пленника, которому, хотя он и слушался беспрекословно, доверять все равно было нельзя. Я хорошо знаю людей, опустившихся до грабежа и разбоя, и оттого не тороплюсь принимать за чистую монету их притворное раскаяние.

Была середина августа, солнце скрывалось за высокими горами сразу после полудня, и мы постоянно мерзли. Холод изнурял нас, тело коченело, мы зябко кутались в одеяла. В течение дня Хоблин ехал между нами, а на ночь мы его связывали. Стейкмен собственной жизнью ручался за достоверность своих слов. Однажды, когда время близилось к полудню, Бернард Маршалл спросил меня:

— Далеко ли еще до Скеттл-Пик и Хэд-Пик?

— Мы могли бы уже завтра быть там. Но Хоблин утверждает, что долина с тайником находится правее.

— А не лучше ли сначала поехать в горы и отыскать там Фреда Моргана?

— Отыскать его в горах не так-то просто. К тому же негодяй опытен и может заметить нас. Патрик опережает нас всего на несколько часов, и мы скорее нагоним его, чем отца.

— Стойте! — воскликнул вдруг ехавший во главе отряда Сэм. — Видите вот эту лежащую на земле ветку? Похоже, кто-то проехал здесь, и совсем недавно.

Мы подъехали поближе и спешили. Сэм поднял ветку, повертел ее в

руках и протянул мне.

— Погляди на нее, Чарли.

— Готов поклясться, что ее сломали не более часа назад.

— Можешь не клясться, Чарли, я тебе верю, потому что и сам так думаю.

Я внимательно осмотрел землю.

— Здесь прошли двое белых. Смотри.

В кармане у меня лежали две палочки, вырезанные по длине следа тех, кого мы преследовали. Я достал их и приложил к отпечаткам, видневшимся в траве.

— Это они, мерка подходит к следам. Дальше ехать нельзя, Сэм.

— Ты прав. Патрик не должен заметить, что кто-то идет за ним по пятам. Но если уж негодяи сошли здесь с лошадей — сделали они это не без умысла. Видишь: вон там стояли их лошади и копытами разрыли песок. А человеческие следы ведут дальше в лес. Пойдем посмотрим, почему Патрика потянуло на лесные прогулки.

Мы приказали остальным ждать нас на опушке, а сами пошли по следу. Пройдя несколько шагов, вдруг остановились: кочки мха под вековой сосной были срезаны рукой человека. Мы подняли их.

— Кирка! — удивился Сэм.

Подо мхом виднелся четкий отпечаток инструмента.

— Действительно! — недоуменно согласился с ним я. — Здесь лежала кирка.

— Они унесли ее с собой. Но откуда она здесь взялась? — продолжал удивляться Сэм.

— По-моему, все очень просто. Капитан и лейтенант, после того как зарыли свое сокровище в долине, спрятали кирку здесь, чтобы она не мешала им в дороге. Наверняка где-то здесь на деревьях есть отметки, по которым легко найти этот тайник. А кирка обязательно понадобится негодьям, когда они вернутся за деньгами.

Я уложил на место кочки мха и осмотрел деревья — действительно на стволах сосен виднелись зарубки.

— Что ты скажешь, Чарли? — спросил меня Сан-Иэр.

— Думаю, что Хоблин не лжет: Патрик собрался в долину.

— Мы должны опередить его. Только вот ведь незадача: нам неизвестно, сразу он туда пойдет или будет дожидаться отца.

— Сейчас мы все выясним.

Когда мы вернулись к нашим спутникам, я спросил Хоблина:

— Как далеко отсюда до поворота на долину?

— Я был здесь давно и точно не помню, но, по моим расчетам, не больше двух часов.

— Тогда в путь! Мы пойдем по его следу и все пойдем. Если Патрик сразу свернет в долину — значит, он спешит добраться до сокровищ; а если же поедет прямо — стало быть, решил сначала встретиться с отцом. Мы, что называется, сели им на пятки.

— Ты все верно говоришь, Чарли, но мы слишком близко от Патрика. Пусть отъедет подальше, не то он может заметить нас. А мы пока спрячем лошадей в зарослях и чем-нибудь перекусим. Я чертовски проголодался, а пост, вот ведь незадача, мне не на пользу.

Мы так и сделали. Сидя на мягком мху, мы с трудом пережевывали жесткое, как ремень, вяленое мясо, когда Хоблин вдруг тихо вскрикнул:

— Посмотрите вон туда, за овраг! Мне показалось, там что-то блеснуло на солнце. Может, это наконечник копья.

— Мыслимое ли дело, — презрительно отозвался мистер Маршалл, — с такого расстояния рассмотреть наконечник.

— Рассмотреть, конечно, нельзя, — вмешался я, — однако заметить отблеск солнца можно. Особенно если это команчи — у их копий широкие железные наконечники. А это значит...

В то же мгновение я умолк, заметив странный блик над оврагом.

— Несомненно, это индейцы. Слава Богу, мы успели спрятать лошадей. А если бы мы поехали дальше, они наверняка заметили бы нас — ведь солнце светило нам в лицо.

Мы немедленно отползли в кусты, а я достал подзорную трубу и направил ее на овраг. То, что я там увидел, не доставило мне радости.

— Полюбуйся на них, Сэм, — сказал я, протягивая подзорную трубу Сан-Иэру. — Их там сотни полторы, не меньше.

Сэм взглянул в подзорную трубу и передал ее Бернарду.

— Посмотрите и вы хоть раз на краснокожих, мистер Маршалл. Вы когда-нибудь имели дело с команчами?

— Никогда. А вы уверены, что это команчи?

— Уверен ли я? Да я в краснокожих разбираюсь не хуже, чем вы в своих дорогих побрякушках. Конечно, в этих местах можно встретить и апачей, но у них совсем другие прически. Обратите также внимание на боевую раскраску: красные и голубые полосы. Команчи откопали топор войны. Поэтому они до блеска надраили наконечники копий и набили колчаны отравленными стрелами, с которыми мне сегодня совсем не хочется знакомиться. Чарли, — обратился он ко мне, — что будет, если они поедут в нашу сторону?

— Они заметят нас.

— Ну, это не так-то просто, но нам все равно надо выйти и уничтожить следы под деревьями.

— Бесполезно, Сэм. Краснокожие обязательно наткнутся на наши следы у реки, пойдут по ним и обнаружат нас.

— Так оно и будет, но мы тем временем успеем унести отсюда ноги.

— Ты прав, так мы выиграем время. Попытаемся замести следы лошадей на опушке, не покидая убежища.

Позади меня стояла засохшая тонкая елка. Я срезал ее под корень и потряс ею над отпечатками лошадиных копыт. Сухая хвоя посыпалась на землю и прикрыла следы. Теперь только очень опытный глаз мог различить их.

— По-моему, ты перемудрил, Чарли, — произнес Сэм, с лукавой улыбкой глядя на меня.

— Почему же?

— Да потому что на клене не растут иголки.

Действительно, прямо над следами наших лошадей, которые я так «удачно» замел, стоял клен. Но на переделку уже не оставалось времени — все наше внимание было приковано к индейцам, которые остановились в овраге и выслали вперед разведчиков.

— Слава Богу! Они идут в другую сторону! — радостно воскликнул Сэм.

— Почему вы так решили? — удивился Бернард.

— Растволкуй ему ты, Чарли. У тебя это лучше получится.

— Все очень просто. Команчи выслали вперед трех разведчиков. Двое из них взбираются на холм, а третий едет вдоль реки, а это значит, что отряд будет переправляться вброд ниже по течению.

Вскоре разведчики вернулись к отряду, и команчи двинулись вдоль реки. Теперь мы могли видеть их и без подозрительной трубы и пересчитать краснокожих. Выяснилось, что их вдвое больше, чем мне показалось вначале. Молодые, сильные, как на подбор, воины принадлежали к двум ветвям племени команчей, так как во главе отряда ехали два вождя.

— А эти двое с орлиными перьями в волосах — вожди? — спросил Бернард.

— Да.

— А мне как-то говорили, что индейские вожди всегда ездят на белых лошадях.

— На белых? Ха-ха-ха! — засмеялся Сэм.

— Тот, кто сказал тебе это, знал об индейцах понаслышке, — произнес

я. — Краснокожие предпочитают лошадей темной масти, так как белый цвет виден издали и даже на охоте невозможно приблизиться к дичи на светлом коне. Только на севере, зимой, когда все покрыто снегом, индеец садится на такого коня и сам укутывается в белое одеяло. И я не раз прибегал к этому способу.

Тем временем индейцы начали входить в воду и один за другим пересекать реку. Несмотря на бурное течение, они выходили из реки всего на несколько шагов ниже того места, где входили.

Увидев, что краснокожие снова выслали вперед разведчиков, а затем двинулись вниз по течению, мы вздохнули с облегчением.

Опасность миновала, Сэм гладил по шее свою Тони и приговаривал:

— Что ты об этом думаешь, моя старушка? Ничего страшного, правда? Во всяком случае, краснокожие не смогли бы отрезать мне уши; а тебе хвост. Нам с тобой бояться нечего. Чарли, — обратился он ко мне, — а что будет с Патриком и его сообщником? Ведь их следы индейцы наверняка заметят.

— Ничего с ними не будет, — ответил вместо меня Хоблин.

— Почему же?

— Они давно знакомы. Это команчи из племени ракуррой. Наш капитан и Патрик выкурили с ними трубку мира. Мы сбывали им добычу.

— Хуже не придумаешь. Значит, краснокожие станут на его защиту, — пригорюнился Сэм, — и нам с ними не справиться. Уж больно их много.

— Мы должны терпеливо ждать, Сэм, — утешил я его. — Я уверен, что Патрик не возьмет команчей с собой в долину, где зарыты сокровища. Он ограничится тем, что выкурит с вождями трубку мира, посидит у костра, а затем под благовидным предлогом улизнет, чтобы обделать свои делишки без лишних свидетелей.

Я подполз к опушке леса и высунул голову из зарослей, чтобы проследить за индейцами, которые уже исчезали за холмом у поворота реки. Прежде чем уползти обратно, я машинально бросил взгляд в другую сторону — вверх по течению реки — и поспешил снова спрятаться. Сэм, заметив, как я отпрянул, тихо спросил:

— Что случилось, Чарли? Еще индейцы?

— Да. Один краснокожий стоит у выхода из оврага.

Сан-Иэр поднес к глазам подозрительную трубу.

— Боже, сколько их развелось! Но он только один, если, конечно, за ним не идут другие. Постой, постой! Да ведь это апач!

— Неужели?

— По-моему, это вождь. У него длинные волосы, он спускается к реке.

— Дай-ка мне подзорную трубу.

Но я ничего не увидел, так как индеец уже въехал в воду и скрылся за прибрежными холмами.

— Представляешь, Чарли, какая здесь каша заварится? Команчи вышли в поход, но и не подозревают, что за ними по пятам идут апачи. Ведь этот вождь поехал вперед, чтобы не спускать с них глаз. Он ведет себя чертовски умно: пошел не по следу, а выбрал дорогу повыше — через холмы, а затем по ближайшему ущелью. Теперь все притихните и замрите — краснокожие от природы наделены острым зрением. Апач поедет мимо нас, поэтому придержите лошадей и прикройте им ноздри, чтобы они не фыркнули при его приближении.

Мы не могли видеть апача, потому что находились за холмом, скрывавшим от нас правый берег реки, но не прошло и пяти минут, как послышался топот копыт.

Мои товарищи отползли назад к лошадям, а я остался лежать у самой опушки. Индеец ехал медленно, вглядываясь в землю. Может быть, он заметил следы Патрика?

Видимо, так оно и было, так как апач неожиданно остановил лошадь, бросил взгляд на елочные иголки, которыми я пытался замести следы, и в одно мгновение оказался на земле с томагавком в руке.

— Стреляй, Чарли, — послышался голос Сэма, и я заметил, что он вскинул ружье.

Индеец заметил его и, перепрыгивая через кусты, бросился на вестмена, но я вскочил на ноги и в прыжке, опережая их обоих, одной рукой отвел готовое выстрелить ружье, а другой удержал занесенную для удара руку апача.

— Виннету! Разве великий вождь апачей убивает своих друзей?

Краснокожий застыл, затем медленно опустил руку, и его темные глаза заблестели.

— Чарли!

Он всегда был скуп на слова и сейчас ограничился одним лишь возгласом, но в его голосе слышалась такая радость, какую гордые индейцы обычно стыдятся выражать вслух. Он заключил меня в объятия и прижал к груди.

— Что привело моего брата на Пекос? — спросил я.

Он заткнул за пояс томагавк и ответил:

— Собаки команчи покинули свои стойбища, чтобы отдать апачам свою кровь. Великий Дух говорит, что Виннету снимет с них скальпы. Но что делает в этой долине мой белый брат? Ведь он говорил мне, что

собирается переплыть Великую Соленую Воду, чтобы навестить вигвам своего отца и сестер, а затем отправиться в огромную пустыню, которая страшнее Мапими и Льяно-Эстакадо?

— Я уже навестил вигвам отца и побывал в Сахаре, но дух прерии звал меня к себе и в свете дня и в темноте ночи. Я не мог не послушаться его зова.

— Мой брат поступил правильно. У прерии большое сердце, которое вмещает в себя и жизнь, и смерть, а тот, кто хоть раз почувствовал его биение, не может уйти навсегда, он должен вернуться. Хуг!

Он взял коня под уздцы и вместе со мной вошел под сень деревьев. Только тут он увидел остальных моих товарищей. Их присутствие его вовсе не удивило, и он вел себя сдержанно, ожидая, что я сам представлю их ему. Дотянувшись рукой до переметной сумы у седла, Виннету достал оттуда трубку и индейский кисет с табаком и невозмутимо уселся на землю.

— Виннету ездил далеко на север, — произнес он, — и там у Большого Озера взял священную глину для трубки. Чарли станет первым, кто ее закурит.

— Мои товарищи также желают пить из нее дым мира вместе с моим краснокожим братом.

— Виннету курит трубку только с мужественными воинами, в чьих сердцах нет места лжи и на чьих губах живет только правда. Но Виннету знает, что его белый брат избегает общества дурных людей.

— Великий вождь апачей не мог не слышать о смелом охотнике Сан-Иэре.

— Виннету слышал о нем, но никогда не видел его лица. Он знает, что Сан-Иэр мудр, как змея, хитер, как лисица, и храбр, как ягуар. Он пьет кровь краснокожих мужей и отмечает их смерть на прикладе ружья, но убивает только тех, кто причинил ему зло. Пусть подойдет и выкурит с Виннету трубку мира и дружбы.

Старый знаменитый вестмен смутился, как мальчишка, от похвалы великого воина прерии, известного своей справедливостью и отвагой.

— Мой краснокожий брат сказал правду, — произнес он. — Я убиваю только тех, кто хочет отнять у меня жизнь, но смелые и честные воины всегда могут рассчитывать на мою помощь.

— Пусть вождь апачей взглянет на этого бледнолицего воина, — сказал я, указывая на Бернарда. — Большое несчастье обрушилось на него. Еще недавно он был богат и счастлив, но по вине белых грабителей и убийц лишился отца и состояния. Убийца ищет убежища на Пекос, но вскоре умрет от его руки.

— Виннету станет его братом и поможет поймать убийцу отца. Хуг!

Виннету всегда держал свое слово, поэтому я обрадовался его обещанию. Помощь Виннету стоила больше, чем все усилия полиции. О большем нельзя было и мечтать.

Тем временем апач набил трубку и закурил ее. Он пустил дым три раза к небу, три раза к земле, а затем на все четыре стороны света, после чего протянул трубку мне. Я повторил ритуал и передал трубку Сэму, а тот — Бернаду Маршаллу. В конце концов после завершения обряда трубка вернулась к Виннету.

— Мой краснокожий брат ведет много воинов? — спросил Сан-Иэр апача.

— Уфф!

Этот индейский возглас означает удивление, и Сан-Иэр, услышав в ответ только восклицание, подумал, что Виннету его не понял.

— Я спросил, сколько воинов ведет мой брат, — повторил он свой вопрос.

— Уфф! Пусть мой белый брат ответит мне, сколько нужно медведей, чтобы расправиться с сотней сотен муравьев.

— Достаточно одного.

— А сколько крокодилов надо, чтобы проглотить сотню лягушек?

— Тоже достаточно одного.

— А сколько вождей апачей надо, чтобы убить сотню ракуррой? Когда Виннету выступает на тропу войны, он не берет с собой воинов, а идет один, потому что он вождь не одного племени, а повелевает всеми апачами. Стоит ему протянуть руку, и, где бы он ни был, к нему поспешат тысячи воинов. У него повсюду глаза и уши, и он всегда знает, что делают сыновья команчей, и у него хватит томагавков и ножей, чтобы уничтожить всех своих врагов.

После этих слов Виннету обратился ко мне:

— Я знаю, что мой брат предпочитает говорить языком оружия, но я прошу его рассказать мне, что привело его сюда и что он собирается делать.

Я вкратце поведал ему все, что со мной произошло со времени нашей последней встречи. Он внимательно выслушал меня, а когда я закончил, выпустил последнее облачко дыма из трубки, спрятал ее в мешочек и встал на ноги.

— Пусть мои белые братья следуют за мной.

Он вывел свою лошадь из зарослей и вскочил в седло. Мы последовали его примеру и двинулись в путь. Виннету ехал на давно мне

знакомом ширококостном гнедом жеребце, похожем на первый взгляд на заезженную ломовую лошадь. Только такой знаток, как Виннету, мог выбрать его для себя. Пущенный вскачь гнедой был недосыгаем для других скакунов. Его размашистая спокойная рысь не утомляла всадника, конь не знал усталости и не задыхался от долгого бега. По уму и преданности он мог сравниться лишь со старушкой Тони. Острые и твердые, как сталь, копыта раскроили череп не одному волку и не раз обращали в бегство пуму. Когда Виннету садился в седло, казалось, что всадник и лошадь имеют единое тело, единую душу и единую волю. Отважное и выносливое животное никогда не подводило хозяина.

Спустившись к реке, мы доехали до места переправы команчей. Поразительно, но они чувствовали себя в безопасности, так как даже не попытались замести следы. Мы двигались за ними, останавливаясь на каждом повороте и внимательно вглядываясь вперед. Внезапно на опушке леса апач осадил лошадь, подал нам знак молчать и застыл. Я вытянул шею и напряг зрение, пытаясь проникнуть взором сквозь густую листву, но ничего не увидел.

Виннету мягко, по-кошачьи, спрыгнул на землю, повесил ружье на лук седла, выхватил из-за пояса нож и без единого слова скрылся за деревьями.

— Что с ним, Чарли? — шепотом спросил меня Сэм.

— Не знаю, Сэм, но Виннету ничего не делает без серьезной на то причины.

— Странно! Он слишком молчалив даже для краснокожего. Разве он не мог сказать нам, куда и зачем идет?

— А разве ты не слышал его слова о том, что мужчина должен говорить языком оружия? Наверное, ему что-нибудь показалось подозрительным, и он пошел на разведку. Неужели тебе надо объяснять подобные вещи?

— Но мог же он сказать, что его обеспокоило.

— Мы сами вскоре все увидим.

— Я не сомневаюсь, что увидим, но мы теперь не знаем, как себя вести и что предпринять.

— Это лишнее. Мы должны ждать здесь, пока он вернется или не позовет нас.

— Масса Чарли! Вы слышали, масса? — неожиданно подал голос Боб.

— Что? Ты не ошибся, Боб?

— Там кричал человек!

— Где?

— Там, за поворотом.

Я вопросительно посмотрел на Сэма и Бернарда, но они ничего не слышали. Однако Боб не мог ошибиться.

Вдруг — теперь все обратили на него внимание — прозвучал резкий крик пересмешника. Даже опытный охотник или краснокожий не смог бы отличить его от голоса настоящей птицы, но я знал, что это апач зовет меня. Мы давно условились подавать друг другу знак криком пересмешника.

— И здесь пересмешник! Куда только они не залетают!

— Этот пересмешник летает где хочет. Это Виннету зовет нас.

Я взял гнедого коня Виннету под уздцы и пошел к опушке леса, остальные двинулись за мной. Вождь апачей стоял в сотне шагов от опушки. Увидев, что мы приближаемся, он скрылся в кустарнике. Мы подъехали и увидели, что в колючих зарослях у ног апача лежит человек, связанный своим собственным ремнем. Он тихо стонал и с ужасом глядел на Виннету.

— Червяк! — брезгливо произнес апач и с презрением отвернулся от пленника.

Это был белый. Заметив меня, он несколько успокоился, видимо, цвет моей кожи вселил в него надежду на спасение. А когда к нему подошел Сан-Иэр, пленник и вовсе перестал дрожать, уверенный, что белые собратья не бросят его в беде.

— Да ведь это янки! — воскликнул Сэм. — Почему мой краснокожий брат решил, что он враг ему?

— Глаза бледнолицего лживы, — кратко ответил Виннету.

Внезапно позади нас раздался крик, а когда я обернулся, то увидел, что Бернард впился взглядом в лицо пленника.

— Хольферт?! Как вы здесь оказались?

— Мистер Маршалл! — не сдержал возгласа удивления пленник, явно знакомый с Бернардом. Однако, судя по всему, эта неожиданная встреча была ему очень и очень не по вкусу.

— Кто он такой? — спросил я.

— Его зовут Хольферт, он родом из Ноксвилла и работал у отца в мастерской.

Удивительное совпадение! Слишком удивительное, чтобы быть случайным. Мы встретили мастера-ювелира там, где пытались изловить убийцу старика Маршалла!

— Он был еще у вас, когда случилось несчастье и вам пришлось закрыть дело? — спросил я, осененный догадкой.

— Да.

Я обратился к пленнику:

— Мы давно искали вас, мистер Хольферт! Не могли бы вы оказать нам любезность и сообщить, где сейчас находится ваш приятель Фред Морган?

Перепуганный не на шутку Хольферт воззрился на меня и спросил:

— Вы сыщик, сэр?

— В свое время вы узнаете, кто я такой. А теперь потрудитесь отвечать на мои вопросы, пока я не заговорил с вами по-другому. Мне кажется, вы влипли в нехорошую историю, поэтому будьте благоразумны и говорите начистоту. Где Морган?

— Развяжите меня, я все расскажу!

У Бернарда Маршалла было такое выражение лица, словно он увидел встающий из могилы призрак.

— Ну что вы, Хольферт, мы не настолько наивны, чтобы развязать вас. Но мы и не звери. Боб, ослабь ремни.

— Как, Боб тоже здесь? — воскликнул Хольферт.

— Там, где масса Бернард, там и его слуга Боб. Почему масса Хольферт не остался в Луисвилле, а пошел в горы? Почему массу Хольферта связали?

Негр ослабил веревки и усадил пленника.

— Где Фред Морган? — продолжал настаивать я,

— На Хэд-Пик.

— Сколько времени вы провели вместе?

— Больше месяца.

— А где вы встретились?

— Он приказал мне приехать в Остин.

— Значит, вы и раньше были знакомы?

Хольферт не отвечал, мрачно глядя в землю. Я достал револьвер.

— Взгляните на эту штуку. Она стреляет безотказно. Я прекрасно знаю, с кем имею дело, но хочу, чтобы вы сами чистосердечно рассказали мне обо всех обстоятельствах смерти вашего хозяина и о том, куда исчезли деньги. И не пытайтесь юлить или играть в молчанку, а не то я пущу вам пулю в лоб. Здесь, на Диком Западе, мы судим грабителей и убийц намного быстрее, чем это делается в городах.

— Я не убийца, — с трудом выдавил перепуганный Хольферт.

— Я же предупредил вас, чтобы, вы не юлили. Я знаю, кто вы такой, но мне хочется понять, считать ли вас закоренелым преступником или человеком, раскаявшимся в совершенном злодеянии. Как давно вы знаете Моргана?

— Мы с ним родственники. Хотя и очень дальние.

— Он навещал вас в Луисвилле?

— Да.

— Продолжайте. Рассказывайте все и избавьте меня от необходимости задавать вопросы. Не забывайте, что вы в наших руках и что ваша жизнь висит на волоске.

— Я все расскажу, но пусть мистер Маршалл уйдет.

— Пусть будет по-вашему, — согласился я с неожиданной просьбой преступника. По-видимому, в его душе проснулось чувство раскаяния.

Я попросил Бернарда удалиться, и он ушел без возражений, но вскоре появился с другой стороны и встал под деревом за спиной у пленника.

— Рассказывайте! — приказал я.

— Фред Морган часто навещал меня и втянул в карточную игру.

— Он приходил к вам домой?

— Да. Он никогда не заходил ко мне в мастерскую мистера Маршалла. Сначала мне везло в игре, и я увлекся. Но потом я все чаще и чаще стал проигрывать, пока не задолжал ему несколько тысяч долларов. И тут черт дернул меня расплатиться с ним векселями, на которых я подделал подпись хозяина. Тогда Фред пригрозил мне, что донесет, если я не скажу ему, где прячут ключ от мастерской и от магазина. У меня не оставалось другого выхода, сэр.

— Вы знали, зачем Моргану понадобился ключ?

— Да. Мы должны были поделить добычу и уехать в Мексику. Но сначала нам пришлось расстаться, чтобы уйти от погони, и он назначил день и время встречи в Остине.

— И вы сообщили ему, что хозяин носит ключ при себе?

— Да, но я не думал, что Морган убьет его. Иначе я ни за что бы не согласился. Он говорил мне, что только оглушит хозяина. Мы подкараулили его, но Морган вытащил нож и ударил его в сердце. Потом мы открыли дверь и внесли тело, а найденные драгоценности тут же поделили.

— Он взял алмазы, а вы все остальное?

— Да, я все-таки мастер и разбираюсь в своем деле, поэтому мне не составило труда обменять свою долю на деньги, конечно, с некоторыми потерями.

— Но сейчас денег у вас, конечно, нет. Их у вас отнял Морган, не так ли?

— Вы правы.

— Разве можно полагаться на честность убийцы и грабителя? Вы очень доверчивы и поступили неосмотрительно. Нетрудно было

догадаться, что он заманил вас сюда с единственной целью — завладеть всем состоянием старого ювелира. Как ему удалось отнять у вас деньги?

— Вчера вечером он стоял на часах, а я уснул. Неожиданно я почувствовал легкое прикосновение и проснулся, к счастью, вовремя. Морган потихоньку обезоружил меня, вытащил из кармана все деньги и уже собирался вонзить мне нож в сердце. Смертельная угроза придала мне сил, я оттолкнул Моргана, вскочил на ноги и бросился бежать. Он погнался за мной, но мне удалось скрыться в темноте, и я бежал всю ночь, не останавливаясь, потому что знал: как только рассветет, он пойдет по моему следу. Днем я решил укрыться здесь, чтобы немного вздремнуть, но меня спугнул отряд индейцев, и я решил бежать дальше. И тут на меня неожиданно напал вот этот краснокожий.

Хольферт очень устал. Страх и лишения измучили его, и, видимо, поэтому он решился на признание, так как в голосе его не слышалось ни раскаяния, ни сожаления.

Я повернулся к Бернаруду:

— Этот человек принадлежит тебе. Ты можешь сделать с ним что хочешь.

Взволнованный рассказом о смерти отца, Бернард молчал, не находя слов. В его сердце жажда мести боролась с жалостью и состраданием. Он задал пленнику несколько ничего не значащих вопросов, а потом, так и не решившись на месть, сказал нам:

— Негодяй заслужил смертную казнь, но мы отпустим его, Бог ему судья!

— Это намного хуже, чем если бы мы его убили, Бернард. Без оружия, пеший и без опытных спутников он не уйдет далеко, и первый же встречный краснокожий снимет с него скальп.

— Тогда мы возьмем его с собой и отпустим на свободу в менее опасных местах.

— Он будет нам обузой, к тому же у нас уже есть один пленник.

— Все равно, нас будет четверо против двоих, мы с ними справимся.

— Даже если они сговорятся, им не удастся уйти от нас или застать нас врасплох. Я думаю о том, что в случае стычки с грабителями он станет для нас опасен, поэтому лучше дать ему одну из наших вьючных лошадей и ружье, и пусть убирается на все четыре стороны. А теперь давайте спросим мнение Виннету.

Вождь апачей стоял в стороне и с непроницаемым видом слушал все, о чем мы говорили. Он подошел к Хольферту и снял ремни, стягивающие его руки.

— Встань! — приказал Виннету.

Пленник встал, и Виннету спросил, показывая на него рукой:

— Белый человек смыл кровь убитого со своих рук?

— Да, — пробормотал в ответ Хольферт, испуганный вопросом.

— Кровь нельзя смыть водой, ее можно смыть только кровью. Так говорит Маниту и того же требует Великий ДУХ прерии. Видит ли белый человек то дерево на берегу реки?

— Вижу.

— А видишь ли ты нижнюю ветку? Если тебе удастся сорвать ее, я дарю тебе жизнь, потому что ветвь всегда была символом мира и милосердия.

Странное условие, выставленное Виннету, было для нас полной неожиданностью. Хольферт, недоуменно вертя головой, пошел к берегу, до которого было не более четырехсот шагов. Ветка висела не над водой, а над сушей, и сорвать ее не составляло труда, но когда пленник подошел к дереву и протянул к ней руку Виннету вдруг вскинул свое серебряное ружье. Прозвучал выстрел, и Хольферт рухнул с простреленной головой в воду.

Мы стояли как громом пораженные, а Виннету спокойно перезарядил ружье и произнес:

— Белый человек не принес ветку, поэтому он умер. Дух прерии справедлив и жалостлив, но его милосердие не ведет к гибели. Белый, которого вы называли Хольфертом, не мог остаться в живых, потому что его в любом случае ждала смерть: от рук команчей, или белых разбойников, или от зубов хищных зверей.

В то же мгновение апач оказался в седле и, не оглядываясь на нас, тронул коня. Мы двинулись за ним.

Следы команчей ясно виднелись на траве. Судя по раскраске, которую мы видели на их лицах, они выступили в военный поход, однако цель их находилась далеко, в противном случае они вели бы себя и осторожнее и предусмотрительнее. Безусловно, Виннету знал, куда и зачем они направляются, но такому воину, как он, следовало молчать и не высказывать собственного мнения, пока в том не было нужды. Я уже собрался подъехать к нему и расспросить его, когда вдруг прозвучал выстрел, а за ним еще два.

Мы немедленно остановились, Виннету подал нам знак вернуться назад, а сам пустил своего гнедого вскачь, осадил его у ближайшего поворота, укрыл коня в кустарнике и осторожно выглянул из кустов.

Вскоре он оглянулся и знаками позвал нас к себе.

— Команчи и двое бледнолицых, — сказал он, снова ныряя в заросли. Мы последовали за ним, а Боб остался караулить Хоблина и лошадей.

На огромном лугу в излучине реки стоял отряд краснокожих. У самой воды возле воткнутых в землю копий сидели вожди команчей и курили трубку мира. Их лошади паслись поблизости. Остальные воины разыгрывали дикое, но вполне мирное представление: они соревновались в верховой езде и владении оружием.

Лица белых невозможно было различить на расстоянии, поэтому я снова достал подзорную трубу и приложил ее к глазу.

— Сэм, взгляни и скажи мне, кто это там сидит? — сказал я, протягивая Сан-Иэру подзорную трубу.

Он посмотрел в окуляр и тихо присвистнул:

— Тысяча чертей! Это же Фред Морган с сыном! Откуда они взялись на поляне и почему сидят с вождями и курят трубку мира?

— Чему ты удивляешься, Сэм? В том, что они здесь, нет ничего странного. Патрик ехал перед нами, а Фред Морган шел по следу Хольферта — вот они и встретились. А с команчами они и раньше жили в дружбе.

— Так-то оно так, но мне такой поворот дела не по душе. Вот ведь незадача! Как же нам их выманить? Пока они с краснокожими, у нас нет никакой надежды схватить их.

— Не думаю, что они надолго задержатся среди команчей. Вряд ли им захочется делиться с индейцами зарытыми поблизости сокровищами.

— Тогда нам лучше остаться здесь и посмотреть, куда они двинутся дальше.

— А что нам мешает так и поступить? Кажется, индейцы не собираются ехать обратно.

— А разве Фред Морган не станет дальше преследовать Хольферта? — спросил Берnard.

— Он узнает от сына и команчей, что им по пути никто не встретился, и решит, что Хольферт убежал другим путем, — объяснил я. — Думаю, нам стоит укрыть лошадей.

Виннету кивнул в знак согласия, и я углубился в лес, чтобы найти подходящую поляну. Выбрав укромную, закрытую со всех сторон прогалину, я отвел туда и верховых и вьючных лошадей.

— Как далеко отсюда до долины, где ваш капитан зарыл сокровища? — спросил я Хоблина.

— Совсем близко, сэр. Вон там, справа, начинается овраг, через который можно попасть в долину.

— Плохо дело, — сказал я.

— Почему, Чарли? — вмешался Сэм.

— Потому что нам никак не попасть туда раньше Морганов. У меня нет сомнений, что, как только индейцы уйдут, разбойники пустятся напрямиком в долину.

— Не волнуйтесь, сэр, — успокоил меня Хоблин. — Этот путь известен только капитану и мне, а лейтенанту придется идти вдоль одного из притоков Пекос.

— Это меняет дело. Тогда мы можем спокойно смотреть состязания индейцев.

Разделившиеся на две группы команчи изображали сражение, то устраивая поединки, то налетая друг на друга целыми отрядами, да с такой ловкостью и быстротой, что любой европейский зритель захлопал бы в ладоши от восторга. Большинство индейских племен не применяют седло и узду, с которыми их познакомили белые. Широкая ременная подпруга удерживает на спине лошади толстую шерстяную или кожаную попону, которая заменяет им седло. Второй ремень в виде свободного ошейника охватывает шею лошади. Ухватившись за него руками и цепляясь ногой за спину коня, краснокожие воины очень ловко перебрасывают свое тело с одной стороны на другую и используют коня как щит, умудряясь при этом послать во врага стрелу или пулю. В искусстве верховой езды им нет равных, словно они всю жизнь выступали в цирке. Даже если в бешеной скачке ослабнет подпруга и свалится седло, то есть попона, заменяющая его, всаднику не грозит падение. Его ноги, обутые в мокасины из оленьей кожи шерстью наружу, буквально прилипают к лошадиной спине. Ошейник, висящий у основания гривы, настолько свободен, что в него можно просунуть руку до плеча, и тогда краснокожие, свесившись набок, могут пустить стрелу из-под конской шеи или даже из-под брюха. Благодаря длительным упражнениям они не знают промаха.

Наше внимание было приковано к военным играм краснокожих, и я всего лишь один раз случайно бросил взгляд назад — к счастью, как нельзя более вовремя. Двое всадников, вглядываясь в следы команчей, медленно спускались к берегу на опушке леса.

— Джентльмены! К нам едут незваные гости, — предостерег я товарищей.

Все посмотрели назад, а Хоблин воскликнул:

— Да ведь это капитан с Санчесом!

— В лес! Все в лес, а мы с Виннету заметем следы.

Через мгновение все наши спутники уже спрятались в густых

зарослях, а мы с Виннету остались у опушки, чтобы следить за так внезапно свалившимися на наши головы разбойниками. Они уже поравнялись с нами и, скорее всего, проследовали бы дальше, не раздайся в ту же минуту боевой клич команчей, ужасающий, свирепый, больше похожий на вой диких зверей. Оба всадника замерли на месте, осторожно выглянули из-за поворота тропы, а затем отступили назад и остановились там, где раньше находились мы. Мы с Виннету было поползли к нашим спутникам, но тут мне пришла в голову одна мысль, которую я решил немедленно осуществить.

Там, где стояли капитан и его сообщник, высился огромный старый клен, вокруг которого стеной поднималась молодая поросль. Мне удалось незаметно приблизиться к разбойникам и подслушать их беседу.

— Это команчи, — говорил капитан. — Они нам не страшны, но прежде следует выяснить, кто те белые, с которыми сидят их вожди.

— На таком расстоянии невозможно рассмотреть их лица, — отвечал тот, кого Хоблин назвал Санчесом.

— Мы узнаем их по одежде. Одного из них я вижу впервые, а второго заслоняет вождь.

— Капитан, посмотрите на ту соловую лошадь, что стоит рядом с конями вождей. Что вы о ней скажете?

— Черт возьми! Да ведь это лошадь нашего лейтенанта.

— И мне так показалось. Значит, один из них — Патрик.

— Вон он выглянул из-за вождя, я узнаю его клетчатую рубаху. Что будем делать, Санчес?

— Если бы я знал ваши намерения, то, может быть, что-нибудь и придумал бы.

— Ну что же, днем раньше или днем позже мне все равно бы пришлось открыться тебе. Я знал, что среди нас есть несколько человек, которым нельзя доверять, поэтому не хотел держать главные сокровища в лагере. Подальше положишь — поближе возьмешь, ха-ха! Поэтому я зарыл их неподалеку отсюда, и то место знают только двое — я и лейтенант. Он хотел встретиться с отцом, но назначил ему встречу не в нашем лагере, а на Пекос. Мне это показалось подозрительным, а когда он после нашей последней вылазки на Льяно-Эстакадо, не заезжая в лагерь, отправился прямо сюда, я убедился, что он собирается самым подлым образом обворовать нас и завладеть нашими сокровищами. Индейцев он встретил случайно — в этом нет сомнений, но что теперь делать? Подъехать к ним прямо сейчас и сразу же пристрелить за предательство или понаблюдать за ним и прихватить на горячем?

— Последняя мысль более дельная, капитан. Если мы подойдем к нему прямо сейчас и обвиним в воровстве и предательстве, он отопрется и скажет, что приехал сюда только для встречи с отцом. А потом станет вдвое осторожнее, и мы не сможем схватить его за руку. Нас двое, их тоже двое. А индейцам доверять не стоит, так что неизвестно, чья возьмет.

Я прекрасно понял замысел Санчеса: он из кожи вон лез, чтобы отговорить капитана от мысли расправиться с Патриком на месте и пройти с ним в долину — узнать, где спрятаны сокровища.

— Ты прав. Ракуррой вступили на тропу войны и останутся здесь не более чем на час. Потом они поедут своей дорогой, а Патрик бросится к тайнику, но мы не позволим ему взять то, что принадлежит нам, если... если только сокровища все еще там.

— Если сокровища все еще там? Но кто может добраться до них, если лишь вы двое знаете, где тайник?

— Сан-Иэр и Олд Шеттерхэнд перехитрили нас. Они обвели нас вокруг пальца, как мальчишек.

— Но как они могли проникнуть в тайну?

— Очень просто. Я собирался послать вслед за лейтенантом Хоблина и был настолько неосторожен, что кое-что ему объяснил. Вильямс убит, а Хоблин исчез, поэтому я подозреваю, что он присоединился к вестменам, чтобы спасти собственную шкуру.

— Капитан, а не лучше ли нам обратиться за помощью к команчам?

— И открыть им нашу тайну, чтобы они сняли с нас скальпы и захватили наши сокровища? Давай не будем торопиться, у нас еще есть время все хорошенько обмозговать. Смотри, индейцы сели перекусить. Тащи-ка сюда вяленое мясо, а то у меня тоже брюхо от голода подвело.

Санчес повиновался и пошел за провизией к лошадям, а мне пришлось поспешить назад, чтобы остаться незамеченным.

Присоединившись к моим товарищам, я пересказал им все, что сумел услышать.

— А где же те трое, что поехали с лейтенантом грабить купцов? — спросил Сэм. — Насколько я помню, один из них должен был остаться с Патриком.

— Нет, об этом они не сказали ни слова. Возможно, Патрик разделался со своим сообщником, чтобы развязать себе руки. Но что нам теперь делать с капитаном и Санчесом?

— Они нам не помеха, Чарли, пусть едут дальше.

Но тут вмешался Виннету и сказал, покачивая головой:

— Пусть мои белые братья не забывают, что у них на голове только

один скаल्प.

— И кто же осмелится снять его с моей головы? — спросил Сэм.

— Ракуррой — мои враги, но они смелые воины.

— Ну, им это не удастся. Они выступили в поход и скоро уберутся отсюда.

— Мой белый брат — отважный воин, но ему неизвестны пути команчей. Они идут на могилу своего вождя. Команчи-ракуррой каждый год навещают могилу в день гибели вождя. Он пал от руки вождя апачей Виннету.

Теперь я понял, почему Виннету следил за этим отрядом.

— Это не имеет значения, — сказал Сэм. — Если у них такие важные дела, то к чему им вмешиваться в чужие ссоры?

— Мне тоже не хочется зря проливать кровь, — высказался я.

— Мои белые братья поступят так, как посчитают нужным, — ответил апач, — но пусть помнят, что тот, кто щадит врага и убийцу, платит за это собственной кровью. Я все сказал! Хау!

Мне было неловко из-за того, что я не согласился с мнением Виннету, хотя в глубине души и признавал его правоту. Но в тот день уже пролилась кровь, и я внутренне противился мысли о том, что кровопролитие может повториться. К чему проливать кровь, пусть это даже кровь убийц и негодяев, если нет необходимости защищать свою жизнь?

Я все еще раздумывал, когда в лагере команчей послышались крики, свидетельствовавшие о том, что там произошло нечто в высшей степени неожиданное и необычное. Капитан и Санчес также встревожились и помчались к повороту тропинки. Я со всеми предосторожностями пополз к опушке и выглянул. То, что я увидел, встревожило меня, да так, что я чуть было не вскочил на ноги. Команчи столпились на берегу реки и, толкаясь, рассматривали что-то в реке. Спустя несколько минут они обступили вождей и обоих белых, а затем внезапно вскочили на лошадей и тронулись в путь.

— Что там случилось? — спросил Бернارد, когда я вернулся.

— По-моему, течение принесло к ним труп Хольферта.

Виннету внимательно слушал, понимая, что наше присутствие больше не удержать в тайне, если только я действительно правильно угадал причину переполоха в лагере команчей-ракуррой.

— Мой белый брат уверен, что тело мертвого человека может проплыть так далеко? — спросил он.

— Думаю, что да. Река здесь глубокая, течение быстрое.

Не проронив ни слова, апач встал и исчез между деревьями. Наверняка

он решил выйти к реке выше по течению, так чтобы команчи не могли его заметить, а потом поплыть под водой вдогонку за тем предметом, который так взволновал краснокожих.

Виннету предпринял весьма опасное дело. Несмотря на то, что он был прекрасным пловцом, ему все же пришлось бы время от времени подниматься на поверхность, чтобы глотнуть свежего воздуха. Капитан и Санчес могли с той же целью пойти к реке и заметить его. К тому же нельзя было исключить, что команчи только притворились, что уезжают, а сами спрятались в лесу и выслали к реке разведчиков: там, где появляется труп с огнестрельной раной, должен появиться и тот, кто эту рану нанес. Как во время войны нельзя оставлять у себя в тылу незанятую или хотя бы неосажденную крепость, так и на Диком Западе опасно позволять, чтобы вооруженный человек разгуливал поблизости, особенно если не знаешь его намерений.

Вождю апачей предстояло проплыть по реке около полумили, на что требовалось не более тридцати минут. Но не прошло и четверти часа, как капитан с Санчесом тоже тронулись в путь, а мы никак не могли им воспрепятствовать.

Дурные предчувствия не обманули меня: разбойники подъехали к тому месту, где раньше лагерем стояли индейцы-ракуррои, спешили и подошли к воде. Наверняка у Виннету из оружия был с собой только нож. Обстоятельства требовали моего вмешательства.

— Оставайтесь здесь! — приказал я спутникам, а сам поспешил сквозь густые заросли вдоль опушки леса, подыскивая место, откуда пулей можно было бы поразить стоящих на берегу разбойников. Однако не успел я выбраться из леса, как капитан вскинул ружье и выстрелил в воду. Только необыкновенная ловкость спасла Виннету. Он нырнул, и через мгновение появился на поверхности у самого берега, выпрыгнул из воды и бросился на капитана. В то же мгновение Санчес поднял ружье. Я не мог стрелять — не потому, что хотел сохранить жизнь негодяю. На таком расстоянии, когда противники живыми молниями мечутся в рукопашной схватке, слишком легко попасть не во врага, а в друга. Тем временем Виннету одним прыжком оказался возле Санчеса и в то самое мгновение, когда разбойник спустил курок, апач выбил ружье из его рук.

Вооруженные ножами капитан и Санчес наседали на Виннету с двух сторон, а он ловко отбивался от них прикладом отнятого ружья. Ему было не впервой сражаться с двумя, а то и с большим числом противников, поэтому я был спокоен за исход схватки, но вдруг раздался вой команчей. Услышав выстрелы, они поспешили назад.

Как только апач заметил новую опасность, он нанес сильнейший удар в плечо капитану, заставив его выронить оружие, а сам огромными прыжками понесся вверх по течению.

Читатель никогда не видел, как мчится пантера, за которой гонится стая волков. Именно так бежал Виннету, Индейский способ бега заслуживает отдельного описания. Виннету сам учил меня правильно бегать, даже не бегать, а выбрасывать тело в воздух, приземляясь на полусогнутую ногу, которая в то же мгновение, словно мощная пружина, должна распрямиться и снова отправить тело в полет. Бежать так исключительно трудно, даже редкие краснокожие выдерживают более пяти минут. Виннету же начинал сдавать только после десяти, но этого времени ему должно было хватить, чтобы добраться до одежды, скрыться в лесу, запутать следы и вернуться под спасительную сень деревьев, где стояли мы.

Я со всех ног пустился обратно к нашему укрытию.

— На коней! — приказал я.

— Тысяча чертей и одна ведьма! Куда это ты собрался? — удивился Сан-Иэр.

— С минуты на минуту здесь появятся команчи, а с ними и оба Моргана. Но искать они будут не нас, а Виннету, поэтому отведите лошадей на опушку леса и, как только они пройдут мимо, поезжайте за ними, чтобы ваши и их следы перемешались. А я останусь здесь ждать Виннету.

— Я останусь с тобой, — заявил Сэм. Он не хотел бросать меня в опасную минуту, но я не мог отпустить неопытного Бернарда и Боба с Хоблином.

— Я прошу тебя поехать с нашими товарищами и помочь им. Они могут растеряться и надеться на глупостей, — ответил я, бросая многозначительный взгляд на нашего пленника.

— Так уж и быть, я еду. Вперед, джентльмены! Эти краснокожие дьяволы уже промчались мимо!

В самом деле, вдоль леса проскакали команчи. Когда Сан-Иэр и остальные мои спутники уехали, я тщательно замел следы. Не успел я покончить с этим трудным делом, как раздался шелест и передо мной появился Виннету с одеждой в руках.

— Уфф! Ракуррой, словно собаки, нюхают землю и ищут след апача. Где товарищи моего белого брата?

— Они уехали вперед.

— Мой брат как всегда поступил мудро. Бледнолицым не придется нас долго ждать.

Он быстро оделся и, взяв своего жеребца под уздцы, подошел к опушке. На берегах реки не было видно ни души. Прежде чем мы вскочили в седла, я спросил:

— Что мой брат нашел в реке?

— Тело бледнолицего. Виннету сегодня дважды поступил, как мальчишка, но он смел и не боится команчей. Надеюсь, белые братья простят меня.

Никому больше гордый апач не мог признаться в собственной ошибке. Я понимал, какого усилия это ему стоило, поэтому промолчал, тем более что мы уже мчались во весь опор и мой мустанг едва поспевал за его невзрачным на вид жеребцом.

Наши спутники остановились там, где дорога уходила вправо, на вершину холма, а следы команчей вели в лес. Сан-Иэр спешился и укутывал лошадиные копыта кусками одеял. Не рискуя идти по дороге, мы спустились в овраг. Виннету шел пешком позади отряда, замечая наши еле различимые следы.

Как только мы скрылись за поворотом, я остановил отряд.

— Бернард, поддержи моего коня, — сказал я. — Я скоро вернусь.

— Не лучше ли убраться подальше отсюда, Чарли? — удивленно спросил Сэм. — Что ты надумал?

— Хочу посмотреть, что делают краснокожие.

— Вот ведь незадача — ты снова прав: так мы узнаем, разгадали они нашу хитрость или нет.

Отряд двинулся дальше, а я остался лежать в зарослях. Прошло совсем немного времени, и послышался цокот копыт. Команчи возвращались, но не все. С ними ехали оба Моргана, капитана же и Санчеса не было. Краснокожие продвигались вперед медленно, обшаривая взглядами каждую пядь земли. Там, где мы стояли и обматывали коням копыта обрывками одеял, они вдруг остановились. Один из вождей спрыгнул с лошади, поднял что-то из травы. Я не мог издали рассмотреть, что же они нашли. Быстро посоветовавшись, оба белых и один из вождей направились в сторону оврага.

К счастью, наши следы были надежно замаскированы, и команчи ничего не заметили. Когда они проходили мимо моего укрытия, я заметил в руке вождя длинную нитку от одеяла, которую кто-то из нас по небрежности уронил на землю. Холодок пробежал у меня по спине: наша жизнь висела на этой нитке.

Разведчики прошли мимо меня, но, не встретив ничего подозрительного, вернулись назад, уверовав, что никто не проезжал по

оврагу. По-видимому, именно поэтому они без опаски разговаривали между собой.

— Здесь никого не было, — донесся до меня голос Фреда Моргана. — А те следы, что мы нашли, оставили наши лошади.

— Но кто такой тот краснокожий и те двое белых, которые как сквозь землю провалились? — спросил Морган-младший.

— Не беспокойся, со временем все прояснится. Они от нас не уйдут. Краснокожий был без одежды, поэтому мы даже не знаем, из какого он племени.

— Кто бы он ни был, он оказал нам добрую услугу, если по реке и в самом деле плыл труп того Хольферта, о котором ты мне рассказывал.

— Несомненно, это был он. Меня беспокоит другое: как краснокожий оказался там, где мы так долго стояли? Что ему там понадобилось и что он услышал? Я думаю...

Морганы отделились от меня, и голоса их стихли. Мне хватило и того, что я услышал, чтобы понять: опасность пока миновала. Капитан с Санчесом не решились предстать перед команчами и очень ловко скрылись — только так они могли поймать лейтенанта с поличным.

Вождь и Морганы, ходившие на разведку, вернулись к отряду и сели на лошадей. Через минуту команчи скрылись за деревьями, а я помчался догонять товарищей, опередивших меня на добрых полчаса пути.

— Вот и замечательно! — обрадовался Сэм, услышав мой рассказ. — Пусть теперь ищут ветра в поле.

— Сыновья команчей, — отозвался апач, тоже обрадованный моим сообщением, — имеют глаза, но не видят, а их уши не слышат шагов неприятеля. Пусть теперь мои братья снимут с лошадей мокасины.

Никто не возражал, и мы с удовольствием послушались совета Виннету. Тряпье на копытах мешало лошадям, и они с трудом продвигались по дну оврага, усеянному валунами и стволами деревьев, упавших от старости или с корнем вывороченных бурей. С каждой пройденной милей бурелом встречался все чаще и чаще, а места становились все более дикими. Под вечер мы добрались до подножия горного хребта, тянувшегося с севера на юг, с трудом преодолели его и уже в полной темноте остановились на ночлег.

Ночь прошла спокойно, а с рассветом мы с Виннету выехали на разведку и убедились, что погори за нами нет.

Дальнейший наш путь пролегал по пустынной местности. Вместо рек и ручьев нам все чаще попадались высохшие русла, а лесов становилось все меньше.

В сезон дождей бурные потоки воды, несущиеся с гор, промывают в земле глубокие ущелья, которые сходятся, расходятся, пересекаются, словно настоящий лабиринт. На отвесных стенах видны слои глины, чернозема, песка, как будто гигантский нож разрезал слоеный пирог. Путник, едущий по такому ущелью, должен соблюдать осторожность — иногда у его ног открывается пропасть глубиной в несколько десятков метров, и тогда, если в стене нет тропинки, ведущей наверх, ему приходится возвращаться и искать обходные пути.

После ливней в горах ущелья наполняются водой, яростно бурлящей и несущей стволы деревьев и огромные камни. Горе путнику, не успевшему взобраться на дикие скалы, возвышающиеся по обе стороны ущелья. Каменные исполины очень живописны: ветер и вода выточили из них пирамиды, шестигранники, колонны и арки, причудливые фигуры, в которых без труда можно узнать всех известных животных. Порою трудно поверить, что это не творение рук человеческих.

В хитросплетении промытых водой ущелий легко найти основное, ведущее с гор в прерию. Оно-то и служит путешественникам дорогой, достаточно безопасной хотя бы по той причине, что едущего внизу человека можно заметить, только стоя у самого края расщелины. С другой стороны, путник тоже не может издалека увидеть врага и часто сталкивается с ним нос к носу.

Наш отряд тоже ехал по такому ущелью, и чем дальше на запад мы продвигались, тем ниже и положе становились его стены, и наконец мы вышли к отрогам хребта Сьерра-Бланка.

Там рождаются многочисленные притоки реки Пекос, а среди них и тот, в чьей долине, по словам Хоблина, разбойники зарыли свои сокровища.

Мы въехали в эту долину уже к вечеру. Она была небольшой — мили полторы в ширину и около полумили в длину. Изумрудная зелень по берегам безымянного потока радовала глаз, но пустить там пастись лошадей было нельзя: выщипанная ими трава сразу бы выдала наше присутствие.

— Вы уверены, что это именно та долина, которую мы ищем? — спросил я Хоблина. По пути мы проехали много мест, похожих на то, куда он нас привел, поэтому сомнения не покидали меня.

— Я узнаю ее, сэр, — ответил он. — Вон под тем дубом мы с капитаном заночевали, когда я впервые был здесь.

— Неплохо бы провести лошадей в соседнюю долину и оставить их там под присмотром часового — тогда они нас не выдадут. А мы чувствовали бы себя свободнее и быстрее справились бы с делом.

— Может быть, оно и так, — ответил мне Сэм, — но что будет, если вдруг придется уносить ноги? Нет, я свою Тони предпочитаю держать поблизости.

— Морганы не приведут за собой команчей, — возразил я. — Им совсем ни к чему посвящать краснокожих в свою тайну. Но так уж и быть, поищем подходящую поляну в лесу. Я с Бобом пойду на эту сторону, а Виннету — на ту.

Я взял ружье и направился к лесу. Боб шел за мной. Мы довольно долго блуждали среди бурелома и поросших мхом валунов, но не встретили ни одной поляны, куда можно было бы привести лошадей.

Внезапно негр, шедший сзади, завопил истошным голосом:

— Масса Чарли! Помогите!

Я молниеносно повернулся к нему и увидел, как Боб опрометью бросился к толстому буку, подпрыгнул, ухватился за нижний сук и проворно взобрался на дерево.

— Что случилось, Боб? Что тебя так напугало? — удивился я, так как знал, что ни разбойников, ни краснокожих там не может быть.

— Масса! Спасите бедного черного Боба! Приведите сюда всех людей и убейте чудовище!

Я не успел удивиться еще раз и толком расспросить, что за чудовище он имел в виду, — вдруг затрещали сучья и из густого подлеска вышло исполинское животное. Это был огромный медведь из той породы, которой дали название гризли, то есть «серый».

Мне приходилось слышать ужасающий голос льва, который арабы называют не иначе как «рад», что на их языке означает «гром»; я слышал рычание бенгальского тигра, и хотя мое сердце непроизвольно замирало, я не испытывал страха. Но от глухого, злобного рева серого медведя даже отчаянного смельчака прошибает озноб, а тело отказывается повиноваться разуму. Бессмысленно искать спасение в бегстве или на дереве — свирепый хищник, несмотря на огромные размеры, двигается стремительно и очень ловко взбирается на деревья.

В восьми шагах от меня стоял на задних лапах гризли и разевал пасть. Одному из нас было суждено погибнуть. Я прицелился и послал первую пулю ему в глаз, вторую — в сердце, затем отбросил ставшее бесполезным ружье и выхватил нож. Серый исполин даже не дрогнул, словно обе пули обеспокоили его не больше, чем пара надоедливых пчел. Он продолжал надвигаться на меня и уже поднял лапы, чтобы одним ударом смять, уничтожить посмевшегося встать на его пути человека. Я ждал, готовый увернуться и вонзить ему между ребер нож, но вдруг он хрипло взревел,

пошатнулся и рухнул, чуть было не придавив меня. Я не промахнулся: первая пуля попала ему в мозг, а вторая пронзила сердце. Одного такого выстрела вполне хватило бы, чтобы летящая в прыжке пантера упала на землю мертвой кошкой, а гризли сумел сделать шесть шагов! Еще два таких шага, и мне пришел бы конец!

— Как хорошо сделал масса Чарли! — завопил с дерева Боб. — Он убил медведя!

— Слезай! — приказал я ему, переводя дух.

— Масса Чарли убил его навсегда? Он не оживет и не сожрет Боба?

— Не бойся, Боб, он мертв.

Негр покинул спасительное дерево так же быстро, как и взобрался на него. Однако очутившись на земле, он не решился подойти к поверженному зверю и принялся ходить вокруг него кругами. Тогда я, чтобы окончательно успокоить Боба, наклонился над тушей и вонзил нож между вторым и третьим ребром.

— Какой большой медведь, он даже больше Боба! Но он не съел Боба, и теперь Боб сам съест его.

— Да, этого мяса нам хватит надолго. Но особенно вкусны медвежьи лапы и окорок.

— Масса Чарли даст Бобу медвежьи лапы за то, что он смелый?

— Ну конечно. Подожди меня здесь, пока я схожу за остальными.

— Не оставляйте меня одного! Боб смелый, но он боится зверя!

И снова взобрался на дерево.

Боб действительно не был трусом и доказал это во время наших стычек со стейкменами, но встреча нос к носу с гризли может напугать кого угодно.

Прежде чем уйти, я осмотрел окрестности, чтобы убедиться, что поблизости не бродит медведица: в это время года гризли часто ходят парами. Не найдя никаких следов, я мысленно возблагодарил Бога за то, что убитый мною медведь был холостяком и нам теперь можно было не опасаться нападения свирепого хищника. Не успел я выйти из лесу, чтобы позвать товарищей, как они сами прибежали на выстрелы.

Даже Сан-Иэр и Виннету признали, что им не доводилось раньше встречать такого великана, а апач склонился над медведем и... обмакнул свой мешочек с «лекарствами» в горячую струю крови, хлеставшую из Раны на груди.

— Мой белый брат оказал большую услугу медведю. Пули моего брата быстро и без страданий освободили его душу от оков тела, и теперь она уже в пути в Страну Вечной Охоты своих отцов.

Индейцы верят в переселение душ, и, естественно, по их представлениям, в огромном и прекрасном звере может жить только душа славного воина и охотника, помещенная туда Маниту за проступки. Убивая зверя, вы помогаете душе покинуть брненное тело и отправиться в Страну Вечной Охоты — рай индейцев.

Мы быстро освежевали медведя, отрезали от туши самые лакомые куски, а остальное мясо прикрыли ветками и камнями, чтобы до него не добрались стервятники и мелкие хищники.

Оказалось, что, пока я сражался с медведем, Виннету подыскал в лесу по ту сторону долины подходящее укрытие для лошадей. Мы отвели их туда, а так как Морганы могли появиться не ранее следующего утра, то я с общего согласия рискнул развести костер и испек медвежьей лапы, показавшиеся нам после надоевшего вяленого мяса пищей богов.

Ночь прошла спокойно. Ни звери, ни люди нас не тревожили. Утро пролетело в напряженном ожидании. Ближе к полудню на часах встал Сан-Иэр. Вскоре он вернулся к нам и сказал:

— К нам гости.

— Кто? — спросил я.

— Пока не понять, они еще слишком далеко.

— Сколько их?

— Двое. Верхом.

— Дай-ка мне взглянуть на них.

Пройдя с Сэмом к его укрытию, я посмотрел в подзорную трубу. Сомнений быть не могло: к нам пожаловали оба Моргана. Еще четверть часа, и они будут в долине. Пора было готовиться к встрече.

Внезапно в кустах раздался треск, и я схватился за ружье, подумав, что к нам забрела подруга вчерашнего медведя. Идти на такого зверя с одним ножом — вернее способа покончить с собой не придумаешь; в то же время стрелять теперь было нельзя: звук выстрелов спугнул бы Морганов, и тогда пришлось бы долго скрываться и плутать в горах, усыпляя их бдительность. Однако судьба улыбнулась нам, это были два человека, спускавшиеся в долину.

— Кого сюда еще нелегкая занесла? — тихо чертыхнулся Сэм.

— Сейчас увидим, — шепотом ответил я.

Мы лежали, не шевелясь, в густом кустарнике и ждали. То, что это были белые, не вызывало сомнения, — они шли не таясь. Краснокожий никогда не позволил бы себе открыто разгуливать по незнакомой местности.

Шаги приближались. Через мгновение из кустов вышли капитан и

Санчес, ведущие лошадей под уздцы. Их усталый вид говорил о том, что в пути им пришлось нелегко.

Они остановились в нескольких шагах от кустов, где лежали мы с Сэмом.

— Ну слава Богу! — облегченно вздохнул капитан. — Не хотелось бы мне когда-либо повторить наш путь. Похоже, мы успели вовремя, до нас здесь пока не побывал никто.

— Почему вы так уверены? — спросил его Санчес.

— Морганы могли въехать в долину только с этой стороны, но я не вижу их следов.

— А Сан-Иэр и Олд Шеттерхэнд?

— Их пока не стоит принимать в расчет. Если они и решились пуститься в погоню за Патриком и его отцом, то непременно встретились с команчами и наверняка отказались от своей затеи.

— Вы меня извините, капитан, вам, конечно, виднее, но меня тревожит тот белый мертвец, всплывший на Пекос, и краснокожий дьявол, сумевший уйти от нас.

— Не тревожься по пустякам и не думай о беде, пока она не пришла. За нами идут команчи, и каждый, кто попытается выследить нас, наткнется сначала на них.

— А если индейцы не пошли за нами?

— Пошли, в этом нет никаких сомнений. Суди сам: у них за спиной появляются двое белых и индеец, скорее всего апач, хотя я и не знаю, зачем ему понадобилось совать голову в пасть волку. Что в таком случае должны были сделать команчи? Сначала убить апача, а потом пуститься в погоню за белыми. А мы так спешили, что оставили следов не меньше, чем стадо бизонов.

— Они догонят нас?

— Не сегодня-завтра. Но нам нечего бояться, я курил с ними трубку мира. Они удивятся, что мы сбежали, не сказав им ни здравствуй, ни прощай, и мне придется кое-что поведать им о лейтенанте... Гром и молния! А вот и он, легок на помине.

— Точно! Это Патрик с отцом.

— Теперь он не уйдет от нас. Мы ему покажем, как обманывать товарищей!

— Капитан, а вы действительно хотите забрать сокровища сегодня же и в моем присутствии?

— Да.

— И кому они перепадут, капитан?

— Нам, конечно.

— Нам всем или нам двоим?

— А как бы хотел ты?

— Мне трудно сказать, чего бы я хотел... Думать — это одно, а произнести вслух — совсем другое... ну да ладно, была не была! Если вы вспомните, что произошло в нашем лагере, то, наверное, согласитесь со мной, что нам туда лучше не возвращаться. После долгих лишений хочется пожить в свое удовольствие. Тех денег, что спрятаны в тайнике, нам хватит, чтобы иметь все, что пожелаете, да еще кое-что перепадет и на мою долю...

— Ты славно думаешь, а говоришь еще лучше. Но сначала надо проучить этих двоих негодяев. Пойдем-ка подалее в долину, я знаю там одно хорошее место для засады, да и тайник оттуда виден как на ладони.

Неужели капитан имел в виду то место, где мы разбили наш лагерь? Они шли к нам в руки, не скрываясь, уверенные, что в долине, кроме них, никого нет — даже не обратили внимания на еле заметные следы в траве, оставленные мною и Сэмом. Правда, обнаружить их мог только опытный глаз жителя прерии.

Наши товарищи услышали шаги разбойников и ожидали их с оружием в руках. По сей день не могу забыть выражений лиц сухопутных джентльменов удачи, когда они, выйдя из-за кустов, неожиданно оказались лицом к лицу с тем самым индейцем, на которого безуспешно охотились. Я с трудом сдержался, чтобы не расхохотаться.

— Хоблин! — воскликнул в замешательстве Санчес, увидев своего собрата по разбою.

— Черт возьми! Действительно он! — удивленно воскликнул капитан, все еще не понимая, в каком обществе он очутился. — Как тебе удалось добраться сюда и кто эти люди?

Я подошел к нему сзади и с притворным дружелюбием похлопал по плечу.

— Бросьте удивляться, капитан! Мы все прекрасно знаем друг друга. Присаживайтесь, почувствуйте себя как дома.

— А вы кто такой, сэр? — спросил он, растерянно оборачиваясь ко мне.

— Не спешите, я сейчас представлю вам все общество по порядку. Кстати, правила хорошего тона требуют, чтобы сам я представился последним. Молодой джентльмен — мистер Маршалл из Луисвилла, у него есть неотложное дело к Морганам, к тем самым, что собираются обчистить ваши сети и уйти с уловом. Рядом с ним стоит его слуга Боб. К сожалению, с нами уже нет мистера Вильямса, он мог бы дать Морганам рекомендации,

так как хорошо знал их. Краснокожего джентльмена зовут Виннету. Вам, наверное, не раз приходилось слышать его имя, поэтому увольте меня от обязанности объяснять вам, что это значит. Позвольте также представить Сэма Гаверфилда, которого вся прерия знает под именем Сан-Иэр. И наконец ваш покорный слуга — Олд Шеттерхэнд.

Ужас охватил капитана. Запинаясь, он выдавил:

— Неужели... Возможно ли...

— Почему же невозможно? Устраивайтесь поудобнее. Нам есть о чем потолковать. Кстати, как вы обошлись без пистолета, который я позволил себе взять у вас на память? В тот вечер я с удовольствием слушал вас. Не меньше мне понравились ваши речи позавчера, когда вы наблюдали за команчами. Боб, возьми у джентльменов оружие и свяжи им руки и ноги, чтобы они не уклонились от беседы.

— Сэр! — вознегодовал капитан.

— Стоит ли так горячиться? Мы знаем о ваших грязных делах и будем говорить с вами так, как вы того заслуживаете. И не расходуйте зря силы, не то еще до того, как Морганы въедут в долину, мы заткнем вам рты кляпами, а может быть, и уьем.

Обескураженные внезапным поворотом событий, разбойники и не думали сопротивляться.

— Господин капитан, где находится тайник, к которому направляются Морганы? — спросил я.

— Все, что там лежит, — мое! — взвизгнул главарь шайки.

— Вам так только кажется. Я же считаю, что у вас нет никаких прав на зарытые там сокровища — хотя бы потому, что палач не должен наследовать имущество жертв. Ну да ладно, можете не отвечать. К тайнику нас выведут Морганы. Кстати, что случилось с тремя купцами, за которыми шли ваш лейтенант и трое его сообщников, скрывавшихся под видом скупщиков мехов?

— С купцами? Гм, честно говоря, я не знаю...

— Бог с вами! Я догадываюсь... А где теперь мнимые скупщики мехов?

— Двое из них, скорее всего, уже в лагере. А третьего по пути убил лейтенант. Мы нашли его тело.

— Так я и думал! А теперь позвольте мне еще раз предупредить вас о необходимости вести себя благоразумно. Боб, проверь узлы и сунь им в рот кляпы. Простите нас, господа, но мы не хотим, чтобы вы случайно выдали нас Морганам.

У входа в долину показались негодяй-отец и его достойный сын. Они

вели себя так же неосмотрительно, как капитан с Санчесом: остановились на мгновение, окинули взглядом окрестности, пришпорили лошадей и поскакали вперед. По их поведению можно было заключить, что в долине они надолго задерживаться не собираются.

Шагах в двадцати от нашего укрытия росло несколько густых кустов ежевики. Туда и направились оба всадника.

— Это здесь, отец, — сказал Патрик.

— Кто бы мог подумать: в таком непримечательном месте — и несметные сокровища.

— У нас мало времени, следует поторопиться. Мы так и не узнали, кто те двое белых и удалось ли команчам схватить их.

Они спрыгнули с лошадей, пустили их к воде, и, пока утомленные дорогой животные утоляли жажду, грабители, отложив оружие в сторону, принялись ножами выкорчевывать колючие кусты.

— Вот оно! — торжественно произнес наконец Патрик, вытаскивая из ямы сверток дубленой бизоньей шкуры.

— И это все? — удивился Морган-старший.

— Здесь банкноты и ценные бумаги. Поскорее зарываем яму и немедленно в путь.

— А я настоятельно советую вам повременить с отъездом.

Эти слова произнес Сан-Иэр. Я тем временем встал между разбойниками и их оружием, а Виннету и Боб взяли их на прицел.

В первое мгновение голос Сэма поразил негодяев словно гром среди ясного неба, но следует отдать им должное: отец и сын быстро пришли в себя и даже попытались кинуться к ружьям. Однако на их пути стоял я с двумя взведенными револьверами.

— Еще один шаг — и вас не воскресит даже дьявол.

— Кто вы такие? — спросил Фред Морган.

— Вам все объяснит ваш сын Патрик, он же мистер Меркрофт, он же лейтенант разбойничьей шайки.

— По какому праву вы задерживаете нас?

— По тому же, по какому вы убили мистера Маршалла в Луисвилле, а затем напали на поезд. По тому же праву, по какому вы сожгли ферму Сэма Гаверфилда и убили его жену и ребенка. Сделайте любезность — лягте на землю лицом вниз.

— Мы не подчинимся!

— Перед вами вождь апачей Виннету, это Сан-Иэр, которого раньше звали Сэмом Гаверфилдом, а меня вы наверняка знаете по рассказам вашего сына. Такие люди, как мы, не шутят и не занимаются пустяками.

Тот, кто при счете «три» останется на ногах, получит пулю. Один... два...

Скрипнув зубами и сжав кулаки от бессильной ярости, Морганы растянулись на земле.

— Боб любит вязать узлы на руках у злых людей. Боб сделает красивые узлы, крепкие, — бормотал негр, ловко стягивая грабителям руки и ноги.

Бернард увидел, что негодяи схвачены, и подошел к нам. Когда Морган, повернув голову, узнал сына убитого им ювелира, глаза его наполнились ужасом, словно он увидел привидение.

— Маршалл!

Бернард не произнес ни слова. В глазах его читалась решимость воздать убийце по заслугам. Кровь за кровь.

— Боб, приведи сюда остальных, — приказал Сэм. — Не стоит откладывать суд. Нам нельзя здесь задерживаться, поэтому приступим к делу и раз и навсегда решим судьбу негодяев.

Негр привел Санчеса и капитана, с ними пришел и Хоблин, который не пытался мешать нам и вел себя лучше, чем можно было ожидать от стейкмена.

— Кто будет говорить первым? — спросил Бернард.

— Чарли. Он самый умный из нас, — ответил Сэм.

— Нет, — отказался я. — Мы все потерпели от этих негодяев, за исключением Виннету. Он вождь прерии, пусть он и говорит первым.

Никто не возражал. Апач тоже кивнул в знак согласия.

— Вождь апачей слышит голос Духа прерии и будет справедливым судьей бледнолицых. Пусть мои братья возьмут в руки оружие, так как только воины имеют право судить.

Мы подчинились, следуя индейскому обычаю.

— Как зовут этого белого? — начал Виннету.

— Хоблин, — ответил Сэм.

— Что он делал?

— Грабил путников в пустыне.

— Убил ли он кого-нибудь из друзей моих белых братьев?

— Нет.

— В таком случае пусть мои братья решают сердцем, а не оружием. Виннету возвращает свободу этому человеку, но если он вернется к стервятникам пустыни, его ждет смерть.

Все без колебаний согласилось с решением Виннету. Я взял ружье и нож Фреда Моргана и протянул их Хоблину со словами:

— Возьмите это оружие. Вы свободны.

— Благодарю вас, сэр! — воскликнул Хоблин, счастливый от того, что ему сохранили жизнь. — Я выполню все ваши условия.

Выражение его лица говорило, что он искренне собирается сдержать свое слово.

— Кто этот бледнолицый? — продолжал Виннету.

— Он был главарем шайки грабителей.

— Он умрет. Белые братья согласны с моим решением?

Никто не возразил.

— А как зовут того человека?

— Санчес.

— Такое имя обычно берут себе разбойники с Юга. Кем он был?

— Он стейкмен из Льяно-Эстакадо.

— Что его привело сюда?

— Он хотел ограбить своих же сообщников. У него две души и два языка. Пусть он тоже умрет.

И на этот раз никто не встал на защиту мерзавца.

— Но они не погибнут от руки честного воина, — продолжал Виннету. — Их убьет человек, подобный им самим. Как имя молодого бледнолицего?

— Патрик.

— Снимите с него ремни, и пусть он бросит осужденных в воду — никакое оружие не должно коснуться их тела, они должны умереть позорной смертью.

Боб развязал Патрика, и тот исполнил приказ с готовностью отпетого негодяя. Он знал, что ему не жить, и, видимо, поэтому угодливо, с каким-то злорадным подобоострастием расправился с бывшими своими товарищами, Я отвернулся, чтобы не видеть казни этих двоих, хотя они и получили по заслугам. Раздались два глухих всплеска, и крепко связанные по рукам и ногам капитан и Санчес пошли ко дну.

Приведя приговор в исполнение, Патрик безропотно позволил снова связать себя.

— Кто эти двое бледнолицых? — спросил Виннету.

— Отец и сын.

— Какие преступления они совершили?

— Я обвиняю их в убийстве моей жены и сына, — первым отозвался Сэм.

— Я обвиняю старшего из них в убийстве моего отца, — произнес Бернард.

— Я обвиняю его в нападении на поезд, а младшего — в попытке

убить меня и остальных моих товарищей в пустыне Льяно-Эстакадо, — заключил я. — Они вдвоем пролили немало крови и совершили много злодеяний — даже того, что мы знаем, с избытком хватит, чтобы осудить их на смерть.

— Мой брат прав: достаточно того, что мы знаем. Пусть черный муж убьет их.

— Ну, уж нет! — воскликнул Сэм. — Я не согласен! Столько лет я искал их. Они причинили мне больше зла, чем другим, и жизнь их принадлежит мне. На прикладе моего ружья не хватает двух отметин! Когда они наконец ответят за свое злодеяние, Сан-Иэр обретет покой и вместе со своей Тони найдет последний приют в одном из горных ущелий или на просторах прерии, где белеют кости тысяч охотников.

— Мой белый брат справедлив, он требует то, что принадлежит ему по праву. Пусть Сан-Иэр возьмет убийц — он вправе поступить с ними по своему усмотрению.

— Сэм, — произнес я тихо, наклоняясь к старому вестмену, чтобы никто другой не услышал моих слов, — не запятнай себя кровью убийц.

Охотник смотрел в землю и молчал. Пока он раздумывал, я вместе с Бернардом отошел к лошади Фреда Моргана и заглянул в седельную кобуру. Там лежало всего лишь несколько жемчужин, в которых Берnard тотчас же признал свою собственность. Затем мы обыскали убийцу ювелира и нашли за подкладкой его кожаной куртки пакет с деньгами. Сомнений не было — то были деньги, отнятые им у Холферта.

Внезапно с того места, где стояли наши лошади, донеслось еле слышное тревожное фырканье. Обеспокоенный поведением коня, я подошел к нему и увидел, что он, бешено кося глазами, грызет удила и пытается разорвать путы, стягивающие его передние ноги. Поблизости рыскал дикий зверь или, хуже того, индейцы. Я сразу же громко крикнул, стараясь предупредить друзей, но они не услышали меня — воздух содрогнулся от дикого пронзительного воя.

Я выглянул из-за густых ветвей и увидел жуткую картину: долину затопило множество мускулистых бронзовых тел. Трое команчей прижимали к земле Сэма, в то время как четвертый вязал его. Несколько лассо затянулись на теле Виннету, и враги уже волокли его по земле. Хоблин лежал с разможенным черепом, а Бернарда и вовсе не было видно за стеной краснокожих.

Команчи-ракуррой действительно шли по следам капитана и Санчеса и сумели застать нас врасплох. Что я мог сделать? Броситься на помощь друзьям? Это было бы чистым безумием. Нечего и думать победить в

рукопашной схватке три сотни молодых и сильных воинов. Открыть огонь из своего укрытия? Я без труда мог убить дюжину-другую краснокожих, но остальные окружили бы меня и пленили.

Хоблин был убит, но Виннету и другие мои друзья оставались еще живы. Зная обычаи команчей, я был уверен, что они уведут пленников в свои стойбища, чтобы поставить у столбов пыток и насладиться их страданиями. Я должен был любой ценой сохранить собственную жизнь и свободу, чтобы попытаться тем или иным способом выручить товарищей.

Не теряя времени, я отвязал мустанга, взял его под уздцы и стал карабкаться вверх по крутой тропинке, ведущей в горы. Спасать что-либо еще не имело смысла: индейцы, прежде чем напасть на врага, все хорошенько высматривают, наверняка они видели, как я ушел к лошадям, а это значило, что через несколько минут за мной пошлют погоню.

Камни осыпались под моими ногами и копытами мустанга, пока мы медленно, с большим трудом взбирались вверх по крутому горному склону. Наверху, к счастью, лес кончился, я прыгнул в седло и погнал коня вдоль горного хребта так, словно за мной гналась тысяча чертей и от моей скорости зависело спасение души. Не останавливаясь, я проехал насквозь две долины и даже не пытался замечать следы — краснокожие все равно обнаружили бы их, а я потерял бы драгоценное время.

Через несколько часов скачки я подъехал к реке с каменистым руслом и направил мустанга в воду. На камнях, омываемых горным потоком, не остается следов, поэтому я долго двигался вверх по течению, затем выбрался на берег, обмотал копыта мустанга тряпьем и кружным путем вернулся к долине, откуда и начал свое бегство.

Солнце уже скрывалось за вершинами, когда я добрался до хребта, за которым простиралась злополучная долина. Соваться туда в темноте было нельзя, и я поискал в лесу сухое укромное место, пригодное для ночлега. От долгой скачки с «обувью» на копытах мой конь совсем обезножел и сразу же лег на землю, даже не притронувшись к сочной траве, в изобилии росшей вокруг.

Как круто изменились обстоятельства! Однако предаваться унынию было некогда, следовало действовать.

Едва встало солнце, как я, привязав коня в лесной чаще, пешком направился к месту вчерашнего сражения. Я осознавал, что предпринимаю опасное дело, но иного выхода у меня не было, поскольку я хотел помочь друзьям. Я так осторожно полз к вершине хребта, что мне понадобилось часа два на дорогу, которую пеший путник преодолел бы за десять минут. В долину я спускался еще осторожней и медленней.

Остановившись отдохнуть и осмотреться под старым огромным дубом, я вдруг услышал чей-то тихий свист.

Я огляделся — никого не видно.

Свист повторился.

На этот раз мне показалось, что звук доносится сверху. Я запрокинул голову, но, как ни напрягал зрение, не заметил в ветвях никого.

— Масса Чарли! — услышал я свистящий шепот.

Ах, вот оно что! Вверху, под самой кроной, чернело дупло, из которого выглядывало черное добродушное лицо Боба.

— Подождите, масса, Боб сейчас спустится к вам!

С тихим шелестом раздвинулись окружающие дуб кусты орешника, и негр предстал передо мной.

— Заходите, масса Чарли. Ни один индеец не найдет здесь умного Боба и массу.

Внизу, у корней, дуб треснул, и через эту трещину мы забрались внутрь сгнившего изнутри ствола.

— Как ты нашел это замечательное укрытие? — удивленно спросил я.

— Боб бежал и увидел зверя. Зверь залез в дерево и выглянул оттуда. Боб умный, он поступил так же.

— Ты прав, Боб, в уме тебе не откажешь. А что это был за зверь?

— Боб не знает, как его зовут. Зверь был небольшой, с хвостом и черными пятнами вокруг глаз.

По-видимому, негра к дуплу привел енот.

— А когда ты нашел дупло?

— Как только индейцы пришли — Боб побежать и спрятаться здесь.

— Так ты что — сидишь здесь со вчерашнего дня? Тогда рассказывай немедленно, что тебе удалось увидеть и услышать.

— Много-много краснокожих.

— И больше ничего?

— Разве массе Чарли этого мало?

— Они проходили здесь?

— Проходили, но не заметили Боба. Потом стемнело, и они развели костер и жарили окорок медведя, которого убил масса Чарли. Они съели нашего медведя, масса!

Негодование простодушного негра было вполне справедливым и понятным, но меня в ту минуту волновала судьба наших товарищей, а не медвежьей туши.

— Что было потом, Боб?

— Потом наступило утро, и индейцы ушли.

— Куда?

— Боб не знает, потому что не мог идти за ними. Но он видел через окошко, как они уходили и вели с собой массу Виннету, массу Сэма и массу Бернарда. У них на руках и ногах было много-много веревок.

— Рассказывай все, Боб, не тяни.

— А потом индейцы бегать по лесу и искать Боба, но он умный и хитрый, поэтому они не найти Боба.

— Сколько краснокожих осталось в долине?

— Боб не знает, сколько их, но знает, где они сидят. Там, возле медведя. Боб видеть их через окошко.

Упираясь руками и ногами в стенки полого ствола, я вскарабкался к дуплу, которое Боб называл окошком, и выглянул наружу. Оттуда как на ладони был виден противоположный склон долины. Под буком, на котором спасался от медведя Боб, сидел на корточках индеец. По-видимому, команчи, прежде чем уйти, оставили в долине часовых, чтобы поймать меня, если бы мне вздумалось вернуться.

Не зная еще, что предпринять, я спустился вниз к негру.

— Боб, я увидел там только одного краснокожего.

— В других местах сидят еще двое, но Боб не знает где.

— Жди меня здесь, пока я не вернусь.

— Масса Чарли хочет уйти? Нет, нет, останьтесь с Бобом!

— Не бойся, Боб. Я должен уйти, чтобы спасти наших друзей.

— Спасти массу Бернарда? Мы спасем его, а еще массу Виннету и массу Сэма! — воодушевился Боб.

— Тогда сиди тихо, чтобы тебя не заметили краснокожие.

Я покинул наше укрытие в источенном дереве. Все складывалось не так уж и плохо: я был не один, Боб мог оказаться полезным в моем нелегком деле. В глубине души я отдавал должное хитрости индейцев, оставивших засаду у медвежьей туши — вынужденный скрываться беглец не имеет возможности охотиться и, чтобы не погибнуть от голода, попытается вернуться к мясу.

Спустя час я уже был на другом краю долины в нескольких шагах от индейца, которого видел из «окошка».

Краснокожий стоял как изваяние. Ему было не более восемнадцати лет, возможно, он впервые принимал участие в военном походе соплеменников. На его шее висел свисток из обожженной глины, при помощи которого команчи подражают крику грифа. Опрятная, расшитая мелким бисером одежда и хорошее оружие выдавали в нем сына вождя. У меня не поднималась рука убить его, прервать эту молодую, полную

надежд жизнь.

Я ударил его вполсилы. Такой удар не принес бы вреда взрослому, закаленному в боях воину, но юношу сразил наповал. Связав молодого команча по рукам и ногам, я сунул ему в рот кляп, снял с его шеи свисток и подул в него.

Раздался резкий, протяжный звук, и тут же, словно в ответ, что-то зашуршало в кустах и оттуда вышел старый индеец. Он даже не успел удивиться — я оглушил его ударом приклада, связал и уложил рядом с юношей.

Безусловно, команчи оставили в долине не двоих воинов. Они знали меня, и было бы смешно надеяться, что старик и почти мальчик смогут пленить Олд Шеттерхэнда. Где-то поблизости должны были скрываться еще несколько воинов. Звать их тем же свистком было опасно, поэтому я решил найти то место, где индейцы укрыли своих лошадей. Двигаясь осторожно вдоль опушки, я тихонько заржал, подражая голосу моего жеребца, и тут же счастье улыбнулось мне: из лесу донесся ответ. На одной из полян стояли стреноженные индейские лошади. Их было шесть, значит, еще четверо команчей сидели в засаде в разных концах долины и ждали моего появления.

Вскинув на плечо молодого индейца, я понес его к дубу, в котором ждал меня Боб. Он то и дело выглядывал в «окошко» и, увидев меня, выскочил навстречу.

— Ах, масса Чарли поймал индейца! Масса убил его?

— Нет, Боб. Он жив. Ты должен помочь мне и спасти мистера Бернарда.

— Что должен сделать для этого старый черный Боб?

— Ты взвалишь этого индейца на спину и потащишь его вверх по склону, а потом вниз — пока не дойдешь до большого клена. Жди меня там. Но ни в коем случае не развязывай краснокожего — иначе он тебя убьет.

— Нет, масса, Боб не хочет, чтобы его убили!

— Делай, как я тебе сказал.

Огромный негр легко взвалил на спину юношу и понес его к перевалу прочь из долины, а я вернулся к индейским лошадям. Нельзя было допустить, чтобы команчи, заметив исчезновение своего товарища, пустились в погоню.

Сокровища, взятые нами в лагере грабителей, исчезли. И еще раз — который уже! — я убедился в том, что золото совершенно справедливо называют «смертоносной пылью». Из сотни человек, пускающихся на

поиски золота на Диком Западе, остается в живых не более десяти. Блеск и звон соблазнительного дьявольского металла будит злых демонов, и только под покровительством сильного закона зло, таящееся в золоте, превращается в благо.

Я связал лошадей цепочкой, взял первую под уздцы и повел за собой. Животные упирались, недовольно фыркали, но я, хоть и не без труда, сумел перетащить их через перевал и беспрепятственно провести вниз.

Негр сидел под старым кленом, не спуская глаз с пленника. Он явно чувствовал себя не в своей тарелке один на один с краснокожим, хотя тот и был связан по рукам и ногам. Увидев меня, Боб облегченно вздохнул и радостно улыбнулся.

— Как хорошо, что масса Чарли вернулся! Индеец делал страшные глаза, страшнее, чем сам дьявол. Он ворчал и хрюкал, как животное, и черный Боб ударить его по щеке, чтобы он замолчать.

— Ты не должен был его бить, Боб. Ударивший индейца по лицу становится его смертельным врагом. Теперь, если когда-нибудь он окажется на свободе и встретит тебя, ты погиб.

— Черный Боб погиб? Тогда лучше сразу убить индейца, чтобы он не убил Боба.

С этими словами негр достал нож и приставил его к груди пленника.

— Остановись, Боб! Если мы сохраним ему жизнь, он поможет нам освободить мистера Бернарда.

Я вынул кляп изо рта индейца.

— Пусть мой краснокожий брат дышит свободно, но говорить он будет только с моего разрешения.

— Ма-Рам будет говорить когда ему вздумается, — ответил индеец. — Даже если я буду молчать, бледнолицый все равно убьет меня и возьмет мой скальп.

— Мой краснокожий брат ошибается, — возразил я. — Ма-Рам будет жить и сохранит свой скальп, потому что Олд Шеттерхэнд убивает врага и только в честном бою.

— Бледнолицый — Олд Шеттерхэнд? Уфф!

— Ма-Рам не был моим врагом и теперь станет другом. Он проводит Олд Шеттерхэнда к вигваму отца.

— Отец Ма-Рама — вождь ракурроев То-Кей-Хун, Рогатый Бык. Он убьет меня, если я предстану перед ним пленником бледнолицего.

— Мой брат хочет, чтобы я вернул ему свободу?

Юноша в изумлении впился в меня глазами.

— Разве бледнолицые отпускают на свободу краснокожих воинов, чья

жизнь в их руках?

— Если мой краснокожий брат даст мне слово, что не попытается убежать и пойдет со мной к вигваму своего отца, то я сниму с него путы и дам коня и оружие.

— Уфф! У Олд Шеттерхэнда крепкая рука и большое сердце. Он не похож на других бледнолицых. Могу я быть уверен, что он говорит то, что думает?

— Я никогда не лгу. Будет ли мой краснокожий брат повиноваться мне, пока мы не встанем лицом к лицу с То-Кей-Хуном?

— Ма-Рам будет послушен воле Олд Шеттерхэнда!

— Тогда пусть Ма-Рам примет из моих рук дым мира и пусть его душа превратится в дым, а тело — в пепел, если он нарушит данную клятву.

Я вывел из укрытия моего мустанга и достал из сумки две сигары. Это были тонкие гаванские сигары, взятые мною в лагере стейкменов. Освободив пленника, я усадил его рядом с собой, и мы закурили, в точности исполняя ритуал братания.

— Разве у бледнолицых нет Великого Духа, который бы дал святую глину для трубки мира? — спросил Ма-Рам после того, как были произнесены обычные в таких случаях слова.

— Великий Дух бледнолицых могущественнее и сильнее всех остальных духов, и он дал много глины для трубок. Но бледнолицые курят трубки только в своих вигвамах, а в прерии пьют дым мира из сигар, которые занимают намного меньше места.

— Уфф! Сикарр! Великий Дух бледнолицых очень мудр. Сикарр удобнее, чем трубка! — удивился простодушный юноша, безбожно коверкая новое слово.

Боб, все еще боявшийся, что индеец не простил ему пощечину, заметив, что мы мирно сидим и курим, решил присоединиться к нам, чтобы обезопасить себя от мести.

— Масса Чарли, разрешите и Бобу покурить дым мира с краснокожим, — попросил он.

— Вот и тебе сигара, но ты кури ее в пути. Нам уже пора выступать, — ответил я.

Нам действительно было пора трогаться в путь. Команч отобрал из приведенных мною лошадей свою и вспрыгнул ей на спину. Боб сел на второго коня, а остальных я повел в поводу за своим мустангом.

К тому времени я уже хорошо знал нравы индейцев. Обмануть врага считается доблестью у краснокожих, однако же дым мира часто связывает их крепче, чем самая страшная клятва. Поэтому я не опасался, что Ма-Рам

попытается бежать.

В поисках следов команчей нам пришлось обогнуть горный хребет, отделявший нас от долины, и выехать на равнину. Индейцы, оставленные охранять вход в долину, увидев нас, подняли жуткий вой, но их крики были нам не страшны: оставшись без лошадей, часовые никак не могли пуститься в погоню за нами. Ма-Рам, несмотря на молодость, настолько хорошо владел собой, что его бесстрастное бронзовое лицо даже не дрогнуло. Он молча ехал рядом со мной, не пытаясь оглянуться.

Под вечер мы уже добрались до Пекос и остановились на ночлег. В переметных суммах индейца был изрядный запас вяленого мяса, поэтому мы могли не тратить время на охоту. Расстояние между нами и команчами, которых я обвел вокруг пальца в долине, стало так велико, что можно было не бояться, что за ночь они сумеют настигнуть нас. Краснокожие бесстрастны по натуре, а суровое воспитание приучает их скрывать свои чувства. Однако наш молодой пленник вел себя слишком невозмутимо даже для индейца. Возможно, со временем ему предстояло стать великим воином. Ни жестом, ни словом он ни разу не выдал своего волнения и сразу же лег спать. А я и Боб по очереди стояли на часах. С рассветом я снял сбрую с четырех ненужных нам лошадей и загнал их в воду. Животные переплыли реку и исчезли в лесу на противоположном берегу. Ма-Рам молча наблюдал за моими действиями.

Следы, по которым мы шли, отчетливо виднелись на траве, а это говорило о том, что команчи не опасались погони. К тому же зачем трем сотням воинов опасаться одного бледнолицего? Их отряд держался правого берега реки и двигался вниз по течению до того места, где Пекос пробила своими водами глубокий каньон в Сьерра-Гуадалупе. Там следы расходились, и я долго ломал голову, не понимая, зачем индейцам понадобилось разделяться. Большая их часть повернула в горы, а остальные продолжили путь в прежнем направлении.

Я спрыгнул с лошади и внимательно осмотрел следы. Отпечатки копыт старой Тони, хорошо известные мне, вели вдоль реки.

— Сыновья команчей отправились на могилу великого вождя? — спросил я Ма-Рама.

— Мой брат сказал правду.

— А те, — указал я на след отряда, ушедшего вдоль реки, — повели пленников к вигвамам команчей?

— Так приказали вожди ракурроев.

— Сыновья ракурроев увезли с собой сокровища бледнолицых?

— Они оставили их у себя, так как не знают, кому из бледнолицых

принадлежит золото.

— Где стоят их вигвамы?

— В прерии, на берегу реки, которую белые люди называют Пекос.

— Ты хочешь сказать, в прерии между теми двумя горными хребтами?

— Да.

— В таком случае мы не пойдем по следу, а повернем к югу.

— Мой белый брат — мудрый воин, но сейчас он ошибается. В горах к югу отсюда нет воды ни для нас, ни для лошадей.

Я посмотрел ему в глаза, но краснокожий не отвел взгляд.

— Видел ли когда-нибудь мой брат-команч горы у большой реки, на которых бы не было воды? Ручьи текут в долину с каждой горы.

— Мой бледнолицый брат скоро сам убедится, кто прав! — упорствовал молодой хитрец.

— Я догадываюсь, почему Ма-Рам не хочет идти в горы.

— Тогда пусть мой брат скажет мне об этом.

— Сыновья ракурроев едут с пленниками вдоль реки. Если я направлюсь на юг, то нагоню их еще до того, как они доберутся до своих вигвамов.

Чувствуя, что я разгадал его уловку, краснокожий умолк.

Вдоль реки вели следы шестнадцати лошадей, а это значило, что Виннету, Сэма и Бернарда охраняют тринадцать воинов. Рассчитывать на помощь Боба не приходилось: этот старый добрый негр не был воином. Сражаться же в открытую с сильным вооруженным отрядом было нельзя: в случае нападения охрана могла перебить пленников.

Именно поэтому я повернул на юг. Местность была мне незнакома, а Ма-Рам отвечал на все мои вопросы уклончиво, и выведать что-либо от него было невозможно. Однако, несмотря на множество препятствий, мы перевалили через горный хребет, перед нами раскинулась уходящая вдаль прерия, по которой змеилась блестящая под солнцем Пекос. Ее берега поросли густым лесом, и мы продвигались очень медленно.

Мои расчеты опередить отряд команчей и перехватить его по пути не оправдались: у одного из многочисленных притоков мы вышли на следы команчей, прошедших там днем раньше. А неподалеку обнаружилось и место, где краснокожие отдыхали, ожидая, пока спадет полуденный зной.

Я тоже решил встать тут на отдых, но не у самой воды, а в ближайших зарослях, чтобы нас не заметил посторонний глаз. И вскоре убедился в справедливости пословицы: «Береженого Бог бережет». Не успели мы с Ма-Рамом устроиться на траве, как к нам прибежал Боб, водивший коней на водопой.

— Масса Чарли, — испуганно воскликнул запыхавшийся негр. — Сюда скачут всадники! Один, два, пять, шесть! Масса! Нам надо убить пленника и бежать.

— Не горячись, Боб! — оборвал я его и выскочил на опушку.

По берегу реки, вверх по течению, во весь опор неслись шесть лошадей, но всадников на самом деле было только двое. Остальные четыре лошади скакали тяжело, изнемогая под вьюками. Я выжидал, не зная, что предпринять — неизвестные всадники были белыми.

Пока я раздумывал, из-за излучины реки показались еще пятеро верховых. Это были краснокожие.

Я поднес к глазам подзорную трубу и не смог сдержать возглас удивления:

— Господи! Фред и Патрик Морганы!

Что было делать? Убить негодяев или взять их живыми? В конце концов я решил не марать рук кровью убийц, предоставив команчам самим вершить правосудие. Я ждал со штуцером в руках. Беглецы приближались к нам, преследующие их индейцы скакали в полумиле сзади. В то мгновение, когда Морганы поравнялись с нашим укрытием, я нажал на курок, целясь в голову лошади, на которой сидел Фред Морган. Лошадь упала как подкошенная, всадник кубарем покатился по земле, а навьюченные животные заметались, пытаясь порвать ремни и освободиться.

К моему удивлению, Патрик не бросился на помощь отцу, а проскакал мимо. Я снова вскинул штуцер, одним выстрелом свалив и его лошадь. Выскочив из своего укрытия, я уже собрался было броситься на негодяев, как вдруг подоспевшие индейцы, вместо того чтобы схватить еще не оправившихся от падения негодяев, обступили меня. Раздался боевой клич, и над моей головой нависли пять томагавков.

— Уфф! — воскликнул неизвестно как оказавшийся рядом со мной Ма-Рам и простер свои руки над моею головой. — Этот бледнолицый друг Ма-Рама.

Краснокожие отступили от меня на шаг и принялись озираться, ища глазами тех, за кем гнались, однако последствия их ошибки уже невозможно было исправить: Морганы уже скрылись в кустах. Лошади, перепуганные стрельбой и воем индейцев, взвились на дыбы, разорвали связывавшие их ремни, бросились в реку и камнем пошли на дно, куда их увлек тот тяжелый груз, что они несли на своих спинах. Это были наши лошади, а во вьюках — золото.

Краснокожие пустились в погоню за беглецами, но я схватил одного из

них за руку и остановил.

— Пусть мой краснокожий брат скажет мне, почему он гонится за своими белыми друзьями.

— У бледнолицых змеиные рты и двойные языки. Ночью они убили часового и сбежали с сокровищами.

— С золотом?

— Они захватили не только самородки, но и волшебные листочки, зашитые в кожу.

С этими словами команч отвернулся от нас и помчался помогать своим товарищам. Теперь все стало ясно: негодяи Морганы, не доверяя команчам, решили бежать ночью, прихватив с собой сокровища. «Волшебные листочки» были ценными бумагами из тайника капитана.

К сожалению, Пекос глубока и быстра, а там, где навьюченные лошади прыгнули в воду, кружился опасный водоворот. Увы, не оставалось никакой надежды на то, что нам удастся достать из реки хотя бы малую толику «смертоносной пыли».

Беспокойство за судьбу друзей было много сильнее, чем жажда мести. За Морганами гнались пятеро опытных воинов, и можно было не сомневаться, что они не отступят, пока не схватят убийц.

— Почему мой белый брат стрелял в лошадь, а не во всадника? — спросил Ма-Рам. — Разве Олд Шеттерхэнд не научился правильно целиться?

— Почему Олд Шеттерхэнд не убил Ма-Рама, над чьим сердцем он уже занес нож для удара? Я убил лошадей, чтобы остановить всадников и поговорить с ними.

— Теперь Олд Шеттерхэнд должен пойти в погоню вместе со своими краснокожими братьями. Он поймает белых и поговорит с ними.

Я еле сдержал усмешку. Юноша пытался отвлечь меня от погони за отрядом, ведущим пленников.

— Воины ракурроев умны и мужественны. Им не нужна помощь Олд Шеттерхэнда. Они сами поймают бледнолицых и приведут их в свои вигвамы. Пусть Ма-Рам садится на лошадь и едет за мной.

Это происшествие напрочь отбило у меня всякое желание отдыхать. В то же время моя задача облегчалась: до сих пор наши друзья ехали под охраной тринадцати воинов, теперь из этого числа следовало вычесть Морганов, преследующих их пятерых команчей и убитого часового, а это значило, что пленников караулили только пятеро индейцев. Появилась надежда, что мне удастся освободить их.

Пустив коней галопом, мы помчались вперед. Уже темнело, а мы все

еще шли по следу. Ма-Рам высматривал место для ночлега и через каждую пройденную милю предлагал нам остановиться на отдых. Однако я упрямо погнался своего мустанга и разрешил всем спешиться и лечь спать, лишь когда стало уже совсем темно.

С рассветом мы продолжили погоню. Теперь нам помогали вытоптанные бизоньими стадами тропы, по которым лошадям было легче скакать. Следы говорили о том, что команчи опережают нас всего лишь на несколько часов. Мне даже казалось, что к полудню мы нагоним их, но судьба распорядилась иначе. На одной из встретившихся нам полян вся трава была изрыта копытами множества коней, и дальше маленький отряд с пленниками двигался вместе с непонятно откуда появившейся шайкой краснокожих, в которой насчитывалось по меньшей мере сорок человек.

— Уфф! — воскликнул Ма-Рам.

Его лицо оставалось бесстрастным, но в глазах блестела радость. Я прекрасно его понимал. Его сородичам теперь нечего было опасаться меня.

— Как далеко отсюда до стойбища команчей? — спросил я юношу.

— Ракуррои живут в большом селении, больше, чем города бледнолицых, и только на время охоты разбивают стойбища. Если мой брат поедет быстро, то будет там еще до того, как солнце скроется за травами прерии.

Ма-Рам сказал правду. К вечеру вдали показалось несколько темных полос, в которых я, посмотрев в подзорную трубу, узнал длинные ряды вигвамов. Это был временный лагерь, разбитый на сезон охоты на бизонов. По-видимому, занятые пленниками команчи позабыли даже выставить часовых, потому что мы сумели беспрепятственно подъехать к вигвамам. Однако я решил не въезжать в стойбище.

— Мы встретим здесь великого вождя То-Кей-Хуна? — спросил я Ма-Рама, останавливая коня.

— Отец Ма-Рама никогда не покидает своих воинов.

— Пусть мой краснокожий брат известит великого вождя, что Олд Шеттерхэнд хочет навестить его.

Юноша удивленно взглянул на меня.

— Разве Олд Шеттерхэнд не боится оказаться среди врагов? Он может ударом кулака убить бизона и выйти с ножом против медведя, но ему никогда не справиться с команчами, которых больше, чем деревьев в лесу.

— Олд Шеттерхэнд охотится на зверей, но никогда не отнимает напрасно жизнь у краснокожих братьев. Он не боится сиу, кайова, апачей и команчей, потому что он друг всем мужественным воинам. Его пуля настигает лишь предателей и негодяев. Олд Шеттерхэнд подождет здесь.

Мой брат может идти.

— Но ведь Ма-Рам пленник Олд Шеттерхэнда!

— Ма-Рам больше не мой пленник. Мы пили с тобой дым мира. Ты свободен.

— Уфф!

Молодой индеец сжал коленями бока лошади, поднял ее на дыбы и галопом умчался. Мы с Бобом спешили и присели на землю отдохнуть. Добродушный негр состроил озабоченную гримасу и спросил:

— Масса Чарли, что сделает индеец с черным Бобом, если Боб пойдет вместе с массой?

— Поживем — увидим, — уклончиво ответил я, сам не зная, чем закончится мое предприятие.

— А если не поживем? А если индеец поджарит Боба у столба?

— Не так страшен черт, как его малюют. В любом случае мы должны отправиться к команчам, если хотим спасти твоего массу Бернарда.

— Пусть индеец сварит и слопает Боба, лишь бы отпустил массу Бернарда.

При этом негр скорчил такую гримасу, которая, без сомнения, отбила бы у краснокожего всякое желание съесть его. А чтобы хоть как-то насладиться жизнью перед тем, как умереть мученической смертью, он достал кусок вяленого мяса и принялся уплетать его за обе щеки.

Нам не пришлось долго ждать. С диким воем из стойбища вылетел отряд всадников. Они кружили вокруг нас, постоянно сжимая кольцо, словно желая затоптать нас копытами. За ними прискакали четверо краснокожих со знаками вождей и заставили своих коней перелететь через нас. Боб повалился на траву, а я продолжал спокойно сидеть, зная, что пока нам ничто не грозит.

— Индеец растоптал Боба насмерть! — заохал негр, осторожно приподнимая голову и осматриваясь по сторонам и, по-видимому, не веря, что остался жив.

— Успокойся, Боб, — обратился я к нему. — Краснокожие проверяют, насколько мы отважны.

— Краснокожие проверяют?! Тогда пусть идут сюда, и Боб будет очень смелый и отважный!

И он поскорее сел рядом со мной. Тем временем вожди соскочили с лошадей и направились к нам. Старший из них заговорил первым:

— Почему белый муж не встает, когда к нему приближаются вожди команчей?

— Я приветствую вас как гостей, — спокойно ответил я. — И

приглашаю моих краснокожих братьев сесть рядом со мною.

— Вожди команчей садятся только рядом с вождями. Разве бледнолицый — вождь? Где его вигвамы и где его воины?

Я сжал томагавк в руке.

— Только сильный и отважный воин может стать вождем. Если краснокожие воины не верят, что я вождь, пусть выйдут на поединок со мной.

— Как зовут бледнолицего?

— Краснокожие и белые воины называют меня Олд Шеттерхэндом, Разящей Рукой.

— Похоже, белый муж сам взял себе такое имя!

— Вожди команчей могут выйти на поединок со мной с томагавками и ножами, а я приму их вызов без оружия. Хуг!

— Бледнолицый говорит гордые слова. Но у него еще будет время доказать свою отвагу. Пусть он садится на свою лошадь и едет с воинами ракурроев.

— Выкурят ли они со мной трубку мира?

— Сначала они должны посоветоваться, могут ли они сделать это.

— Уверен, что могут, потому что я прибыл к ним с миром.

Я вскочил в седло, Боб тоже вскарабкался на спину своей лошади. Вожди обступили меня, остальные встали вокруг негра. Диким галопом мы пронеслись между рядами вигвамов и остановились у самого большого из них.

Боба я уже не видел, однако это не обеспокоило меня. Пока был жив я, краснокожие не могли расправиться ни с кем из моих друзей. Со всех сторон меня окружали мускулистые бронзовые фигуры. Вождь, разговаривавший со мной, властно протянул руку к моему штуцеру.

— Пусть бледнолицый отдаст нам свое оружие.

— Я прибыл к вам не как пленник, а как гость, поэтому оружие останется при мне, — твердо отвечал я.

— И все-таки белый муж должен отдать нам свое оружие, пока мы не узнаем, зачем он к нам пожаловал.

— Неужели краснокожие мужи трусливы, как старые скво? Только тот, кто боится; может просить меня отдать оружие.

Мои слова явно задели вождя за живое, и он вопросительно обвел глазами соплеменников, живой стеной окруживших нас. Наверное, он прочел на их лицах спокойствие, так как перестал настаивать на своем и произнес:

— Воинам ракурроев неведомы тревога и страх. Белый муж может

сохранить свое оружие.

— Как зовут моего краснокожего брата?

— Олд Шеттерхэнд говорит с То-Кей-Хуном, от чьего имени дрожат враги.

— Я прошу моего брата То-Кей-Хуна показать мне вигвам, где я смогу подождать, пока воины ракурроев захотят беседовать со мной.

— Бледнолицый хорошо говорит. Он будет жить в вигваме до тех пор, пока старейшины не решат, выкурить с ним трубку мира или нет.

Он подал знак рукой и пошел вперед. А я, взяв мустанга под уздцы, последовал за ним. Мы шествовали сквозь плотный строй воинов, из-за чьих спин то тут, то там выглядывали старые и молодые женские лица, на которых, в отличие от бесстрастных, словно каменных физиономий мужчин, читались любопытство и восхищение. Они впервые видели бледнолицего, осмелившегося войти по доброй воле в логово дикого зверя.

Стойбища индейцев всех племен похожи друг на друга: вигвамы стоят рядами, и строят их исключительно женщины, так как мужчинам не пристало унижать себя иной работой, помимо войны и охоты. Остальные заботы по хозяйству лежат тяжелым грузом на плечах слабого пола.

Женщины выделывают шкуры, предназначенные для покрытия вигвама, расстилают их на земле и углем рисуют на них «выкройку», по которой потом режут шкуры на куски и сшивают тонкими ремешками. Вырыв неглубокую канаву по размеру будущего жилища, они устанавливают в середине основную опору в виде высокой рогатины, к которой привязывают длинные боковые жерди. Это нелегкая работа. Женщины взбираются высоко на столб и, цепляясь за него только ногами, руками удерживают в нужном положении толстые, тяжелые жерди, закрепляя их гибкими или сыромятными ремнями. После этого им предстоит работа потруднее — покрыть остов шкурами. Ряд жердей покороче подпирает длинные, чтобы они не сломались под тяжестью шкур или под напором ветра. Если вигвам большой — то его владелец при желании может натянуть между опорами шкуры или холст, получив таким образом несколько помещений. В крыше оставляют отверстие, через которое уходит дым от костра.

Вигвам, в котором меня поселили, был маленьким и еще не обжитым. Я привязал мустанга у входа, откинул полог и вошел внутрь, даже не оглянувшись на вождя.

Долго побыть одному мне не удалось: минут пять спустя полог колыхнулся, и в вигвам проскользнула старая индеанка. Она сбросила с плеч большую вязанку хвороста, вышла, но тут же вернулась с горшком,

полным мяса, разожгла костер и поставила горшок на огонь.

Я молча наблюдал за ней, так как по индейским обычаям воину не пристало первым заговаривать с женщиной, к тому же сквозь щели между шкурами за мной внимательно наблюдала не одна пара любопытных глаз.

Вода в горшке бурлила, в воздухе распространялся запах вареного мяса. Через час старуха поставила горшок перед мной и удалилась. Я тут же принялся за еду и должен признать, что с удовольствием уплел большой кусок бизоньего мяса и выпил весь бульон, хотя в нем не было ни крупинки соли, а чистота горшка смутила бы самого неприхотливого завсегдатая портовых кабаков.

Справедливости ради надо сказать, что принимали меня уважительно и гостеприимно. Я и сегодня мог бы поклясться, что тот закопченный горшок был единственным во всем стойбище.

Насытившись, я вытянулся на земляном полу у догоравшего костра, положил голову на свернутое одеяло и погрузился в раздумья. Снаружи было тихо, только слышалось, как хрустит кукурузой мой мустанг, о котором тоже позаботились хозяева стойбища, да раздавались шаги двух часовых, обходивших мое жилище по кругу. Я стоял, а точнее, лежал лицом к лицу с труднейшей задачей, но как ни ломал голову, не мог ничего придумать. Я сумел проникнуть в стойбище команчей, но как освободить друзей, если и за мной и за ними следила не одна сотня зорких глаз? В конце концов я решил, что утро вечера мудренее, и заставил себя уснуть.

Утром меня разбудило какое-то глухое ворчание. Открыв глаза, я увидел вчерашнюю старуху индеанку. Она уже разожгла костер и ставила на огонь знакомый мне горшок.

Старуха и не пыталась заговорить со мной, что, впрочем, в порядке вещей для того, кто знаком с обычаями индейцев. Позавтракав с не меньшим аппетитом, чем вчера поужинал, я решил было выйти из вигвама, но не успел высунуть голову наружу, как ко мне подскочил один из часовых и направил на меня копьё, словно собираясь проткнуть меня, как трактирщик протыкает вертелом цыпленка.

Конечно, я не мог спустить ему подобную наглость, тем более если не хотел раз и навсегда лишиться чести и уважения в глазах хозяев стойбища. Наказать его было делом одной минуты: я перехватил копьё у самого наконечника, резко оттолкнул, а затем еще резче потянул на себя. Потеряв равновесие, краснокожий выпустил копьё из рук и растянулся на земле.

— Уфф! — взревел он, вскакивая на ноги и выхватил из-за пояса нож.

— Уфф! — передразнил я его, забросив копьё в вигвам и тоже достав нож.

— Пусть бледнолицый вернет мне копье!

— Пусть мой краснокожий брат сам возьмет его, — ответил я.

Его лицо изменилось: по-видимому, мое предложение пришлось ему очень и очень не по вкусу. Тем временем на помощь ему пришел второй часовой, появившийся из-за вигвама.

— Бледнолицему нельзя выходить из вигвама! Пусть он вернется внутрь! — бесцеремонно приказал он, также угрожая мне копьем...

Я прекрасно понимал, что играю с огнем, но отступить было некуда. Спустя мгновение и второй стражник лежал у моих ног, а его копье летело внутрь вигвама. В ярости они вдвоем завопили так, что подняли на ноги все стойбище.

Рядом стоял вигвам, по размерам превосходящий все остальные, с прислоненными у входа тремя щитами. На крик часовых полог на входе раздвинулся и оттуда выглянула девичья головка — наверное, девушка захотела узнать причину шума. На одно мгновение на мне остановился взгляд темных блестящих глаз, в которых отражалось любопытство и восхищение, и сразу же видение исчезло, чтобы уступить место То-Кей-Хуну и остальным трем вождям. По их безмолвному знаку часовые послушно отступили.

— Почему бледнолицый покинул вигвам? — строго спросил меня вождь.

— Хорошо ли я слышу? Мой краснокожий брат, наверное, хотел спросить, что эти воины делают у моего вигвама?

— Я приказал этим воинам охранять бледнолицего, чтобы с ним не случилось ничего дурного, поэтому будет лучше, если он останется в своем вигваме и не будет выходить из него без позволения.

— Разве воины То-Кей-Хуна не выполняют приказ вождя? Разве ракуррой могут причинить зло гостю? Олд Шеттерхэнд не нуждается в охране, его рука достаточно сильна, чтобы размозжить череп любому, кто замыслит дурное. Мои краснокожие братья могут не беспокоиться. Пусть они вернутся в свой вигвам: я пойду осмотреть стойбище, а затем приду говорить с ними.

Я вернулся в вигвам, чтобы взять оружие, однако, когда приподнял полог, чтобы выйти, меня встретил лес острых копий. Итак, ракуррой считали меня своим пленником! Подчиниться им было нельзя. Но в то же время даже мысль о сопротивлении была чистым безумием. Не долго думая, я кинулся к задней стенке вигвама, вспорол шкуры и выбрался наружу. Когда остолбеневшие от удивления краснокожие пришли в себя, она завyli так, что голоса их покрыли бы рев тысячи медведей,

спущенных с цепи. Вернувшиеся было в свой вигвам вожди выскочили наружу с поспешностью, не подобающей их положению, и устремились за мной во главе беснующейся толпы сородичей.

Чувствуя себя хозяевами положения, команчи не хотели считаться со мной как с воином, следовательно, надо было запугать их иным способом. Я вытащил из кармана подзорную трубу и направил сверкающий линзами окуляр на вождей.

— Остановитесь, не то погибнут все сыновья ракурроев! — грозно воскликнул я.

Краснокожие в ужасе отпрянули назад. Простодушные дети природы, индейцы легко придают магический смысл многим безделушкам, изобретенным белым человеком, особенно если не знают их назначения.

— Что собирается сделать бледнолицый? — спросил То-Кей-Хун. — Почему он не остался в вигваме?

— Олд Шеттерхэнд всегда поступает так, как ему хочется. Он известный колдун и может убить души всех команчей этого стойбища.

Подзорная труба уже сыграла свою роль — она остановила команчей. Теперь следовало поразить воображение дикарей чем-нибудь более существенным и устрашающим. Поэтому я взял в руки штуцер.

— Пусть краснокожие мужи смотрят на тот столб у вигвама.

На краю стойбища у одного из вигвамов стояла длинная жердь. Я вскинул штуцер и выстрелил: пуля пробила верхнюю часть жерди, а вокруг прозвучал шепот одобрения. Известно, что дикие народы умеют ценить отвагу и ловкость врага. Вторая пуля попала на дюйм ниже первой, третья — ровно настолько же ниже предыдущей. Теперь шепот умолк, краснокожие забыли о мастерстве стрелка и удивлялись чудесным свойствам оружия. Им были знакомы лишь обычные ружья, поэтому двадцатипятизарядный штуцер работы мастера Генри казался им колдовством. После четвертого выстрела толпа замерла неподвижно, а после седьмого удивление перешло в смертельный испуг. Между тем я повесил штуцер на плечо и произнес:

— Кто из краснокожих мужей еще сомневается в том, что Олд Шеттерхэнд великий колдун? Любого, кто посмеет напасть на него, ждет смерть. Хуг!

Толпа расступилась передо мной, никто не пытался удержать меня. У входа в вигвам стояли женщины и девушки и пялили на меня глаза, словно я был не живым человеком, а сказочным существом. Честно говоря, именно такое впечатление я и хотел произвести.

У одного из вигвамов я заметил двух воинов с копьями. Это значило,

что там содержали пленника. Но кого именно? Пока я раздумывал, стоит ли мне спросить об этом часового, изнутри донесся знакомый голос:

— Масса Чарли, выпустите Боба! А не то индеец зажарит его и съест!

Было бы бесчеловечно оставить негра в неизвестности, наедине с его страхами, поэтому я, продолжая играть роль великого колдуна и хозяина положения, подошел к вигваму, откинул полог и выпустил пленника. Стражники так оцепенели от страха, что даже не пытались воспротивиться. Индейцы, гурьбой шествовавшие за мной, тоже молчали.

— Тебя посадили сюда сразу же после того, как мы приехали? — спросил я Боба.

— Да, масса, индейцы сняли Боба с лошади и увели в дом из шкур, где Боб и сидел, пока масса Чарли его не выпустил.

— Ты не слышал, где они держат мистера Бернарда?

— Боб ничего не слышать и не знать о массе Бернарде.

— Иди за мной и не отставай.

Не успели мы миновать следующий вигвам, как нам навстречу вышли четверо вождей, сопровождаемых большим количеством воинов в полном вооружении. Видимо, они объезжали нас кругом, чтобы перехватить и помешать мне осмотреть все стойбище. Я сжал рукой приклад штуцера, но То-Кей-Хун подал успокаивающий знак.

До сих пор То-Кей-Хун называл меня «белым мужем» или «бледнолицым». Теперь же обратился ко мне со словами «белый брат». Уважение индейцев ко мне явно выросло.

— Мои краснокожие братья выкурят со мной трубку мира?

— Сначала они выслушают тебя, и, если твои слова будут правдивы, ты станешь одним из сыновей команчей.

— Я согласен. Пусть краснокожие братья проведут Олд Шеттерхэнда к месту совета.

Мы повернули назад. Проходя мимо моего вигвама, я заметил невдалеке длинноногую Токи Сан-Иэра, а рядом — лошадей Виннету и Бернарда, привязанных к кольям. Однако ни у одного из вигвамов не было часовых, значит, не было там и пленников.

Посреди стойбища была большая площадь, свободная от вигвамов. Со всех сторон ее заполнили индейцы.

Вожди вышли на середину и сели. Дюжина краснокожих, судя по сединам и рубцам от ран — старейшин, уселась полукругом напротив них. Не дожидаясь приглашения, я тоже опустился на траву и подал Бобу знак встать за моей спиной. По-видимому, приглашать меня сесть никто не собирался, так как То-Кей-Хун строго посмотрел на меня и спросил:

— Почему белый муж садится? Мы привели его на суд, и он должен стоять.

Я ответил ему пренебрежительным жестом и произнес:

— Тогда почему краснокожие мужи сидят перед Олд Шеттерхэндом, если он тоже. вправе судить их?

Их лица оставались неподвижными, как маски, но я заметил, что мои слова были для них полной неожиданностью.

— Язык белого мужа шутит. Мы разрешаем ему сидеть. Но почему он освободил человека с черной кожей и привел его сюда? Разве белый муж не знает, что негру не подобает присутствовать на совете краснокожих воинов?

— Чернокожий — мой слуга, он следует за мной и делает то, что я велю ему, нравится это хоть тысяче краснокожих вождей или нет. Однако довольно пререкаться, оставим это занятие скво. Пора начинать совет.

Я понимал, что, снявши голову, по волосам не плачут и, взявшись играть роль, следовало довести ее до конца. Бесстрашие, граничащее с наглостью, могло вызвать уважение индейцев, в то время как послушание вело к гибели.

То-Кей-Хун закурил трубку и вручил ее сидящему рядом вождю, тот передал дальше по кругу, однако меня обошли, чувствовалось, что меня действительно привели не на совет, а на суд.

Затем вождь встал и начал говорить. Обычно индейцы молчаливы, но иногда на советах, перед внимающей аудиторией, в них пробуждается красноречие, и они говорят не хуже, чем европейские государственные мужи на своих заседаниях. Среди краснокожих есть вожди, чье ораторское искусство известно и в других племенах, слава о них распространяется от Мексики до Великих озер.

То-Кей-Хун начал с обычного в таких случаях вступления, то есть с обвинения всех белых людей во всех смертных грехах.

— Пусть белый муж слушает, что ему скажет вождь команчей То-Кей-Хун. Много солнц минуло с тех пор, как краснокожие мужи жили одни на землях между Великими Солеными Водами. Они строили селения и охотились на бизонов, им принадлежал блеск солнца и дождь, реки и озера, леса и пустыни, горы и прерии. У них были жены и дочери, братья и сыновья, и все они были счастливы. Но потом появились бледнолицые, у которых кожа бела, как снег, а сердце черно, как сажа. Сначала пришло всего лишь несколько человек, и краснокожие мужи приняли их как гостей в своих вигвамах. Бледнолицые привезли с собой огненное оружие и огненную воду, своих богов и своих колдунов, принесли измену, болезни и

смерть. У них были лживые языки и острые ножи, они обманули краснокожих мужей. Бледнолицые прогнали краснокожих из страны предков, где находятся могилы отцов, прогнали из вигвамов и охотничьих угодий, а когда те стали защищаться, безжалостно их убивали. Бледнолицые сеют распри среди племен краснокожих и травят нас, как зверей, они не оставляют нам места на наших же землях. Пусть проклятие ляжет на их головы!

Возгласы одобрения горячей и во многом справедливой речи послужили наградой вождю.

— Один из этих бледнолицых, — продолжал То-Кей-Хун, — прибыл в наше стойбище. У него кожа лжецов и язык предателей. Но краснокожие воины выслушают его слова и будут судить его по справедливости. Пусть теперь говорит он! Хуг!

То-Кей-Хун сел. После него по очереди поднимались и другие вожди и произносили такие же выразительные речи, сводившиеся к обвинениям против белых и к требованию, чтобы я доказал свою невиновность. Пока они говорили, я достал бумагу и карандаш и нарисовал сидящих против меня вождей, воинов, выстроившихся за ними, и вигвамы.

Когда высказался последний вождь, То-Кей-Хун обратился ко мне:

— Что делает белый муж? Он должен слушать наши речи и отвечать нам.

Я протянул ему лист с рисунком.

— Уфф! — воскликнул вождь, бросив на него взгляд.

— Уфф! Уфф! Уфф! — прозвучал троекратный возглас, как только остальные вожди разглядели рисунок.

— Это колдовство! — сказал То-Кей-Хун. — Белый человек поймал души команчей и заключил их в белом листе. Я вижу здесь То-Кей-Хуна, а рядом с ним трех его братьев. За ними стоят воины и вигвамы. Что бледнолицый собирается сделать?

Простодушный дикарь сам подсказал мне, что делать.

— Краснокожий муж сейчас сам увидит.

Я взял листок, свернул его трубочкой и засунул в ствол штуцера.

— То-Кей-Хун видел, что я поймал души команчей, заколдовал их, и теперь они в стволе моего ружья. Если я выстрелю, ветры развеют их по прерии и они никогда не попадут в Страну Вечной Охоты.

Мои слова произвели на вождей такое сильное впечатление, что они вскочили на ноги и со страхом уставились на меня. Однако перегибать палку тоже не стоило, так как загнанный в безвыходное положение индеец способен на самые непредсказуемые поступки.

— Пусть краснокожие мужи сядут со мной и выкурят трубку мира. Как только мы станем братьями, я верну команчам их души.

Пока ошарашенные индейцы медленно опускались на землю, я решил рискнуть и окончательно показать им, что ничего не боюсь. На траве лежала трубка То-Кей-Хуна и расшитый кисет с киникинником — смесью табака с листьями конопли, которую обычно курили индейцы. Никто не смеет прикоснуться к трубке вождя, однако я пошел на отчаянный шаг: медленно взял трубку, набил ее под взглядами замерших индейцев и встал с гордым и надменным выражением лица, какое только мог изобразить.

— Мои краснокожие братья, — начал я ответную речь, — верят в Великого Духа. Он владыка неба и земли, отец всех племен, и он хочет, чтобы все люди жили в мире и согласии. Ваш Маниту — мой Маниту, и если по его воле краснокожих мужей столько же, сколько стебельков травы между этими вигвамами, то бледнолицых столько, сколько травы во всей прерии. Белые прибыли сюда из-за Великой Соленой Воды и выгнали краснокожих из охотничьих угодий. Они поступили несправедливо и заслуживают наказания, но краснокожие мужи возненавидели всех бледнолицых, а не только тех, кто повинен в их несчастьях. Разве команчи не знают, что на земле живет не один народ бледнолицых людей? Разве в обычае команчей обвинять невиновных? Олд Шеттерхэнд не принадлежит к тем, кто вышел на тропу войны против краснокожих братьев, и ему не надо оправдываться. Пусть краснокожие воины откроют глаза и посмотрят на Олд Шеттерхэнда, который стоит перед ними. Разве у его пояса висит хоть один скальп индейца? Разве его одежду украшает бахрома из волос ваших братьев? Кто назовет имя сородича, чью кровь пролил Олд Шеттерхэнд? Он лежал в лесу и смотрел, как воины ракурроев курили трубку мира с его бледнолицыми врагами, но не стал мстить. Он поймал Ма-Рама, сына великого вождя То-Кей-Хуна, но не убил его, а вернул оружие и привел к вигваму отца. В горной долине сыновья ракурроев ждали Олд Шеттерхэнда в засаде, чтобы схватить его и лишить жизни. Он имел право убить их, но не стал этого делать. Разве Олд Шеттерхэнд не мог последовать за воинами, ушедшими в горы, убить многих из них и осквернить могилу великого вождя? Разве он не помог команчам, которые гнались за бледнолицыми, убившими часового и укравшими золото? Разве по его вине упал хоть один волос с головы сыновей ракурроев? Теперь Олд Шеттерхэнд собрал души команчей на белом листе и может их погубить, рассеять по прерии, так что ни одна из них не войдет в Страну Вечной Охоты. Но он не сделает этого. Он желает выкурить трубку мира и стать братом ракурроев, чьи вожди отважны, мудры и справедливы и чьи воины

не знают страха перед врагом. В знак своей дружбы он готов пить дым мира.

Я закурил трубку, пустил струю дыма к небу, к земле, потом на все четыре стороны света и протянул ее То-Кей-Хуну. К счастью, мне удалось если и не убедить вождя в дружеских намерениях, то, по крайней мере, ошеломить его настолько, что он принял трубку из моих рук, повторил ритуал и передал ее дальше. Последний из вождей вернул ее мне, и я снова сел, на этот раз рядом с вождями.

— Теперь наш белый брат вернет нам наши души?

«Украденные души» были моим главным козырем в сложной и опасной игре, поэтому следовало потянуть время.

— Разве я уже сын команчей?

— Олд Шеттерхэнд стал нашим братом. Он получит вигвам и сможет делать что ему вздумается.

— Какой вигвам вы предназначили мне?

— Олд Шеттерхэнд великий воин и будет жить в вигваме, который выберет сам.

— Тогда пусть мои краснокожие братья идут за мной, чтобы я вместе с ними мог взглянуть на жилище.

Вожди охотно исполнили мое желание. Я шел вдоль вигвамов, пока не остановился у того, где стояли четверо часовых. Приложив ладонь к губам, я завыл койотом, и в то же мгновение мне изнутри ответили точно таким же воем. Одним прыжком я встал у входа и воскликнул:

— Олд Шеттерхэнд будет жить здесь!

Вожди смотрели друг на друга в полном изумлении, они не предполагали, что я могу указать именно на тот вигвам, в котором находятся пленники.

— Пусть мой брат выберет себе другой вигвам. Этот уже занят.

— Почему? Кем он занят?

— Мы отдали его врагам команчей.

— Кто они?

— Виннету, вождь апачей, белый убийца индейцев по имени Сан-Иэр и молодой бледнолицый воин.

Ответ вождей удивил меня. Оказывается, команчи не знали, что я друг пленникам и путешествовал в их обществе. Конечно, я не говорил об этом Ма-Раму, но ведь Патрик и Фред Морганы должны были рассказать им обо мне!

— Олд Шеттерхэнд желает видеть этих людей! — потребовал я и не раздумывая вошел внутрь вигвама.

Вожди немедленно последовали за мной.

Мои друзья лежали на земле, связанные по рукам и ногам. Кроме того, их и так беспомощные тела были накрепко притянуты толстыми сыромятными ремнями к столбам внутри вигвама. Они узнали меня, но не произнесли ни слова и не проявили радости, так как не могли понять, что же происходит.

— В чем повинны эти люди?

— Они убили наших воинов.

— Мой краснокожий брат видел это собственными глазами?

— Мне сообщили об этом сыновья ракурроев.

— Сыновьям ракурроев еще придется доказать это. Отныне вигвам принадлежит мне, и эти люди — мои гости.

Я достал нож, собираясь разрезать ремни, стягивающие пленников, но один из вождей удержал мою руку.

— Они должны умереть, поэтому мой белый брат не может считать их своими гостями.

— Кто мне запретит?

— Четверо вождей ракурроев!

— Неужели вожди осмелятся помешать Олд Шеттерхэнду?

Я встал между ними и пленниками. Следовавший за мною тенью негр стоял у меня за спиной.

— Боб, разрежь... сначала на Виннету, — сказал я, бросая ему нож.

Негр рванул было к своему хозяину, но затем повиновался мне, понимая, что в нашем положении от Виннету будет больше проку, чем от Бернарда.

— Пусть черный человек остановится и бросит нож! — воскликнул тот же вождь.

Но он опоздал: Виннету был уже свободен.

— Уфф! — взвизгнул в бешенстве вождь и хотел кинуться на Боба, наклонившегося над Сан-Иэром.

Я преградил ему путь, и он, забыв дым мира, выхватил нож и ударил меня. Краснокожий метил мне в грудь, но мне удалось увернуться, и нож вонзился в плечо. Не успел он вырвать нож из раны и нанести еще один удар, как уже лежал у моих ног, сраженный кулаком. За ним настала очередь второго вождя. Третьего я схватил за горло и сжал, мешая ему позвать на помощь. Несмотря на онемевшие от ремней руки и ноги, Виннету уже сидел верхом на поверженном То-Кей-Хуне.

Короткая, как вспышка молнии, схватка происходила в глубокой тишине. Единственным звуком, который могли услышать часовые у входа в

вигвам, было исполненное удивления и негодования «Уфф!». Вожди лежали на земле, надежно связанные и с кляпами во рту. Однако, хотя мы стали хозяевами жилища, хозяевами положения оставались команчи.

— Господи! — пробормотал вполголоса Сэм. — Мы уж ни на что не надеялись. — Он растирал онемевшие конечности. — Разрази меня гром, не пойму, как тебе удалось пробраться сюда.

— Оставим рассказы на потом, а пока вооружитесь. У этих четверых оружия хватит на целый взвод.

На всякий случай я зарядил штуцер, объяснил товарищам, что если команчи попытаются снова схватить их, то следует прикрыться вождями, но не убивать их, и вышел. Вокруг вигвама стояла толпа краснокожих зевак, ожидающих дальнейшего развития событий.

— Знают ли мои братья, что я стал сыном команчей? — обратился я к часовым.

Индейцы не кивают головой в знак согласия, а опускают глаза, и часовые молча уставились в землю.

— Тогда пусть краснокожие воины стерегут вигвам и не позволяют никому войти, пока сами вожди не прикажут другое.

Затем я обратился к команчам, обступившим вигвам:

— Пусть мои братья созовут все племя к месту совета.

Команчи разошлись, не выразив удивления и не потребовав объяснений. Человек, не знакомый с обычаями индейцев, мог бы подумать, что я зашел слишком далеко и веду себя неосмотрительно, но на самом деле это было не так. Краснокожие вовсе не такие дикари, какими их принято считать. Они подчинятся старинным и незыблемым правилам и законам, и тот, кто умеет использовать эти правила и законы, может надеяться на удачу.

Рана в плече кровоточила, и мне пришлось по пути стянуть ее платком, чтобы ее не заметили. Десять минут спустя место совета заполнилось воинами, в круг вошли старейшины и сели напротив меня. Обычно такое собрание проходит под громкие возгласы, однако на сей раз все молчали. Серьезные и сосредоточенные краснокожие воины стояли вокруг нас, как изваяния, напряженно ожидая того, что должно было случиться.

— Олд Шеттерхэнд стал братом команчей. Известно ли моим братьям об этом?

— Да, — ответил за всех один из старейшин, поседевший, но еще могучий воин с двумя страшными рубцами на лице.

— Ему, великому вождю и воину, был обещан вигвам, который он сам выберет. Скажите, принадлежал ли ему этот вигвам заранее?

— Да, принадлежал.

— А если бы Олд Шеттерхэнд выбрал для себя тот вигвам, в котором содержались пленники? Он тоже принадлежал бы ему заранее?

— По закону Олд Шеттерхэнд мог выбрать для себя любой вигвам, значит, и тот, где находились пленники, тоже принадлежал ему, — согласился со мной все тот же старейшина.

— Олд Шеттерхэнд и выбрал для себя вигвам с пленниками, но вожди запретили ему воспользоваться своим правом. Пленники попросили защиты у Олд Шеттерхэнда, разве мог он отказать им, не потеряв чести?

— Нет, не мог.

— Поэтому Олд Шеттерхэнд сказал, что они его гости, и взял их под свою защиту. Имел он право поступить так?

— Он был обязан поступить так, если он честный воин. Но когда настанет день суда, Олд Шеттерхэнд не сможет помешать судить их. Однако он может говорить слова в их защиту и умереть вместе с ними.

— Имеет ли право Олд Шеттерхэнд снять ремни с пленников, если сам поручится за них?

— Да.

— Как видят мои братья, Олд Шеттерхэнд соблюдал права и обычаи, но один из вождей команчей хотел его убить и даже ранил в плечо. Что делает воин ракуррой, если другой человек покушается на его жизнь в его же жилище?

— Он волен убить того человека.

— А тех, кто помогает убийце?

— Их тоже.

— Мои братья мудры и справедливы. Четверо вождей ракурроев хотели убить меня, но я сохранил им жизнь. Теперь они лежат связанные в моем вигваме, а мои гости охраняют их. Смерть за смерть, жизнь за жизнь! Я требую освободить моих гостей взамен за свободу тех, кто предательски напал на меня. Пусть мои братья совещаются, я подожду их решения. Но помните, что мои гости убьют вождей, если кто-нибудь другой, а не Олд Шеттерхэнд, переступит порог вигвама!

Ни один мускул не дрогнул на каменных лицах индейцев, ни вздохом, ни движением не выдали они своего волнения. Я встал и вышел из круга, чтобы не слышать, как ракуррой будут совещаются. Им предстояло нелегкое дело, ведь речь шла об участии их вождей, они не могли отдать их на заклятие, не покрыв себя позором.

Воины расступались передо мной, и ряды их снова бесшумно смыкались за моей спиной. Отойдя подальше, я сел и приготовился

терпеливо ждать.

Совет длился несколько часов. Наконец трое старейшин приблизились ко мне и сели напротив.

— Вожди команчей нарушили закон, и Олд Шеттерхэнд вправе убить их. Но он не отнимет у них жизнь. Он отдаст их воинам ракурроев, и те будут судить их.

— Мои братья забыли, что воины могут судить вождей только за трусость в бою. Поэтому право судить их принадлежит Олд Шеттерхэнду.

— Как он намерен поступить с ними?

— Я их убью, если мои гости не получат свободу.

— Олд Шеттерхэнд знаком с людьми, которых считает своими гостями? Это Сан-Иэр, известный как убийца индейцев.

— Видели ли мои братья тело хотя бы одного убитого им воина ракурроев?

— Это Виннету, вождь апачей. Его племя давно враждует с команчами. Сотни воинов отправил он своей рукой в Страну Вечной Охоты.

— Назови мне хотя бы одно имя сына ракурроев, павшего от его руки. Апачи не воевали с ракурроями.

— Ты прав, не воевали, — вынужден был признать старейшина. — Имя третьего пленника нам неизвестно.

— Оно известно мне. Это человек с севера, который никогда не посягнул на жизнь или собственность сыновей краснокожих скво.

— Как бы то ни было, мы не можем дать свободу пленникам, но если Олд Шеттерхэнд убьет вождей, он погибнет у столба пыток вместе с теми, кого он назвал своими гостями.

— Мои братья шутят, — ответил я, про себя решив, что пора выкладывать последний козырь в затянувшейся игре. — Разве кто-нибудь из вас захочет напасть на Олд Шеттерхэнда? Разве вы забыли, что в стволе его ружья спрятаны души всех ракурроев?

Краснокожие смутились. Однако на их лицах, как я ни вглядывался в них, не было и следа ненависти или злобы. Я вел себя мужественно, согласно индейским понятиям о чести, поэтому для них не было позора в том, что они вели со мной переговоры.

— Пусть наш бледнолицый брат подождет, пока мы не вернемся, — сказали они и снова ушли.

На этот раз они совещались не более получаса. Те же трое старейшин, приблизившись ко мне, сказали:

— Мы даем свободу Олд Шеттерхэнду и его гостям на одну четвертую часть солнца!

Итак, ракуррой вспомнили о старом индейском обычае и не преминули воспользоваться им. Отпустив пленников на свободу на шесть часов, они собирались потом устроить на них охоту, в которой примут участие все воины племени. Поступив так, они спасали своих вождей, у нас же времени было слишком мало, чтобы уйти далеко. Воинственных команчей ждала славная потеха, и они наверняка уже предвкушали сладостные мгновения погони. Однако мы имели право покинуть их стойбище только к вечеру и скакать всю ночь, пока преследователи рыскали в темноте наугад. Было бы глупостью не согласиться на такие условия, но я все же решил поторговаться.

— Олд Шеттерхэнд согласен, но с условием, что его гостям вернут оружие.

— Они его получат.

— Моих гостей схватили, хотя они не замышляли ничего плохого. Вожди же должны получить свободу, хотя пытались убить меня. Такой обмен несправедлив.

— Чего еще требует наш белый брат?

— За удар ножом вожди дадут нам трех лошадей, которых я сам выберу из табуна. Им же я оставлю трех наших.

— Мой брат хитер, как лиса. Он знает, что его лошади устали, но пусть будет так, как он того хочет. Когда Олд Шеттерхэнд освободит вождей?

— Они будут свободны в то же мгновение, когда мы покинем стойбище краснокожих братьев.

— Вернет ли он нам души, заколдованные на белом листке и спрятанные в ствол ружья?

— Олд Шеттерхэнд дает слово, что не выстрелит их в воздух.

— Пусть Олд Шеттерхэнд уезжает куда хочет. Он великий воин и так же хитер, как и силен. Наверное, мозги вождей застилал туман, если они согласились выкурить с ним трубку мира. Хуг!

Теперь я мог уйти. Я медленно шел сквозь строй краснокожих к вигваму, где меня ждали друзья. Как только я переступил порог, они сразу же поняли, что я добился желаемого, однако молча смотрели на меня.

— Нам дали свободу на шесть часов.

— Свобода! — запрыгал как мальчишка Боб, и вдруг его радость как рукой сняло. — Только на шесть часов? А потом индейцы снова схватят массу Бернарда и Боба?

— Да, — с сомнением в голосе протянул Сэм. — Вот ведь незадача, крепко мы влипли! За шесть часов далеко не уйдешь, особенно пешком. А как быть с моей Тони?

— Ты получишь ее и все, что тебе принадлежит, так же, как и Виннету. Остальные лошади слишком устали, и хотя не хочется оставлять им моего мустанга, я договорился, что сам выберу трех лошадей из табуна.

— Чарли, ты умница! — рассмеялся Сэм. — Почему ты не пошел в купцы? Ты мог бы продавать снег зимой! Как тебе это удалось? Целых шесть часов времени и пять свежих лошадей! Этого вполне хватит, чтобы натянуть нос краснокожим. Надеюсь, ты не ударишь в грязь лицом и не выберешь на радостях старых козлов вместо коней.

Пока он зубоскалил, снаружи послышалось невнятное бормотание. Я выглянул из вигвама и увидел старуху, которая готовила для меня еду.

— Пусть бледнолицый идет за мной, — позвала она.

— Куда?

— Пойдем, я провожу тебя к Ма-Раму.

Я не мог не откликнуться на этот зов и пошел за старухой. У вигвама, в котором жили вожди, меня ждал верхом на коне Ма-Рам. Рядом стоял мой мустанг.

— Пусть мой брат следует за мной, я покажу ему, где пасется табун вождей,

Так вот, значит, в чем было дело! Я вскочил в седло и последовал за Ма-Рамом в прерию, где находился небольшой табун. Юноша ловко набросил лассо на вороного жеребца и подвел его ко мне.

— В прерии нет лучше коня, чем этот. Ма-Рам получил его от отца и дарит его Олд Шеттерхэнду за то, что он не отнял у него скальп.

Поистине королевский подарок был для меня неожиданностью. Такого вороного жеребца невозможно было догнать! Я поблагодарил юношу и, тут же выбрал лошадей для Бернарда и Боба. Виннету и Сэм, насколько я их знал, все равно ни за что не согласились бы на обмен.

На обратном пути Ма-Рам остановился у своего вигвама и пригласил меня войти. Я охотно принял его приглашение и прошел внутрь, где меня угостили пресным хлебом, так хорошо выпекаемым индейцами и считающимся у них лакомством. Уже прощаясь и выйдя из вигвама, я увидел темноглазую девушку, ту самую, что утром выглядывала из вигвама, когда я расправлялся с моими часовыми. Сейчас она приторачивала к моему седлу переметную суму с провизией. Заметив меня, девушка зарделась от неожиданности встречи.

— Кто ты, прекрасная дочь ракурроев?

— Я Чистый Родник, дочь вождя Рогатого Быка.

Прошу тебя принять мой дар в благодарность за то, что ты пощадил моего брата Ма-Рама.

— Пусть великий Маниту подарит тебе много счастья и много солнц, прекрасный цветок прерии. Твои глаза ясны, а лоб чист, пусть же и жизнь твоя будет ясной и чистой.

Когда я вернулся к друзьям, все пришли в восторг от вороного жеребца.

— Чарли! — восклицал Сэм. — Он действительно хорош. Если говорить честно, он может даже сравниться с моей Тони, разве что у него только хвост подлиннее да уши покороче. Теперь у нас есть все. Пора в путь, а там посмотрим, чья возьмет. Старик Сан-Иэр еще покажет краснокожим, на что он способен.

Когда все было готово к отъезду, мы сняли путы с наших пленников.

— Масса, поскорее! — поторапливал нас Боб. — Быстро прочь отсюда, чтобы индеец не схватил нас всех снова. Боб не хочет, чтобы его зажарили и съели.

Вожди ракурроев даже не шевельнулись, пока мы не покинули вигвам. Мы сели на коней и помчались по стойбищу, которое, казалось, вымерло. На глаза нам не попался ни один индеец, хотя, несомненно, все племя наблюдало за нами. Мне почудилось, что из-за полога вигвама Рогатого Быка выглядывают четыре темных глаза... Не менее сотни сердец нетерпеливо стучали, ожидая поры, когда будет разрешено пуститься в погоню за нами, но два сердца желали нам счастья и удачи!

Глава IV. САКРАМЕНТО — КРАЙ БОГАТЫЙ

Путешествуя вдоль Колорадо, мы благополучно пересекли обширные владения индейцев пайютов и уже приближались к восточным отрогам Сьерра-Невады. Там, на берегу озера Моно, мы собирались остановиться и дать отдых измученным дальней дорогой лошадям. За нашей спиной остались земли команчей, горные хребты, пустынные солончаки и обширные прерии.

Что же заставило нас отправиться в Калифорнию? Что привело нас в края, столь далекие от прерий Запада? Во-первых, Бернард Маршалл надеялся отыскать там своего брата, во-вторых, мы полагали, что оба Моргана, лишившись на Пекос всей своей добычи, устремятся в эту богатую золотом страну, чтобы быстро поправить свои дела.

И у нас были более чем серьезные причины так полагать.

Когда мы покинули стойбище команчей, у нас было всего лишь шесть часов свободы. Весь вечер и всю ночь мы мчались вперед и на следующий день уже увидели вдали вершины Сьерра-Гуадалупе. Все наши лошади, включая и старушку Тони, неслись во весь опор, словно им была неведома усталость, и покрывали милю за милей, невзирая на трудную дорогу. Нам удалось перебраться через Сьерра-Гуадалупе, так и не заметив за собой погони, а когда через несколько дней мы переправились на другой берег Рио-Гранде, опасность миновала окончательно.

К западу от Рио-Гранде тянутся отроги Скалистых гор, где и произошло событие, подсказавшее нам, где искать Морганов.

Как-то в полдень мы отдыхали на перевале. Виннету стоял на часах. Для наблюдения он выбрал скалу, с которой все окрестности, как сзади, так и впереди нас, были видны словно на ладони.

Вдруг мы услышали его гортанный возглас, и через мгновение вождь апачей стоял перед нами.

— Краснокожие воины идут сюда, — сказал он.

— Сколько их? — спросил я.

Виннету молча поднял растопыренную правую ладонь и три пальца левой руки.

— Восемь? Нам они не страшны. К какому племени они принадлежат?

— Виннету не знает, потому что на их лицах нет боевой раскраски.

— Как далеко они отсюда?

— На расстоянии четвертой части того времени, которое бледнолицые называют часом. Пусть мои братья разделятся. Виннету и Сан-Иэр пойдут вперед, а Бернард и чернокожий муж встанут сзади, между скал. Мой брат Чарли останется здесь, чтобы говорить с краснокожими воинами.

Виннету отвел наших лошадей за скалы, где их не было видно с тропы, и мои товарищи заняли свои места. Все было готово к встрече.

Прошло четверть часа, и я услышал мерное поцокивание копыт по камням. Индейцы выехали из-за поворота тропы, заметили меня и остановились, я же сидел, наблюдая за ними из-под полуопущенных век и притворяясь, что меня одолела дремота. На каменистой почве не видно следов, поэтому они, предполагая, что я здесь один, обменялись несколькими фразами и подъехали ко мне.

Притворяться дальше не имело смысла, и я медленно встал, сжимая в руках ружье.

— Что бледнолицый делает в этих горах? — спросил один из них.

— Белый муж отдыхает после долгой дороги, — спокойно ответил я.

— Откуда он прибыл?

— С берегов Рио-Гранде.

— А куда держит путь?

— Уфф! — неожиданно воскликнул второй краснокожий. — Воины команчей видели его у вод Пекос вместе с Ма-Раом! Белый муж стрелял в бледнолицых, за которыми мы гнались!

Итак, кое-что прояснялось: этот краснокожий был одним из тех пятерых, которые преследовали Морганов и которые после моих выстрелов бросились на меня, вместо того чтобы схватить беглецов.

— Куда затем отправился бледнолицый с Ма-Раом? — продолжал спрашивать предводитель.

— В стойбище команчей.

— Когда и где белый муж встретился с сыном вождя?

— Я взял его в плен в той долине, где сыновья команчей схватили Виннету, Сан-Иэра и еще одного бледнолицего.

— Уфф! Он взял в плен Ма-Рама?! — вскричали краснокожие, хватаясь за оружие, но предводитель остановил их.

— Что сделал белый муж с воинами, которые были с сыном вождя? Он убил их?

— Я не причинил им зла. Одного из них я связал, а остальных Великий Дух лишил слуха и зрения, чтобы они не слышали и не видели, как я увожу с собой сына вождя.

— Но Ма-Рам не был связан, когда мы встретили бледнолицего на Пекос! — вдруг вспомнил тот, кто участвовал в погоне за Морганнами.

— Он обещал мне следовать за мной, и я снял с него ремни.

— Уфф! Зачем белому мужу понадобилось ехать в стойбище команчей?

— Сыновья команчей схватили моих друзей, поэтому я приехал к ним в стойбище, связал четверых вождей и обменял их на пленников. Нам разрешили уйти из стойбища и дали свободу на четверть солнца.

— Виннету и Сан-Иэр ушли от погони?

— Да.

Лица команчей исказились от гнева. Однако, что бы они ни задумали, бояться мне было нечего. Меня даже забавляло то, что они вспыхнули как порох при упоминании о неудаче соплеменников.

— Бледнолицый пес должен умереть!

С этими словами предводитель схватился за ружье, единственное у них, так как у остальных краснокожих были только луки и стрелы.

— Остановитесь! Краснокожие мужи погибнут раньше, чем ты успеешь поднять ружье. Мне не страшны восемь индейцев. К тому же я знаю, что воины команчей не причинят мне зла, если я скажу им, где еще сегодня они смогут увидеть Виннету, Сан-Иэра и еще одного бледнолицего, сбежавшего из стойбища.

— Уфф! Где?

— Вон там стоят Виннету и Сан-Иэр, — ответил я, указывая на вышедших из-за скалы с оружием в руках вождя апачей и старого вестмена. — Третий пленник стоит у вас за спиной.

Мои товарищи вскинули ружья, а я отпрыгнул за огромную каменную глыбу и направил штуцер в грудь предводителя команчей.

— Пусть краснокожие воины сойдут с лошадей, — приказал я. — Теперь они наши пленники.

Конечно, численный перевес был за ними, но мы застали их врасплох, к тому же их луки и стрелы ничего не стоили против наших ружей. Поэтому неудивительно, что предводитель медленно опустил свое ружье и спросил:

— Разве мой белый брат не видит, что воины команчей не ступили на тропу войны?

— И невзирая на это, хотели убить меня! Но белый воин не жаждет крови краснокожих братьев, пусть они сойдут с лошадей и выкурят с нами трубку мира.

Индейцы не сразу послушались меня — в прерии зачастую обман

считается не предательством, а доблестью, — поэтому команчи опасались подвоха.

— Как зовут моего белого брата?

— Олд Шеттерхэнд.

— Уфф! Мы верим тебе.

Индейцы спешили и сели рядом со мной, предводитель достал трубку. Мои товарищи также сели в круг. Соблюдая ритуал, трубку передавали из рук в руки. Бернард Маршалл, не разбиравшийся в тонкостях индейской дипломатии, допустил ошибку и протянул трубку Виннету, но тот отверг ее.

— Вождь апачей сидит рядом с команчами только потому, что мой брат Олд Шеттерхэнд желает мира с ними, — произнес он, объясняя свой отказ. — Но апач не примет трубку из их рук. Пока команчи сидят с моими белыми друзьями, они в безопасности, но пусть берегутся встречи с Виннету, когда рассеется дым мира. Вождь апачей отправит их души в Страну Вечной Охоты.

Бернард смутился, не зная, что делать, и я поспешил на помощь, взяв трубку из его рук и передав ее предводителю команчей, которые сделали вид, что слова Виннету к ним не относятся.

— Мои краснокожие братья преследовали двух бледнолицых предателей? — поинтересовался я.

— Мой брат уже знает об этом?

— Да. Но я не знаю, удалось ли вам поймать их.

— Злой дух помогал им — бледнолицые собаки ушли за пределы страны команчей и нашли приют у наших врагов. Воины команчей вынуждены были вернуться ни с чем.

— Но как им, пешим, удалось уйти от погони?

— Бледнолицые воры украли у команчей лошадей.

— Разве у воинов команчей нет глаз, чтобы видеть конокрада, и нет ушей, чтобы слышать его шаги?

— Воины команчей пели поминальные песни на могиле вождя, а когда вернулись к лошадям, то нашли часовых убитыми, а два лучших скакуна исчезли.

Негодяи были умны и избрали единственно возможный путь к спасению. С необыкновенной дерзостью они отправились в горы за отрядом команчей и украли коней. В смелости Морганам нельзя было отказать. К таким противникам нельзя было относиться пренебрежительно. Следовало поймать их, даже если бы пришлось ради этого гоняться за Морганам по всем Соединенным Штатам, поэтому встреча с команчами

была нам очень на руку.

Краснокожие не стали задерживаться с нами и, дав короткий отдых лошадям, собрались в путь.

— Где мои краснокожие братья в последний раз видели следы бледнолицых предателей? — спросил а предводителя, прежде чем он вскочил на коня.

— В двух солнцах пути отсюда. Разве мой бедный брат идет по их следу?

— Когда мы догоним их, они погибнут.

— Уфф! Белый муж говорит как команчи. Поезжай на запад, через одно солнце пути ты увидишь большую долину. В ее северной части ты найдешь то место, где бледнолицые предатели разожгли костер, оттуда ты пойдешь через горы, до воды, текущей на запад. Иди дальше вдоль ее берега. По пути ты еще два раза найдешь следы костров белых людей. Там начинаются земли навахов, и нам пришлось вернуться.

— Как близко от предателей были мои краснокожие братья?

— Мы отставали от них на полсолнца. Но на нашем пути оказались вигвамы врагов, в которых нашли приют бледнолицые.

— Воины команчей выполнили свой долг. Скажи То-Кей-Хуну, что Виннету, Сан-Иэр и Олд Шеттерхэнд настигнут бледнолицых лжецов и убийц и покарают их за все преступления. Еще я прошу передать Ма-Раму, что память о нем живет в сердце Олд Шеттерхэнда. Пусть он не забывает бледнолицего брата.

— Вождь апачей Виннету пойдет по следу команчей?

— Нет. Он ваш враг, это правда, но сегодня его братья выкурили с команчами трубку мира, поэтому он позволит им уйти беспрепятственно.

Индейцы сели на лошадей и уехали своей дорогой, мы тоже не мешкая пустились в путь, который теперь вел нас на запад.

Команчи не солгали: через два дня у одного из притоков Рио-Колорадо мы нашли стойбище навахов. Это племя никогда не враждовало с апачами, а иногда даже выступало на их стороне, поэтому мы могли ничего /не опасаться, пока с нами был Виннету. От навахов мы узнали, что беглецы побывали у них, но уехали в тот же день, расспросив о кратчайшем пути до озера Моно. Морганы значительно опережали нас, однако мы надеялись нагнать их.

Широкая равнина, по которой мы ехали к Сьерра-Неваде, была испещрена следами бизоньих стад. Уже много дней мы питались вяленным мясом, и даже мне, столь неприхотливому в еде, чертовски хотелось полакомиться испеченным на углях бизоньим филеом.

Взяв с собой Бернарда, которому еще никогда не приходилось охотиться на крупного зверя, я отклонился от нашего маршрута вправо, где, судя по буйным зарослям, была вода. Приблизился полдень, в это время бизоны спешат к водопою, чтобы не только утолить жажду, но и принять ванну, а потом улечься на берегу и пережевывать жвачку.

Я не ошибся в своих предположениях: вдали медленно брело по прерии небольшое стадо. К сожалению, ветер дул от нас, и животные бросились в бегство. Мы пустили коней вскачь, и тут я наконец-то смог полностью оценить по достоинству вороного жеребца, подаренного мне Ма-Рамой. Он несся вперед легко, словно летел по воздуху, совершенно не чувствуя моих двухсот с лишним фунтов веса. Бернард безнадежно отстал, а я тем временем решил воспользоваться не ружьем, а лассо, чтобы заодно проверить, как выезжен конь и как приучен к различным способам охоты.

Когда я нагнал стадо, то, к своему удивлению, увидел, что преследовал не бизонов, а полудиких коров, которых в тех краях разводят исключительно ради шкур. В любом случае мясо нам было необходимо, и я решился убить самую молодую из них, чье мясо должно быть помягче и повкуснее. Отбив корову от стада, я набросил на нее лассо. Мой жеребец оказался выше всяких похвал. Как только волосяная веревка просвистела в воздухе, он круто развернулся на задних ногах, уперся в землю копытами, всем телом подаваясь вперед. Петля затянулась на шее коровы, от резкого толчка мой вороной присел на задние ноги, но удержался на месте. Корова рухнула, я спрыгнул с коня и перерезал ей горло. Вороной следил за каждым моим движением и, увидев, что все кончено, сам ослабил натяжение веревки, чтобы я мог снять петлю с добычи. Я подошел к умному животному, погладил его по шее, а он в ответ благодарно потерся головой о мое плечо.

Я вытащил нож, чтобы освежевать добычу, и только теперь ко мне подскакал Бернард.

— Опоздал, — огорчился он. — Чарли, может быть, мы убьем еще одну?

— Нам не съесть и эту. Лучше помоги мне.

Бернард спрыгнул с коня и помог мне перевернуть корову на другой бок. На задней ее ноге явственно виднелось выжженное каленым железом клеймо.

— Чарли! — удивился Бернард. — У твоего бизона есть хозяин?

— Представь себе, есть — ответил я с улыбкой. — В этих краях иногда встречаются ранчери, разводящие скот.

— А мы имели право убить эту корову?

— Ты считаешь меня способным на воровство? В этих местах никому не придет в голову разводить скот ради мяса — сбывать можно только шкуры. Поэтому согласно здешним обычаям любой путник может убить одно животное, но шкуру обязан вернуть владельцу.

— Да где же мы его найдем?

— Его совсем не обязательно искать. По пути мы встретим какое-нибудь ранчо и сообщим, где оставили шкуру. Каждую осень хозяева выезжают в прерию забивать скот, палят они без разбору и очень часто под горячую руку убивают пару, а то и, больше чужих животных. В таких случаях ранчери тоже рассчитываются шкурами.

Я говорил, орудуя ножом, и слишком поздно услышал, как что-то просвистело в воздухе. Бернард вскрикнул. Обернувшись, я увидел, что кто-то набросил на несчастного Бернарда лассо и тащит его в кусты.

Схватив ружье, я бросился вдогонку за неизвестным всадником в мексиканском костюме, который нахлестывал коня и тянул за собой зовущего на помощь Бернарда.

Раздумывать было некогда, человеку, которого волокут по земле, грозит ужасная смерть: жестокие, острые стебли травы, мелкий кустарник, камни режут, царапают, рвут на части его тело. Вскинув флинт, я прицелился в лошадь мексиканца и нажал на курок. Животное пошатнулось, замедлило бег и рухнуло.

Пока я помогал Бернарду, неизвестный всадник успел скрыться. Волосная петля так сильно притянула руки несчастного к телу, что он совершенно был лишен возможности двигаться. К счастью, Бернард отделался лишь царапинами и встал на ноги сразу, едва я его освободил.

— Тысяча чертей! Путешествовать так мне еще не приходилось! Чем мы не понравились этому наглецу?

— Ума не приложу, — ответил я, действительно не понимая, почему на нас напали.

— Отчего ты стрелял в лошадь, а не в него?

— Во-первых, потому что это человек, к тому же в нас он не стрелял. Во-вторых, лассо привязывают к луке седла, и, если бы я убил всадника, перепуганный конь потащил бы тебя дальше.

— Да, конечно, я сам должен был догадаться, — согласился со мной Бернард, осматривая руки и ноги и удивляясь, что они целы.

— Пойдем к корове, — позвал я. — Пора разделать тушу и возвращаться. Судя по всему, здесь не совсем безопасно.

— А я думал, что здесь нам ничего не угрожает — ведь земли индейцев остались позади.

— Очень распространенное заблуждение. Эти места опаснее других. Вместо индейцев, которых испанцы называют индиос бравос, здесь хозяйничают подонки из мексиканских и американских штатов. Боюсь, что скоро нам придется познакомиться с ними поближе.

Приторочив к седлу самые мясистые части коровьей туши, мы помчались по следу нашего маленького отряда и вскоре нагнали его. Наши товарищи, поджидая нас, двигались неспешно. Боб, заметив куски свежего мяса, громко закричал:

— Ах, масса Чарли привез бифштекс! Сейчас Боб принесет ветки, разведет костер и испечет мясо.

Пока негр занимался своим делом, я рассказал о нашем приключении. Вскоре мясо зашипело над огнем, подрумянилось и стало с такой невероятной скоростью исчезать во рту чернокожего, что мы поспешили последовать его примеру. Все были так поглощены обедом, что заметили скачущих к нам всадников в последний момент.

— Чарли, — обратился вдруг ко мне Сэм, — когда дожуешь этот кусок, дай мне твою подзорную трубу, я хочу посмотреть, кто к нам пожаловал.

— И охота тебе заниматься такими пустяками, когда еще не все мясо съедено, — ответил я, но все же немедленно достал трубу и приложился к ней.

— Восемь человек... Не слишком много для нас.

— Они нас заметили? — спросил Бернард.

— Ну конечно. Дым от костра виден за несколько миль.

— Кто они?

— Думаю, мексиканцы. У них высокие седла и огромные сомбреро.

— Оставьте мясо и возьмите ружья, — сказал я. — Возможно, непрошенные гости решили побеспокоить нас из-за того наглеца, что пытался утащить Бернарда.

Всадники приближались, и теперь их уже можно было рассмотреть. Все они были в мексиканской одежде, а в одном из них я узнал человека, чьего коня мне сегодня пришлось подстрелить. За сотню шагов от нас они разделились на две группы и подъехали к нам с разных сторон, словно беря в кольцо.

— Вот ведь незадача! Джентльмены собираются побеседовать с нами, а я нынче без фрака, — развеселился вдруг Сэм.

Подобные встречи забавляли его.

— Если вы мне позволите, я сам поговорю с ними.

Кольцо вокруг нас сжималось. Их предводитель выехал вперед и

обратился к нам на смеси английского и испанского языков, обычной в тех местах:

— Кто вы такие?

— Мы миссионеры в Большого Соленого Озера, — ответил за всех Сэм, — едем в Калифорнию проповедовать слово Божье, а заодно и другие слова.

— Предупреждаю вас, ничего хорошего вас там не ждет. Кто этот краснокожий?

— Он не краснокожий, он эскимос из Новой Голландии. Мы будем показывать его за деньги, если у нас вдруг появится в них нужда.

— А негр?

— О-о-о! Это не негр, это адвокат с Камчатки, он едет на суд в Сан-Франциско.

Наверное, почтивший нас визитом мексиканец имел о географии весьма туманное представление.

— Ну и дела! — воскликнул он. — Три миссионера и черт знает какой адвокат воруют у меня корову, а в придачу еще пытаются убить моего вакера! Ну ничего, я научу вас вежливости! Я беру вас в плен и везу на мое ранчо.

Сан-Иэр скорчил хитрющую мину и повернулся ко мне.

— Поедем, Чарли? — спросил он, подмигивая. — Может быть, там удастся наесться до отвала?

— Попробуем, Сэм. Если у этого ранчерио меньше сотни слуг, то он нам не опасен.

— Вот и хорошо. Сдадимся в плен этому смельчаку. — И, обращаясь к мексиканцу, спросил: — Стоило ли вам так беспокоиться из-за одной жалкой коровы и пятерых еще более жалких путешественников, сеньор?

— Не смейте называть меня сеньором. Я дворянин и даже гранд. Меня зовут дон Фернандо де Венанго-и-Колона де Молинарес де Гаяльпа-и-Ростредо. Запомните!

— Вот оно что! Наверное, вы очень важный господин. Мы вынуждены подчиниться и полагаемся только на вашу доброту.

Мы послушно встали, погасили костер и сели на коней. Боб весело смеялся:

— Как хорошо! Негр Боб стал адвокатом из... — он уже успел забыть откуда. — На ранчо будет много вкусной еды, и Боб будет есть и пить.

Всадники окружили нас и погнали лошадей галопом — мексиканцы любят погарцевать с шиком. По пути у меня было достаточно времени, чтобы подробно рассмотреть их одежду.

Мексиканский костюм красив как никакой другой, он романтично красив. От солнца голову предохраняет черная или коричневая шляпа, чаще из фетра, реже из бархата, с огромными полями и низкой тульей. Эти шляпы испанцы называют сомбреро. Иногда голову покрывает шляпа, плетенная из соломы; она называется панама, и слово это уже проникло в Европу. У сеньора, то есть хозяина, ранчero или же просто разбойника поля всегда загнуты слева, а золотая или медная булавка, украшенная драгоценными камнями или разноцветными стеклышками, придерживает поля и перо, стоимость которого зависит от состояния владельца. Однако перо присутствует всегда, независимо от того, ходит ли человек в бархате или же щеголяет заплатками.

Примечательна также блуза, расшитая на груди, спине и рукавах шерстяной или шелковой нитью, а иногда даже золотом и серебром.

На шее мексиканец непременно носит черный платок, завязанный большим узлом. Концы такого платка могли бы свисать до пояса, но обычай велит забрасывать их за спину, отчего фигура становится еще более живописной.

На брюках следует остановиться отдельно: они очень узки в бедрах, но книзу расширяются, словно колокол. Они также украшены бахромой и вышивкой, а в нижней части широких штанин вшиты клинья из цветного шелка.

Узорчатая вышивка украшает и высокие сапоги из мягкой, покрытой лаком кожи. Они примечательны шпорами — из серебра, стали или просто бронзы, а иногда даже костяными. Их размеры поражают воображение. Вместе с зажимами они достигают десяти дюймов, шесть из которых приходится на стержень с зубчатым колесом. Но если у европейцев зубчатое колесо бывает не больше мелкой монетки, то у мексиканцев оно превратилось в двенадцатиконечную звезду с лучами в два-три дюйма. Одна такая шпора весит не меньше двух фунтов и может легко проделать в шкуре несчастной лошади дыру.

У мексиканцев отлично выезженные, выносливые лошади, а с оружием они расстаются только ночью. Особенно хорошо они владеют длинноствольным нарезным пистолетом, который соединяется с прикладом таким образом, что стрелок может при желании мгновенно превратить пистолет в короткое ружье. Нарезка внутри ствола позволяет послать пулю в цель на расстояние ста пятидесяти метров, пороху для такого ружья требуется очень мало, оно удобно в обращении и в руках умелого стрелка превращается в грозное оружие.

Но еще опаснее в руках мексиканца лассо, ременное или сплетенное из

конских волос. Им можно поймать убегающего быка, остановить пантеру в прыжке, пленить человека. Даже если его бросают на полном скаку лошади, на десять тысяч бросков придется не больше одного промаха. Искусству обращения с лассо в Мексике учатся с раннего детства, поэтому оно словно прирастает к руке мексиканца. Оно не просто послушно его воле, оно угадывает желания и летит само к цели, независимо от того, брошено ли оно для забавы или в смертельном поединке.

Мексиканец не признает плаща — от дождя и холода его спасает пончо — одеяло с отверстием для головы, закрывающее и спину и грудь. Костюм всадника и сбруя лошади стоят баснословных, по меркам европейцев, денег. Седло и узду украшает серебро, а иногда и золото. Богатые люди даже заказывают уздечки с мундштуком из литого серебра, и такие удила стоят до пятидесяти эскудо, а узда с бляшками из золота все пятьсот.

Один раз сев в испанское седло, вы не упадете с коня, как бы он ни брыкался и ни вставал на дыбы. Задняя лука высока и удобна, как и спинка стула, передняя немного ниже, но надежно предохраняет от падения. Спину и бока лошади прикрывает огромная кожаная попона, заканчивающаяся широким подхвостником. Такую попону шутливо называют «кола де пато», то есть «утиный хвост». Она очень удобна для дальних путешествий из-за того, что к ней пришита и приторочена уйма карманов, переметных сум и кобур.

Стремена висят не на кожаных ремнях, а на цепях, зачастую серебряных. Некогда стремяна изготавливались в виде коротких деревянных сапог, предохранявших ногу от ударов, теперь они имеют форму носка сапога, а голень всадника прикрывают куски кожи, иногда укрепленные металлической сеткой. Состоятельные мексиканцы заказывают искусным кузнецам стремяна из цельного листа стали. Покрытые тонкой насечкой, такие полусапоги-полустремена похожи на старинные редкие музейные экспонаты, хранящиеся в оружейных палатах.

Пока я разглядывал живописный наряд мексиканца, прошло полчаса. Вдали показался дом. Еще через десять минут мы въехали на обширный двор ранчо и спешили.

— Сеньора Эулалия! Сеньорита Альма! Идите сюда и посмотрите, кого я привел! — громко позвал ранчero, повернувшись к дому.

На этот зов во двор выбежали сеньора и сеньорита, в обществе которых дворовая девка сошла бы за даму. Они были босые, короткие юбки еле прикрывали колени, некогда белые блузы посерели.

— Кого вы нам привели, дон Фернандо де Венанго-и-Колона? —

вскричала старшая из женщин. — Вы представляете, сколько у нас будет хлопот, когда пятеро гостей захотят есть, пить и спать? Я этого не вынесу! Я убегу и оставлю вас один на один с вашей бандой на вашем паршивом ранчо! Возитесь с гостями сами! Ах, как я теперь жалею, что поддалась на уговоры и покинула Сан-Хосе!

— Матушка, вы не находите, что вот тот дон удивительно похож на дона Аллена? — перебила ее младшая, тыча пальцем в Маршалла.

— Ну и пусть! Похож на дона Аллена, но все же не он! — ответила старшая, раздражаясь еще больше оттого, что ее прервали. — Кто эти люди? Разве я служанка? У меня и так голова идет кругом, работы в хозяйстве столько, что век не переделать. А тут еще сразу пятеро бродяг сваливаются на голову!

— Сеньора Эулалия! Да ведь они вовсе не гости, — остановил этот поток ранчеро.

— Не гости? Так кто же они, дон Фернандо де Венанго-и-Колона?

— Они пленные, сеньора Эулалия.

— Что же они сделали, дон Фернандо де Венанго де Молинарес?

— Негодяи убили нашу корову и трех вакерос, драгоценная сеньора Эулалия.

Наглость, с какой он приумножал наши преступления, обескуражила нас.

— Корову и трех вакерос! — всплеснула руками сеньора, отчего наши лошади испуганно запрядали ушами. — Ужасно! Вы должны отомстить им! Надеюсь, вы взяли их с поличным? Не так ли дон Фернандо-и-Колона де Гаяльпа?

— Конечно, с поличным, и даже не с одним, а со всеми сразу. Но они не только убили нашу корову, они ее зажарили и съели. Вы представляете, сеньора Эулалия?

Глаза доньи стали вылезать из орбит.

— Зажарили и съели? Корову и трех вакерос?

— Да нет же! Сначала — корову...

— Сначала? А потом, дон Фернандо де Гаяльпа-и-Ростредо?

— Потом? Потом — ничего. Мы поймали их и привели сюда, сеньора Эулалия.

— О-о-о! Весь мир знает, какой вы храбрый, дон Фернандо де Молинарес-и-Колона! Так кто же эти люди?

— Белые — миссионеры, они едут в Сан-Франциско, чтобы обратить в истинную веру жителей Калифорнии и научить их каким-то словам.

— Спаси и помилуй! Миссионеры убивают коров и поедают вакерос!

А остальные кто, дон Фернандо-и-Ростеро де Венанго?

— Черный, похожий на негра, на самом деле не негр, он адвокат из... из... Словом, он оттуда, где живут туземцы Огненной Земли. Он тоже едет в Сан-Франциско, чтобы украсть там чье-то наследство.

— Ну, тогда не удивительно, что он украл у нас корову.

— А вот тот, похожий на индейского разбойника, — готтентот из... из Гренландии. Он будет показывать миссионеров за деньги.

— И что вы собираетесь сделать с этими людьми, дон Фернандо де Молинарес де Гаяльпа де Венанго?

— Прикажу их повесить, а может, застрелить. Позовите сюда всех моих людей, сеньора Эулалия!

— Но ведь все и так уже здесь, кроме старой негритянки Бетти, а ее и звать не надо, потому что она сама идет сюда. Пойдите, дон Фернандо-и-Ростредо де Колона, но если все ваши люди здесь, то как эти бродяги могли убить трех вакерос? Это невозможно!

— У меня все возможно, сеньора Эулалия. Закройте ворота, чтобы пленные не убежали, пока я буду судить

Ворота заперли на засов, и теперь мы действительно не могли убежать, но в то же время и милейший дон Фернандо находился полностью в наших руках. Лошадей поставили у коновязи. Принесли три стула, посередине сел дон Фернандо, а по сторонам от него заняли места сеньора Эулалия и сеньорита Альма. Нас поставили перед лицом «высокого суда», а вокруг выстроились вакерос.

— Как тебя зовут? — обратился ранчеро к негру.

— Боб, — ответил тот.

— Подходящее имя для негодяя. А тебя как зовут?

— Виннету, — спокойно ответил мой краснокожий брат, которого тоже забавляло происходящее.

— Виннету? Ты украл это имя, ведь так зовут знаменитого вождя апачей. А тебя?

— Маршалл.

— Вот видишь, у него та же фамилия, что и у дона Аллена, — скороговоркой выпалила сеньорита.

— Ничего удивительного, обычная фамилия для янки, — заметил ранчеро. — К тому же они меняют имена чуть ли не каждый день. А тебя?

— Сан-Иэр.

— Твое имя тоже ворованное, так зовут известного охотника и убийцу индейцев. А тебя?

— Олд Шеттерхэнд.

— Да вы не просто разбойники, но и наглые лжецы! Вы присвоили себе чужие имена!

Я выступил на несколько шагов вперед и встал рядом с тем вакеро, которому утром пришла в голову мысль набросить лассо на Бернарда. Несомненно, он заслуживал наказания.

— Мы не лжем. Если вам нужны доказательства, я готов их представить.

— Где же они?

В то же мгновение мой кулак опустился на голову вакеро, и тот рухнул на землю, не издав ни звука.

— Вот это и есть знаменитый удар Олд Шеттерхэнда!

— Держите меня, я умираю, мне дурно! — вскрикнула сеньора Эулалия, заломила руки и упала на грудь добрейшего дона Фернандо.

Тот хотел вскочить на ноги, но не тут-то было: сладостная ноша крепко вцепилась в него, не давая пошевелиться. Единственное, что ему оставалось — разразиться проклятиями и угрозами, в чем его поддержала сеньорита Альма.

Мексиканцы прекрасно сражаются верхом, но в пешем бою они никудышные вояки. Вакерос не были исключением из общего правила. Растерявшись, они смотрели на нас. Мои же товарищи после нанесенного мной удара схватились за ружья, готовые сражаться.

— Не пугайтесь, сеньора, — попытался я успокоить хозяев, — мы не причиним вам вреда. Между нами возникло небольшое недоразумение, которое следует немедленно исправить.

Приблизившись к стульям, я поклонился, вспомнил цветистые обороты, обычные для мексиканцев, и обратился к сеньоре Эулалии:

— Донна, я всегда считал себя поклонником красоты и редких женских достоинств. Прошу вас, очнитесь и одарите меня ласковым взглядом.

Донья Эулалия томно вздохнула, открыла глаза и попыталась кокетливо улыбнуться, хотя на ее пожелтевшем лице проступали замешательство и тревога.

— Прекрасная донья, вспомните, как в древние времена дамы вершили суд над рыцарями и те подчинялись их приговору. В споре с нами дон Фернандо представляет потерпевшую сторону, поэтому не сможет судить нас по справедливости. Мы просим его предоставить решать вам, кто прав и кто виноват, и надеемся, что вы столь же добры, сколь и прекрасны, и будете к нам снисходительны.

Женщина приосанилась — видимо, я сумел ей польстить.

— Вы действительно те, за кого себя выдаете? — спросила она.

— Ну конечно, разве бы мы посмели обмануть вас, донья Эулалия?

— Вы слышите, дон Фернандо де Венанго де Гаяльпа? Эти славные сеньоры просили меня быть их судьей.

— Пожалуйста, вершите суд, сеньора Эулалия, — согласился ранчero. — Я уверен, вы приговорите негодяев к повешению.

— Если они того заслужили, дон фернандо-и-Колона де Молинарес! Я готова выслушать вас, — обратилась донья ко мне.

Я воспользовался ее благосклонностью и начал:

— Представьте, донья Эулалия, что вы много дней путешествуете по прерии, смертельно устали и падаете с ног от голода. И вдруг вы встречаете корову. Позволяется ли убить это животное, при условии, что шкуру вы оставите владельцу?

— Конечно, допускается, — согласилась вершащая суд «дама».

— Не всегда и не везде... — попытался вмешаться ранчero, но вошедшая в роль сеньора оборвала его:

— Теперь здесь приказываю я, дон Фернандо! Вы будете говорить, когда я разрешу.

Мексиканец покорно умолк. Выражение на лицах вакерос не оставляло сомнений, кто настоящий хозяин на ранчо.

— Вот и все наше преступление, прекрасная донья! — продолжил я. — И тут внезапно появляется вакеро, тот, что сейчас лежит на земле, набрасывает лассо на сеньора Маршалла, который сейчас стоит перед вами, и тащит его за собой. Не пристрели я его лошадь, молодой человек мог бы погибнуть!

— Сеньор Маршалл... — задумчиво протянула хозяйка. — Мне дорого это имя. Некий сеньор Аллен Маршалл снимал комнату у моей сестры в Сан-Франциско.

— Аллен Маршалл? — поразился я. — Аллен Маршал из Луисвилла?

— Он самый. Вы с ним знакомы?

— Ну конечно! Сеньор Бернард Маршалл — ювелир и приходится ему родным братом.

— Святая дева! Тот ведь тоже был ювелиром и как-то рассказывал, что у него есть брат по имени Бернард! Альма, твое сердце не обмануло тебя. Разрешите обнять вас, сеньор Бернард. Я рада приветствовать вас в нашем доме.

Не понимая, чем вызвана бурная радость сеньоры, Бернард уклонился от объятий и ограничился тем, что поцеловал ей руку.

— Я прибыл в эти края, — сказал он, — чтобы найти брата. Где он

сейчас, донья Эулалия?

— Моя дочь Альма два месяца назад вернулась из Сан-Франциско. Сеньор Аллен сказал ей, что собирается ехать на прииски. Но как же так случилось, что вы — миссионер, а ваш брат — ювелир?

— Мой друг Олд Шеттерхэнд пошутил, поверьте, в том не было злого умысла.

Сеньора повернулась в сторону ранчero.

— Вы слышите, дон Фернандо де Венанго де Гаяльпа? Они не миссионеры и не разбойники. Я оправдываю их, и они могут гостить у нас сколько пожелают. Альма, сбегай на кухню и принеси бутылку базиликовой. За такую встречу не грех и выпить.

Последние слова доньи Эулалии преобразили ранчero. Его лицо просветлело. Верно, лишь по очень торжественным дням ему разрешалось приложиться к базиликовой настойке. Жизнь на ранчо тяжела и однообразна, поэтому добрый малый готов был забыть съеденную нами корову, а может быть, и прибавить еще парочку, лишь бы развеять скуку. Таким образом «хулепе»⁴ скрепил нашу дружбу и согласие.

Через минуту сеньорита Альма вернулась с бутылкой и стаканами. Словом «хулепе» мексиканцы называют любое снадобье на травах, включая даже самое отвратительное пойло.

И на этот раз напиток не отличался изысканным вкусом, так что мы всего лишь пригубили его, а Виннету даже не посмотрел на «огненную воду». Однако дамы, судя по всему, были привычны к его вкусу и с явным удовольствием потягивали крепкую жидкость, а ранчero все подливал в свой стакан до тех пор, пока не вмещалась его жена.

— Остановитесь, дон Фернандо де Венанго-и-Ростре-до-и-Колона. Вам ведь известно, что у меня осталось всего две бутылки хулепе. Проводите сеньоров в дом, а мы тем временем переоденемся к обеду.

Дамы исчезли во внутренних покоях, а ранчero провел нас в небольшую столовую, где стоял длинный стол и скамьи, сколоченные из грубо обструганных досок. В открытую дверь я заметил, что вакерос окружили наших лошадей, и вспомнил, что мексиканская поговорка гласит: «Лучший пастух может оказаться воришкой». Поэтому я поспешил к ним и, как оказалось, подоспел вовремя — вакерос уже заглядывали в наши переметные сумы.

Пришлось оставить у коновязи Боба, чтобы он приглядывал за лошадьми, и пообещать ему, что пришлю всех яств, которые подадут нам хозяева. Вернувшись в столовую, я увидел там дам и не узнал их, до того разительно они переменились. Причесанные и разнаряженные, они могли

без урона для чести показаться на главной улице Мехико.

Основной особенностью костюма мексиканских женщин является «ребосо», длинная кружевная шаль, заменяющая им и шляпку, и чепец, и вуаль. Такие шали плетут индеанки, и нередко работа продолжается два года, поэтому и стоят они под сто песо, а иногда и больше. Именно в таких дорогих ребосо и появились наши хозяйки, и должен признать, что выглядели они весьма привлекательно.

Сеньоры сели за стол и повели с нами приятную беседу, пока старая негритянка хлопотала у плиты и подавала обед, приготовленный в чисто мексиканском духе: говядина с рисом, красным от перца, тортильяс — особого рода лепешки с мясом, обильно сдобренной чесноком начинкой, овощи с луком, почти черная от черного перца баранина, цыплята с луком и чесноком и, уже под занавес, вырезка со сладким перцем. Неудивительно, что к концу обеда рот у меня полыхал от перца, горло горело от лука, а желудок ныл от чеснока.

Дамы, привычные к такого рода пиршествам, с явным удовольствием поглощали перченые, острые и пряные кушанья, запивая их уже описанным выше хулепе.

О продолжении путешествия в тот же день не могло быть и речи. Сеньорита Альма ни на шаг не отходила от добродушного Бернарда, а я сполна расплачивался за свою опрометчивую лесть. Если раньше сеньора Эулалия больше походила на фурию мести, то теперь каждым своим словом она старалась выказать свое ко мне расположение. Узнав, что мое настоящее имя — Карл, она немедленно возвела меня в ранг «сеньора Карлоса», затем наградила титулом «дон Карлос», а когда Бернард поведал историю наших злоключений, я сразу потерял все свои титулы и стал просто «добрым, милым Карлосом».

Не успели мы опомниться от обильного острого обеда, как нас уже звали к ужину. Когда и это испытание подходило к концу, сеньора шепнула мне на ухо:

— Дон Карлос, мне совершенно необходимо поговорить с вами с глазу на глаз.

— Я к вашим услугам, сеньора.

— Только не здесь. После ужина приходите к трем вязам, что растут за изгородью.

Итак, мне назначили свидание! Дело принимало занятный оборот. Конечно, я мог бы отказаться под каким-либо благовидным предлогом, но из любопытства принял приглашение. И не ошибся.

Я лежал под раскидистыми вязами и наслаждался отдыхом и тишиной,

когда появилась донья Эулалия.

— Благодарю вас от всего сердца, дон Карлос, — начала она, — за то, что вы согласились уделить мне немного внимания. Мне необходимо передать вам одно известие. Наверное, я могла бы сказать об этом и вашим товарищам, но избрала вас, потому что...

— Потому что вам легче открыться мне. Не так ли?

— Потому что вы внушаете мне доверие. Сеньор Бернард рассказал о двух грабителях, которых вы преследуете. По-моему, они были у нас на ранчо.

— Когда? — чуть не подскочил я от удивления.

— Они уехали от нас позавчера утром.

— А куда они направились?

— По их словам, в Сан-Франциско. Они назвались друзьями сеньора Аллена, и я объяснила им, где его найти...

Тысяча чертей! Наивная женщина разболтала им все, что знала про Аллена Маршалла, и, сама того не желая, пустила грабителей по его следу!

— А вы не ошибаетесь, донья Эулалия? Это были они?

— Конечно, они назвались вымышленными именами, но описание сходится. Негодяи обманули меня, и я даже дала им рекомендательное письмо к моей сестре и ее мужу. Его зовут Энрике Гонсалес, он владелец гостиницы «Вальядолид» на Сатер-стрит.

Все, что рассказала мне сеньора, имело для нас чрезвычайное значение. Теперь мы знали, где искать Морганов, но в то же время знали, что над братом Бернарда нависла смертельная угроза.

Ночь мы провели на ранчо. Обычно это строение только с большой натяжкой можно назвать домом, так мало оно походит на то, что мы привыкли видеть в Европе. В нем не больше двух комнат. В одной из них размещаются женщины, в другой, значительно большей по размерам, — все, что принадлежит дому, и гости. Под «все, что принадлежит дому» следует понимать слуг, вакеро, домашнюю птицу, а в непогоду и скот. Глинобитный пол покрывают сухим мхом и сеном, сверху набрасывают пончо, и постель готова.

Поутру нас сердечно проводили в дорогу, и даже хмурый вакеро, которому накануне досталось от моего кулака, проворчал что-то, что можно было принять за пожелание доброго пути. Донья Эулалия шмыгнула носом, а растроганная сеньорита Альма даже всплакнула.

Дон Фернандо де Венанго-и-Колона де Молинарес де Гаяльпа-и-Ростредо провожал нас верхом и расстался с нами только в полдень. Судя по всему, «миссионеры» пришлись ему по душе, несмотря на съеденную

корову я выпитую бутылку базиликовой настойки.

В тот же день мы добрались до озера Моно, но не стали делать привал, а поспешили к перевалам Сьерра-Невады. Мы даже не остановились на отдых в Стоктоне: до Сан-Франциско было рукой подать, и мы торопились туда.

Город этот лежит на оконечности длинного полуострова. С запада его омывает океан, а с востока — прекрасный залив с глубоким и удобным входом. Гавань порта так велика, что могла бы вместить весь флот мира. Порт живет своей особой жизнью, полной законных и не очень законных сделок, торговли и контрабанды. Здесь можно встретить представителей всех рас и народов. Индейцы торгуют с европейцами и получают справедливую цену за меха и шкуры. Разнаряженный мексиканец сидит рядом со скромно одетым немцем. Флегматичный англичанин беседует с темпераментным французом. Темнокожий индийский кули жалуется на жизнь бедному польскому еврею. Лощеный денди прогуливается рядом с неряшливым вестменом. Тирольский торговец что-то выпытывает у заросшего бородой старателя. Здесь бывают монголы из азиатских пустынь, персы из Малой Азии, индийцы с берегов Ганга и китайцы с берегов Янцзы.

Именно «сыновья Среднего Царства», то есть китайцы, и составляют большинство иностранцев в городе. Все они удивительно похожи друг на друга: с маленькими, вздернутыми носами, раскосыми глазами, выступающими скулами и одинаковым желтым цветом кожи. Прилежные и трудолюбивые до умопомрачения, китайцы берутся за такие работы, которые требуют большого терпения и необычайной ловкости. Они прекрасные резчики по дереву, слоновой кости, камню и превосходные ювелиры. Они шьют, ткнут, рисуют и плетут замечательные по изяществу вещицы, на которые всегда найдется покупатель.

Следует добавить, что они очень скромны и неприхотливы. Каждый, кто когда-либо заходил в китайскую лавочку, знает, что сначала хозяин заламывает несусветную цену, но сразу же готов снизить ее до разумных пределов, то есть в два, а то и в три раза дешевле. Этим пользуются и платят им совсем немного. На строительстве китайцы получают чуть ли не в десять раз меньше белых рабочих, но и эти ничтожные заработки в десять раз больше того, что они имели у себя на родине. А так как они бережливы, то живут, по крайней мере внешне, ничуть не хуже остальных. Китайцы захватили в городе все мелкие ремесленные мастерские, и в редком доме вы не увидите желтолицую служанку или горничную.

Чтобы не создать у читателя ложное представление, должен добавить, что не одни китайцы столь деятельны в этом городе. Все его жители предприимчивы и стремятся тем или иным способом заработать как можно больше денег. Время — деньги, говорят они и всем своим образом жизни доказывают справедливость придуманной ими же пословицы. Проще уступить дорогу другому, чтобы он, в свою очередь, не задерживал тебя. При соблюдении этого золотого правила все крутятся, бегают, занимаются своими делами, но без лишней суеты, крика и ругани.

Так живут люди в домах, и так же течет жизнь на площадях, улицах и в конторах. Бледная, худенькая американка, горделивая черноглазая испанка, дородная светловолосая немка, кокетливая француженка, чернокожие стряпухи и желтые служанки с озабоченным видом снуют по городу. Банкир во фраке и в цилиндре держит в одной руке копченый свиной окорок, а в другой — корзинку с овощами. Ранчero тащит на спине сеть с десятком крупных рыб, которых он приобрел по случаю семейного торжества. Бравый офицер воюет с жирным каплуном, который пытается вырваться и убежать. Пастор несет в полах сюртука пару больших омаров. Все эти люди ловко обходят друг друга, никто никому не мешает пройти.

Мы беспрепятственно въехали в столицу «золотого» края и отыскивали на Сатер-стрит гостиницу с вывеской «Вальядолид». Это был обычный трактир, он же постоялый двор в типично калифорнийском духе — длинное, узкое деревянное строение в два этажа.

Поручив лошадей заботам конюха, который сразу же отвел их в конюшню, мы прошли в зал, где было так много посетителей, что нам с трудом удалось отыскать свободный стол. Официант поставил перед нами кружки с пивом и хотел было уже уйти, но я задержал его.

— Сеньор Энрике Гонсалес дома?

— Да, сэр. Вы хотите видеть его?

— У меня к нему дело.

Через некоторое время к нашему столу приблизился высокий сумрачного вида испанец и назвался сеньором Энрике.

— Я хотел бы узнать, проживает ли в вашей гостинице некий Аллен Маршалл, — обратился я к нему.

— К сожалению, не могу сказать. Я не интересуюсь именами постояльцев и никому не советую делать это.

— Могу я поговорить с сеньорой?

— Боюсь, что нет, — отрезал он, повернулся и ушел. Негостеприимный тон хозяина несколько не обескуражил меня, и я отправился на поиски хозяйки в надежде, что она окажется хотя бы

немножко похожа на свою болтливую сестру донью Эулалию.

Женщину следует искать на кухне, и я пошел на приятный, щекочущий ноздри запах жаркого. Навстречу мне бежала щуплая черноволосая девушка с дымящимся блюдом в руках. Я загородил ей дорогу и спросил:

— Сеньора на кухне, малышка?

— Осел! — бросила она через плечо по-французски и ловко увернулась от моих рук.

«Ого!» — подумал я, изумленно провожая ее взглядом. Пойдя дальше по проходу, я повстречал еще одну девушку в крахмальном переднике.

— Мадемуазель, — обратился я к ней как можно почтительнее, — я хотел бы видеть сеньору.

— Как вы смеете называть меня мадемуазелью, нахал! — оборвала она меня и исчезла между столиков. Такой прием меня вконец обескуражил, и я подумал, что если дела и дальше пойдут так же, то я и к вечеру не найду сеньору. Я стоял посреди зала, растерянно оглядываясь по сторонам, когда вдруг заметил девушку, чье лицо мне показалось смутно знакомым. Ее черты напомнили мне детство, родной городок, и я, сам не знаю почему, направился к ней, лихорадочно соображая, где же я мог ее видеть раньше.

— Сосед! Карл! Вас теперь и не узнать! — всплеснула она руками, бросаясь ко мне.

— Господи! Густы! Неужели это вы? Густы Эберсбах! Как вы выросли! Какими судьбами вы попали из Германии в Калифорнию?

— Мама умерла вскоре после вашего отъезда. Дела отца шли из рук вон плохо, и он поддался на уговоры вербовщика, собрал пожитки и переехал сюда. Но и здесь надежды на заработки не оправдались, и он вместе с моими братьями отправился на прииски, говорят, там, если напасть на жилу, можно быстро разбогатеть. А меня они оставили здесь. Я служу в гостинице, крыша над головой есть, и на хлеб денег хватает.

— Густы, милая, у нас еще будет время поговорить, а сейчас мне надо срочно найти хозяйку. Я уже спрашивал у двух ваших подруг, но они обозвали меня ослом и нахалом.

— Ни в коем случае не называйте хозяйку сеньорой. Только доньей Эльвирой, и никак не иначе.

— Спасибо за совет, Густы, но где мне ее найти?

— Я помогу вам. Садитесь к столу, а я тем временем выясню, где она.

Это была еще одна из тех странных и неожиданных встреч, каких немало случалось во время моих путешествий по свету. Семейство Эберсбахов жило по соседству с нами. И вот теперь старый плотник из небольшого немецкого городка искал счастья на золотых приисках вместе

со своими сыновьями, со старшим из которых я бегал в школу, проказил на переменках, а иногда и дрался. Когда Густы была еще малышкой, я часто носил ее на руках, а она, радостно смеясь, трепала мою густую шевелюру, обнимала и целовала меня. Разве мог я предположить, переступив порог гостиницы в Сан-Франциско, что встречу ее там?

Через несколько минут Густы вернулась и сообщила:

— Донья Эльвира согласна принять вас, хотя сейчас и не время аудиенций.

— Не время аудиенций? — изумился я. — Да кто она такая? Королева Испании или хозяйка постоянного двора?

Но Густы в ответ только пожала плечами, по-видимому, не разделяя моего недоумения.

— Она строго соблюдает часы приема. Ежедневно с одиннадцати до двенадцати и с шести до семи вечера. В другое время она не принимает никого, если только у человека нет хороших рекомендаций.

— Ах вот оно что! Премного благодарен, Густы, — ответил я. Мне стало весело от всех этих надуманных, никому не нужных условностей. — Верно говорят, что дружба с соседом бывает полезнее, чем дружба с королем.

— Вы в самом деле так думаете? Ну что ж, пойдемте, я провожу вас.

Конечно, я не бывал на приеме у королевы Испании, но мне думается, что и при дворе правила были бы ненамного сложнее. Меня усадили в прихожей и велели ждать, пока из-за шторы не послышится звон колокольчика.

После получасового ожидания колокольчик наконец-то прозвенел, и я переступил порог комнаты, заставленной всевозможной мебелью. Повсюду на стенах висели картины в рамах, на столах, столиках и полках лежали потрепанные веера, чашки, кофейники, сумочки, кружевные салфетки, что должно было означать пышность убранства комнаты донны Эльвиры. Хозяйка восседала на софе, опираясь рукой о подлокотник, с которого живописно свисала какая-то карта. На ее коленях лежала гитара, рядом лежала неоконченная вышивка, перед ней стоял мольберт с двумя листами бумаги, на одном из которых была изображена то ли женская, то ли кошачья головка, второй же эскиз был посвящен то ли ископаемым ящерам, то ли сказочным животным.

Я низко поклонился. Однако мне показалось, что донья Эльвира и не заметила моего появления в комнате. Она задумчиво рассматривала потолок, на котором я, как ни вглядывался, ничего достойного внимания не заметил. Внезапно она повернула голову ко мне и спросила в упор:

— Как далеко от Земли до Луны?

Я уже был готов услышать нечто странное, поэтому не удивился и, чтобы не оставаться в долгу, ответил не менее странно:

— Пятьдесят две тысячи миль по понедельникам, а по субботам всего пятьдесят тысяч.

— Совершенно верно, — последовал изумивший меня ответ.

Хозяйка снова воззрилась на потолок, а затем снова спросила:

— Из чего делают изюм?

— Из винограда.

— И на этот раз вы правы.

Снова долгий взгляд на потолок, и новый вопрос:

— Что такое пуаль-де-шевр⁵?

— Шерстяная ткань по пятнадцати локтей за эскудо, но сейчас она не в моде.

— Поздравляю вас, сеньор, вы превосходно справились со всеми задачами. Августа рекомендовала мне вас как человека, известного своей ученостью, а так как я терпеть не могу невежд, то и взяла на себя смелость проэкзаменовать вас. Я выбрала для вас самые сложные вопросы из разных областей знания, и вы с блеском прошли испытание, хотя внешне вы больше похожи на медведя, чем на ученого. Но Августа предупредила меня, что вы постигали науки во многих университетах и знаете все страны и народы мира. Присаживайтесь, сеньор.

— Премного вам благодарен, донья Эльвира, — ответил я, устраиваясь на краешке стула, заскрипевшего под моей тяжестью.

— Вы хотите поселиться у нас?

— Если вы окажете нам честь и пустите скромных странников под кров вашего дома.

— Ну конечно, я согласна. Я вижу, что вы вежливы и обходительны, а внешний вид не столь уж и важен для мужчины. Вы бывали в Испании?

— Пока еще нет, донья Эльвира, но я всегда мечтал об этом.

— Как вам нравится нарисованная мной карта моей родины?

Она протянула мне жалкую копию, вычерченную карандашом по кальке.

— Я не встречал таких подробных карт!

Но хозяйка равнодушно отнеслась к моей лесте, видимо, полагая, что ее рисунок выше всяких похвал.

— Да, мы, женщины, сумели освободиться от гнета предрассудков и эмансипировались. Но главное то, что, сравнившись с мужчинами в науках, мы опережаем их в искусстве. Посмотрите внимательно на эти два эскиза.

Они необъятны в плане проникновения в форму предмета. Какой рисунок, какая эфемерность линий! А какие светотени! Я слышала, что вы знаете толк и в искусствах, поэтому позвольте мне еще раз проверить вас. Что тут изображено?

Донья Эльвира сразила меня наповал «проникновением в форму предмета», и я не придумал ничего лучшего, как сказать:

— Морской змей.

— Совершенно верно, сеньор. Признаюсь вам, до сих пор еще никто не смог правильно ответить на этот вопрос, так как никто еще не видел морского змея, но если ученый может мыслью мерить пространство, то почему художнику заказано проникнуть в форму того, чего никто не видел?

От ее слов я испытывал то же ощущение, что и от перченых, луковых и чесночных блюд в доме сеньоры Эулалии.

— Я царствую в своем доме, — продолжала донна Эльвира, — хотя и отказываюсь вникать в денежные подробности хозяйства. Меня выручает тонкое, обостренное чутье. Вот там лежат перо, чернила и книга. Впишите себя в число постояльцев.

Я повиновался, но прежде спросил:

— Могу ли я вписать также моих друзей?

— Как, разве вы не один?

— Со мною мой черный слуга по имени Боб.

— Разумеется! Как же я сама не подумала, что человек, с первого взгляда узнавший морского змея, не может путешествовать без лакея! Однако слуг обычно не вписывают в книгу постояльцев.

— Со мной еще Виннету, вождь апачей.

— Я много слышала о славном вожде. Вы должны непременно представить его мне.

— Еще некий вестмен по имени Сан-Иэр, который...

— Тот, кого называют укротителем индейцев? — перебила она меня.

— Он самый, донья Эльвира.

— Вписывайте и его. Я вижу, вы путешествуете в славной компании.

— С нами еще некий мистер Бернارد Маршалл, ювелир из Луисвилла, штат Кентукки.

Донья Эльвира чуть не вскочила на ноги.

— Что вы говорите? Ювелир Маршалл из Кентукки?

— Его брат по имени Аллен имел счастье жить в вашей гостинице месяца два тому назад.

— Ах, как я рада! Конечно, роскошных апартаментов у нас нет, но вы получите лучшие комнаты и, надеюсь, останетесь довольны. Сегодня

вечером прошу вас всех на ужин.

— Благодарю вас, донья Эльвира. Я дорожу вашим расположением и рад, что вы удостоили нас чести быть приглашенными на ужин к вам. Свои путевые заметки я печатаю в газетах, и вы можете не сомневаться, что все читатели узнают, какая замечательная гостиница «Вальядолид».

— Буду рада, хотя и не представляю вас за письменным столом. Если у вас есть еще какое-либо желание, скажите мне, и я постараюсь исполнить его.

— Спасибо, донья Эльвира, у меня нет просьб. Разрешите, однако, задать вам несколько вопросов.

— Спрашивайте, — милостиво согласилась она.

— Аллен Маршалл уже уехал?

— Да, почти два месяца тому назад.

— А куда он отправился?

— На прииски в окрестностях Сакраменто.

— Он вам писал с тех пор?

— Только один раз. Уведомил, куда отсылать письма, которые придут на его имя.

— Вы еще помните адрес?

— Ну конечно. Он дал адрес моего знакомого, некоего мистера Хофли из Йеллоу-Уотер-Граунд. Он поставляет золотоискателям припасы.

— Приходили Аллену письма после его отъезда?

— Несколько штук, и я исправно переправляла их при первой же возможности. А совсем недавно ко мне заглянули его знакомые, с которыми он ведет торговые дела. Они хотели поговорить с ним, и я объяснила им, где искать мистера Маршалла.

— Когда уехали эти двое знакомых?

— Постойте... только вчера утром.

— Один из них молод, а второй — постарше, но внешне они очень похожи друг на друга?

— Да, я тоже это заметила. Мне рекомендовала их моя сестра.

— Ваша сестра? Донья Эулалия с ранчо дона Фернандо де Венанго-и-Колона де Молинарес де Гаяльпа-и-Ростредо?

— Как, вы с ними знакомы?

— Мы имели честь посетить их. Однако я не решился просить вашу сестру рекомендовать нас вам, донья Эльвира.

— Это безумно увлекательно! Расскажите же мне все в подробностях!

Я изложил ей историю нашего знакомства с доньей Эулалией, однако всё же позволил себе опустить некоторые детали. Хозяйка внимательно

выслушала меня, а когда я закончил, сказала:

— Благодарю вас, сеньор. Должна признаться, что вы — первый немец, умеющий себя вести в присутствии испанской доньи. Буду рада видеть вас и ваших товарищей вечером. Я заранее уведомлю вас о времени ужина. До свидания.

«Аудиенция» закончилась, и я согнулся в почтительном поклоне, так не ввязавшемся с моей внешностью жителя прерий. Когда я вышел в зал, слуги бросали на меня уважительные взгляды, а Густы обратилась ко мне со словами:

— Сосед, то ли вам везет, то ли вы сумели околдовать хозяйку. Еще никто не задерживался у нее больше, чем на пять минут. Наверное, вы ей очень понравились.

— Наоборот, — улыбнулся я, — донья Эльвира прямо в глаза заявила, что я похож на медведя.

— К сожалению, она права. Пойдемте ко мне в комнату, я дам вам бритву и ножницы. Вам действительно надо привести себя в порядок.

— Это лишнее, Густы, — возразил я. — Нам сейчас предоставят комнаты.

— Не верьте, сосед. Гостей устраивают в комнаты только после восьми часов.

Вдруг раздался громкий звонок.

— Это она зовет меня. Но почему? Странно, в это время она не занимается делами. Поспешу, узнаю, что у нее стряслось.

Густы побежала на зов хозяйки, а я подсел к столу, за которым расположились мои друзья. Все посетители бросали на них любопытные взгляды, да это было и не удивительно: гордый Виннету всегда привлекал внимание, а отсутствие ушей у маленького Сэма говорило о том, что этот человек пережил не одно приключение.

— Что ты выяснил? — спросил меня Берnard.

— Аллен уехал два месяца тому назад и только однажды прислал весточку из Йеллоу-Уотер-Граунд. Твои письма переправили ему туда.

— А что такое Йеллоу-Уотер-Граунд?

— Насколько я помню, узкая долина поблизости от Сакраменто. Там нашли богатое месторождение золота, но потом жила иссякла, и золотоискатели подались в верховья реки. Но самое главное — Морганы пошли по следу Аллена.

— Надо спешить! — воскликнул Берnard. — Можем ли мы выступить в путь сегодня же?

— Лучше завтра. Сегодня нас угощает ужином сама хозяйка, и мы не

вправе отказаться.

— Ну что же, может быть, так действительно будет лучше. По крайней мере, у меня будет время посетить банк, с которым мы вели дела, и навести у них справки

Нашу беседу прервала вернувшаяся от хозяйки Густы.

— Меня позвали из-за вас, сосед, — сказала она. — Вам отвели лучшие комнаты, в которых обычно останавливаются только родственники хозяев.

— Это в них жила сеньорита Альма?

— Да, мне рассказывали об этом, но сама я в то время еще не работала здесь.

— А не рассказывали ли тебе, что в то же время здесь останавливался некий мистер Аллен Маршалл?

— Вся прислуга до сих пор только о том и судачит. Поговаривают, что сеньорита Альма просто проходу ему не давала и чуть ли не вешалась на шею, но молодой человек устоял. Пойдемте, я покажу вам ваши комнаты.

Услужливая Густы принесла нам бритвы, ножницы, гребешки и щетки, чтобы мы хотя бы немного привели себя в порядок и не походили на оборванцев. Вскоре мы уже могли показаться на улице, не опасаясь, что за нами увяжется толпа зевак.

Виннету предпочел остаться в гостинице, так как гордость не позволяла ему выставлять себя на всеобщее обозрение. Сан-Иэр тоже наотрез отказался выходить на улицу и растянулся в грязной одежде на постели.

— Зачем мне идти с вами? — ворчал старик. — Ходить я научился одного года от роду, и теперь мне совершенно не к чему упражняться в этом деле. Эка невидаль — толпы людей и каменные дома! Да меня от них тошнит. Вы уж постарайтесь, чтобы мы поскорее выбрались отсюда в прерию, а то у меня еще чего доброго уши вырастут от скуки, и тогда конец Сан-Иэру, Где же это видано, чтобы Сан-Иэр разгуливал с ушами?

Маленький вестмен пробыл в гостинице не больше двух часов, а уже тосковал по просторам прерии. Что же тогда чувствуют индейцы, когда попадают в город и блюстители порядка за малейшую провинность бросают их в тюремную камеру? Что чувствуют они, когда их загоняют в резервации?

Мы с Бернаром отправились к банкиру, с которым его связывали дела, но узнали лишь, что Аллен сбыл с рук все ценные бумаги и уехал на прииски с большой суммой наличности, чтобы на месте скупать золото.

Затем мы прогулялись по улице, и Бернард затащил меня в магазин

готового платья, где висела одежда на любой вкус — от расшитого мексиканского костюма до простой полотняной блузы. Как это ни удивительно, но встретили нас радушно, хотя наши костюмы, потрепанные дальней дорогой, выглядели ужасно. Бернард выбрал для себя удобную и со вкусом сшитую охотничью одежду, которая ему очень шла.

— Чарли, тебе тоже нужен новый костюм, — сказал он мне. — Я помогу тебе выбрать.

Он был прав, мне отнюдь не мешало приодеться. Однако цены были мне не по карману. Я не принадлежу к числу тех счастливицков, которые спотыкаются о мешки с золотом. Я всегда зарабатывал ровно столько, чтобы мне хватало на завтра, и не привык швыряться деньгами. Однако искать лавочку, где товары стоят вдвое дешевле, было некогда, и я, изобразив на лице равнодушие, направился за Бернардом в глубь магазина.

Бернард выбрал мне замшевую рубаху с красной индейской вышивкой, штаны из оленьей кожи с бахромой, прочную и красивую куртку из бизоньей кожи, выделанной так, что по сравнению с ней и беличья шкурка показалась бы рогожей, сапоги из кожи медведя с высокими голенищами и подошвами из хвоста крокодила и бобровую шапочку с доньшком из кожи гремучей змеи. Бернард настоял, чтобы я здесь же и переоделся, и, когда я вышел из примерочной в обнове, он уже уплатил по счету.

Я попытался было обидеться на него, но, честно говоря, не смог.

— Перестань, Чарли, — уговаривал он меня, когда я хотел вытащить из кармана бумажник и вернуть ему деньги. — Я твой вечный должник. Позволь и мне что-нибудь сделать для тебя.

Молодой человек хотел было купить еще что-нибудь для Сэма, но я отговорил его от этой затеи, так как знал привязанность маленького вестмена к его допотопному костюму. Виннету же был слишком горд, чтобы принять подарок от Бернарда, поэтому, купив еще куртку и шапку для Боба, мы вернулись в гостиницу.

Старый негр обрадовался обновкам, как ребенок.

— Масса, посмотрите, как красив Боб в новой куртке! — прищелкивал он языком. — И масса Чарли тоже красивый, ничуть не хуже Боба.

Сэма в комнате не было. Ему, видимо, стало душно, и он ждал нас в зале, потягивая пиво. Я подсел к нему.

— Послушай, — шепнул он мне, — за соседним столиком говорят о занимательнейших вещах.

— О чем же? — так же тихо спросил я.

— Мы же едем на прииски, а там, вот ведь незадача, появилось очень много «бравос», но только не краснокожих, а белых. Они охотятся на

старателей, возвращающихся домой. Послушай, что рассказывает человек, которому посчастливилось остаться в живых.

Я оглянулся и увидел за соседним столом людей, чья внешность говорила о том, что они побывали в разных передрягах и что им не раз приходилось смотреть в лицо опасности. Один из них что-то рассказывал, остальные внимали ему и задумчиво покачивали головами. Я прислушался.

— Вы знаете, что я прибыл сюда с берегов Огайо, а это значит, что я успел кое-что испытать и пережить и на воде и на суше. Я бывал в прерии, имел дело с речными пиратами на Миссисипи и сражался с разбойниками в Вудленде. Но я никогда не мог себе и представить, чтобы такое творилось на дороге, да еще средь бела дня! Просто в голове не укладывается!

— Что-то здесь не так, — перебил его один из слушателей. — Вас было пятнадцать человек, а грабителей всего восемь. Если все действительно было, как вы говорите, то это стыд и позор!

— Легко быть храбрым за столом. Испытайте такое же на собственной шкуре, а уж потом судите других. Да, нас действительно было пятнадцать человек: шестеро погонщиков мулов и девять старателей. Но, во-первых, погонщики сговорились с грабителями, а во-вторых, трое из нас страдали от лихорадки. Их так трясло, что они с трудом сидели в седле и не то что револьвер, простую палку не смогли бы удержать в руках. Так что судите, сколько нас было на самом деле.

— Но ведь по дороге ездит тьма народу, разве вам не встретился никто, кто пришел бы на помощь?

— Разбойники тоже не дураки и выбирают такое место и время, чтобы поблизости никого не было.

— Да, сразу тут не разберешься... Расскажите-ка нам все по порядку.

— Так и быть, если вы желаете, расскажу все сначала. Мы долго обшаривали окрестности озера Пирамид, пока не наткнулись на золотую жилу. Нас было четверо, и за восемь недель каждый из нас намыл много золотого песка и самородков, или наггитов, как их называют краснокожие. Но потом золото кончилось, к тому же двое из нас подхватили жуткий ревматизм. Это ведь не так просто — стоять целый день в ледяной воде и трясти тяжеленный лоток. Делать было нечего, и мы вернулись в Йеллоу-Уотер-Граунд, а там без хлопот сбыли все золото одному янки, который давал настоящую цену, не то что эти бродячие торговцы, что норовят всучить вам за унцию золотого песка фунт червивых бобов. Звали его Маршалл, он приехал на Сакраменто откуда-то из Кентукки.

Услышав имя брата, Бернард быстро повернулся к говорившему и спросил:

— Он еще там?

— Не знаю и знать не хочу! Отстаньте и не мешайте рассказывать. Итак, этот Маршалл купил у нас все, но мы по собственной глупости не отправились по домам сразу же. Ну, сами понимаете, кому-то надо было подлечиться, кому-то хотелось отдохнуть и поразвлечься. К тому же ехать вчетвером мы опасались, так как поговаривали о грабителях и даже называли имена людей, которые уехали и исчезли без следа. Вот мы сидели и ждали, когда подберутся подходящие попутчики. Денежки потихоньку таяли, жизнь там очень дорога, к тому же все видели, что платим мы, не торгуясь. Вскоре наши товарищи почувствовали себя лучше, и нашлось еще пятеро старателей, которым наскучило слоняться по городку без дела. Вот мы сообща и наняли шестерых погонщиков, вооружились до зубов, погрузили наши пожитки и тронулись в путь. Поначалу все шло хорошо, но потом зарядили дожди, дорога раскисла так, что мы в день делали не больше десяти миль, а ночью от сырости и льющей с неба воды не спасали даже палатки. Трое попутчиков свалились от лихорадки, и нам приходилось привязывать их к седлам, чтобы они не свалились с лошадей.

— Это ужасно, — вмешался кто-то из слушателей. — Я сам пережил подобное и знаю, что чувствует человек, когда его трясет «желтый Джек»⁶.

— Однажды вечером, — продолжал рассказчик, — когда до дома нам оставалось не более четверти пути, мы остановились на ночлег, развели костер и принялись ставить палатки. Я был за пологом и привязывал растяжку к кольшку, когда раздались выстрелы. Осторожно выглянув из-за палатки, я увидел, что наши погонщики удирают верхом на мулах, а бандиты, засевшие в кустах, не обращая на них внимания, палят в моих товарищей. Негодяи стреляли так метко, что не успел я глазом моргнуть, как передо мной уже лежало восемь трупов. Я остался в живых один. Что бы вы делали на моем месте?

— Проклятие! Я бы бросился на грабителей и ответил бы ударом на удар! — в запале воскликнул один из слушателей.

— Зачем подставлять лоб под пули? — возразил второй. — Я бы залег за палаткой и начал отстреливаться.

— Я уже сказал, что легко быть храбрым за столом. На моем месте вы бы задали стрекача, что, кстати, сделал и я. Только сумасшедший может очертя голову броситься на вооруженных бандитов, превосходящих его числом. Подними я стрельбу, меня тоже уколошили бы, как пить дать.

— Как же вам удалось бежать?

— Деньги и бумаги лежали у меня в кармане, мой мул стоял рядом с палаткой вместе с другими животными. Я лег рядом с ним и притворился

мертвым. Вдруг один из грабителей свистнул, раздался топот копыт, и на поляну въехали... Нет, угадайте, кто въехал на поляну!

— Погонщики?!

— Совершенно верно! Погонщики. Они были в сговоре с грабителями и вернулись за своей долей добычи. Пока они шарили в палатке, я улучил минуту, вскочил на мула и погнал его вскачь. Слава Богу, он оказался скотиной резвой и нестроптивой, как это часто с ними бывает. Меня заметили, но уже стемнело, и негодяи сбились со следа, хотя и гнались за мной очень долго. Вот так мне и удалось уйти от верной смерти.

— А потом?

— Потом я добрался до Сан-Франциско и вот теперь радуюсь, что сиюю здесь живой и невредимый и пью пиво.

— Вы видели лица бандитов?

— Они были в черных масках. Лишь один из них, прежде чем свистнуть и позвать погонщиков, открыл лицо. Я узнаю его и через десять лет. Это был мулат со шрамом от ножа на щеке.

— А погонщики?

— Я прекрасно помню их всех, но ни за что не вернусь туда, чтобы отомстить им. Сам сатана придумал золото, чтобы манить и губить навеки человеческие души.

— А как звали погонщиков?

— Какая вам разница? Их предводитель называл себя Санчесом, но я думаю, что на самом деле у него, да и у других тоже, имена меняются чаще, чем погода осенью. Сейчас полиция Сан-Франциско взялась за городских разбойников, псов, как их здесь называют, вот они и бегут целыми сворами на прииски, где им еще живется вольготно. Вот и все, что я хотел рассказать...

— Позвольте задать вам еще один вопрос, — обратился к нему Бернард. — Дело в том, что мистер Маршалл, о котором вы упомянули, мой брат.

— Ваш брат? В самом деле, вы похожи. Так что вы желаете узнать?

— Все, что вам о нем известно. Когда вы его видели?

— Пять недель тому назад.

— Он до сих пор сидит в Йеллоу-Уотер-Граунд?

— Не думаю. На приисках, если хочешь заработать, нельзя сидеть на одном месте.

— Я не могу понять, почему он не отвечал на мои письма.

— А вот этого вам никто не скажет. Может быть, он их и не получил. Подумайте хорошенько над тем, что я только что рассказывал. Вы

останавливаетесь в трактире, а хозяин ночью открывает дверь и впускает к вам убийц. Вы заходите в магазин, а приказчик направляет по вашему следу грабителей. Вы садитесь играть в карты, а ваши партнеры — бандиты. Вы работаете с кем-нибудь на пару, а он свернет вам шею в глухом месте и унесет все ваше золото. Там везде бандиты, почему же им не быть на почте? Бывают очень любопытные письма, на которых можно без особого труда разбогатеть. Вы едете к брату?

— Да.

— Тогда позвольте дать вам совет, а там поступайте как знаете. Отсюда на прииски ведут две дороги: одна на юг, через перевал Нью-Алмаден, а вторая — почти прямо на север. Она потом поворачивает к Сакраменто. Вы знаете, где расположен Йеллоу-Уотер-Граунд?

— Мне всего лишь известно, что это узкая долина в окрестностях Сакраменто.

— Дорога туда тянется вдоль залива, а потом через Рио-Сан-Хоакин до долины Сакраменто. Там любой встречный скажет вам, где искать прииск. Без поклажи вы в пять дней доберетесь туда. Но я не советую вам ехать по этой дороге.

— Почему?

— Дорога, безусловно, удобная, но она опасна из-за хозяйничающих на ней грабителей. Правда, они предпочитают нападать на тех, кто возвращается с приисков, но, бывает, не брезгают случайными путешественниками. Честно говоря, дорога эта вымощена долларами, вынутыми из карманов проезжих. В трактире вас обслужат чин по чину и даже вручат счет на бумаге, но его легче прочесть, чем оплатить. А бывает и так: с вас требуют доллар за постель, а спать укладывают на сеновале под звездами, доллар за свечу, а светит вам луна, доллар за услуги, а все приходится делать самому, доллар за таз с горячей водой, а моетесь в реке, доллар за полотенце, а вытираетесь рукавом рубахи. И даже за то, что вам выписывают счет, с вас требуют доллар. Но здесь уже без обмана — счет вы получите, ха-ха-ха! Как вам это нравится, мистер Маршалл?

— Недурно.

— Вот и я так же думаю. Поэтому укажу вам другой путь, и если у вас хорошая лошадь, вы попадете в Йеллоу-Уотер-Граунд на четвертый день. Переправьтесь через залив на пароме, а оттуда поезжайте напрямиком на Сент-Джон. Там поворачивайте на восток и, когда доберетесь до Сакраменто, считайте, что вы уже на месте.

— Очень вам благодарен, сэр. Я последую вашему совету.

— Не стоит благодарности. Лучше, если встретите там мулата со

шрамом, угостите его пулей или ударом ножа. Уверю вас, вы сделаете доброе дело.

Тем временем к нам подошла Густы и напомнила: приближается пора ужина. Она провела нас в отдельную комнату, где нас ждал стол, накрытый так, словно в гостиницу пожаловали испанские гранды. Донья Эльвира приняла нас с подобающим обстановке достоинством и с выражением королевского величия на лице. Казалось, царствующая особа принимает своих верных подданных.

Ей очень хотелось поразить нас своей ученостью, поэтому поначалу беседа велась только вокруг наук и высокого искусства. Однако вскоре ей показалось, что она уже достаточно наговорила умных слов и произвела на нас должное впечатление, поэтому принялась расспрашивать нас о жизни в прерии. Теперь уже мне и Бернарду пришлось блеснуть красноречием. Повествуя о наших приключениях, мне то и дело приходилось наступать под столом на ногу сидевшего рядом Сэма. Острый на язык старый вестмен время от времени порывался вставить словцо, глаза его при этом озорно поблескивали, и я боялся, что его выходка испортит даме вечер.

После ужина донья Эльвира гордо заявила:

— Надеюсь, сеньоры, что вы уже поняли, насколько выше других гостей я ставлю вас. Смею полагать, что вы оцените мое к вам отношение и останетесь под нашим кровом хотя бы на несколько дней.

— Донья Эльвира, нашу вам признательность трудно выразить словами, — ответил я, с силой наступая на ногу уже открывшему рот Сэму. — Мы, безусловно, погостим у вас, но не сейчас. Завтра утром мы вынуждены покинуть вас, чтобы найти мистера Аллена, которого и привезем к вам.

— Я отпускаю вас, сеньоры, но только с тем условием, что вы вернетесь ко мне с мистером Алленом. Если вам что-то понадобится в дорогу, обратитесь к Августе. Надеюсь, вы попрощаетесь со мной, прежде чем покинуть мой дом.

И она удалилась, шурша шелковыми юбками.

На следующее утро мы уже плыли на пароме через залив.

В точности следуя указаниям золотоискателя, с которым судьба свела нас в гостинице, мы к вечеру третьего дня пути добрались до Сент-Джона, а к полудню следующего дня уже ехали по долине Сакраменто, где на каждом шагу встречались следы лихорадочных поисков золотого песка, ослепляющего глаза и одурманивающего головы и сердца людей.

Лучшие умы не жалели слов, чтобы отвратить человечество от губительной страсти, однако вынуждены признать, что золотая лихорадка

охватывает даже самых здравомыслящих людей, стоит им только оказаться в этих местах. Изможденные, с ввалившимися щеками золотоискатели жертвуют здоровьем ради быстрого обогащения, а в случае удачи пускают богатство на ветер так же быстро, как они его получили. Месяцами они терпят лишения и работают сверх человеческих сил, проклятие висит над всеми их начинаниями, и в конце концов отчаяние овладевает ими, и они уже готовы бросить бесплодные поиски. Но вдруг до них доходит весть о чьей-то небывалой удаче, и тогда они снова, как одержимые, хватаются за лоток для промывки золота и отдаются всепоглощающей страсти наживы. Они неизлечимы.

Вечером мы прибыли в Йеллоу-Уотер-Граунд. Длинная, узкая долина, по которой протекает ручей, впадающий в Сакраменто, была вся перекопана. Тонны породы были вынуты из земли и промыты в поисках золота. Безрадостную картину несколько оживляли палатки и хижины, но одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что время расцвета прииска миновало.

Посреди долины стояло низкое, сколоченное из досок строение, которое можно было бы принять за сарай, если бы на нем не красовалась вывеска «Магазин всяких товаров и трактир в Йеллоу-Уотер-Граунд». Хозяину заведения, в котором жители долины тратят деньги на полезные вещи и на бесполезные напитки, было что порассказать, поэтому мы спешили, оставили лошадей на попечение Боба и вошли внутрь.

За грязными столами сидели оборванцы с лицами забияк и недобрыми взглядами. Они, как по команде, уставились на нас. К бесцеремонности мне было не привыкать, но в их любопытстве таилась скрытая угроза.

— Что желают пить господа? — спросил нас трактирщик.

— Пиво, — ответил Бернард.

— Портер или эль?

— Полагаюсь на ваш вкус.

— Предлагаю эль. Настоящий эль из Бартон в Стаффордшире.

Я мысленно изумился. Местечко Бартон в Стаффордшире стало известно во всем мире именно благодаря элю. Но каким образом этот замечательный напиток доставили из Англии на берега Сакраменто? Пока я удивлялся, хозяин принес пять бутылок без наклеек. Я отнес одну из них Бобу, изнывающему от жажды, и он залпом опорожнил ее. Но как только негр оторвался от горлышка, глаза его полезли из орбит, рот открылся, нижняя челюсть задрожала, и он издал дикий вопль. Бедняга был похож на человека, который тонет и в последний раз пытается глотнуть воздуха.

— Что с тобой? — обеспокоился я, подумав, что он порезался о

неровные края бутылки.

— Масса Чарли! Боб умирает! Зачем масса принес Бобу яду?

— Яду? Это настоящий английский эль!

— Нет, Боб пил эль, он знает его вкус. Теперь в желудке Боба волчья ягода и полынь.

Старый добряк негр не был особенно разборчив в питье. Какое же впечатление должен был произвести «эль» на знатока и ценителя напитков?!

Когда я вернулся в трактир, хозяин стоял у нашего стола.

— Вы можете уплатить за пиво, господа? — спросил он у Бернарда.

Привыкший всегда расплачиваться по счетам, Бернард сунул руку в карман за бумажником, но Сэм остановил его.

— Погодите, позвольте на этот раз раскошелиться мне. Сколько стоит ваше пиво, хозяин?

— Три доллара за бутылку, итого — пятнадцать.

— Это не так уж и дорого, любезный, особенно, если вас мучает жажда. Принесите весы.

— Будете платить золотом?

— Да.

Сэм открыл патронташ и достал оттуда несколько крупных самородков величиной с голубиное яйцо.

— Гром и молния! — удивленно воскликнул хозяин. — Где вы их нашли?

— Где-то в Америке, — насмешливо ответил Сэм.

— А где именно? — не унимался хозяин.

— Извините, старина, но я очень слаб в географии, да и память у меня дырявая. Обычно я вспоминаю о таких местах, только когда мне позарез нужны деньги.

Хозяин умолк, но глаза его горели алчным огнем, пока он взвешивал самородки и давал сдачу в долларах. Он купил золото по самой низкой цене, а о его весах лучше умолчать. Однако Сан-Иэр сунул деньги в карман с таким видом, словно ему совершенно наплевать на унцию-другую драгоценного металла. Даже я, пропутешествовав столько времени вместе с ним, живя бок о бок, не догадывался, что он возит в патронташе золота на несколько сот, а может быть, и тысяч долларов. Только теперь я вспомнил его слова о том, что он берет в горах столько золота, сколько ему требуется, и всегда готов помочь другу сколотить состояние.

Мы пригубили пиво. Если бы мы прибыли сюда напрямик из прерии, возможно, оно и показалось бы нам божественным напитком, но мы успели

погостить у доньи Эльвиры. Говорят, к хорошему быстро привыкаешь. Нам хватило одного дня, чтобы привыкнуть к густому, пахнущему солодом пиву гостиницы «Вальядолид», и теперь мы не могли сделать больше одного глотка. Видимо, трехдолларовое пиво трактира «Йеллоу-Уотер-Граунд» варилось из сорных трав и диких ягод. Вот вам один из примеров того, как можно разбогатеть на приисках, не набивая мозолей киркой и промывочным лотком.

Хозяин, не удовлетворенный ответом Сан-Иэра, подсел к нашему столу и принялся расспрашивать.

— А как далеко отсюда то место, сэр?

— Которое? У меня их то ли пять, то ли шесть.

— Зачем же вы приехали на наш обнищавший прииск? Что-то мне не верится, что вы говорите правду.

— Послушайте, старина, мне совершенно наплевать, даже если вы не верите Богу, не то что мне. Верить или нет, это дело ваше.

— И вы действительно берете оттуда столько золота, сколько вам требуется?

— Да.

— Боже! Какое легкомыслие! А если кто-нибудь другой наткнется на ваши сокровища и прикарманит их?

— Такому не бывать, господин фабрикант эля, — потешался маленький вестмен.

— А что, если я куплю у вас один из ваших приисков?

— У вас не хватит денег. Сколько вы можете дать за пять-шесть тонн золота?

— Гром и молния! Так много? Я найду компаньонов. Эх, найти бы сейчас Аллена Маршалла, с ним можно было бы работать на пару. Он приехал сюда с парой тысяч в кармане, а увез целое состояние! Вот кто умел делать дела!

— Что значит — умел делать дела?

— У Маршалла был помощник, но он оставил его здесь, потому что тот был нечист на руку. Так вот, этот помощник рассказал нам, что Маршалл обменял золотой песок в Сакраменто на наличность, а самородки зарыл в палатке. А потом он исчез, и никто не знает, куда он подался. Как сквозь землю провалился! Правда, совсем недавно о нем здесь спрашивали.

— Вот как? И кто же его искал?

— Двое белых и один мулат. Их раньше здесь не видели. Но я вижу, что мистер Маршалл интересуется и вас.

— Мы с ним немного знакомы и хотели повидаться. А те трое уже

уехали?

— Они долго рыскали в том месте, где стояла палатка мистера Маршалла, а потом вернулись сюда с какой-то бумагой. Я мельком заглянул в нее и увидел, что это то ли карта, то ли план.

— А потом?

— Потом они спросили меня, как проехать в долину Шорт-Ривулет, и в тот же день отправились туда. Вы знаете, где она расположена?

— Как-то мне довелось побывать там. А вы могли бы показать нам, где стояла палатка мистера Маршалла?

— Вон там на склоне, где начинаются кусты терновника. Если вы пойдете туда, то сразу заметите след от костра.

— Как зовут бывшего помощника мистера Маршалла?

— Фред Баллер. Он теперь работает на промывке.

Я незаметно подал знак Бернарду, и мы вышли из трактира, оставив Сэма беседовать с болтливым хозяином. Выше по ручью два человека с мрачным и безнадежным видом окунали в воду промывочные лотки.

— Добрый день, джентльмены, — обратился к ним я. — Кто из вас мистер Баллер?

— Ну, я буду мистер Баллер. А в чем дело? — неприветливо отозвался один из них.

— Не найдется ли у вас немного времени, чтобы ответить на пару вопросов?

— Мое время стоит денег. Если вы готовы заплатить, то почему и нет.

— Сколько вы хотите за десять минут?

— Три доллара.

— Держите, — протянул ему деньги Бернард.

— Спасибо, сэр. Сразу видно щедрого господина.

— Да, мы люди не скупые и готовы платить вдвое, если с нами говорят без утайки. У вас есть возможность воспользоваться нашей щедростью, — подбросил я ему приманку.

— Спрашивайте, сэр, я выложу вам все, что знаю.

В его маленьких, бегающих глазках читалась подлость. Такие люди редко говорят правду, и чтобы вызвать его на откровенность, я решил сыграть роль такого же негодяя, каким был он сам.

— Не лучше ли будет, если мы прогуляемся вместе и по дороге поговорим?

— С удовольствием, сэр, — согласился он, вылезая из ручья. — О, какое у вас прекрасное оружие!

— Оружие для врагов и деньги для друзей. К вам приходили позавчера

три человека? Двое белых и мулат?

— Да. А почему вы спрашиваете?

— Белые были сын и отец?

— Похоже на то, но я с ними раньше не встречался.

— Зато я их хорошо знаю. А у мулата ножевой шрам на щеке?

— Так вы знакомы с кап... с мистером Шеллеем?

— Да, у нас раньше были общие дела, поэтому я хотел бы знать, где его можно найти.

— Не могу вам сказать, сэр.

Было видно, что негодяй не врал.

— Что они хотели от вас? — продолжал я спрашивать.

— Сэр, кажется, десять минут уже истекли!

— Погодите. Я сам скажу вам, о чем вас спрашивали эти люди. Их интересовал ваш бывший хозяин мистер Маршалл. Стойте, вы получите еще пять долларов, если продолжите разговор с нами.

Увидев, что Бернард действительно достает из кармана деньги, Фред Баллер остановился. Его лицо растянулось в угодливой улыбке.

— Спасибо, сэр. Вы щедрые господа, не то что эти скряги Морганы и Шеллей. Поэтому я скажу вам больше, чем им. Если вы вели дела с Шеллеем, то должны знать, что он скорее удавится, чем раскошелится на пару монет. У него как-то был компаньон по Сид...

Он внезапно осекся, словно испугался невзначай вырвавшегося слова.

— По Сидней-Ковс? — догадался я. — Эту историю я знаю не хуже вас.

Конечно, никакой истории я не знал, но она меня сейчас и не интересовала, так как речь прежде всего шла о жизни и смерти Аллена Маршалла.

— Надеюсь, вы оцените по достоинству мои услуги, — продолжал набивать себе цену Баллер. — Я не знаю в точности, куда подались эти трое, но они долго рыскали там, где стояла палатка мистера Маршалла, и в конце концов нашли какую-то бумагу. Поговори мистер Шеллей со мной по-другому, он получил бы от меня и другие бумаги.

— А как мне поговорить с вами, чтобы получить эти бумаги?

Он хитро прищурился и ответил:

— Так же, как и до сих пор.

— Что это за бумаги?

— Письма.

— От кого и кому?

— Сэр, я боюсь, что мы не сговоримся.

— Назовите цену!

— Сто долларов.

— Не слишком ли много, любезный? Вы воруете письма хозяина, пытаетесь их продать капитану разбойников, но не сходитесь в цене. А теперь вы думаете, что я дам сто долларов за то, от чего отказался капитан? Пятьдесят, и ни цента больше!

Я снова угадал. Речь действительно шла о письмах Аллена Маршалла, и Баллер тотчас же согласился с моей ценой.

— Теперь я вижу, сэр, что у вас и вправду были общие дела с капитаном. С таким джентльменом, как вы, я не могу спорить. Согласен на пятьдесят.

Похоже, негодяй и в самом деле поверил, что мы с ним одного поля ягода.

— Где бумаги?

— Пойдемте в нашу палатку.

Мы вернулись к ручью и увидели «палатку», то есть шалаш, прикрытый старой войлочной попоной. Разрыв землю в углу шалаша, Баллер извлек на свет рваный цветной платок, развернул его и протянул мне два письма. Я хотел взять их, но он ловко отдернул руку.

— Извините, сэр, но деньги вперед.

— Дайте мне хотя бы сначала прочесть адрес, чтобы убедиться, что это именно то, что мне надо.

— Согласен. Я покажу вам конверты, но вы не прикасайтесь к ним руками.

Он держал письма перед нашими лицами, пока мы читали. Письма были адресованы отцу, так как Аллен еще не мог знать о его смерти.

— Хорошо, — сказал я, — Бернард, отсчитай ему деньги.

Тот повиновался, хотя и не мог понять, почему он должен выкладывать пятьдесят долларов за украденные письма. Довольный Баллер принялся заворачивать банкноты в тот же платок, как вдруг что-то блестящее вывалилось через прореху и упало на землю; Бернард проворно наклонился и, опередив Баллера, мертвой хваткой вцепился в находку. Это были массивные золотые часы.

— Зачем вам понадобились мои часы? — вознегодовал Баллер. — Верните мне их немедленно!

— Погодите, — ответил Бернард. — Я хочу узнать, который час.

— Они стоят! — Баллер пытался силой вырвать часы из рук Бернарда. — Они сломаны!

— Вот и хорошо! — остановил его я, с силой сжимая ему плечо. —

Тогда мы узнаем, в котором часу они сломались.

— Это часы Аллена! — вскрикнул от волнения Берnard.

— Вот как? Как они к вам попали? Отвечайте и не вздумайте юлить! — строго прикрикнул я на Баллера.

— Не ваше дело! — грубо отрезал тот.

— Вы ошибаетесь, это как раз наше дело. Позвольте вам представить Бернарда Маршалла, брата мистера Аллена Маршалла и сына того джентльмена, которому адресованы письма, украденные вами.

— Часы мне подарили, — выдавил из себя Баллер, оказавшись в незавидном положении.

— Ложь! — воскликнул Берnard. — Золотые часы с рубинами ценой в триста долларов не дарят первому встречному.

— Ты прав, Берnard. Я придержу джентльмена, чтобы он не наделал глупостей, а ты хорошенько обыщи палатку.

— Кто вы такие и что вы себе позволяете? — кричал Баллер, пытаясь вырваться из моих рук. — Я позову товарищей, и вас линчуют!

— Не шутите так, любезный, а то, не ровен час, судья Линч доберется и до вас. И не вздумайте звать на помощь. Чем громче вы будете кричать, тем сильнее я буду сжимать вам горло, — с этими словами я так стиснул пальцами его шею, что негодяй обмяк.

— Больше ничего нет, — разочарованно произнес Берnard, обшарив все углы шалаша.

— Отпустите меня и верните часы, — потребовал снова расхраб्रившийся Баллер.

— Не торопитесь, нам с вами спешить некуда. Позвольте, я придержу вас еще на несколько минут, пока мы не решим, что с вами делать. Что ты думаешь по этому поводу, Берnard? — Он украл часы и должен их вернуть.

— Но не только. Он вернет нам и часы и письма даром.

— Даром? Как так?

— Очень просто. Кроме часов и писем, он вернет нам еще пятьдесят восемь долларов. Мы не звери и ограничимся этим легким наказанием. Выверни ему карманы. Смелее, я его держу!

Как Баллер ни сопротивлялся, мы отняли у него деньги, которые он выманил у нас же, после чего я отпустил мошенника. Почувствовав себя свободным, он опрометью выскочил из шалаша и помчался к трактиру.

Мы пошли за ним и еще издали слышали крики и брань. Пришлось ускорить шаг. Наши лошади стояли у коновязи, но Боба нигде не было видно.

Переступив порог, мы оказались в гуще сражения. В углу стоял

Виннету, одной рукой он сжимал горло Баллеру, а другой, в которой поблескивало серебром его знаменитое ружье, удерживал на почтительном расстоянии наседавших на него старателей. Рядом с ним сражался Сан-Иэр. Хуже всех приходилось Бобу: в схватке он выронил ружье и теперь яростно размахивал кулаками.

— Не стреляй, Бернард! Бей прикладом! — приказал я и бросился в самую гущу.

Спустя минуту негр снова держал в руках свое ружье и, как выпущенный из клетки тигр, бросился на врагов.

— Чарли! — воскликнул Сан-Иэр. — Теперь мы им покажем, где раки зимуют! Бей их томагавком, но только плашмя!

Я послушался совета опытного вестмена. В воздухе сверкнули наши страшные боевые топоры, несколько противников медленно осели на пол, остальные выбежали за дверь.

— Что у вас случилось? — спросил я, переводя дух.

— Представьте себе, мы сидим, мирно беседуем, и вдруг к нам врывается этот мерзавец, — Сэм указал на Баллера, все еще трепыхавшегося в стальных тисках Виннету, — и кричит, что ты украл у него часы. А я, вот ведь незадача, терпеть не могу, когда хотят линчевать моих друзей. Скажи мне, это правда, что ты его ограбил?

— Представь себе, правда, — так же в шутку ответил я. — Он украл у брата Бернарда часы и письма, а я отнял их у него.

— И ты отпустил его на свободу? В конце концов меня это не касается, зато касается, и очень, то, что он натравил на нас здешний сброд. Придется его наказать.

— Неужели ты его убьешь, Сэм?

— Он не достоин смерти от моей руки. Виннету, присмотри за дверью.

Апач встал у входа с двустволкой на изготовку, а Сэм, укоризненно покачивая головой, подошел к сжавшемуся от страха Баллеру.

— Мальчик! Очень некрасиво грозить веревкой честным и славным вестменам. Ты дурно поступил, и я должен наказать тебя для твоего же блага. — С этими словами он ударил Баллера по голове, и тот рухнул на пол. — А где же наш любезный хозяин? Ах, вот он! Подойдите поближе, мы желаем посмотреть на вас.

Хозяину, видимо, пришлось не по душе приглашение вестмена, но он повиновался.

— Надеюсь, что вы джентльмены, — заискивающе улыбнулся он, — и не оплатите неблагодарностью за мое гостеприимство.

— Гостеприимство? Я не ослышался? Вы называете гостеприимством

цену в три доллара за бутылку дьявольской смеси?

— Я верну вам деньги!

— Оставьте их себе и перестаньте дрожать. Кто же будет в этой долине травить элем старателей, если мы изуедем вас? Пора уходить, пока на нас снова не напали.

— Масса Сэм хочет уйти и не наказать хозяина? — вдруг вмешался обычно смирный негр. Видимо, он не мог простить трактирщику страдания, которые ему причинил эль. — Тогда Боб сам знает, что сделать с хозяином. Сейчас ты будешь пить.

Он подал трактирщику бутылку и, угрожая ружьем, заставил выпить ее содержимое. За первой последовала вторая, третья, четвертая. После пятой негр сжалился над несчастным, который с гримасой отвращения глотал зелье собственного изготовления.

— Ха-ха-ха! — радовался Боб, глядя на бледного и икающего хозяина. — Теперь он носит в животе на пятнадцать долларов яду!

Ничто более не задерживало нас в долине, и мы, вскочив на лошадей, покинули негостеприимный трактир. У его ворот уже стояло несколько человек с ружьями, однако они не решились задержать нас силой. Пустив коней вскачь, мы вскоре добрались до берегов Сакраменто, где уже можно было не опасаться погони разъяренных поражением старателей.

— Давайте остановимся на десять минут, — предложил Бернارد. — У меня до сих пор не было времени прочесть письма Аллена.

Мы спешили и сели на траву. Бернارد вскрыл конверты и быстро пробежал глазами письма.

— Это два последних, — сказал он. — Аллен жалуется, что мы ему не отвечаем, и пишет, что собирается уезжать. Послушайте: «... мои дела идут лучше, чем я ожидал. Золотой песок и мелкие самородки я отослал с доверенными лицами в Сакраменто и Сан-Франциско, где получил за них много больше, чем заплатил сам. Таким образом я удвоил сумму, которую привез с собой. Однако на днях я собираюсь покинуть Йеллоу-Уотер-Граунд, так как здесь не осталось и четвертой части того, что добывалось раньше, к тому же дорога стала столь опасна, что я больше не отваживаюсь высылать золото с нарочными. Судя по некоторым признакам, грабители намереваются нанести мне неожиданный визит, поэтому я хочу исчезнуть отсюда внезапно, чтобы они не сумели выследить меня. Со мной будет более ста фунтов золота, и я отправлюсь в долину Шорт-Ривулет, где, как говорят, открыли новое богатое месторождение золота. Если все будет так, как я предполагаю, то там я за месяц заработаю больше, чем здесь за четыре. Оттуда я направлюсь через Линн в Гумбольдтхейвн...

— Итак, Аллен действительно отправился на Шорт-Ривулет, — заметил Сэм. — Интересно, как Морганы пронюхали об этом?

— Погодите, — остановил его Бернард. — Здесь есть еще несколько слов, может быть, они нам что-то объяснят.»... Мне не нужны попутчики, и я вполне справлюсь без проводника, так как изучил последние подробные карты и вычертил план путешествия.

— Невероятно! — удивился я. — Неужели он так беспечен и неосмотрителен, что выбросил или потерял черновик плана?

— И не такое случается, — невозмутимо заметил Сан-Иэр. — Аллен не вестмен и не знает, что часто малейшая оплошность может стоить жизни. И если даже ему удалось добраться живым и невредимым до цели, то еще неизвестно, сумеет ли он поладить с шошонами, чьи охотничьи угодья начинаются в тех краях и тянутся до Леви-Форк.

— Они такие же кровожадные, как и команчи? — встревожился Бернард.

— Все краснокожие одинаковы — благородны с друзьями и беспощадны к врагам. Нам-то в любом случае волноваться нечего, я долго жил среди них, и каждый шошон знает, кто такой Сан-Иэр.

— Вождь апачей знает шошонов, — вмешался в разговор молчавший до того Виннету. — Они его братья. Сыновья шошонов мужественны, воинственны и честны. Они обрадуются, когда их глаза увидят Виннету, который не раз пил с ними дым мира.

Итак, наша задача облегчалась хотя бы с этой стороны. Виннету и Сэма связывали узы дружбы с индейцами, в чьих владениях волею судеб мы должны были оказаться, к тому же оба они прекрасно знали места, где нам предстояло искать долину Шорт-Ривулет.

Покинув негостеприимные прииски на реке Сакраменто, мы направились в сторону хребта Сан-Хосе. Мы избрали нелегкую дорогу, зато самую краткую и прямую, так что надеялись опередить Морганов и мулата Шеллея. Разбойники имели два дня форы, но, вероятно, пошли более простым путем, иначе бы мы заметили их следы.

От гор Сан-Хосе наш отряд повернул на северо-восток, и через неделю после того, как мы выехали из Йеллоу-Уотер-Граунд, перед нашими глазами предстала гора, уступами возвышающаяся над остальными. Ее подножие и склоны покрывал густой лес. Где-то на одном из гигантских уступов лежало озеро со странной неподвижной водой, из-за чего ему дали мрачное название Черный Глаз. По пологому склону в него стекает с горы ручей Шорт-Ривулет.

Откуда там золото? Небольшой короткий ручей не мог вымыть его из

скал, поэтому, видимо, оно имеет «плутоническое» происхождение. Чудовищные силы взломали кору земли, образовали эту гору и выбросили на поверхность сокровища бога Плутона, владыки подземного мира. Вот почему следовало предположить, что вместо россыпи золотого песка здесь найдутся крупные жилы, по богатству превосходящие месторождения Сакраменто.

Карабкаясь по склону, мы углубились в девственный лес. Вряд ли там когда-либо ступала нога человека, и мы, помогая себе топорами и проклятиями, с трудом пробирались через бурелом. Но чем выше мы поднимались, тем реже становились заросли, и в конце концов чащоба уступила место небольшой площадке, расположенной на гигантском уступе. К вечеру мы вышли к берегам Черного Глаза. Его глубокая и неподвижная вода мрачно мерцала загадочным, как тайна, блеском. Казалось, мы попали в обиталище древних духов.

Солнце уже садилось, наступали сумерки, и мы едва-едва успели осмотреть берег.

— Едем дальше? — Бернару не терпелось поскорее свидеться с Алленом.

— Мои братья останутся здесь, — коротко приказал Виннету.

— Ты прав, — поддержал его Сан-Иэр. — Если мы в темноте напоремся на грабителей, нам может не поздоровиться. А здесь такой мягкий мох! Я уже предвкушаю, как растянусь на нем. Пора разводить костер и готовить ужин.

В тот день Боб подстрелил индюка, и теперь безграничная гордость распирала его: он наконец-то почувствовал себя полноправным членом нашего случайного сообщества.

Через несколько минут уже полыхал огонь, а Боб усердно ощипывал индюка. Тем временем опустилась черная непроглядная ночь, в мерцающем свете пламени мерещились странные тени, деревья тянули к нам кривые ветви. Испеченная в углях птица таяла во рту.

На рассвете мы двинулись вдоль берега и вскоре нашли то место, где в озеро впадает Шорт-Ривулет. Тут и там виднелись вырытые в земле шурфы, под сенью деревьев стояли исполосованные ножами палатки, на берегу валялись брошенные кирки и промывочные лотки. Создавалось впечатление, что лагерь золотоискателей стал полем ожесточенного сражения. Однако тела убитых непонятным образом исчезли.

Поодаль стояла большая палатка. Как и остальные, она была растерзана так, что ни один предмет не мог указать на то, кому она принадлежала. Бернارد бродил вокруг нее, убежденный, что там жил его

брат. Возможно, так оно и было. Но я внимательно рассмотрел все следы и убедился в том, что, когда грабители набросились на палатку, в ней не было никого. Скорее всего, Аллен успел уехать до их появления.

— Если так, то нам надо спешить на запад. Аллен собирался ехать через Линн до Гумбольдтхейвна, и наверняка разбойники погнались за ним, — торопил нас Бернард.

— Да, если только ему удалось бежать, — ответил я. — Мы не увидели ни одного трупа, значит, скорее всего, бандиты бросили тела убитых в озеро.

— Это дело рук Морганов и мулата. Им удалось опередить нас. Но все равно от меня им не уйти, — грозно произнес Сан-Иэр. — Скоро Сэм Гаверфилд сведет с ними счеты.

— Вперед! За ними!

На опушке густого леса мы обнаружили следы, ведущие вниз по склону в западном направлении. Несомненно, это были следы разбойников, однако определить, преследовали они Аллена или же спешили просто уйти с места преступления, было невозможно.

В лесу всадники разделились, чтобы не ехать гурьбой через заросли, и я насчитал следы двадцати лошадей.

— Здесь прошли шестнадцать лошадей и четыре навьюченных мула, — объяснял я Бернарду. — Посмотри, они несли на себе тяжелый груз, поэтому их копыта отпечатались лучше. Ты спросишь, почему я решил, что это мулы? Обрати внимание вон на те рытвины. Там мулы упрямылись и не хотели идти вперед. Ни один конь не ведет себя так с человеком. Из-за них грабители не смогут двигаться быстро, и у нас есть надежда, что мы настигнем их прежде, чем они сумеют расправиться с Алленом.

После полудня мы обнаружили место первого ночлега грабителей. Осмотрев его, мы сразу же снова тронулись в путь и мчались, не щадя лошадей, пока сумерки не сгустились так, что уже нельзя было видеть следы. Лишь только забрезжил рассвет, мы продолжили погоню. Солнце еще не взобралось в зенит, когда мы нашли место второго ночлега, а это значило, что между нами осталось не больше дня пути.

Следы вели в верховья Сакраменто, стекающей с горы Шаста, и у нас была надежда на то, что мы настигнем Морганов и их шайку на следующий день. Однако там, где Сакраменто изгибается и меняет направление, следы разделились. Шесть лошадей и четверка мулов повернули в сторону излучины реки, тогда как остальные продолжали двигаться на запад.

— Тысяча чертей! Вот ведь незадача! — чертыхнулся Сан-Иэр. — Как

прикажете это понимать? Они хитрят или у них что-то стряслось?

— Ни то ни другое, — ответил я.

— Но почему же они разделились? — недоумевал Бернард.

— Ничего загадочного тут нет, — объяснил я ему. — Мулы, навьюченные награбленным у Черного Глаза золотом, мешают грабителям двигаться быстрее. Поэтому они отправили сокровища под охраной туда, где в каком-нибудь укромном местечке разбит их постоянный лагерь, а сами помчались догонять Аллена.

— К черту мулов и золото! — воскликнул Сэм. — Моя умница Тони уже давно злится на меня за то, что мы плетемся, как улитки!

— Насчет улиток и ты и твоя Тони несколько преувеличиваете. Ты лучше скажи мне — кого из Морганов ты хочешь увидеть завтра, а кого потом?

— Как ты можешь спрашивать у меня такое, Чарли? Я хочу видеть их обоих!

— Ничем тебе не могу помочь, Сэм. Это невозможно.

— Почему?

— Мулы навьючены золотом. Кому Фред Морган мог бы доверить сокровища?

— Кому угодно из сообщников.

— Ну уж нет! Никому другому, кроме собственного отпрыска.

— Ты опять прав, Чарли, а я, старый осел, снова ошибся. Вот ведь незадача, что мне теперь делать? Ладно уж, я сначала посчитаюсь со стариком, а потом примусь за мальчишку. Вперед!

Переправившись через Сакраменто, мы разбили лагерь и заночевали, а с восходом снова пустились по следу. К полудню грабители опережали нас всего лишь на пять-шесть часов. По нашим расчетам, этой ночью мы уже могли подкрасться к их лагерю и захватить врасплох. Мы с нетерпением понукали лошадей. Еще немного — и убийцы, за которыми мы так долго и безуспешно гнались, окажутся в наших руках. Мой вороной нес меня во главе нашего маленького отряда, за ним, не отставая, бежал мустанг Виннету. Нелепая Тони без устали отмахивала своими длинными ногами милью за милей.

Неожиданно в узкой долине мы увидели на траве множество следов. Трава истоптана копытами не менее чем сотни лошадей. Везде виднелись следы борьбы, а на листьях одного куста я обнаружил капли крови.

Влево от долины вели следы трех лошадей, остальные всадники направились прямо.

Не было никаких сомнений, что здесь побывала индейцы. Если Аллен

попадет к ним в руки, то жизнь его повиснет на волоске. Поэтому мы, не раздумывая, двинулись по следам многочисленного отряда.

Проехав мили полторы, мы увидели стойбище индейцев.

— Шошоны! — воскликнул Виннету.

— Да, это они! — подтвердил Сэм, направляясь прямо к стойбищу.

Среди вигвамов стояло не менее сотни индейцев, окруживших своего вождя. Завидев нас, они схватились за ружья и томагавки, однако расступились перед мчавшимися во весь опор Виннету и Сан-Иэром.

— Ко-Ту-Хо! — громко позвал Виннету, резко осаживая мустанга перед вождем, словно желая растоптать его копытами скакуна.

Ни один мускул не дрогнул на лице вождя, он вскинул вверх руку и приветствовал гостя:

— Виннету, великий вождь апачей! Сыновья шошонов рады тебе, и сердце их вождя радуется вместе с ними, ибо глаза Ко-Ту-Хо давно хотели видеть славного воина.

— А меня — нет? — спросил Сэм. — Неужели вождь шошонов забыл своего друга Сан-Иэра?

— Ко-Ту-Хо помнит своих друзей и братьев. Он приветствует вас в вигвамах шошонов!

Неожиданно обычный ритуал обмена приветствиями прервал страшный крик. Оглянувшись, я увидел Бернарда, стоящего на коленях над распростертым на земле человеком. Подбежав к нему, я увидел, что тот мертв. На его рубахе расплылось огромное кровавое пятно. Это был белый, как две капли воды похожий на Бернарда. Мы опоздали!

Наши товарищи подошли поближе, но никто не произнес ни слова. Склоненный над телом брата Бернард целовал его в губы, обнимал, сжимал ему руки. Когда страшная правда открылась ему, он встал и спросил:

— Кто его убил?

— Ко-Ту-Хо послал воинов упражняться в верховой езде, — ответил вождь. — В долине они увидели трех бледнолицых, за которыми гнались четырнадцать человек. Мои воины знают, что если четырнадцать человек нападают на троих, то эти четырнадцать — злые и трусливые люди. Поэтому мои воины поспешили на помощь тем троим. Но вдруг заговорили ружья бледнолицых, и одна из пуль сразила лежащего здесь белого человека. Краснокожие воины взяли в плен одиннадцать из тех четырнадцати, но троим удалось убежать. Спутники убитого бледнолицего сейчас отдыхают в вигваме.

— Я должен немедленно поговорить с ними! Убитый — мой брат, он сын моего отца, — поправился Бернард, вспомнив, что у индейцев слово

«брат» означает нечто иное, чем у белых.

— Мой белый брат приехал к шошонам вместе с Виннету и Сан-Иэром, поэтому Ко-Ту-Хо исполнит его желание. Следуй за мной.

Сначала вождь провел нас в просторный вигвам, где, связанные по рукам и ногам, лежали пленники. Среди них был и мулат со шрамом на щеке, но Фреда Моргана, как я и ожидал, мы не увидели.

— Что мои братья хотят сделать с этими бледнолицыми? — спросил я вождя.

— Мой белый брат знает их?

— Это воры и убийцы. На их совести много жизней.

— В таком случае пусть братья судят их.

Я обменялся с товарищами одним лишь взглядом, и мы поняли друг друга.

— Они заслужили смерть, — ответил я вождю, — но у нас нет времени их судить. Мы отдаем их в руки наших краснокожих братьев.

— Мой брат поступает мудро.

Затем нас провели к другому вигваму, в котором спали двое белых, судя по их одежде, это были погонщики мулов. Мы разбудили их и выяснили, что Аллен нанял их только на один переход. Помочь нам они ничем не могли, и мы вернулись к убитому.

За последние месяцы Бернард прошел через множество испытаний, но не пал духом после смерти отца, окреп в скитаниях и трудных путешествиях, и все же руки его дрожали, когда он извлек все вещи из карманов убитого, а потом долго и внимательно рассматривал хорошо знакомые предметы. Открыв блокнот и прочтя записки любимого брата, он прижал к губам бумагу и разрыдался. Я стоял рядом с ним и тоже не смог сдержать слез.

По лицам шошонов, стоявших поблизости, пробежала тень презрения, но Виннету встал на нашу защиту:

— Вождь шошонов знает, что бледнолицые следуют своим обычаям. Пусть он не думает, что мои плачущие братья слабы духом, как старые скво. Сын отца убитого — мужественный воин, он храбро сражался с врагами. А о втором бледнолицем достаточно сказать что краснокожие называют его Сэки-Лата, а белые — Олд Шеттерхэнд.

Тихий гул изумления пробежал по толпе шошонов, а их вождь подошел к нам, торжественно воздел руку и сказал:

— Мы рады, что такие славные воины прибыли в наше селение. Пусть мои бледнолицые братья живут в наших вигвамах, едят наше мясо, пьют с нами дым мира и смотрят на игры наших воинов.

— Спасибо тебе, Ко-Ту-Хо, белые мужи с радостью погостят в вигвамах шошонов, но не сегодня. Сейчас они должны немедленно пуститься в погоню за убийцами, чтобы отомстить за смерть убитого.

— Да, — подтвердил Бернард, — я оставлю здесь тело брата и пойду по следам убийц. Кто едет со мной?

Виннету и Сэм молча подошли к своим лошадям. Вождь шошонов отдал приказ своим воинам, и ему подвели прекрасного жеребца.

— Убийство свершилось на земле шошонов, поэтому их вождь Ко-Ту-Хо едет с бледнолицыми. Все вещи, принадлежавшие убитому, будут храниться в вигваме вождя, а женщины будут оплакивать его смерть.

Итак, наш отряд пополнился. Погоня продолжалась. Беглецы опережали нас часа на два, но наши кони, словно понимая чувства, обуревавшие нас, неслись по каменистой равнине так, что искры снопами сыпались из-под копыт. Гнедой Боба устал больше других лошадей, но негр беспрестанно понукал его и не отставал.

— Хох-хи-их! — орал он. — Беги, несись, не жалея сил, чтобы Боб поймал убийц массы Аллена!

Солнце уже клонилось к западу, а нам во что бы то ни стало надо было нагнать негодяев до темноты. Ночь всегда на руку беглецам, так как даже в ярком свете луны невозможно идти по следу, в то время как уходить от погони можно даже в кромешной тьме.

Через три часа бешеной скачки я остановился и спрыгнул с коня, чтобы получше рассмотреть следы. Отпечатки были совсем свежие — ни одна из примятых травинки не успела распрямиться, а это значило, что расстояние между нами сократилось до мили. Вытащив подзорную трубу, я вглядывался в даль.

— Вот они! — воскликнул я, указывая товарищам на три еле заметные точки.

— За ними! — нетерпеливо дернул поводья Бернард, но я удержал его.

— Не спеши. Мы должны окружить их, чтобы на этот раз они не ушли. Конь вождя шошонов и мой устали меньше остальных. Я возьму правее, Ко-Ту-Хо левее, и через двадцать минут мы уже будем впереди бандитов. После этого вы и ударите на них сзади.

— Уфф! — одобрительно отозвался вождь шошонов и, как стрела, выпущенная из лука, помчался влево.

Я поскакал во весь опор вправо и десять минут спустя потерял товарищей из виду. Несмотря на изнурительный многодневный путь, мой жеребец, подарок Ма-Рама, бежал на удивление легко. На нем не то чтобы не выступила пена, он даже не вспотел и несся вперед огромными

прыжками. Казалось, что его натянутое, как струна, тело состоит не из плоти и костей, а из твердой стали и упругой гуттаперчи.

Еще через пять минут я взял левее, остановился и снова посмотрел в подзорную трубу: бандиты уже были позади, а справа наперерез им мчался вождь шошонов.

Заметив меня и Ко-Ту-Хо, Морган и его сообщники осадили коней. Увидев, что сзади тоже приближается погоня, они попытались прорваться, выхватили оружие и бросились на вождя шошонов, который преграждал им путь.

— Покажи, на что ты способен! Еще быстрее, мой вороной! — крикнул я жеребцу и, издав пронзительный свист, которым индейцы понукают своих лошадей, привстал на стремянах, чтобы конь легче дышал.

Так мчится всадник, когда у него за спиной бушует пожар.

Вдруг один из бандитов, в котором я узнал Фреда Моргана, осадил коня и вскинул ружье. Одновременно с выстрелом вождь шошонов упал на землю вместе с лошадей, словно сраженный ударом молнии. Я уже было подумал, что пуля попала или в него, или в лошадь, и, издав угрожающий крик, бросился к нему на помощь. К счастью, я ошибся. В следующее мгновение Ко-Ту-Хо снова сидел на спине своего скакуна и мчался на бандитов с занесенным для удара томагавком. Я впервые стал свидетелем замечательного боевого приема, которому индейцы годами обучают своих коней. Жеребец вождя прошел прекрасную выучку и по команде хозяина в мгновение ока упал на землю, так что пуля пролетела мимо, не причинив никому вреда.

Вождь шошонов сразил одного из бандитов, в то время как я бросился на Фреда Моргана, который уже целился в меня. Я же хотел взять его живым и заранее решил не применять оружия; меня спасло только то, что его лошадь оступилась — пуля пробила рукав моей куртки.

— Наконец-то я до тебя добрался! — воскликнул я, бросая лассо. Ременная петля просвистела в воздухе, мой конь развернулся и понесся назад. Почувствовав сильный рывок, я натянул поводья и остановился. Вырванный из седла Морган лежал на земле без чувств. Третий бандит, видимо, решил продать жизнь подороже и целился в Бернарда, однако, как только он спустил курок, Сан-Иэр выстрелил в него, и тот упал замертво.

Я спрыгнул с лошади. Наконец-то Фред Морган был в наших руках. Пока он не пришел в себя после падения, я снял с него мое лассо и крепко-накрепко связал разбойника. Тем временем к нам подъехали остальные. Боб с ножом в руке с яростью бросился к Моргану.

— Боб сейчас же заколет убийцу! Нет! Боб будет резать его на кусочки, долго и больно!

— Не смей! — остановил его Сэм. — Этот человек — мой!

— А что с теми двумя? — спросил я.

— Мертвы, — ответил побледневший Бернард, пытаясь остановить кровь, сочившуюся из раны в плече.

— Ты ранен?

— Пустяки! Царапина!

— Это нехорошо. Нам предстоит дальний путь. Мы должны догнать Моргана-младшего, который везет золото. Что будем делать с этим? — спросил я, указывая на негодяя-отца.

— Он мой! — упрямо повторил Сэм. — Я буду его судить. Бернард ранен, к тому же ему надо заняться похоронами брата. Поэтому пусть он вместе с Бобом отвезет мерзавца в вигвамы шошонов, и его будут стеречь там, пока мы не вернемся. А мы и вчетвером справимся с оставшимися шестью разбойниками.

Моргана усадили в седло и привязали к лошади. Бернард и Боб встали по обе стороны от бандита и отправились в стойбище шошонов, а мы решили, прежде чем продолжать скачку, дать небольшой отдых лошадям.

— Куда направляются мои братья? — спросил Ко-Ту-Хо.

— В долину Сакраменто, через горы Сент-Джон и Сан-Хосе, — ответил Сэм.

— Мои братья могут не торопиться. Пусть лошади пасутся до темноты. Вождь шошонов знает каждую пядь земли на пути к водам Сакраменто, поэтому мы сможем ехать ночью.

— Вот ведь незадача, черт возьми! — неожиданно воскликнул Сэм.

— Почему?

— Следовало бы хорошенько допросить его.

— Зачем? Даже того, что мы о нем знаем, с избытком хватит, чтобы казнить его самой мучительной смертью. Его вина бесспорна.

— Да нет же, я не о том! Мы могли выведать у него, где он назначил встречу с сыном.

— Сэм, неужели ты думаешь, что он выдаст нам собственного сына и награбленные сокровища? Он уверен, что его ждет смерть и никакие признания не спасут его, а поэтому будет молчать.

— Мой брат Чарли совершенно прав, — поддержал меня Виннету. — Наши глаза достаточно зорки, чтобы найти следы мулов.

— Кого ищут мои братья? — спросил вождь шошонов, вопреки обычаям краснокожих, которым неведомо любопытство. Однако на этот раз

он оказался среди людей, которых считал равными себе, поэтому вопросы не роняли его достоинства.

— Товарищей тех убийц, которых уже схватили воины шошонов, — ответил я.

— Сколько их?

— Шестеро.

— Клянусь, мы найдем их и приведем в вигвамы шошонов, — торжественно провозгласил Ко-Ту-Хо,

К сумеркам наши лошади отдохнули, и мы тронулись в путь. Мы и раньше никогда не теряли надежды настигнуть негодяев и расплатиться с ними сполна, но теперь, когда с нами был вождь шошонов, у нас появилась уверенность, что они от нас не уйдут. Мы правильно поступили, доверившись Ко-Ту-Хо, который, несмотря на кромешную тьму, вел нас вперед.

Мы миновали прерию и двигались по горной тропе, змеившейся между скал, а под утро въехали в поросшее лесом предгорье. Дав лошадям короткий отдых, мы продолжили путь, и когда солнце стояло уже высоко, оказались у развилки дорог. Прилепившись к скале, там стоял дом, сколоченный из досок и обмазанный глиной. Над входом висела вывеска «Трактир и гостиница». Чутье не подвело хозяина заведения: место было выбрано очень удачно, что подтверждали верховые лошади у коновязи, мулы в загоне и целый караван фургонов. В таком бойком месте трактир превращался поистине в золотую жилу. Посетителей было так много, что некоторые сидели не внутри, а за столами во дворе под навесом.

— Заглянем туда? Может быть, что-то сумеем узнать, — предложил Сэм.

— Как, у тебя еще осталось золото, чтобы заплатить за настоящий эль из Бартона в Стаффордшире? — пошутил я.

— Запасы еще не оскудели, — посмеиваясь, ответил старый вестмен.

— Тогда пошли.

— Только прошу тебя, давай сядем на свежем воздухе. Я могу свыкнуться с чем угодно, но только не с душной клеткой.

Привязав коней, мы сели под навесом, над которым красовалась вывеска, извещающая нас, что мы имеем честь восседать на «Террасе».

— Что желаете пить, господа? — спросил выросший как из-под земли слуга.

— Пиво. Сколько оно у вас стоит? — предусмотрительно спросил на этот раз Сэм.

— И портер и эль — полдоллара.

— Принесите портер.

Слуга принес нам четыре бутылки и удалился. Сэм хотел было задержать его и порасспросить, но вдруг застыл, глядя с напряженным лицом в дыру в стене, которая заменяла окно. Я тоже поспешил бросить туда взор и увидел, что по каменистой тропе к развилке приближаются шестеро верховых, ведущих за собой четырех мулов. Вперед ехал не кто иной, как... Патрик Морган!

Разбойники остановились у трактира, привязали животных и устроились за столом, стоявшим по другую сторону той стены, у которой сидели мы.

Но почему на мулах больше не было вьюков? Неужели негодяи успели спрятать золото в укромном месте и прибыли на встречу с сообщниками налегке?

Бандиты заказали бренди. Каждое их слово было нам явственно слышно.

— Как вы думаете, капитан и ваш отец скоро придут? — спросил один из них у Патрика.

— Надеюсь, — ответил тот. — Может быть, они уже на месте и ждут нас. Справиться с Маршаллом, как мне кажется, не составило для них труда. С ним было всего два погонщика.

— Отчаянный человек. Я бы не отважился возить столько денег и золота в одиночку.

— Тем лучше для нас. Будь он поосторожнее и поумнее, ни за что не выбросил бы в Йеллоу-Уотер-Граунц план путешествия. Эй, стойте! Это еще что такое?

— Что?

— Посмотрите на тех лошадей!

— Да, три прекрасных жеребца, но кобыла похожа на пугало! Надо совсем ума лишиться, чтобы ездить на такой кляче, ха-ха-ха!

— Я вам покажу клячу! Я из вас душу выну, дайте только до вас добраться! — шипел тихонько Сан-Иэр, сжимая кулаки.

— Это вы ума решились! — резко оборвал своих спутников Патрик. — Эта кляча знаменитее, чем вы все, вместе взятые! Вы знаете, чья она?

— Чья же?

— Сан-Иэра!

— Тысяча чертей! Я в самом деле как-то слышал, что он разъезжает на таком чучеле!

— Неужели вы еще не поняли? Если кляча стоит здесь, значит, и хозяин околачивается где-то поблизости. Допивайте, и сматываемся

отсюда! Мы с ним когда-то повздорили по пустякам, и теперь мне совсем не хочется с ним встречаться.

— Хочется или нет, но встречи со мной тебе не избежать, — шептал с горящим взглядом Сан-Иэр.

Разбойники торопливо подошли к коновязи, вскочили на лошадей и покинули двор гостиницы.

— Нам нужны эти люди, — объяснил я происходящее вождю шошонов. — Пусть мои краснокожие братья обгонят их, а мы с Сэмом подберемся к ним сзади.

— Уфф! — выразил согласие Ко-Ту-Хо и направился к своему жеребцу. Виннету последовал за ним.

Сан-Иэр уплатил за пиво, и мы, не торопясь, двинулись по тропе вслед за разбойниками, сохраняя такое расстояние, чтобы нас не заметили слишком рано.

По мере того как мы удалялись от гостиницы, местность становилась все более дикой и пустынной. Выехав на открытое пространство, где не было кустов и нагромождения камней, за которыми можно было бы укрыться, мы пустили лошадей вскачь и вскоре увидели разбойников, которые так и не заметили, что мы преследуем их. Навстречу им медленно двигались Виннету и Ко-Ту-Хо.

— Я рад встрече с вами, мистер Меркрофт! Или вы теперь предпочитаете другое имя? — окликнул Моргана-младшего Сан-Иэр. — Вы все еще путешествуете на тех лошадях, что так ловко украли у команчей?

— Проклятье! — выругался Патрик, выхватывая ружье, но не успел он его вскинуть, как лассо Виннету со свистом захлестнуло его шею и он с хрипом повалился на землю.

Остальные пятеро негодяев в мгновение ока бросились врассыпную. Сан-Иэр и вождь шошонов выстрелили одновременно и, увидев, что их пули достигли цели, выхватили томагавки и помчались в погоню.

— Стойте, пусть бегут! — кричал я. — Морган в наших руках! Вернитесь!

Но они в пылу схватки не обращали внимания на мой зов и остановились, только когда последний из беглецов упал с разможенным черепом.

— Что же вы наделали? — укорял я Сэма. — У них мы бы узнали, где искать тайник, в котором они спрятали золото!

— Не беда, нам покажет туда дорогу Морган!

— Он не надеется на пощаду, поэтому будет нем как рыба.

Вскоре мы убедились, что я был прав: несмотря на угрозы, Патрик молчал и не ответил ни на один вопрос, а только злобно усмехался. Золото, из-за которого столько людей лишились жизни, пропало безвозвратно.

Привязав Патрика к лошади, мы, чтобы обойти стороной гостиницу, переправились через Сакраменто и двинулись назад через горы.

За много часов пути наш пленник не произнес ни слова, и только когда в стойбище шошонов он увидел идущего нам навстречу Бернарда, с его языка сорвалось проклятие. Я повел негодя в тот же вигвам, где лежали связанные бандиты, а среди них и Морган-старший.

— Я привел к вам вашего сына, мистер Морган, — сказал я ему. — Полагаю, вы очень скучали без него.

Старик смерил меня убийственным взглядом, но не проронил ни звука, лишь скрипнул от ярости зубами. Может быть, и он по-своему любил сына, ставшего достойным помощником в его черных делах? Ведь даже кровожадный лев с любовью относится к своим детям.

Суд над разбойниками пришлось отложить до следующего утра, так как уже темнело. После ужина в вигваме вождя, принявшего нас как долгожданных гостей, мы выкурили с ним трубку мира, а затем каждый из нас отправился в отведенный ему вигвам.

Устав от трудного многодневного путешествия, я мгновенно уснул. В прерии человек спит вполглаза, всегда готовый вскочить при малейшем шорохе и отразить неожиданное нападение. В стойбище дружественных шошонов, где нам не грозила опасность, я мог позволить себе выспаться всласть. Однако во сне я оказался в окружении грабителей и убийц, которые нападали на меня со всех сторон. Я расшвыривал их, наносил им удар за ударом, но они вырастали, как из-под земли. Их были десятки, сотни. Пот струился по моему лицу, руки наливались свинцовой усталостью, и я чувствовал, что еще немного — и враги меня одолеют. Впервые в жизни я испытывал смертельный ужас...

Я вздрогнул и проснулся. За стенами вигвама слышались крики. Одеваясь на ходу, я выскочил наружу с оружием в руках. Непонятным образом пленные сумели освободиться от пут и попытались сбежать. К счастью, часовые шошонов были начеку и заметили беглецов.

Из вигвамов выбегали полуголые индейцы — кто с томагавками, кто с ружьем, а кто и просто с ножом. Рядом со мной остановился Виннету.

— Воины! — закричал он, перекрывая шум. — Окружайте стойбище!

Сумятица сразу же прекратилась, и человек восемьдесят краснокожих исчезли среди вигвамов, чтобы взять в кольцо стойбище, из которого теперь даже мыши было бы трудно выскользнуть.

Судя по всему, мое участие в событиях не требовалось. у пленников не было оружия, к тому же индейцы привыкли сражаться в основном ночью, и ни один белый не может в этом тягаться с ними. А когда я услышал голос Сэма, отдающего приказание шошонам, то окончательно успокоился и стал ждать развязки. Спустя несколько минут то тут, то там стали раздаваться предсмертные крики белых, а в свете догорающего костра я увидел, как маленький Сэм кошкой метнулся к Фреду Моргану и вонзил нож в сердце.

Сан-Иэр встал на ноги, внимательно посмотрел в бледнеющее на глазах лицо смертельного врага и медленно побрел ко мне.

— Чарли, почему ты мне не помог?

— Это была твоя месть, Сэм, и я не хотел тебе мешать, — ответил я.

— Да, наверное, ты снова прав. Представляешь, Чарли, если бы я не лег караулить их у задней стенки вигвама, негодяям удалось бы бежать. Я услышал шорох и успел предупредить часовых, чтобы смотрели в оба.

— Никто не ушел?

— Никто. Я пересчитал тела. Но, вот ведь незадача, я совсем по-другому представлял себе, как я встречу с Морганам, как я буду судить их и как убью их, глядя им в глаза.

Сэм умолк и принялся вырезать на прикладе ружья две недостающие зарубки. На лезвии его ножа все еще виднелись следы крови Морганов.

— Вот и все, — произнес Сэм, поставив точку в длинной истории страданий и мести. — Я отомстил за тех, кого любил, и теперь готов встретить смерть в любое мгновение, хоть завтра, хоть сегодня.

— Пусть Бог будет милостив к убийцам!

— Черт возьми, Чарли, ты меня удивляешь, потому что ты всегда прав! С их смертью иссякла моя ненависть.

Он медленно повернулся и побрел в отведенный ему вигвам. Я долго смотрел ему вслед, пока он не скрылся за пологом, прикрывшим вход.

На следующий день состоялось печальное прощание с Алленом Маршаллом. Тело завернули в несколько дубленых бизоньих шкур и положили в каменный склеп, выстроенный шошонами.

Сверху мы поставили деревянный крест. По просьбе Бернарда я прочел на могиле заупокойную молитву. Все мы были глубоко тронуты смертью молодого, многообещающего человека, и даже шошоны, окружавшие нас безмолвным кольцом, взяли за руки, словно соединяясь с нами в горе.

После похорон наши гостеприимные хозяева сделали все чтобы не дать Бернарду погрузиться в печаль. Вся неделя прошла в охоте, военных играх и других развлечениях. Однако задерживаться дольше было нельзя и

мы, попрощавшись с краснокожими друзьями, отправились обратно в Сан-Франциско...

Глава V. ОГРАБЛЕНИЕ ПОЕЗДА

Через несколько недель после описанных событий необходимость привести в порядок финансовые дела вынудила меня отправиться в Гамбург. Там я, к моему великому удивлению, встретил одного из своих знакомых, с которым мы не раз охотились на болотах в долине Миссисипи. Мы радостно обнялись, обменялись новостями. Эта неожиданная встреча оживила мои давние и недавние воспоминания, и меня снова потянуло на просторы прерии, поэтому, когда знакомый пригласил меня навестить его в Сент-Луисе, я решил воспользоваться его любезностью и собрался в путешествие. Пять дней спустя мы уже плыли по Эльбе к Северному морю.

По прибытии в Америку мы вдвоем углубились в непроходимые леса в низовьях Миссури, но потом мой товарищ был вынужден вернуться домой, тогда как я направился вверх по реке до Омаха-Сити, чтобы оттуда достичь Дикого Запада на поезде компании «Пасифик-Рейлвей».

Меня тянуло туда любопытство. Я бывал раньше в Скалистых горах, бродил по диким местам от истоков реки Фрейзер до ущелья Хилл-Гейт и от Северного парка⁷ на юг до пустыни Мапими. Однако земли между Хилл-Гейт и Северным парком оставались мне совершенно неизвестными. Итак, я вознамерился обследовать место между сороковым и сорок шестым градусами северной широты, так как именно там находятся горы Титон и Уинд-Ривер, Южный каньон⁸ и истоки рек Йеллоустон, Шошони и Колумбия.

До сих пор никто, кроме краснокожих и немногих бежавших от цивилизации трапперов, там не бывал, поэтому нет ничего удивительного в том, что меня тянуло туда. Меня манили тайны негостеприимных урочищ и каньонов, населенных, согласно индейским легендам, призраками и злыми духами.

Читателю, сидящему в удобном, уютном кресле, может показаться, что такое путешествие не бог весть какая трудность, однако вспомните, как долго и тщательно приходится готовиться к пешему путешествию, и представьте опасности, ожидающие одинокого вестмена, вооруженного только ружьем и надеждой на собственные силы. Но именно эти опасности манят и завораживают. Мышцы вестмена словно выкованы из железа, а сухожилия отлиты из стали, его тело готово к любому труду и напряжению, а ум ясен настолько, что в самую трудную и опасную минуту позволяет найти выход из самого, казалось бы, безвыходного положения. Поэтому

вестмен предпочитает не оставаться надолго в цивилизованном мире, все его существо требует постоянных упражнений тела и духа. Он тоскует по дикой прерии и горным ущельям, где его на каждом шагу подстерегает смерть, и чем больше опасность, тем лучше он себя чувствует. Опасность — его стихия, она придает ему уверенности и позволяет проверить на деле собственные силы.

У меня было все необходимое для такого путешествия. Все, кроме лошади, без которой никто не отваживается отправиться в эту мрачную и кровавую страну. Однако это обстоятельство не очень беспокоило меня. Старого мерина, дотащившего меня на своей спине до Омахи, я продал и сел в поезд в надежде, что в прерии сумею поймать резвого дикого мустанга и объездить его, как я уже иногда и поступал.

В те годы движение поездов только начиналось. Вдоль железнодорожного полотна работали еще люди, строили мосты, разъезды, укладывали рельсы и восстанавливали то, что было преднамеренно разрушено. То тут, то там, словно грибы после дождя, выросли поселки или попросту палаточные лагеря, в которых жили рабочие. Индейцы считали, и не без оснований, строительство дороги посягательством на земли их отцов и часто совершали набеги, жгли, грабили и разрушали железнодорожное полотно.

Но были враги и опаснее краснокожих.

В цивилизованных восточных штатах, где начал утверждаться порядок, не оставалось места для людей, не желающих жить по закону, и весь этот сброд уходил в прерии. Собравшись в шайки, подонки общества, которые живут тем, что добывают грабежом, нападали на поселки рабочих и на поезда. Их называли рейлтраблерами, то есть «разрушителями рельсов», так как они обычно разбирали полотно, пускали под откос поезд, а затем добивали и грабили уцелевших пассажиров. Бандиты не знали жалости ни к кому, и им платили той же монетой. Рабочие с оружием в руках оберегали свой участок, и схваченного и уличенного рейлтраблера ждала верная смерть.

Итак, в одно прекрасное воскресенье я сел на поезд и выехал из Омахи. Никто из пассажиров не обратил на себя моего внимания, все они были обычными городскими жителями, впрочем, и я сам внешне ничем не отличался от них. Только на следующий день в Фремонте в вагон вошел человек, чей вид возбудил во мне сильнейшее любопытство. Он сел рядом со мной, так что я мог рассматривать его, сколько душе угодно. Увидев его, посторонний наблюдатель вряд ли сумел бы сдержать улыбку. Я давно привык к, мягко говоря, своеобразной внешности охотников и бродяг, но и

то с трудом сохранил серьезность. Это был очень толстый коротышка, такой круглый, что его можно было бы катить, как бочонок. На нем трещал по швам бараний полушубок мехом наружу. То, что когда-то было мехом, вытерлось и почти исчезло, только кое-где на лысой коже полушубка торчали островки шерсти. Полушубок некогда был в пору его владельцу, но со временем от снега и дождя, жары и холода настолько сел и уменьшился в размерах, что уже не застегивался на кругленьком брюшке, а рукава едва прикрывали локти. Под распахнутыми полами виднелись куртка красной фланели и кожаные штаны, когда-то, видимо, черные, а теперь отливающие всеми цветами радуги. Создавалось впечатление, что хозяин, как это обычно делают вестмены, использовал их в качестве полотенца, скатерти, салфетки и даже носового платка. Короткие штанины открывали посиневшие от холода голые щиколотки и пару грубых допотопных башмаков, чье будущее было туманно и непредсказуемо, зато трудное прошлое угадывалось с первого взгляда. Их подошвами, скроенными из толстой воловьей кожи и утыканными гвоздями, можно было раздавить крокодила. На голове толстяка торчком сидела шляпа с тульей в прорехах и такими же полями. Вместо пояса вокруг его живота была обмотана старая вылинявшая шаль, из-за которой торчали древний кавалерийский пистолет и охотничий нож. Там же висели мешочек с пулями и кисет с табаком, крохотное зеркальце, оплетенная рогожей манерка и четыре патентованные подковы, которые можно быстро привинтить к копытам лошади шурупами. Под мышкой он держал холщовый сверток — позже я узнал, что мой попутчик возил в нем бритвенные принадлежности, совершенно ненужные, на мой взгляд, в прерии. Однако самым необыкновенным в облике незнакомца была его физиономия. Гладко выбритая, она сияла и лоснилась, словно ее владелец только что вышел от парикмахера. Толстые отвислые щеки почти полностью скрывали нос-пуговку, карие живые глаза заплыли жиром. Когда он открывал рот, из-за толстых губ выглядывали два ряда столь ослепительно белых зубов, что я засомневался в их естественном происхождении. На левой щеке пристроилась бородавка, придававшая лицу смешное выражение.

Незнакомца, однако, ничуть не смущал его внешний вид. Он уселся напротив меня, зажав между жирных ног ружье, как две капли воды похожее на рухлядь моего старого друга Сэма Хокенса, бросил мне: «Добрый день» — и уставился в окно. Я его совершенно не интересовал, только час спустя он спросил у меня разрешения выкурить трубку. Меня его просьба несколько удивила, так как настоящим вестменам и в голову не приходит, что их поведение может кому-нибудь мешать или не нравиться.

— Курите сколько угодно, сэр, — ответил я. — И я заодно покурю с вами. Не хотите ли попробовать мою сигару?

— Спасибо, сэр, но я предпочитаю трубку, — отказался он. — Сигара для меня слишком большая роскошь.

Короткая прокуренная трубка с обгрызенным чубуком висела у него на шее на шнурке. Когда он набил ее табаком, я предложил ему спичку, но он отрицательно покачал головой и вытащил из кармана полушубка пункс — трапперскую «зажигалку», в которой от трения воспламеняется древесная труха.

— В прерии спички ни на что не годятся, — заметил он. — Все эти новомодные штучки гроша ломаного не стоят.

Мы снова замолчали. Коротышка курил зелье, по запаху больше похоже на листья грецкого ореха, чем на табак, а все его внимание поглощали просторы за окном вагона. Так мы доехали до станции у слияния рек Норт-Платт и Саут-Платт. Там он вышел, прошел к первому вагону, в котором везли животных, и заглянул туда. Вероятно, у него там была лошадь.

Вернувшись на свое место напротив меня, он молча просидел до обеда и, только когда поезд остановился в Шайенне, у подножья Блек-Хиллс, спросил:

— Вы не выходите здесь, сэр, чтобы пересесть на поезд, идущий в Колорадо через Денвер?

Настала моя очередь отрицательно покачать головой.

— Ну, что же, в таком случае мы остаемся попутчиками.

— Далеко ли вы едете? — спросил я.

— Как вам сказать? И да, и нет. Как захочется и как получится. А вы?

— Я еду в Огден.

— Ах, вот оно что! Вам захотелось посмотреть город мормонов?

— Сначала посмотрю город, а потом отправлюсь в горы Титон и Виндривер.

Толстяк недоуменно поглядел на меня.

— В горы? Да, в смелости вам не откажешь. Надеюсь, вы едете туда не один?

— Один.

Мой ответ развеселил его, и он принялся буравить меня своими крохотными глазками.

— Один? В горы Титон? Туда, где бродят индейцы-сиу и серые медведи? А вам когда-нибудь о них приходилось слышать?

— Не так уж много, но кое-что я о них слышал.

— Могу я вас спросить, сэр, кто вы такой?

— Я пишу книги.

Он не выдержал и громко расхохотался. Когда-то Сан-Иэр точно так же хохотал, услышав, что писатель собирается посетить Скалистые горы, к тому же в одиночку.

— Достойное занятие! — громко смеялся мой спутник. — Небось вознамерились написать книгу о горах Титон?

— А почему бы и нет?

— А вам когда-нибудь приходилось читать книгу с хорошим описанием индейца или медведя?

— Разумеется, — ответил я без улыбки.

— И вам кажется, что вы тоже сможете поразить читателей таким же описанием?

— Думаю, что смогу.

— И у вас наверняка имеется упакованное в чехол ружье?

— А разве можно отправляться в такое путешествие без ружья?

— Послушайтесь доброго совета, сэр. Выходите из поезда, пока он не тронулся, и возвращайтесь домой. Вы, правда, выглядите неплохо, и силы вам не занимать, однако я сомневаюсь, что вы сумеете подстрелить белку, не говоря уж о медведе. Книжки помutilи ваш разум. Да от одного взгляда на дикую кошку вы упадете замертво, а мне жаль вашей молодой жизни. Вы читали Купера?

— Да, и с большим удовольствием.

— Так я и думал. К тому же вы, наверное, наслушались рассказов про Виннету, Олд Шеттерхэнда, Длинного Галлера и других известных вестменов.

— О, я очень много слышал о них, — скромно ответил я.

Толстяк откровенно веселился, не подозревая, что меня наша беседа забавляет не меньше, чем его.

— Книжки, — поучал он меня, — опаснее всякой заразы. Читать их, конечно, приятно, может быть, приятно и писать, но не принимайте все, что в них наплетено, за правду. Мне вас искренне жаль! Вождь апачей Виннету готов сразиться с тысячей чертей, и можете быть уверены, что он победит их. Олд Шеттерхэнд еще никогда не промахнулся, к тому же он одним ударом кулака разmozжит голову любому краснокожему. Если кто-нибудь из них скажет мне, что собирается в Титон, я удивлюсь их смелости, но все же поверю, что они так и сделают. Но вы?! Где ваша лошадь?

— У меня ее нет.

Мое откровенное и, как ему показалось, наивное признание

позабавило его еще больше.

— Ха-ха-ха! Он собрался в Титон без лошади! А вы часом не сошли с ума, сэр?

— По-моему, нет. Если мне понадобится лошадь, я ее куплю или поймаю.

— Где?

— Где будет удобнее.

— Вы хотите это сделать в одиночку?

— Попытаюсь.

— Вашей самоуверенности можно позавидовать, сэр. Я вижу, у вас на плече висит лассо, но бьюсь об заклад, что вы его и на старый пенек не набросите, не то что на мустанга.

— Почему же?

— Хотите обижайтесь, хотите нет, но я скажу прямо: вы не способны на подвиги.

— С чего вы взяли?

— Да это же ясно, как день! Посмотрите на себя и на настоящего вестмена. На вас все новенькое, с иголки: сапоги сверкают как зеркало, штаны из лосиной кожи еще не протерлись, на рубашке индейская вышивка! Шляпа обошлась вам не меньше чем в двадцать долларов, а нож и револьвер наверняка еще никому не причинили вреда. Вы стрелять-то умеете, сэр?

— Немножко. Когда-то я состоял членом Общества стрелков, а однажды даже выиграл состязание, — похвастался я с серьезным видом, кстати, нисколько не погрешив против истины.

— Боже, вы выиграли состязание! Какой успех! Вы стреляли в деревянную птицу и попали! Умоляю вас, немедленно возвращайтесь домой, не то вас ждет гибель.

— Поживем — увидим. Где теперь Олд Шеттерхэнд, о котором вы упомянули?

— Кто может знать, где он? Недавно я заехал на Фокс-Хет и встретил там Сан-Иэра. Наверняка о нем вам тоже приходилось слышать. Он долго путешествовал в обществе Олд Шеттерхэнда и сказал мне, что тот уехал то ли в Европу, то ли в Африку, в пустыню Сахару. Говорят, он часто ездит туда и сражается с местными краснокожими, которых почему-то зовут арабами. Его не зря прозвали Шеттерхэндом, одним ударом кулака он сбивает с ног любого верзилу. Посмотрите теперь на свои руки. Они белые и мягкие, сразу видно, что вы зарабатываете на жизнь тем, что мараете бумагу, и, кроме пера, не держали в руках другого оружия. Послушайтесь

моего совета и возвращайтесь поскорее домой. Дикий Запад не для таких джентльменов, как вы.

Он предупредил меня и, считая, что выполнил свой долг, умолк, а я и не пытался возобновить разговор.

Поезд миновал станцию Шерман, снова наступил вечер. На рассвете мы проехали Ролинс. За ним простиралось пустынное плоскогорье, поросшее полынью. Оно неплодородно, лишено рек и каких бы то ни было водоемов и похоже на Сахару, но без единого оазиса. Однообразный угрюмый пейзаж подавляет человека.

Именно в таком негостеприимном и мрачном месте находится железнодорожная станция, которую назвали Горьким Ручьем, хотя никакого ручья там нет и в помине, а воду приходится возить в бочках за семьдесят миль. Возможно, когда-нибудь и здесь начнется настоящая кипучая жизнь, так как в недрах гор нашли неисчерпаемые запасы угля.

Вскоре мы миновали станции Карбон и Грин-Ривер. Теперь от Омахи нас отделяло восемьсот пятьдесят миль. Грустный пейзаж остался позади, появилась растительность, а холмы на горизонте приобрели яркие, сочные тона. Внезапно паровоз издал несколько частых и пронзительных гудков, какими машинист обычно предупреждает о приближающейся опасности. Заскрежетали тормоза, поезд остановился, и пассажиры высыпали из вагонов. Мы увидели жуткую картину. Вокруг валялись обгоревшие остовы вагонов, по-видимому, ночью бандиты сорвали рельсы, и поезд с рабочими и продовольствием на полном ходу свалился с высокой насыпи. Тут и там лежали обуглившиеся останки людей, то ли погибших при крушении поезда, то ли убитых грабителями, уничтожавшими свидетелей преступления.

К счастью, машинист заранее заметил опасность и успел затормозить, в противном случае и наш поезд полетел бы под откос. Паровоз остановился всего в нескольких метрах от того места, где обрывались рельсы.

Возбужденные страшной картиной крушения, люди бродили между обгоревших обломков, призывая кару господню на головы грабителей. Машинист собрал мужчин, и те принялись чинить железнодорожное полотно, благо в каждом американском поезде есть необходимые для такой работы инструменты и материалы. Тем временем я решил поискать следы грабителей. Местность была открытой, вокруг росла высокая трава, кое-где виднелись заросли кустарника. Сначала я отошел назад и осмотрелся. Бандиты могли прятаться только справа от дороги, там, где росли кусты.

Действительно, в трехстах шагах от места катастрофы я обнаружил

смятую траву, там не так давно сидели люди. По их же следам я нашел укрытие, где они прятали лошадей. Пойдя дальше, я встретил у насыпи толстяка-попутчика, который делал то же, что и я, но по левую сторону от насыпи.

— Что вы тут делаете, сэр? — с удивлением спросил он меня.

— Пытаюсь подражать вестменам. Ищу следы бандитов.

— Вы? Что может разглядеть в траве гринхорн? Это были опытные и опасные негодяи, они сумели замести следы так, что даже я ничего не нашел.

— Иногда у гринхорна глаза зорче, чем у вестмена, сэр, — ответил я с улыбкой. — Почему вам вздумалось искать следы слева от дороги? Если вы действительно бывалый житель прерии, то должны были сразу увидеть, что слева нет ни одного куста и, значит, там негде сесть в засаду.

Толстяк посмотрел на меня так, словно впервые видел, помолчал и наконец произнес:

— Ну что же, должен признать, что вы сообразили правильно. Заметили что-нибудь?

— Да.

— Что именно?

— Они сидели вон в тех кустах, а лошадей держали в орешнике.

— Я непременно должен осмотреть все сам. У вас глаз неопытный, и вы не могли сосчитать коней.

— Двадцать шесть.

Толстяк снова удивленно воззрился на меня.

— Двадцать шесть? — повторил он с недоумением и недоверием в голосе. — Откуда вы взяли?

— Меня еще в школе научили считать, — рассмеялся я. — Восемь из них подкованы, остальные — нет. О бандитах можно сказать, что среди них двадцать три белых и трое индейцев. Их белый главарь ездит на гнедом мустанге и хромает на левую ногу. Вождь индейцев, сопровождавший их, из племени сиу-оглалла, у него прекрасный вороной жеребец.

Лицо толстяка вытянулось, рот открылся, он смотрел на меня остекленевшим взглядом, словно на привидение.

— Тысяча чертей и одна ведьма! — вскричал он, очнувшись от оцепенения. — Да вы просто-напросто все это выдумали! Вы же писатель!

— Посмотрите сами, — предложил я ему.

— Откуда вам знать, сколько было белых и сколько краснокожих? Их всех давно и след простыл! Как вы могли определить, кто на какой лошади ездит и на какую ногу хромает? Вы в глаза не видели живого индейца, а

беретесь угадывать, из какого они племени!

— Сначала посмотрите сами, а потом будем спорить, У кого глаз острее, у вестмена или у гринхорна.

— Так и быть. Иду! Лопни мои глаза, если вы все это не насочиняли!

Посмеиваясь, он самонадеянно и торопливо зашагал к кустарнику, на который я ему указал.

Он долго ползал на четвереньках по следам, считал и пересчитывал отпечатки копыт. Я ходил за ним по пятам, с улыбкой наблюдая, как он из кожи вон лезет чтобы доказать свое превосходство. Наконец он выпрямился, повернулся ко мне и сказал:

— Вы не ошиблись, в отряде разбойников действительно было двадцать шесть человек. Действительно восемь лошадей были подкованы, а остальные — нет. Но все остальное — суцая выдумка и небылица! Вот здесь они сидели в засаде, а там стояли их лошади. Больше ничего по следам узнать нельзя!

— Тогда идите за мной. Мне очень жаль, но сейчас гринхорн преподаст урок вестмену.

— С удовольствием, — ехидно ответил он, покачивая головой.

— Здесь стояли их лошади, вы сами видели отпечатки копыт. Обратите внимание — трех из них держали отдельно от остальных и стреножили им не передние ноги, а связали переднюю правую и заднюю левую. Такие путы используют индейцы, а не белые.

Толстяк наклонился, измерил расстояние между отпечатками копыт и перестал покачивать головой.

— Боже, вы и в самом деле правы! Здесь стояли индейские кони!

— Продолжим урок. Обратите внимание на эту лужу. Возле нее краснокожие мыли лица и наносили на них боевые краски. Видите круглые углубления в земле? Здесь стояли мисочки с красками, которые, как известно, сделаны на медвежьем жиру. На солнце жир растаял, и несколько капель упали в траву. Присмотритесь: черная, красная и две голубых капельки.

— Вижу.

— А разве черный, красный и голубой цвет — это не боевые краски оглала?

Толстяк кивнул в знак согласия. На его недоуменном лице легко читалось то, о чем молчали губы.

— Пойдемте дальше, — продолжал я. — Судя по следам, когда бандиты приехали сюда, они остановились вон у того болотца. Кони стояли там долго, отпечатки копыт глубокие, и вода заполнила их до краев. Двое

проехали вперед осмотреть местность, и это могли быть только вождь индейцев и главарь шайки. Естественно, конь белого был подкован, а индейца — нет. К тому же краснокожие сидят почти на шее лошади, поэтому жеребец вождя ступал тяжелее передними ногами, а жеребец главаря — задними.

— Вынужден признать, что вы правы, но как...

— Не торопитесь, всему свое время, — перебил его я. — Будьте теперь повнимательнее. Вот здесь жеребцы принялись кусать друг друга. То, что это были жеребцы, не вызывает сомнения, так как кобылы более смирны и не станут драться после длительной утомительной скачки.

— Но как вы узнали, что жеребцы покусали друг друга?

— Присмотритесь к следам. Здесь конь индейца прыгнул на коня белого. Надеюсь, с этим вы согласитесь? На траве остались каштановые волоски — они из гривы. А вот там лежат черные волосы из хвоста. Следы говорят, что здесь жеребец вождя вцепился зубами в гриву коня белого и потрепал ее. Хозяин осадил его и погнал вперед, и тогда обиженный гнедой вцепился ему в хвост, вот почему между каштановыми и черными волосами расстояние в несколько шагов. Теперь даже гринхорну становится ясно, что лошадь индейца вороная, а белого — гнедая. Пойдемте дальше. У насыпи они спешили. На мягком песке следы видны хорошо, как нигде. Присмотритесь. У белого одна нога оставляет более глубокий отпечаток, откуда можно сделать вывод, что он хромает. Должен признать, что бандиты вели себя крайне неосторожно и даже не попытались замести следы. Это значит, что они чувствовали себя в безопасности, что может иметь две причины.

— Какие?

— Первая: они собирались в тот же день уехать подальше и убежать от погони. Однако их лошади устали, и я думаю, что вероятнее вторая причина: поблизости находится большой отряд, к которому они всегда могут присоединиться. К тому же трое индейцев никогда не доверились бы двум с лишним десяткам бледнолицых грабителей, поэтому я готов биться об заклад, что к северу отсюда разгуливает отряд вышедших на тропу войны оглала. Там и следует искать железнодорожных грабителей.

Толстяк в изумлении смотрел на меня.

— Боже! — простонал он. — Кто же вы такой на самом деле?

— Я вам уже сказал.

— Ну уж нет, позвольте вам не поверить. Вы не гринхорн и не бумагомаратель. Вы такой чистый и опрятный, что могли бы сыграть роль вестмена в оперетке. Начищенные до блеска сапоги и новенькое оружие

бывают только у гринхорна, но я не знаю ни одного вестмена, который бы умел так читать следы. Боже мой, а я-то думал до сих пор, что тоже кое на что способен, но оказывается, я вам и в подметки не гожусь!

— Однако я и в самом деле писатель. Правда, мне приходилось не раз путешествовать по прерии, и кое-чему я научился.

— А теперь вы действительно собираетесь в горы Виндривер?

— Ну конечно!

— Но для этого недостаточно уметь читать следы. Думаю, что для такого путешествия вам кое-чего не хватает.

— Чего же?

— Осмотрительности. Я бы на вашем месте не несся туда сломя голову, а прежде всего попытался бы найти себе лошадь.

— Я найду ее.

— Где?

— Для начала куплю клячу на станции, а затем выберу в диком табуне мустанга получше и поймаю его.

— Вы такой хороший наездник, что можете объездить мустанга? И откуда вам известно, что на Виндривер будут табуны диких лошадей?

— Разве вы не знаете, что в это время стада бизонов и мустангов перекочевывают на север?

— Знать-то я знаю, да не уверен, что вы справитесь с мустангом.

— А вы хотите устроить мне экзамен? — засмеялся я.

— Небольшой, но все же экзамен, — подтвердил он с серьезным лицом. — Я делаю это с определенной целью.

— Могу я узнать, с какой?

— Немного позже. Сначала вы покажете мне, как стреляете. Принесите ваше ружье.

Конечно, я мог сразу же сказать ему, что я Олд Шеттерхэнд, и поставить его на место, но он меня очень забавлял, поэтому я молча подчинился, поднялся в вагон и взял свои завернутые в одеяла ружья. Пассажиры, издали наблюдавшие за нами, в ту же минуту подошли и окружили нас. Американец, в особенности житель Запада, никогда не откажет себе в удовольствии поглазеть на состязание в стрельбе.

Когда я развернул одеяло, толстяк удивленно воскликнул:

— Тысяча чертей и одна ведьма! Да ведь это настоящий штуцер мастера Генри! Сколько в нем зарядов?

— Двадцать пять.

— Ого! Я о таком и не слышал! Боже, как я завидую вашему оружию!

— А вот я предпочитаю флинт, — ответил я, разворачивая второй

сверток.

— Сразу видно, что вы ничего не смыслите в оружии, если предпочитаете новенькую, блестящую от смазки хлопушку, — с издевкой произнес толстяк.

— Не хотите ли вы посмотреть на клеймо мастера, сэр? — охладил его я, протягивая ему карабин.

Он бросил беглый взгляд на казенную часть и подпрыгнул от удивления.

— Извините, сэр, — вымолвил он растерянно, — это совсем другое дело. Flintы с таким клеймом можно пересчитать по пальцам. Мне даже как-то говорили, что сам Олд Шеттерхэнд пользуется таким же. Но как к вам попал этот шедевр оружейного искусства? А может быть, клеймо подделано? Наверное, так оно и есть, потому что не очень-то похоже, чтобы ваш флинт часто стрелял.

— Давайте испытаем его. Куда мне стрелять, сэр?

— Ну, — протянул он, оглядываясь по сторонам, — пальните-ка дробью вон в ту птицу на кусте.

— Расстояние слишком большое! — заметил кто-то из пассажиров.

— Посмотрим, большое оно или нет, — ответил я.

Когда я вытащил из кармана очки и водрузил их на нос, лицо толстяка расплылось в широкой улыбке.

— Ха-ха-ха! Так вы собираетесь путешествовать в очках? Где же это видано?!

Остальные тоже засмеялись, а я совершенно серьезно спросил:

— Что вас так веселит, господа? У человека, тридцать лет просидевшего за книгами, зрение становится не таким острым. В конце концов, лучше стрелять метко в очках, чем палить мимо цели без них.

— Вы совершенно правы, сэр, — потешался коротышка. — Хотел бы я посмотреть на вас, когда вы нос к носу столкнетесь с краснокожими! Пока вы будете протирать и надевать очки, с вас десять раз успеют снять скальп. Ну вот, вам и тут не везет, стоило вам взять в руки ружье, как птица упорхнула.

— Не беда, поищем другую цель, — ответил я хладнокровно.

Полетав над нами, птица села на куст в двадцати шагах от нас, попасть в нее не составляло труда даже плохому стрелку. Но тут высоко в небе послышалось пение жаворонка.

— Вы видите жаворонка, джентльмены? — спросил я, задирая голову. — Попробую-ка я достать его оттуда.

— Бросьте вашу затею! — воскликнул толстяк. — Чего доброго

наделаете дробью дырок в небе, и оттуда пойдет дождь. Такое не по плечу самому Олд Файерхэнду и старику Сан-Иэру!

— Поживем — увидим, — ответил я, поднял вверх оружие и нажал на курок.

— Я же говорил вам! — злорадствовал толстяк. — Птица испугалась выстрела и улетела.

— Сейчас вы увидите, зачем мне нужны очки, — ответил я, откладывая флинт в сторону. — Жаворонок лежит шагах в восьмидесяти от нас прямо на рельсах.

Пассажиры гурьбой побежали туда, куда я им указал, и несколько минут спустя принесли птицу. Толстяк долго переводил взгляд с меня на мертвого жаворонка и наконец воскликнул:

— Черт возьми, вы действительно попали в него, к тому же не дробью, а пулей.

— Вы хотели, чтобы я стрелял дробью? А мне говорили, что вестмены не опускаются до стрельбы дробью, для них это детские игры.

— Простите, сэр, — начал извиняться коротышка, — но я еще никогда не был свидетелем подобного выстрела. А может быть, это случайность? — и он хитро посмотрел на меня.

— Укажите мне на другую цель.

— Не стоит. Я верю вам, сэр. Наверное, вы хотели подшутить надо мной и прикинулись гринхорном. Ну что же, смейтесь на здоровье, я человек необидчивый. Прошу вас, давайте отойдем в сторону.

Он потянул меня за собой, к тому месту, где мы осматривали следы, оставленные шайкой. Там он достал из кармана лист бумаги и приложил его к одному из отпечатков копыт гнедого жеребца, принадлежащего главарю.

— Все сходится, — задумчиво произнес он. — Сэр, скажите мне честно: вы можете распорядиться своим временем? Не согласитесь ли вы отложить путешествие в Титон?

— В настоящее время я свободен и могу делать все, что мне заблагорассудится.

— Прекрасно. Вам когда-нибудь приходилось слышать про Фреда Уокера? Его еще называют Толстяком Уокером.

— Да, говорят, что он опытный вестмен и хороший следователь, к тому же знает несколько индейских диалектов.

— Так это я и есть, сэр.

— Я так и думал. Вот вам моя рука. Рад с вами познакомиться, сэр.

— Надеюсь, что скоро мы познакомимся поближе. Дело в том, что у

меня есть веские основания искать встречи с неким Геллером. Его совесть и раньше была нечиста, а теперь он возглавил шайку беглых преступников. На этой бумаге вы видите отпечаток копыт его коня, он в точности совпадает с найденными нами следами. А так как Геллер хромает на правую ногу, я совершенно уверен: здесь побывал он, и никто другой.

— Геллер? — переспросил я. — Вам известно его имя?

— Его настоящее имя Сэм, но он пользуется разными именами.

— Сэмюэль Геллер? Кажется, я слышал о нем. Не он ли служил бухгалтером у нефтяного короля Реллоу? Говорят, он сбежал от хозяина, прихватив целую кучу денег.

— Да, это он. Мерзавец уговорил кассира открыть сейф и бежать вместе с ним, а потом пристрелил его, чтобы не делиться. В погоню за ним пустились двое полицейских, но он убил их. Его схватили в Новом Орлеане, когда он садился на судно, уходящее в Мексику. Геллеру чертовски везет — накануне суда он задушил тюремного сторожа и бежал. На Востоке ему уже нельзя было оставаться, и он подался на Дикий Запад, где до сих пор безнаказанно грабит и убивает. Пора показать ему, что у закона длинные руки.

— Вы хотите поймать его?

— Он будет мой, живой или мертвый.

— У вас с ним личные счеты?

Толстяк Уокер какое-то время молча смотрел в землю, а потом сказал:

— Мне не хотелось бы раскрывать все карты, сэр По крайней мере сейчас, когда мы так мало знаем друг друга. Вам не кажется странным, что я ехал на этом поезде, но еще долго искал бы Геллера, не обрати вы мое внимание на его следы? Без вас я не догадался бы что главарь шайки ездит на гнедом жеребце и хромает. Поэтому я сейчас же сойду с поезда и пушусь в погоню за Геллером. Не согласитесь ли вы, сэр, составить мне компанию?

— Но ведь я гринхорн! — рассмеялся я весело.

— Ну что вы, сэр! Я не хотел вас обидеть! Не обращайтесь внимания на мои слова. Меня ввел в заблуждение ваш внешний вид: судя по нему, вам место в светском салоне, а не в прерии. Никогда в жизни мне не доводилось встречать человека, который преспокойно водружает на нос очки и целится в птицу в поднебесье. Я виноват и прошу меня извинить. Итак, вы согласны составить мне компанию?

— А не лучше ли будет присоединиться к людям, которые скоро прибудут сюда с соседней станции, чтобы пуститься вдогонку за бандитами?

— И не говорите мне об этом! От них будет мало проку. Один вестмен стоит больше, чем целая толпа сброда. Да, дело нам предстоит опасное, но я думаю, что вам не чужда жажда приключений, а острые ощущения я вам обещаю, и в большом количестве.

— Ничего не имею против острых ощущений, — ответил я, — но мне не нравится совать нос в чужие дела. Мне безразличен Геллер, к тому же я не уверен, что буду для вас желанным товарищем.

Фред Уокер хитро прищурился, его маленькие глазки сверкнули, и он сказал:

— Вы говорите одно, а думаете совсем другое: подойду ли я вам? Разве не так? Давайте говорить начистоту. Толстяк Уокер не спешит знакомиться с каждым встречным, я предпочитаю путешествовать в одиночку, но если уж беру кого-нибудь к себе в компанию, то этот человек должен заслужить мое доверие. Вы меня понимаете?

— И я придерживаюсь того же мнения. Выбирать себе спутника необходимо крайне осторожно. Ведь бывает так, что встретишься с приятным на первый взгляд человеком, ложишься спать вечером, а поутру и вашего товарища, и вашей лошади след простыл. Но это еще полбеды, бывает и хуже.

— Господи! Неужели вы думаете, что я способен на такую подлость?

— Нет, не думаю, — ответил я, — так как по вас видно, что вы человек честный. К тому же, насколько я знаю, среди полицейских негодяев почти не бывает.

Толстяк изменился в лице и воскликнул:

— О чем вы, сэр?

— Успокойтесь, мистер Уокер. Внешне вы не похожи на полицейского, именно потому, наверное, вы хороший сыщик. Я вас раскусил, но в будущем соблюдайте осторожность. Как только в прерии станет известно, что Толстяк Уокер разъезжает взад и вперед, чтобы выследить нескольких бежавших от правосудия джентльменов, его похождения на Диком Западе закончатся раз и навсегда.

— Вы ошибаетесь, сэр! — пытался переубедить меня коротышка.

— Вам нечего волноваться, я принимаю ваше приглашение. Мне будет приятно задать хорошую взбучку этим негодьям. Опасности меня не пугают, так как в прерии с ними приходится встречаться чуть ли не каждую минуту. Однако меня настораживает то, что вы скрывали от меня свои намерения. Когда я соглашаюсь принять участие в таком деле, я должен знать, кто будет моим товарищем.

Фред Уокер задумчиво смотрел в землю, затем поднял взгляд на небо,

наконец перевел глаза на меня и произнес:

— Хорошо, сэр, я откроюсь вам. Несмотря на ваш вид, в вас есть нечто, что заставляет меня, старого вестмена, поверить вам. Я наблюдал за вами в вагоне, и вы мне понравились. Обычно я избегаю знакомств, я нелюдим, но на этот раз мне хочется, чтобы вы были со мной, поэтому я буду откровенен с вами. Я работаю на частное сыскное агентство из Сент-Луиса, которое возглавляет доктор Сунтер. Мне поручили выслеживать беглых преступников. Как вы понимаете, дело это не из самых приятных, однако есть работа, и я отдаю ей все мои силы и умение. Потом, когда у нас будет больше времени, я расскажу вам, почему мне пришлось пойти в сыщики. Поверьте, меня вынудили обстоятельства. А пока я спрашиваю вас еще раз: вы составите мне компанию?

— Вот вам моя рука. Я готов преодолевать вместе с вами все трудности, опасности и невзгоды.

Он пожал мою руку с радостью на лице.

— Вы честный человек, сэр, и я вам верю. Благодарю вас. Надеюсь, мы подружимся. Только, ради Бога, не обращайтесь ко мне «мистер Уокер», я привык, что меня зовут просто Фред, и охотно откликаюсь на это имя. Позвольте заодно узнать, как зовут вас.

Я назвал свое настоящим именем и фамилией и добавил:

— А вы зовите меня просто Чарли. Однако смотрите, рельсы уже починили. Скоро поезд тронется в путь.

— Тогда надо спешить, я должен еще вывести из вагона моего Виктори. Когда вы его увидите, пожалуйста, не пугайтесь. Он не блещет красотой, зато носит меня уже лет двенадцать, и я предпочитаю его самому горячему жеребцу. У вас осталось что-нибудь в вагоне?

— Нет. Может быть, сказать пассажирам, что мы намерены делать?

— Ни в коем случае. Чем меньше людей знает о нас, тем в большей мы безопасности.

Толстяк Уокер подошел к вагону с животными и приказал открыть дверь. Поезд стоял на высокой насыпи, деревянных мостков не было, и я недоуменно ждал, как он выведет лошадь. Но все произошло совсем иначе, чем я себе представлял.

— Виктори, ко мне! — позвал Фред.

При звуке своего имени старый конь выглянул, осмотрелся, прижал по-заячьи уши и одним прыжком преодолел расстояние от двери вагона до земли. Все, кто были свидетелями его прыжка, захлопали в ладоши, а конь, словно понимая, что действительно заслужил рукоплесканий, взмахнул хвостом и заржал.

Имя Виктори, то есть Победа, никак не подходило к нему. Это был худой тонконогий гнедой конь, не менее двадцати лет от роду. Грива его вылезла, а вместо хвоста висела пара пучков жестких волос, зато его ушам мог бы позавидовать кролик. Несмотря на невзрачный вид коня, я сразу понял, что стоит он многого. А когда один из зрителей протянул руку, чтобы приласкать его, он взбрыкнул и попытался отплатить укусом за непрошеную ласку. Виктори был под седлом и взнуздан, поэтому Фред сел на него и преспокойно, ни на кого не обращая внимания, направился прочь от поезда. Я последовал за ним. Никто не пытался остановить нас или хотя бы расспросить, почему мы покидаем поезд и куда направляемся. Никому не было до нас дела.

Отъехав от поезда, Толстяк Уокер остановился, поджидая меня.

— Теперь, Чарли, — сказал он, — не мешало бы и вам раздобыть лошадь.

— Скоро она у меня будет. На вашем красавце Виктори я быстро поймаю мустанга.

— На Виктори? И не надейтесь! Он не позволит вам сесть в седло. Придется заняться ловлей мустанга мне.

— Позволит или нет — это мы еще посмотрим.

— Уверяю вас, так оно и будет. Мы могли бы пока ехать по очереди, чтобы вы не очень устали, но Виктори непременно сбросит вас.

Я не стал переубеждать Фреда. Тем временем паровоз со свистом выпустил клуб пара, колеса завертелись, и поезд продолжил путь на Запад. Через несколько минут он исчез вдали.

— Повесьте тяжелый флинт на мое седло, — предложил Фред.

— Спасибо, — отказался я, — но я считаю, что уважающий себя стрелок не должен расставаться с оружием ни на минуту. Можете пустить Виктори рысью. Я хороший ходок и не отстану от вас.

— В путь!

Взвалив на спину свои небогатые пожитки и повесив на плечо штуцер и флинт, я пустился в обществе Толстяка Уокера в погоню за железнодорожными грабителями.

Их следы вели на север и были так хорошо видны на траве, что нам не составляло труда преследовать грабителей. Около полудня мы остановились, чтобы дать отдых старику Виктори, а сами воспользовались короткой передышкой, чтобы перекусить. Отсутствием аппетита не страдали ни Толстяк Уокер, ни я, поэтому после обеда у нас буквально не осталось ни крошки. Однако это обстоятельство нас совершенно не огорчило, так как охотник, у которого всегда под рукой ружье, не рискует

умереть от голода в прерии. Вестмены говорят, что, пока патронташ полон, не будет пуст и желудок.

Мы ехали по невысоким холмам, поросшим высокими травами и лесами. След петлял вдоль речушки с песчаными берегами. К вечеру мне посчастливилось добыть жирного енота, и когда стемнело, мы нашли глубокий овраг с каменистыми склонами, где можно было развести костер, не опасаясь, что кто-то заметит огонь. Место показалось нам таким надежным, что мы даже решили не стоять на часах, и преспокойно улеглись спать.

С рассветом мы продолжили погоню и после полудня обнаружили место, где сделали привал бандиты. Судя по тому, что ночью они развели несколько костров прямо на равнине, негодяи совершенно не опасались погони. Поскольку они опережали нас на день пути, мы тоже не боялись неожиданной встречи с ними, а других следов человека мы в дороге не обнаружили. Поэтому, когда следы свернули в сторону от реки и повели к лесу, нам и в голову не пришло скрываться в зарослях.

Однако у первых деревьев мы остановились как вкопанные, в следующее мгновение Фред уже бросился на землю, укрывшись за Виктори, а я, со штуцером в руках, мчался к ближайшему толстому буку. Прямо впереди нас из-за деревьев выехал краснокожий, восседавший на вороном жеребце. За ним в поводу шла вторая навьюченная лошадь.

Как только индеец заметил нас, он молниеносно спрыгнул с коня, встал за ним, как за живым щитом, и направил на нас свое ружье. Его движения были столь быстры, что я даже не успел рассмотреть ни его лица, ни фигуры.

Едва я укрылся за толстым стволом, как в него ударила пуля. Опоздай я на десятую долю секунды, и она настигла бы меня. Краснокожий чутьем понял, что я представляю для него большую опасность, чем Фред — к Фреду он мог подобраться вплотную, прячась за деревьями.

Услышав выстрел, я опустил штуцер. Почему? Всякий опытный вестмен знает, что каждое ружье обладает своим собственным неповторимым звуком. Обыкновенный городской житель не сумеет отличить выстрелы из двух разных ружей, однако жизнь в прерии обостряет слух до такой степени, что звук знакомого оружия невозможно спутать даже среди частой пальбы. Бывают случаи, когда годами не видевшие друг друга трапперы узнают друг друга по звуку выстрелов.

Так произошло и со мной. Я никогда не забуду звук выстрела того ружья и никогда не спутаю его ни с каким другим. Это была знаменитая двустволка вождя апачей Виннету с ложей, обитой серебряными гвоздями.

Но в чьих руках было его ружье? Неужели им завладел кто-то другой?

— Не стреляй! — крикнул я на языке апачей. — Я твой друг!

— Я не знаю, кто ты! — последовал ответ. — Покажись!

— Ты Виннету, вождь апачей?

— Это я!

Выйдя без опасений из-за деревьев, я направился к нему.

— Чарли! — воскликнул он радостно, и мы обнялись. — Чарли! Друг мой, брат мой! — повторял он в волнении, столь несвойственном краснокожим. — Мои глаза — твои глаза, мое сердце — твое сердце!

Эта неожиданная встреча всколыхнула и мои чувства, слезы радости застлали мне глаза. Виннету долго смотрел на меня с любовью и прижимал к груди, пока наконец не вспомнил, что мы не одни.

— Кто этот человек? — спросил он, указывая на недоумевающего Фреда.

— Хороший человек и мой друг. Надеюсь, он станет и твоим другом, — ответил я.

— Как его имя? — последовал новый вопрос.

— Толстяк Уокер, — представил я ему Фреда, умышленно называя вестменскую кличку, хорошо известную в прерии.

Апач, перенявший многие обычаи белых, протянул Фреду руку.

— Друг моего брата — мой друг! — провозгласил он. — Наверное, злой дух помешал мне узнать моего брата, и я поднял на него оружие. К счастью, голос моего ружья знаком Чарли. Но что привело вас в эти края?

— Мы преследуем врагов. Ты видел их следы?

— Да. Какие краски на лицах людей, по чьему следу вы идете?

— Это бледнолицые и сиу-оглала.

Виннету грозно нахмурил брови и выразительно положил руку на рукоять томагавка, торчавшего за поясом.

— Сыновья оглала похожи на полевых мышей, трусливо бегающих у своих нор. Я раздавлю их! Могу я пойти с моим братом Чарли?

Вождь апачей предлагал нам свою помощь, и я с благодарностью принял ее по двум причинам. Во-первых, Виннету стоил двух десятков вестменов, а во-вторых, меня обрадовало, что он сам пожелал присоединиться к нам.

— Великий вождь апачей, — ответил я ему в принятом среди краснокожих духе, — прибывает к нам, как желанный луч солнца в зимнее утро. Пусть его томагавк станет нашим!

— Моя рука — ваша рука, моя жизнь — ваша жизнь. Хуг! Я все сказал!

Выражение лица Фреда Уокера говорило о том, что апач произвел на него неизгладимое впечатление. Долгое время путешествуя с Виннету, я знал, как к нему относились и друзья и враги, знакомые и те люди, которые видели его впервые. Слава вождя была такова, что многие мечтали посмотреть на него хотя бы одним глазком. Часто его представляли себе краснокожим гигантом, хитрым и безжалостным. На самом же деле он был совершенно иным.

Среднего роста, широкоплечий, он был очень узок в бедрах, что выгодно подчеркивало его мужественный облик. О том, как он двигался, следует сказать особо. Даже если читатель никогда не видел воочию, как движется пантера, он, во всяком случае, может представить эту огромную, сильную и грациозную кошку, которая легко и неслышно ступает, легко, словно шутя, взмывает в невероятном прыжке и так же легко и словно шутя ломает одним ударом лапы хребет своей жертве. В то же время пантера — благородное животное, не убивающее без нужды. Таким был и Виннету. А если к этому добавить, что он во всех случаях стремился утвердить справедливость, то читатель без труда представит его себе.

Он резко отличался от многих краснокожих чистоплотностью и опрятностью. Вот и сейчас Фред Уокер не мог оторвать взгляд от его белоснежного индейского костюма тонкой замши с узорами из игл дикобраза, на котором не было видно ни малейшего пятнышка. Маленькие глазки коротышки удивленно перебежали с Виннету на меня и обратно, он сравнивал нас и, чувствовалось, начинал стыдиться своих рассуждений о том, каким должен быть костюм вестмена.

— Пусть мои братья сядут и выкурят со мной трубку мира, — предложил апач.

Мне трубка мира была совершенно ни к чему, так как мы в свое время побратались по индейскому обычаю, однако с новыми знакомыми Виннету непременно стремился скрепить дружбу трубкой мира.

Я не стану утомлять читателя описанием обряда и всех речей, которые обычно произносятся в таких случаях. Мне уже не раз доводилось описывать все это в своих романах, поэтому я только ограничусь тем, что сообщу: когда вся священная смесь трав, называемая «кинникинник», догорела в чашечке глиняной трубки, все красивые, но произнесенные от чистого сердца слова были сказаны, — мы вернулись к нашим делам.

— Пусть теперь мой брат Чарли поведаст Виннету, что он делал после того, как мы расстались, — обратился ко мне вождь апачей.

Мне вполне хватило десяти минут, чтобы в подробностях рассказать о путешествии на родину, об охоте в долине Миссури и происшествии на

железной дороге. Закончив повествование, я, в свою очередь, спросил Виннету:

— Может быть, и мой брат Виннету откроет мне, что пережил он с тех пор, как мы расстались. Что заставило его покинуть земли отцов и вигвамы сыновей апачей и так далеко углубиться во владения враждебных сиу?

Виннету не спешил с ответом, словно раздумывая. Будь мы с ним наедине, он был бы откровеннее, но его натура не позволяла ему распространяться о себе и о собственных подвигах, поэтому вождь был еще лаконичнее, чем я.

— Дожди льют воду на землю, но солнце снова поднимает ее в небо. Точно так же живет и человек, челноком снующий между врагами и друзьями. Дни приходят и уходят. Зачем Виннету долго рассказывать о том, что уже ушло? Вождь сиу-дакота оскорбил меня. Я пошел по его следу и взял его скальп. Мой брат может видеть его волосы на поясе Виннету. Воины сиу искали меня, но я замел следы, вернулся к их вигвамам, где не осталось мужчин, и отнял у них знаки побед над другими племенами, навьючил их на лучшего коня мертвого вождя и уехал. Ты можешь видеть жеребца вождя сиу-дакота рядом с моим.

Признаюсь честно, если бы мне довелось рассказывать о таком необычном приключении, я вряд ли уложился бы в полчаса. Если бы о нем рассказывал старый вестмен Сэм Хокенс или Сан-Иэр, им понадобилось бы часа два на все подробности и красоты. Но Виннету! Он преодолел расстояние от Рио-Гранде на юге до Милк-Ривер на севере, он месяцами кружил по прерии и лесам, бродил по землям враждебных племен, где даже старые скво желали его смерти, он настиг врага и победил его в честном поединке. После этого он осмелился вернуться назад, проникнуть в стойбище сиу и похитить у них то, чем они больше всего дорожили — знаки былых побед!

Совершить подобный подвиг был способен только один человек во всех Соединенных Штатах — Виннету. Ему было чем гордиться, но ему хватило двух минут, чтобы, не выпячивая собственное мужество, поведать нам о том, что ему пришлось пережить.

— Мои братья, — продолжил он, пока мы с невольным восхищением молча смотрели на него, — пошли по следу белых разбойников и оглала. Вам не догнать их без хороших лошадей. Согласится ли мой брат Чарли принять в дар жеребца, принадлежавшего вождю сиу-дакота? Он хорошо объезжен, а мой брат лучше любого бледнолицего знает, как следует обращаться с индейскими лошадьми, поэтому ему не составит труда подчинить себе коня.

Уже дважды Виннету дарил мне прекрасных коней из своего табуна. Один из них, Сволоу, вынес меня из нефтяного пожара, на что был бы не способен никто другой. Второй, Хататитль, стал знаменит во всей прерии. Теперь вождь апачей предлагал мне третьего. Я никогда не злоупотреблял добротой моего краснокожего брата, поэтому попытался отказаться:

— Пусть мой брат позволит мне сесть на своего коня и поймать дикого мустанга, который и будет носить меня на своей спине. Жеребец вождя сиу должен нести добычу Виннету.

Апач в ответ отрицательно покачал головой, что было для него выражением крайне сильных чувств.

— Почему мой брат забывает, что все, принадлежащее Виннету, принадлежит и ему по праву братства? Почему ты хочешь терять время? Чтобы доказать мне, на что ты способен? Любая скво из любого стойбища знает, кто ты такой и чего стоишь. Если ты станешь гоняться за табуном мустангов, то сиу быстро обнаружат твои следы. Неужели мой брат не понимает, что вождь апачей, преследуя сиу, не станет возить с собой добычу. Он спрячет ее в земле и освободит спину жеребца для своего бледнолицего брата.

Я больше не мог противиться и принял в дар прекрасного коня. Признаюсь честно, я уже с полчаса приглядывался к животному, и оно все больше и больше вызывало мое восхищение. Плотный, широкогрудый конь был просто великолепен. Появись он в Европе, где так много поклонников прекрасного, с него стали бы лепить скульптуры. Под гладкой бархатной кожей выделялось каждое сухожилие и каждая мышца. Густая грива свешивалась на грудь, а пышный хвост почти касался земли. Ноздри изнутри отсвечивали красным цветом, что у индейцев считается признаком породы. Его глаза горели огнем, что позволяло предположить, что хороший наездник мог доверить ему свою жизнь.

— Но у него нет седла! — заметил Фред Уокер. — Не поедете же вы на нем просто на попоне?

— А почему бы и нет? — ответил я. — Вы испытали меня, как стрелка, теперь вам предоставляется возможность испытать меня, как наездника. Неужели вы не видели, как краснокожие используют попону вместо седла? К тому же опытному охотнику ничего не стоит соорудить сносное седло из ребер и шкуры волка или койота. Завтра у меня будет седло, которому даже вы позавидуете.

Апач снова кивнул в знак одобрения и добавил:

— Если мой брат согласится, мы сейчас же пойдем по следу крупного койота, чьи следы Виннету видел у воды. Еще до темноты у Чарли будет

новое седло. Достаточно ли у моих братьев мяса для ужина, чтобы не терять времени для охоты?

— На сегодня вполне достаточно.

— Тогда пусть мой брат Чарли едет за мной. По дороге мы подыщем место, где можно спрятать в земле те знаки победы, что Виннету отнял у сиу. С рассветом мы поедem по следу бледнолицых, которые сожгли огненного коня и убили своих братьев по цвету кожи. Великий Дух отвернул от них свое лицо и предаст негодяев в наши руки, чтобы мы свершили правосудие.

Мы покинули место странной, случайной и в то же время счастливой встречи с Виннету, и вскоре моя пуля настигла крупного койота. Подыскав подходящий укромный уголок в овраге, где можно было не опасаться нападения врага, мы устроились на ночлег, и, пока мои товарищи чутко спали, поднимая на каждый шорох голову, я мастерил при свете костра седло. Поутру мы зарыли там же добычу Виннету, состоявшую из примитивного индейского оружия, талисманов и скальпов, обозначили особым способом тайник и продолжили погоню. Несомненно, если бы бандиты узнали, что за ними гонятся всего лишь три человека, они смеялись бы до упаду. Но, как известно, хорошо смеется тот, кто...

Глава VI. ПОСЕЛОК ХЕЛЛЬДОРФ

Когда на следующее утро мы тронулись в путь, я по достоинству оценил подарок Виннету. Правда, мне пришлось изрядно попотеть, прежде чем норовистый жеребец покорился мне. Дело в том, что выезженные индейцами лошади совершенно не терпят белых. Однако какое-то время спустя вороной красавец покорно нес меня на своей спине, а Толстяк Уокер недоуменно поглядывал на меня. Он никак не мог взять в толк, почему никому не известный вестмен по имени Чарли пользуется любовью и уважением славного вождя апачей.

Старый Виктори держался прекрасно и не отставал от наших скакунов, поэтому мы быстро продвигались вперед. К полудню мы добрались до места, где, судя по следам, ночевали грабители, из чего следовало, что расстояние между нами сократилось до десяти-двенадцати часов.

Вскоре следы повернули в сторону от реки и вывели нас в длинную и узкую долину, по которой тек небольшой ручей. Виннету, ехавший во главе нашего отряда, пустил коня шагом и пристально вглядывался в отпечатки копыт. Затем он остановился и обратился ко мне:

— Уфф! Что думает мой брат Чарли о дороге, по которой мы едем?

— Она выведет нас на вершину холма.

— А дальше?

— А дальше нам придется остановиться, так как по ту сторону холмов находится цель путешествия грабителей.

— О чем говорит мой брат?

— Я говорю о пастбищах оглала.

Виннету покачал головой в знак одобрения и произнес:

— У моего белого брата соколиные глаза и лисья хитрость.

— Как же так? — недоуменно спросил Толстяк Уокер. — Зачем бандитам направляться на пастбища оглала?

Пришлось мне пуститься в объяснения:

— Как вы думаете, трое краснокожих решились бы присоединиться к шайке, состоящей из двух десятков белых головорезов, если бы у них не было на то веских оснований? На Диком Западе на одного белого приходится не менее согни индейцев.

— Я не понимаю, к чему вы клоните, Чарли!

— Я хочу сказать, что, скорее всего, трое оглала сопровождали

грабителей, чтобы те соблюдали условия.

— Какие условия? Не могу взять в толк.

— Простите, Фред, но мне кажется, что мы с вами поменялись ролями. Такие вопросы может задавать только гринхорн.

— Это почему же?

— Поставьте себя на место грабителей. Отважились бы вы на свой страх и риск хозяйничать в этих местах?

— Конечно, нет! Первым делом я бы попытался сойтись с краснокожими.

— Верно. И что потребуют краснокожие взамен покровительства?

— Часть добра, добытого при ограблении поезда.

— Теперь вы понимаете, о чем хотел сказать Виннету?

— Погодите, погодите! Выходит, что белые ограбили поезд, чтобы расплатиться за услуги с краснокожими, и те трое индейцев всего лишь присматривали за бандитами?

— Может быть, да, а может быть, и нет. Мы не можем знать это наверняка, однако нет сомнений в том, что наши собратья по цвету кожи вскоре объединятся с большим отрядом краснокожих. Если мне не изменяет память, я толковал вам о том же еще у железной дороги, когда мы рассматривали следы. К тому же давайте попробуем пораскинуть мозгами: вы полагаете, что краснокожие и белые негодяи объединились только для того, чтобы отдохнуть на медвежьих шкурах?

— Не думаю.

— В том-то и дело. Поверьте мне на слово, вскоре они разойдутся вконец. Нападение на поезд сошло им с рук, и это, безусловно, прибавит им храбрости.

— Признаюсь, в последнее время вы меня удивили, и я изменил свое мнение о вас, но вы не предсказатель и не можете знать, что предпримут люди, которых вы и в глаза не видели.

— Я долго жил среди индейцев и хорошо знаю их образ мыслей. Перехитрить врага считается у них доблестью. Куда пойдет сообщение о нападении на поезд?

— На ближайшую станцию.

— Можем мы предположить, что оттуда вышлют отряд в погоню за грабителями?

— Скорее всего, так и будет.

— И тогда станция и поселок останутся без защиты.

— Тысяча чертей! Вы правы!

— Неужели? — съязвил я и продолжил: — Ближайшая станция, где

можно набрать отряд мужчин, — Экоу-Каньон. Именно туда и направятся оглала и белые разбойники. Индейцы разрисовали лица боевой раскраской, а это значит, что они непременно нападут на строителей дороги.

Тропа шла вверх по крутому склону. На вершине холма стояли редкие деревья, и смотреть следовало в оба, так как именно в таких местах индейцы очень любят выставлять часовых. Следы вели вдоль ручья и становились все четче и четче, так что встречи с разбойниками можно было ожидать с минуты на минуту. И действительно, въехав на вершину следующего холма, Виннету, возглавлявший наш маленький отряд, резко натянул поводья и приглушенно произнес, указывая рукой вниз:

— Уфф! Они здесь!

Внизу, в небольшой котловине, которую можно было бы объехать за час, стояли вигвамы и бурлила жизнь. За вигвамами лежало несколько бизоньих скелетов, рядом на натянутых ремнях вялилось на солнце мясо. Котловина была видна как на ладони, и мы без труда сосчитали лошадей. Их было двести пять!

У стен вигвамов стояли щиты — это говорило о том, что краснокожие выступили в военный поход, так как на охоте щит только мешает. К тому же обычно на охоте индейцы заготавливают намного больше мяса, чем мы видели.

— Как долго останутся здесь оглала? — спросил меня Виннету. — Что скажет мой брат?

— Они уйдут отсюда завтра или послезавтра.

— Откуда вы знаете, Чарли? — удивился Фред. — Индейцы сами сказали вам?

— Мне о том сказали скелеты бизонов.

— Как так? Скелеты бизонов?

— Кости уже побелели, значит, они лежат на солнце четыре-пять дней и мясо успело подвялиться. Можно предположить, что краснокожие не станут проводить здесь шахматные состязания, а сразу же выступят в поход.

— Не стоит язвить, сэр, я только хотел узнать, на чем основано ваше мнение. Смотрите, кто-то вышел из вигвама вождя!

Апач спокойно вытащил из кармана куртки небольшую подзорную трубу, что привело толстяка Уокера в изумление: ему никогда не доводилось видеть краснокожего, который бы умел обращаться с таким предметом. Виннету поднес трубу к глазу, и на его лице проступило выражение гнева.

— Это Кои-Тсе, лжец и предатель! — воскликнул он, протягивая

подзорную трубу мне. — Виннету отнимет у него жизнь вместе со скальпом.

Я с любопытством вглядывался в вождя сиу-оглала. Кои-Тсе на языке краснокожих означает «Огненные Губы». Он действительно славился среди соплеменников как бесстрашный и дерзкий воин, умеющий своими речами возбудить вражду к бледнолицым. Встреча с ним не сулила нам ничего хорошего, и следовало вести себя крайне осторожно.

Передав подзорную трубу Толстяку Уокеру, я предложил:

— Необходимо найти хорошее укрытие, чтобы нас не заметили. Не исключено, что в окрестностях бродят разведчики краснокожих.

— Пусть мои братья подождут меня здесь, — отозвался апач. — Виннету сам найдет место, где мы будем в безопасности.

Он исчез за деревьями, а когда возвратился через час, то повел нас вдоль холма в самую гущу колючих зарослей. Мы с трудом протискивались между кустами, ведя за собой лошадей. Вдруг перед нами открылась большая поляна, где хватило места для всех нас. Пока стреноживали животных, Виннету вернулся назад, чтобы замести следы.

До сумерек мы лежали в густой душистой траве, ротовые вскочить на ноги при малейшем шорохе и зажать ноздри лошадям, чтобы предупредить их фырканье. Когда стемнело, Виннету ушел на разведку и вскоре вернулся с известием, что оглала и белые все еще в лагере и даже разожгли костры. — Они уверены в своей безопасности, — заметил Фред. — Знай они, что мы так близко...

— Они отнюдь не дураки и догадываются, что за ними вышлют погоню, — ответил я. — Но сегодня им нечего беспокоиться. Сейчас, пока они не опасаются нападения, стоило бы попытаться узнать, что они задумали.

— Виннету подкрадется к ним, — отозвался апач.

— Мы сделаем это вдвоем. А Фред пусть останется караулить лошадей. Ружья оставим здесь, нам будет достаточно и томагавков. В крайнем случае воспользуемся револьверами.

Наш толстый друг не возражал. Смелости ему было не занимать, иначе он ни за что не пустился бы в погоню за бандитами, но он явно предпочитал без особой надобности не подвергать свою жизнь опасности.

Было новолуние, тучи скрывали узкий серп месяца и еще редкие звезды. Ночь как нельзя больше соответствовала нашему замыслу.

— Виннету пойдет направо, а мой брат — налево, — прошептал апач и скрылся в темноте.

Я послушно пополз по склону влево, бесшумно преодолел кусты и

оказался в нижней части долины. Впереди горели костры. Вигвам вождя сиу-оглала стоял в двухстах шагах, но мне понадобилось полчаса, чтобы преодолеть это расстояние. Ветер дул в мою сторону, и я мог не беспокоиться, что лошади учуют чужака и фырканьем предупредят хозяев о моем присутствии.

Тень от вигвама, у входа в который горел костер, надежно укрывала меня. Осторожно выглянув, я увидел у огня пятерых белых и троих индейцев. Они говорили по-английски.

Краснокожие вели себя спокойно и сдержанно. У костра только белые говорят громко, в то время как осторожные индейцы предпочитают объясняться знаками.

Один из белых был высокий и широкоплечий мужчина с густой бородой и шрамом от ножевого ранения на лбу. Судя по тому, как уважительно обращались к нему остальные, он и был главарем шайки. Я лежал в десяти футах от них и слышал каждое слово.

— Как далеко отсюда до Экоу-Каньона? — спрашивал один из белых.

— Миль сто, — ответил второй. — Три дня пути.

— А если мы ошибаемся и никто в погоню за нами не бросится? Ведь тогда в поселке останется слишком много народу!

Главарь презрительно хохотнул и объяснил с видом превосходства:

— Ерунда! Они пустятся за нами. Мы оставили им такой хороший след! Суди сам: мы укокошили в поезде человек тридцать, и добыча была очень неплохой. Такое нам не простят и попытаются поймать нас.

— Ну, если так, то дело должно выгореть. Сколько человек сейчас живет в Экоу-Каньоне?

— Человек сто пятьдесят. Там уже открыли несколько магазинов и баров, так что будет чем поживиться. А главное — там находится касса железной дороги. Мне говорили, что из нее платят рабочим на всем участке от Грин-Ривер до Промонтори. Думаю, несколько тысконок наличными мы там отхватим.

— Прекрасно, Роббинс! Только бы не сорвалось.

— Не сорвемся, — уверенно ответил главарь, которого, как я только что услышал, звали Роббинсом. — По моим расчетам, она должны подойти сюда завтра к полудню. А мы уедем на рассвете, к тому же разделимся на несколько отрядов, чтобы сбить погоню с толку. Потом каждый отряд заметет следы, и съедемся все только у Грин-Форк.

— Надо бы кого-то пустить вперед на разведку, Роббинс.

— Не волнуйся, пустим. Разведчики завтра же пойдут напрямиком в Экоу-Каньон, все высмотрят и будут ждать нас у Пейнтерхилл. Я все

обдумал. Даже если никто за нами не погонится и все рабочие останутся в поселке, перевес все равно будет на нашей стороне. Не успеют они схватиться за оружие, как половина из них уже будет перебита.

Мне повезло. Лучше и представить себе было нельзя: я услышал главное. Пора было уходить, чтобы какая-нибудь случайность не раскрыла мое присутствие. Я стал медленно отползать назад, тщательно замечая следы. В темноте отпечатки не были видны, и мне приходилось на ощупь разглаживать каждую травинку, что заняло уйму времени. Только через час я наконец добрался до опушки леса и почувствовал себя в безопасности.

Сложив ладони раковиной, я приложил их к губам и заквакал лягушкой. Это был знак Виннету. Я был убежден, что апач услышит мой голос и повернет обратно. Я не опасался того, что оглала заподозрит неладное, поскольку именно вечером лягушки охотятся на насекомых в высокой мокрой траве и часто устраивают свои концерты.

Почему я позвал Виннету обратно? Да потому, что апач подбирался к стойбищу с наветренной стороны и оглала могли его обнаружить. К тому же я узнал предостаточно о планах разбойников, цель нашей вылазки была достигнута, и ему не имело смысла подвергать себя опасности.

— Вам удалось что-нибудь узнать? — спросил меня Фред, как только я пробрался через колючий кустарник на поляну.

— Да, но лучше подождать Виннету.

— Зачем? Я сгораю от любопытства!

— Ну и сгорайте себе на здоровье, — не очень вежливо оборвал я его. — Я не люблю повторять дважды одно и то же, поэтому предпочитаю дожидаться апача, чтобы он тоже знал, что мне удалось подслушать.

Толстяку ничего не оставалось, как согласиться на мои условия и унять свое любопытство, пока не вернулся Виннету.

— Мой брат Чарли подал мне знак? — спросил он, усаживаясь рядом на траву.

— Да. Что узнал мой брат Виннету?

— Сегодня Великий Дух отвернулся от Виннету. Ему пришлось долго обходить лошадей стороной, а когда он приблизился к первому костру, то услышал голос лягушки и повернул обратно. Что видел и слышал мой брат?

Когда я закончил рассказывать, Фред задумчиво протянул:

— Да-а-а. Честно говоря, я не очень-то верил в ваши предсказания, но вы оказались правы. Как выглядит тот верзила? Вы не заметили у него шрама на лбу?

— В свете костра немного увидишь. Густая черная борода, на лбу

действительно шрам от ножа.

— Это он, хотя раньше бороды у него не было. Удар ножом он получил во время нападения на ферму в окрестностях Ливенворта. А как к нему обращались сообщники?

— Его называли Роббинсом.

— Надо бы запомнить. Это уже четвертое имя, которое я знаю. Что же нам делать? Сегодня изловить негодяя не удастся.

— Не стоит и пытаться, Фред. Но почему вас заботит только Геллер? Остальные нисколько не лучше своего главаря и должны получить по заслугам. Признаюсь вам честно, я стараюсь не убивать людей и иду на это только в крайних случаях, хотя мне приходилось бывать в разных переделках. Человеческая кровь — бесценная жидкость, ее надо беречь. Поэтому я предпочитаю обезвредить врага, сохранив ему жизнь.

— Вы мне напоминаете Олд Шеттерхэнда, — перебил меня Толстяк Уокер. — Говорят, он тоже убивает краснокожих только ради спасения собственной жизни. Он может прострелить врагу руку или ногу, а чаще бьет кулаком по голове, так что тот потом несколько часов валяется без сознания.

— Уфф! — не сдержал взглас удивления Виннету, только сейчас узнавший, что Толстяк Уокер не догадывается, кто я такой на самом деле.

— Однако несмотря ни на что, — продолжал я, — мне вовсе не хочется отпускать восвояси негодяя и убийцу, а тем более всю шайку. Это было бы равносильно нашему участию в разбое. Сегодня я мог застрелить Геллера, но я не наемный убийца, к тому же он не заслуживает быстрой смерти. Думаю, лучше всего будет, если мы позволим им сунуться в Экоу-Каньон и захлопнем мышеловку.

— Блестящая мысль! Дорого бы я дал, чтобы взять негодяев живыми. Но не слишком ли их много?

— Мы не побоялись идти за ними втроем, тем более нам нечего будет опасаться в Экоу-Каньоне, где можно рассчитывать на помощь рабочих.

— Их там будет немного, так как большинство отправилось в погоню за грабителями.

— А мы попробуем предупредить их о замыслах шайки, и тогда они немедленно вернуться.

— Но как?

— Проще простого: напишу им записку и приколю ее к дереву на видном месте рядом со следом грабителей.

— Они вам не поверят. Уж больно все это похоже на ловушку.

— Им придется поверить. Они уже знают, что на месте нападения двое

пассажиры сошли с поезда, и обязательно увидят наши следы. Я попрошу их обойти стороной Грин-Форк, где могут быть индейцы сиу, и Пейнтерхилл, куда бандиты вышлют своих разведчиков.

— Уфф! — вмешался в наш разговор Виннету. — Пусть мои братья собираются в путь.

— Сейчас? — удивился Толстяк Уокер.

— Когда встанет солнце, оно должно увидеть нас далеко отсюда.

— А если утром индейцы обнаружат наши следы?

— Собаки оглала не станут возвращаться назад. Их путь лежит на юг.

Хуг!

Апач встал и пошел к своему мустангу, чтобы снять с него путы. Мы последовали его примеру и вскоре, выведя коней из чащобы, двинулись обратно тем же путем, который привел нас сюда.

Ночью, когда все предметы скрыты тьмой, только очень опытный вестмен отважится пуститься через густой лес. Европейец, несомненно, пошел бы пешком, ведя лошадь в поводу, но житель Дикого Запада знает, что у животных зрение острее, поэтому мы ехали верхом. Во главе нашего маленького отряда встал Виннету и вел нас вперед через ручьи и скалы, безошибочно выбирая в кромешной тьме нужное направление. Мой чубарый жеребец вел себя прекрасно, а старый Виктори иногда недовольно пофыркивал, но не отставал ни на шаг.

Когда забрезжил рассвет, мы уже были в девяти милях от стойбища сиу-оглала. Теперь можно было остановиться. Выдрав лист бумаги из записной книжки, я написал на нем коротенькое послание людям из Экоу-Каньона и прибил его кольшком к стволу большого дерева с таким расчетом, чтобы любой едущий с юга человек заметил белую бумагу. На отдых времени у нас не было, поэтому мы сразу же сели в седла и повернули на запад.

В полдень мы переправились через Грин-Форк ниже того места, где, как мы знали, должны были объединиться отряды оглала. Индейцы боялись преждевременно выдать себя, поэтому старались избегать открытого пространства и прятались в лесу, мы же могли избрать кратчайший путь.

Солнце уже клонилось к горизонту — пора было подумать о ночлеге и дать отдых лошадям, покрывшим за день сорок миль. Хотя благородные животные, в том числе и старик Виктори, не подавали признаков усталости, их следовало пощадить и побереечь их силы, так как следующий день обещал быть не менее тяжелым, чем сегодняшней. Справа и слева от нас высились две небольшие каменные гряды, и именно здесь мы решили подыскать место для лагеря, как вдруг за холмами перед вами открылась

узкая долина. По ней протекал ручей, перекрытый рукотворной плотиной, так что посередине долины разлился пруд, блестящий золотом в лучах закатного солнца.

Лес на противоположном склоне был выкорчеван, земля — распахана. На лугу паслись лошади, коровы, овцы и козы, у подножия холма стояли крестьянские дома. В воздухе, казалось, было разлито спокойствие и умиротворение.

Неподалеку от домов стояло несколько человек. Они все смотрели на запад, прямо на солнце, и не заметили нашего появления. Огромный огненный шар опускался все ниже и ниже, и когда он, казалось, коснулся поверхности воды, сверху послышался звон колокола.

— Что это? — спросил пораженный вождь апачей.

— Какой-то поселок, — недоуменно пожал плечами Толстяк Уокер.

— Уфф! Виннету видит поселок своими глазами. Он хочет знать, что это за звук.

— Это призыв к молитве «Ангел Господень», — ответил я прерывающимся от волнения голосом. Звон пробудил во мне милые сердцу детские воспоминания. — А теперь вызванивают «Аве Мария».

— Уфф! — не мог прийти в себя от удивления Виннету. — Что такое «Ангел Господень» и что такое «Аве Мария»?

— Слушай, и ты сам поймешь, — произнес я вполголоса.

Послышался стройный хор, распевавший на четыре голоса гимн Богородице. Я напряженно ловил каждый звук, а когда пение смолкло, сорвал с плеча ружье, выстрелил из обоих стволов, дал шпоры чубарому и галопом понесся в долину. Бросив коня у ручья, я пешком пошел к ближайшим домам.

Выстрелы пробудили в долине не только эхо, но и жизнь. В дверях появились перепуганные стрельбой люди, однако, увидев белого человека, все успокоились и вышли мне навстречу. У крайнего дома стояла опрятно одетая старушка с белоснежными волосами и безмятежным лицом. Весь ее облик говорил о том, что она провела свою жизнь в тяжких трудах.

— Добрый вечер, матушка, — обратился я к ней почтительно на немецком языке. — Прошу вас, не пугайтесь, мы честные люди. Не позволите ли вы нам остановиться на ночлег в вашем поселке?

Она кивнула в знак согласия и с приветливой улыбкой сказала:

— Мы рады вам, господин. Честный человек приносит радость в дом. А вот и мой старик Хильман, и сын Вилли, они помогут вам.

К нам направлялось человек десять мужчин разного возраста, от стариков до безусых юношей. Во главе шествовал еще бодрый и крепкий

старик. Рядом с ним вышагивал, уверенно ступая по земле, широкоплечий, коренастый парень. Все были одеты в добротную одежду, какую предпочитают переселенцы на Западе.

Старик протянул мне руку и поприветствовал:

— Рад видеть вас, господин, в поселке Хелльдорф. Гость в дом — счастье в дом.

— Спасибо, — сердечно поблагодарил его я. — Нет в жизни ничего лучше человеческих лиц. Не приютите ли на ночь троих уставших путников?

— С удовольствием, господин. Окажите нам честь, располагайте нами.

Тем временем подъехали и Виннету с Толстяком Уокером. При виде краснокожего поселенцы взволновались, но я поспешил успокоить их:

— Я путешествую с друзьями, охотником Фредом Уокером и вождем апачей Виннету. Вам нечего опасаться, они люди честные и благородные.

— Сам Виннету? Возможно ли? Мы много слышали о нем! Какая приятная неожиданность! В прерии вождя апачей любят больше, чем королей в Европе!

Он сдернул шапку с седой головы, протянул индейцу руку и произнес:

— Я всегда к вашим услугам, сэр.

Вынужден сознаться, что такое обходительное отношение к суровому краснокожему воину показалось мне смешным, однако оно было искренним. Я с трудом сдержал улыбку, а Виннету ответил на рукопожатие словами:

— Виннету — ваш друг. Он не причиняет зла никому из бледнолицых и краснокожих, если они честные люди.

Затем поселенцы принялись оспаривать право принять гостей в своем доме, однако последнее слово оказалось за стариком Хильманом, который заявил:

— Путники остановились у порога моего дома и будут моими гостями. Но чтобы остальным не было обидно, я приглашаю всех на ужин в честь славного Виннету и его товарищей. А теперь прекратим спор и дадим людям отдохнуть с дороги.

Соседи восприняли слова старика Хильмана как должное и подчинились. Наших лошадей поставили в стойло и задали им корму, а нас проводили в дом, где молодая красавица-жена Вилли уже хлопотала у печи. Накрыли на стол, и пока нас угощали домашним пивом, в ожидании, когда подойдут остальные поселенцы, мы выяснили, кто они и откуда.

Все они переехали в Америку из Баварии, которая, как известно, славится своими резчиками по камню. Первое время они работали на

строительстве в Чикаго и сумели скопить достаточно, чтобы перебраться на Запад и выстроить ферму. Почему они выбрали эти глухие места? Как-то еще в Чикаго один старый вестмен рассказал им о сокровищах гор Титон. Он клялся и божился, что сам ходил по россыпям сердоликов, агатов и опалов. Хильман пришел в полный восторг от рассказов о богатстве тех краев, уговорил своих товарищей, и они сообща подались на новое место. Они не были лишены здравого смысла и не рассчитывали одним махом разбогатеть на поделочных камнях, а для начала выкорчевали лес, распахали землю и выстроили дома. Теперь они уже живут в долине третий год и вполне довольны своей долей.

— А как же камни? — спросил я. — Ходили ли вы в горы Титон?

— Мой Вилли и Руди Мейнерт пытались пройти туда прошлой осенью, но добрались только до озера Джона Грея. Дальше места пошли такие дикие и непроходимые, что им пришлось повернуть обратно.

— Да, — заметил я, — они поступили как гринхорны.

— Ну уж нет! — взвился Вилли. — Мы три года живем здесь и стали настоящими вестменами!

— Не сердитесь на меня, молодой человек, но трех лет жизни в лесу недостаточно, чтобы поселенец превратился в вестмена. Вы хотели проникнуть в Титон напролом, а любой вестмен знает, что прямая дорога — самая длинная. Вы не попадете туда напрямик и через сто лет. Вам придется прокладывать себе путь через лесную чащобу, кишашую медведями и волками, через пропасти и ущелья, где негде поставить ногу и где за каждым камнем может скрываться враг. Вам следовало попытаться добраться отсюда до Джон-Грей-Ривер или до Солт-Ривер. Они обе впадают в Снейк-Ривер, и если вы пойдете вдоль нее вверх по течению, то слева от вас останутся Змеиные горы, затем вы попадете на перевал Титон, за которым и начинаются горы Титон. Это всего лишь три хребта длиной миль в пятьдесят. Однако пускаться вдвоем в такой дальний и опасный путь — чистое сумасшествие. Вы нашли по дороге какие-нибудь камни?

— Всего лишь несколько агатов.

— Покажите их нам. Виннету знает каждую пядь в горах, и я попрошу его сказать, откуда взяты ваши камни.

Я прекрасно знал, что апач предпочитает не говорить о золоте и других сокровищах, спрятанных в землях краснокожих, поэтому обратился к нему с вопросом на его родном языке, чтобы отказ не обидел гостеприимных хозяев.

— Мой брат Чарли хочет найти золото и камни? — спросил меня Виннету, пристально глядя мне в лицо.

А когда я объяснил ему, что камни нужны не мне, а этим добрым и работающим людям, он долго смотрел вдаль, словно взвешивая, соглашаться или нет, затем его черные глаза внимательно осмотрели поселенцев, и в конце концов он выговорил:

— Готовы ли эти люди исполнить мое желание?

— Какое?

— Пусть они еще раз споют ту песню, что Виннету слышал, когда въехали в долину. Тогда он укажет им, где искать такие камни.

Слова Виннету были для меня полнейшей неожиданностью, Неужели церковный гимн так потряс индейца, что он готов был отказаться от своих незыблемых правил и открыть тайны сокровищ?

— Споют, — заверил его я.

— Пусть ищут в горах Вентр. Там они найдут золотые самородки, а в долине реки Бевердам, что впадает в озеро Йеллоустон с юга, много таких камней.

Пока я переводил хозяевам, как найти сокровища, в дом стали подходить остальные поселенцы. Подали угощение, и началось застолье, настолько веселое, дружелюбное и беспечальное, что я, как ни силился, не мог припомнить другого такого на Диком Западе. Так ведут себя только люди с чистой совестью и душой, которым нечего опасаться ни суда человеческого, ни суда Божьего.

Они прекрасно помнили песни родины и охотно пели их для меня. Даже старик Хильман складно басил известные мне с детства песни.

Виннету долго прислушивался к нашей веселой беседе, а потом остановил нас вопросом:

— Когда эти люди сдержат свое слово?

Я поспешил напомнить Хильману обещание, данное им Виннету, и тогда собравшиеся запели «Аве Мария». Однако апач вслушался в первые ноты и отрицательно затряс головой.

— В доме песня звучит не так. Виннету хочет слушать ее в горах.

— Он прав, — согласился с ним Руди Мейнерт. — Давайте выйдем на склон долины.

Маленький хор поднялся на холм, и сверху поплыли вниз в долину прекрасные звуки. Казалось, сам воздух воздает хвалу Богородице. Виннету стоял рядом со мной, вслушиваясь в гимн, а потом вдруг исчез.

Трогательные и полные гармонии звуки, казалось, рождались в глубине гор и лесов, ибо человеческая грудь не может быть преисполнена столь сильного чувства. Простота и благозвучие пронизывали души и сердца, не оставляя равнодушными ни певцов, ни слушателей.

Песня уже отзвучала, а мы все еще стояли на том же месте, пока спускающиеся с холма певцы не напомнили нам, что пора возвращаться в дом. За дружеской беседой прошло еще полчаса, час... Виннету не появлялся. Со всех сторон поселок был окружен дикими лесами, и я встревожился за друга и брата. Взяв оружие, я вышел из дому, предупредив, чтобы никто не следовал за мной, а бросаться на помощь надо только в том случае, если вдруг раздастся выстрел. Однако я предчувствовал, что стрелять мне в тот вечер не понадобится, так как догадывался, почему вождь апачей предпочел уединиться.

У пруда, над темной водой, высилась огромная каменная глыба. На ней я и нашел Виннету, неподвижного, как изваяние. Я бесшумно приблизился к нему и сел рядом, стараясь ни звуком не нарушить торжественного молчания.

Шло время, а Виннету продолжал сидеть молча и без движения. Наконец он медленно поднял руку, указал на воду и, словно откровение, произнес:

— Это озеро — как мое сердце.

Я растерялся, не зная, что ответить, а он снова погрузился в свои мысли и прервал молчание только спустя добрых десять минут.

— Маниту добр и велик, поэтому Виннету любит его.

Мне уже стало понятно, что в этот вечер любые, даже самые проникновенные, мои слова будут лишни и ничтожны. Я не произнес ни звука, а он снова заговорил:

— Почему не все белые мужи такие, как мой брат Чарли? Будь они такими, я бы охотно поверил вашим священникам.

— А почему не все краснокожие мужи такие же, как мой брат Виннету? — ответил я вопросом на вопрос. — Среди людей, независимо от цвета кожи, есть добрые и злые. Чтобы обойти всю землю вдоль и поперек, не хватит и тысячи дней пути, а мой брат знает лишь ее малую часть. Здесь, в дикой прерии, злые бледнолицые скрываются от закона добрых людей, но в других местах царят мир и любовь. Мой брат одинок, у него нет товарищей, с которыми он охотился бы на бизонов и сражался с врагами. Что радует моего брата? Разве смерть не подстерегает его за каждым кустом? Разве не прошла вся его жизнь в тяжких трудах и опасностях и разве не мечтал он примирить краснокожие и бледнолицые народы? Но почему же не обрела его измученная и усталая душа покоя? Разве принесли ему утешение многочисленные скальпы врагов, которыми украшен его вигвам?

Вождь апачей наклонил голову и долго молчал, прежде чем ответить:

— Мой брат Чарли прав. Виннету никого не любит, кроме него. Виннету доверял во всем только своему другу и брату. Мой брат знает все земли и всех их жителей, он прочел книги белых, он отважен в бою и мудр в совете. Он любит краснокожих мужей и желает им добра. Он милосерден к врагам. Когда-то Клеки-Петра учил меня, что значит быть христианином, мой брат показал мне это на деле. Вера краснокожих мужей учит их ненависти и смерти, вера бледнолицых — любви и жизни. Виннету будет думать, что ему выбрать — жизнь или смерть.

Он встал, и мы вернулись в дом, где все уже беспокоились из-за нашего долгого отсутствия. Разговор шел об оглала и белых грабителях. Положение поселенцев было не из лучших, хотя до сих пор спрятанный в укромной долине поселок никто не обнаружил. Однако попадись он на глаза хотя бы одному краснокожему, и никому из баварцев не спастись. У них были ружья и достаточный запас патронов, женщины и дети тоже были готовы сражаться не на жизнь, а на смерть, но разве могли они противостоять орде диких и кровожадных индейцев?

Правда, направляясь к Экоу-Каньону, бандиты должны были пройти в стороне от Хелльдорфа, однако следовало быть осторожным, и я посоветовал поселенцам укрепить поселок и выставить часового у входа в долину.

Уже была поздняя ночь, когда гости разошлись и мы улеглись спать. Впервые за много дней пути у нас появилась возможность отдохнуть на мягких перинах, которые предоставили нам дружелюбные Хильманы. Поутру мы попрощались с добрыми людьми, поблагодарили их за теплый прием и хотели уже пуститься в путь, как вдруг пришли соседи и предложили еще раз спеть для вождя апачей «Аве Мария».

Виннету был глубоко тронут и, когда пение закончилось, пожал всем руку со словами:

— Мне никогда не забыть песню моих белых братьев. Виннету поклялся, что больше не возьмет ни одного скальпа бледнолицего, так как все мы — сыновья Великого Маниту, который одинаково любит своих детей, независимо от цвета кожи.

Отдохнувшие за ночь лошади резво бежали вперед. Жители Хелльдорфа часто ездили в Экоу-Каньон за покупками и указали нам кратчайший путь туда, так что мы надеялись к вечеру того же дня достичь цели.

Виннету ехал молча. Время от времени он опережал нас на сотню-другую шагов и, думая, что мы ничего не слышим, пытался напевать мелодию «Аве Мария». Его попытки удивили меня, так как индейцы

напрочь лишены музыкального слуха, а их ритуальные песнопения монотонны и не отличаются изяществом.

После полудня впереди появились очертания гор, которые с каждой милей становились круче и величественнее. Вскоре мы уже ехали по лабиринту узких ущелий, а к вечеру с обрыва увидели цель нашего путешествия — Экоу-Каньон, на дне которого располагался поселок, который надо было уберечь от разграбления.

Глава VII. ТРАГЕДИЯ У ГОРЫ ХЕНКОК

Словом «каньон» американцы называют глубокое скалистое ущелье с отвесными стенами. Читатель легко представит себе то место, к которому мы подъехали и которое носило имя Экоу-Каньон. Железную дорогу в этих местах проложили совсем недавно, и работы на ней еще продолжались.

По небольшому боковому ущелью мы спустились вниз и сразу же столкнулись с рабочими, закладывавшими динамит в скалы, которые требовалось взорвать. Увидев краснокожего и двоих белых, вооруженных до зубов, они встревожились не на шутку, отбросили кирки и схватились за оружие. Я успокаивающе помахал рукой и направился к ним.

— Добрый день, — как можно дружелюбнее поприветствовал я их. — Не спешите братья за оружие, джентльмены, мы не причиним вам вреда.

— Кто вы такие? — спросили нас.

— Просто вестмены. У нас к вам спешное дело. Кто у вас начальник?

— Полковник Радж. Но сейчас он в отъезде, поэтому обратитесь к мистеру Олерсу, казначею.

— А где же полковник Радж?

— Он пустился по следам банды, ограбившей поезд.

— Ах, вот как! А где мы можем увидеть мистера Олерса?

— Поезжайте в поселок, там вы увидите самый большой дом, в нем и найдете Олерса.

Мы тронулись дальше, провожаемые взглядами рабочих, в которых читалось удивление, любопытство и недоверие. Пять минут спустя мы въехали в поселок, состоящий из жилых домов, хижин, складов. Вокруг него высилась стена из скальных обломков высотой в пять футов. Огромные тяжелые ворота, сделанные из неотесанных бревен, были открыты.

Так и не разобравшись, какой из домов больше, я спросил, как найти казначея, у рабочего, занятого укреплением стены. Тот молча указал рукой на дом, больше похожий на крепость, рядом с которым его товарищи грузили на телегу рельсы.

Мы спешили и вошли в дом. Внутри у стен, в углах высились груды бочек, мешков, пакетов и свертков. Посередине сидел на ящике тщедушного телосложения человек, испуганно вскочивший при нашем появлении на ноги.

— Что вам надо? — взвизгнул он и отпрянул назад, заметив

Виннету. — Краснокожий! Боже мой! Краснокожий!

— Не волнуйтесь, сэр, мы вас не съедим, — пошутил я, пытаюсь успокоить его. — Нам нужен казначей.

— Это я, — пробормотал он, настороженно поглядывая на нас поверх металлических очков.

— Собственно говоря, у нас дело к полковнику Раджу, но так как он в отъезде, мы обращаемся к вам.

— Да, да, я слушаю вас, — поспешно ответил казначей, тоскливо поглядывая на дверь.

— Нам сказали, что полковник пошел по следу шайки, пустившей под откос поезд. Это правда?

— Да.

— Сколько людей он взял с собой?

— А почему вы спрашиваете об этом?

— Честно говоря, вы правы. Нам важнее знать, сколько людей осталось здесь.

Мистер Олерс не ответил и, не спуская с нас глаз, засеменил к двери.

— Да скажите же мне хотя бы, когда полковник покинул поселок! — начал я терять терпение.

— К чему вам знать это?

— Погодите, я сейчас объясню вам почему...

Я остановился на полуслове, потому что объяснить уже было некому: перепуганный насмерть мистер Олерс оленьим прыжком преодолел расстояние до двери и пулей вылетел наружу. Дверь с треском захлопнулась, послышался скрежет железных засовов — и мы оказались в ловушке.

Я растерянно поглядел на моих товарищей. Всегда сохранявший серьезность Виннету беззвучно смеялся, обнажая два ряда белоснежных зубов. Толстяк Уокер раскачивался, на лице у него застыла такая гримаса, словно его заставили съесть лимон без сахара. Я не удержался и тоже принялся хохотать, как безумный.

— Ну вот, дожили! — выдавил Уокер. — Нас с вами посадили под замок!

Снаружи донесся пронзительный свист, и я, подойдя к окну, больше напоминавшему бойницу, увидел рабочих, бегущих внутрь ограды. За последним из них бревенчатые ворота закрыли. Перед казначеем стояло шестнадцать человек. Затем по его приказу все разбежались, видимо, в поисках оружия.

— Наверное, они захотят линчевать нас, — объявил я моим

товарищам. — Но пока у нас есть еще время. На что бы нам его употребить с большей пользой?

— Предлагаю выкурить по сигаре, — ответил Уокер.

На одном из тюков лежала открытая коробка с сигарами. Толстяк Уокер взял одну, с наслаждением понюхал ее и закурил. Я последовал его примеру, и только Виннету отказался от удовольствия выкурить настоящую сигару из виргинского табака.

Дверь приоткрылась, и мы услышали голосок казначея:

— Не вздумайте применять оружие, негодяи, не то мы перестреляем вас на месте!

После грозного предупреждения казначей отважился распахнуть дверь и войти к нам во главе десятка рабочих с ружьями на изготовку. Они остановились у входа, а храбрый мистер Олерс укрылся за большой бочкой, направив на нас ствол грозного ружья.

— Кто вы такие? — спросил он тоном человека, имеющего право задавать вопросы. Видимо, он полагал, что бочка и люди у двери и у окон уберегут его от любой опасности.

— Боже, что за глупости! — рассмеялся Толстяк Уокер. — Он сначала называет нас негодяями, а потом спрашивает, кто мы такие. Вылезайте из-за бочки, и мы ответим на ваши вопросы.

— Нет уж, я буду спрашивать отсюда. Так кто вы такие?

— Вестмены из прерии.

Толстяк Уокер отвечал от нашего имени, к тому же его уполномочили отыскать и схватить Геллера, поэтому я решил промолчать.

— Что вам понадобилось в Экоу-Каньоне?

— Мы хотели предостеречь вас.

— Предостеречь? От чего?

— На Экоу-Каньон готовится нападение.

— Не вы ли его и готовите? С нами этот номер не пройдет! Взять их! — приказал казначей своим людям.

— Погодите! — остановил их Толстяк Уокер.

Он сунул руку в карман. Я догадался, что он собирается предъявить им свое удостоверение сыщика, я вмешался.

— Не стоит, Фред. Посмотрим, посмеют ли эти люди задержать троих вестменов. Предупреждаю, любой, кто шевельнет хоть пальцем, умрет!

С грозным лицом и револьверами в руках я двинулся к двери. Виннету и Фред шли за мной по пятам. Бесстрашный казначей совершенно скрылся за бочкой, и только кончик ружья указывал, где в случае надобности следует искать мистера Олерса.

Пример начальника произвел должное впечатление на рабочих, они расступились и беспрепятственно пропустили нас. Уже у двери я повернулся к ним и произнес:

— Теперь мы могли бы запереть вас здесь, но нам это не нужно. Вытащите из-за бочки мистера Олерса и приведите его к нам, чтобы мы наконец-то смогли растолковать ему, что к чему. Поймите, дело не терпит отлагательств, если, конечно, вы не хотите, чтобы индейцы сиу сняли с вас скальпы.

Когда дрожащий казначей предстал перед нами, я рассказал ему обо всем, что произошло. Мистер Олерс, бледный от страха, присел на большой валун.

— Теперь я вам верю, сэр. Мне говорили, что на месте преступления поезд покинули двое пассажиров, и один из них на пари подстрелил жаворонка... А краснокожий джентльмен — сам Виннету? Я очень польщен знакомством с вами! — и он низко поклонился вождю апачей. — А второй джентльмен — мистер Уокер, которого обычно называют Толстяком Уокером? А вас зовут просто Чарли? И вы полагаете, что полковник найдет вашу записку и поспешит вернуться?

— Именно так и я полагаю.

— Поверьте, сэр, мне очень хочется, чтобы он поскорее вернулся.

Я видел его растерянность и верил ему без клятв.

— У меня осталось всего сорок человек, и большая часть из них укладывает рельсы на насыпи. Как вы думаете, не лучше ли будет нам покинуть на время этот каньон и укрыться на ближайшей станции?

— Как же это так, сэр, разве вы заяц? И что подумают о вас ваши начальники? Вы же потеряете место!

— Знаете ли, сэр, лучше потерять место, чем жизнь. Надеюсь, вы меня понимаете.

— Как много людей повел за собой полковник?

— Он выбрал сотню самых отчаянных рабочих. А сколько было индейцев?

— Вместе с бандитами — больше двух сотен.

— Боже милостивый! Они порежут нас всех до одного. Бежать! Другого способа спастись нет.

— На какой из ближайших станций больше людей?

— Промонтори. У них там три сотни рабочих.

— Попросите по телеграфу прислать вам в подмогу сто человек. С оружием.

Казначей вытаращил на меня глаза, удивленно открыл рот, затем

вскочил на ноги в сильнейшем возбуждении всплеснул руками и воскликнул:

— Господи! Как же я сам до этого не додумался?

— Но запомните: все должно держаться в строжайшей тайне, чтобы краснокожие разведчики ничего не заподозрили. Как далеко отсюда до Промонтори?

— Девяносто одна миля.

— Найдется там паровоз с двумя вагонами?

— Да. Они постоянно держат один паровоз под парами.

— Если вы немедленно свяжетесь с ними, то помощь придет завтра на рассвете. Индейские разведчики появятся здесь только к вечеру. У вас предостаточно времени, чтобы подготовить поселок к обороне. Пусть ваши рабочие немедленно сделают стену выше. Люди из Промонтори завтра помогут им. Стена должна быть такой высокой, чтобы индейцы не смогли заглянуть через нее и пересчитать наших людей.

— Они все равно увидят нас с вершины горы, сэр.

— Не увидят. Я выеду на разведку, навстречу индейцам, и успею предупредить вас об их приближении. По моему знаку рабочие спрячутся в домах, чтобы индейцы поверили, будто в поселке почти никого не осталось. По моим расчетам, полковник Радж будет здесь к полудню, и тогда у нас вместе с рабочими из Промонтори будет двести сорок человек. Можете не сомневаться: после первого же нашего залпа краснокожие бросятся наутек.

— А мы бросимся за ними в погоню! — радостно воскликнул казначей, словно враг уже действительно бежал, а он мчался за ним и крушил налево и направо.

— А пока, сэр, поторопитесь отдать распоряжения рабочим и позаботьтесь о том, чтобы нас покормили.

— Все будет исполнено немедленно, сэр! Разве может белый человек бежать при виде сотни-другой краснокожих дикарей? Сию же минуту вы получите ужин и, надеюсь, останетесь им довольны. Я когда-то был поваром, — добавил, скромно потупившись, мистер Олерс.

Ужин превзошел все наши ожидания, и я подумал, что для человечества было бы лучше, если бы прекрасный повар не стал плохим казначеем. Мистер Олерс явно был ближе знаком со сковородкой, чем с огнестрельным оружием. Люди у стены работали не покладая рук. Утром я поразился, увидев, что за ночь стена выросла чуть ли не вдвое.

Ночью через Экоу-Каньон в сторону Промонтори последовал поезд, и мистер Олерс, решив подстраховаться, кроме телеграфного сообщения,

передал с поездной бригадой устную просьбу о помощи. Не знаю, что возымело необходимое действие, по утру к нам прибыли сто человек с оружием и боеприпасами.

Общими усилиями к полудню стена была закончена. С внутренней стороны я велел оставить строительные леса, чтобы, стоя на них, можно было вести стрельбу. После обеда я, Виннету и Толстяк Уокер покинули поселок: пора было идти навстречу индейским разведчикам. Такую трудную задачу мы не могли доверить железнодорожным рабочим, к тому же никто из них не выказал желания принять участия в опасной вылазке. Мы договорились, что тот, кто первым заметит разведчиков оглала, вернется в поселок и подаст остальным знак петардой. По моим расчетам, грохот не должен был вызвать подозрения у краснокожих, так как при прокладке железной дороги рабочие постоянно взрывали скалы.

Мы ожидали индейцев с севера; пришлось разделиться, чтобы не оставить без наблюдения ни одной тропы. Вскрабкавшись по отвесной скале, я оказался на каменистом плато, поросшем густым лесом. Идя по краю ущелья, по которому должны были проехать разведчики оглала, я через три четверти часа набрел на огромный дуб. Толстый, совершенно гладкий снизу ствол не позволял взобраться на дерево, но я нашел выход из положения: вестмен никогда не расстается с лассо, вот и я снял его с плеча, и через минуту ременная петля захлестнула нижний толстый сук. Я забрался на него и, с трудом сохраняя равновесие, набросил лассо на качавшиеся высоко над моей головой ветки. Вскоре я уже сидел на развесистой верхушке, прижимаясь к шершавому стволу. Я был незаметен, а передо мной простирался весь лес; я хорошо различал светлые, поросшие травой поляны и темное море верхушек деревьев.

Я просидел так несколько часов, от неудобного положения затекло тело, бесплодное ожидание увеличивало напряжение. Наконец я заметил к северу от меня стаю ворон, кружившую над деревьями. Это могло быть случайностью: ведь бывает, что птицы сами по себе перелетают с места на место, однако, присмотревшись, я увидел, что птицы кружат над верхушками деревьев не решаясь сесть на гнезда. По всей видимости, кто-то спугнул их.

Вскоре кто-то точно так же спугнул птиц ближе ко мне, затем еще ближе. Теперь я был совершенно уверен в том, что по лесу крадутся оглала и пройдут они рядом с моим дубом. Я торопливо спустился на землю и, уничтожив следы, поспешил назад.

Не прошло и пяти минут, как я нашел то, что искал, — густые заросли букowego молодняка, показавшиеся мне непреодолимыми. Спрятавшись в

них, я стал ждать. И не ошибся: рядом с моим убежищем бесшумно, словно привидения, прошли шестеро индейцев. Ни одна ветка не хрустнула под их ногой, будто они плыли по воздуху, не касаясь земли.

Это были разведчики оглала. На их лицах красовались красные, голубые и черные полосы — боевая раскраска племени.

Как только они прошли мимо, я выбрался из зарослей и, обходя разведчиков стороной, со всех ног бросился в поселок. Мне надо было опередить их, что не представляло трудности, так как они продвигались скрытно, останавливаясь и осматриваясь, я же мог идти, не скрываясь. Четверть часа спустя я уже подходил к поселку.

Там царило оживление. Появились новые люди. Спускаясь с насыпи, я, к своему великому удивлению, увидел идущего мне навстречу Виннету.

— Мой краснокожий брат уже вернулся? — спросил я, когда он подошел ко мне. — Что он увидел?

— Виннету вернулся, — ответил апач, — потому что мой брат Чарли сумел выследить разведчиков собак-оглала.

— Как Виннету узнал об этом? — удивился я.

— Виннету посмотрел в подзорную трубу и увидел далеко на западе высокое дерево. Виннету знает, что его брат мудр, поэтому догадался, что Чарли взобрался на него. Какое-то время спустя я заметил, что там в небе появилось много черных точек. Это были птицы, которых вспугнули разведчики, и мне стало ясно, что мой брат сумел выследить собак-оглала. Тогда вождь апачей вернулся в поселок.

Проницательность Виннету удивила на этот раз даже меня.

У бревенчатых ворот нам встретился человек с умным и волевым лицом. Раньше мы не видели его в поселке.

— Вы уже возвращаетесь, сэр? — спросил он. — Мои люди заметили вас, когда вы спускались со скалы в ущелье. Я полковник Радж. Мне хотелось бы поблагодарить вас...

— Для благодарности мы найдем другое время, сэр, — ответил я. — Прежде всего надо петардой подать знак нашему товарищу. Прикажите также всем спрятаться и не покидать домов. Через четверть часа разведчики краснокожих будут наблюдать за поселком с вершины скалы. Они должны думать, что здесь почти никого не осталось.

— Не беспокойтесь, сэр, все будет исполнено. Проходите в поселок, а я сейчас же отдам распоряжения.

Через минуту раздался взрыв. Толстяк Уокер не мог не услышать его. Рабочие уходили в дома, поселок пустел, и только несколько человек были оставлены работать на укладке железнодорожного полотна.

Мы сидели в уже знакомом нам складе. Вскоре туда же пришел и Радж.

— Что вам удалось увидеть, сэр? — спросил он.

— Шестерых разведчиков. Это сиу-оглала.

— Замечательно. Мы не будем мешать им. Скажите, как нам отблагодарить вас за помощь и спасение?

— Я знаю только один приемлемый способ: прекратить разговоры на эту тему. Вы нашли мою записку?

— Да.

— И вняли моим предостережениям.

— Конечно. В противном случае нас здесь бы не было. Как мне кажется, мы вернулись вовремя. Когда, по-вашему, подойдут бандиты и остальные краснокожие?

— Думаю, они пойдут на штурм этой ночью.

— Тогда у нас с вами есть время познакомиться поближе, — дружелюбно улыбнулся Радж. — Я приглашаю вас и вашего краснокожего друга ко мне домой. Будьте моими гостями.

Его дом, небольшой, но удобный, стоял рядом.

— Располагайтесь, джентльмены. Предлагаю свернуть шею бутылке, раз уж до краснокожих нам пока не добраться. Когда вернется ваш друг, его проводят сюда к нам.

Полковник Радж слыл смелым человеком, что, судя по всему, было правдой. Он явно не боялся индейцев, и вскоре мы прониклись доверием друг к другу. Некоторое время спустя вернулся Толстяк Уокер, услышавший наш условный знак. Мы разговорились, потекла неторопливая беседа, и даже обычно ммолчаливый Виннету поддерживал ее. Полковник Радж пережил много и был хорошим рассказчиком, время до вечера пробежало быстро.

Как я уже говорил раньше, стояло новолуние. Сумерки сгущались медленно, мрак напал на ущелье, скрывая поселок от вражеских глаз. Рабочие вооружились и сидели кто в домах, кто около стеньг никто не смыкал глаз. Индейцы имеют обыкновение нападать после полуночи, уже ближе к рассвету. Было совсем тихо, и даже ветерок не шуршал листвой, но это была обманчивая тишина.

В небе тускло мерцали звезды, в их неверном свете можно было видеть на расстоянии не более десятка шагов. После полуночи все взобрались на оставшиеся после строительства стены леса и притаились. Виннету и я встали у ворот.

Казалось, время остановилось. Наверняка кое-кто из людей

полковника Раджа стал подумывать, что знаменитый Виннету, известный всем Толстяк Уокер и никому не известный Чарли что-то напутали и никто и не собирается нападать на поселок. Но вдруг послышался приглушенный звук, словно небольшой камушек ударился о рельс, и сразу же мое ухо уловило еле слышный шорох, больше похожий на дуновение ветерка.

— Приготовиться, — шепнул я на ухо соседу, а он передал приказ дальше по цепи.

Едва различимые в темноте и похожие скорее на привидения, чем на живых людей, тени бесшумно пересекали полотно железной дороги, скользили вдоль укрепленных стен. Вскоре ужасные призраки охватили поселок кольцом.

Но как только разбойники пошли вперед на штурм, из темноты навстречу им прозвучал громкий возглас:

— Смерть собакам-оглала! Здесь стоит Виннету, верховный вождь апачей.

В то же мгновение Виннету вскинул свое украшенное серебром ружье и выстрелил. Грянул залп из двух сотен стволов, и все вокруг озарилось огнем. Рабочие палили, не жалея патронов, наверное, только я всматривался в темноту, воздерживаясь от стрельбы. Ночь огласилась жутким пронзительным воем, леденящим душу. Наш залп оказался полной неожиданностью для оглала, но краснокожие быстро пришли в себя и, надеясь на свое численное превосходство, устремились вперед. Наверное, так же истошно вопят в аду черти, когда к ним попадает новая душа грешника.

— Огонь! — приказал полковник Радж, чей зычный голос покрыл вой врагов.

Грянул второй залп.

— Вперед! В рукопашную!

В тот же миг рабочие, все как один, влезли на стену и начали прыгать вниз. Даже люди робкого десятка почувствовали прилив сил и львиную отвагу. Обескураженные краснокожие, не ожидавшие, что поселок защищают такие силы, повернули назад.

Я продолжал стоять у ворот, не двигаясь. У стены разгоралось сражение не на жизнь, а на смерть, однако развязка должна была наступить через несколько минут. Ряды противников таяли на глазах, а единственным средством спасти жизнь для них оставался побег. Тени, уже переставшие казаться зловещими и ужасными, одна за другой исчезали с поля боя и скрывались в темноте.

Только теперь мне пригодился штуцер. Я послал вслед бегущим

восемь пуль, а когда вскинул оружие в девятый раз, то не увидел перед собой цели: индейцы успели скрыться, а те, в кого я попал, лежали на земле и пытались отползти подальше. Но их вскоре заметили и окружили рабочие.

У стены развели костры, чтобы осветить поле боя. Я не любитель кровавых зрелищ, поэтому отвернулся и побрел к дому полковника. Не успел я войти и усесться, как появился Виннету.

— Мой краснокожий брат вернулся без скальпов. Неужели ни один из оглала не пал от руки Виннету? — удивленно спросил я его.

— Виннету не снимет больше ни одного скальпа. С тех пор как он услышал пение в горах, вождь апачей перестал считать врагов, павших от его руки. Ведь мой белый брат сегодня не убил никого.

— Откуда тебе это известно?

— Штуцер моего брата молчал, пока белые бандиты не побежали. Виннету потом подошел к ним: их было восемь. Пули попали им в ноги, и теперь все они лежат во дворе связанные.

Виннету прекрасно понял мой замысел: желая поймать бандитов живыми, я действительно стрелял им в ноги.

— Вскоре появился Толстяк Уокер.

— Чарли, Виннету, пойдете во двор! Он в наших руках, — радостно воскликнул вестмен.

— Кто? — спросил я.

— Геллер!

— Поздравляю вас. И кто же его схватил?

— Никто. Его ранили, и он не смог бежать. Странная штука — восьмерым бандитам пуля попала в одно и то же место, в бедро. Они как упали, так и остались лежать там, где их настигла пуля.

— Действительно странно, Фред.

— Представьте себе, ни один из раненых оглала не захотел сдаться живым, а эти восемь негодяев умоляли пощадить их.

— Их раны опасны?

— Пока неизвестно. У нас не было времени осмотреть их. Но почему вы сидите здесь? Пойдите! Как мне кажется, мы преподнесли краснокожим хороший урок. Ушли человек восемьдесят из двухсот, не больше.

— Чему же вы радуетесь, Фред? Сто с лишним убитых — это ужасно!

— Но ведь они сами виноваты. Надеюсь, их племя теперь образумится.

К полудню на поезде прибыл врач, который осмотрел и перевязал

раненых. Рана Геллера распухла, началось заражение крови. Узнав о том, что надежды на выздоровление нет, он даже не пытался притворно раскаяться, чтобы смягчить наказание. Уокер, не спускавший с Геллера глаз, после визита врача влетел ко мне в комнату как пуля.

— Чарли, вставайте! В дорогу! — крикнул он. На лице его читалась крайняя тревога.

— Куда?

— В Хелльдорф.

Его слова пронзили мое сердце страшной догадкой.

— Зачем?

— Огнала хотят напасть на поселенцев.

— О Боже! Откуда вам это известно?

— От Геллера. Я разговаривал с полковником и вкратце рассказал ему о чудесном вечере, проведенном нами в Хелльдорфе. И тогда Геллер принялся дьявольски хохотать и выкрикивать, что для поселенцев больше не будет вечеров — ни чудесных, ни отвратительных. Когда я встревожился и стал допытывать его вопросами, он сказал, что краснокожие нападут на поселок.

— В дорогу, Фред! Разыщите Виннету и ведите сюда наших лошадей, а я тем временем поговорю с Геллером сам.

Войдя в дом, где лежали раненые, я увидел, что У изголовья Геллера стоит полковник. Главарь шайки, смертельно бледный, лежал на окровавленном одеяле. Его тяжелый взгляд сверкал ненавистью и презрением ко всем, кто оставался жить.

— Как ваше настоящее имя: Роббинс или Геллер?

— А вам-то какое дело? Убирайтесь вон отсюда. Кто вам дал право тревожить умирающего дурацкими вопросами?

Честно говоря, я был уверен, что он не захочет говорить со мной, поэтому следовало избрать другую тактику: попытаться вывести его из себя.

— У меня больше прав говорить с вами, чем у кого бы то ни было, — твердо ответил я, выдерживая его взгляд. — Это я выпустил роковую для вас пулю.

Глаза его широко раскрылись, казалось, еще немного, и они выскочат из орбит. Смертельно бледное лицо покраснело от прилившей крови, старый шрам на лбу вздулся.

— Ты лжешь! — рявкнул он в бешенстве и принялся сыпать столь грязными ругательствами, что я не решаюсь воспроизвести их.

— Я не хотел убивать вас, — ответил я, с трудом сохраняя

спокойствие. — Узнав потом, что ваша рана смертельна, я почувствовал угрызения совести и пожалел вас. Но теперь вижу, что вы конченный негодяй и мерзавец из мерзавцев, поэтому я даже рад, что освободил от вас мир. Совесть моя будет чиста. Ни вы, ни ваши сообщники оглала не сможете больше никому навредить.

— Ну уж нет, вы нас еще попомните! — обнажил он в волчьей ухмылке длинные и острые зубы. — Посети своих друзей в Хелльдорфе и порадуйся за них.

— Чепуха! Поселок надежно защищен.

— Надежно защищен? Да там не осталось камня на камне. Теперь я жалею, что решил сначала напасть на Экоу-Каньон и только потом заняться Хелльдорфом. Ничего, здесь нам не повезло, но зато там осечки быть не может. Поселенцы жуткими муками заплатят за всех убитых вами оглала и белых.

— Это все, что я хотел узнать от вас. Вы не просто негодяй, мистер Геллер, вы глупый негодяй. Мы сейчас же отправляемся в Хелльдорф, чтобы предотвратить нападение. А если уже поздно и оглала увели поселенцев с собой, мы освободим их из плена. Только благодаря тому, что вы распустили язык, мы спасем честных людей.

— Черта вы спасете, а не честных людей! Оглала вытащат из них жилы! — закричал он в бешенстве.

Его сообщник, лежавший неподалеку, все время внимательно следил за мной. При последних словах Геллера он приподнял голову и произнес:

— Веришь ты ему или нет, Роббинс, а он их действительно освободит. Я его знаю, ему и не такое удавалось. Это Олд Шеттерхэнд.

— Олд Шеттерхэнд? — воскликнул умирающий главарь шайки. — Тысяча чертей! Так вот почему восемь пуль попали в нас! Чтоб тебе гореть в аду! Чтоб ты...

Я не стал слушать его проклятия, повернулся к нему спиной и покинул дом. Полковник Радж вышел вслед за мной и удивленно спросил:

— Так вы Олд Шеттерхэнд?

— Да. Он не ошибся. Я когда-то встречался с этим человеком в прерии, но в то время он еще был не разбойником, а самым обычным охотником. Однако я должен спешить. Прошу вас, дайте мне людей. Я обязав во что бы то ни стало помочь жителям Хелльдорфа.

— Простите, сэр, но это исключено. Я и сам пошел бы с вами, но, к сожалению, я всего лишь служащий компании и мои обязанности удерживают меня здесь.

— Вы хотите сказать, что несчастные поселенцы должны непременно

погибнуть? Но ведь их кровь падет на вашу голову! Как же вы оправдаетесь в глазах людей и в глазах Господа?

— Не горячитесь и выслушайте меня, сэр. Мне строго-настрого запрещено оставлять Экоу-Каньон без крайней необходимости. Я также не могу приказать рабочим идти с вами. Однако я позволю вам поговорить с моими людьми. Добровольцы, изъявившие желание идти с вами, смогут оставить на время свою работу и получить от меня лошадей и оружие.

— Благодарю вас! Понимаю, что большего вы не в силах сделать, и прошу не сердиться на меня за то, что я отрываю ваших людей от работы.

Два часа спустя я уже скакал во главе отряда из сорока хорошо вооруженных людей. Виннету ехал рядом со мной. Он не вымолвил ни слова, но огонь, горевший в его глазах, говорил больше любых слов. Если оглала действительно напала на Хелльдорф, пощады им не будет!

Мы ехали знакомой дорогой, поэтому не стали останавливаться даже на ночной отдых. К полудню следующего дня с замирающим сердцем я первым подскакал к перевалу, за которым открывался вид на долину с поселком. Хватило одного взгляда, чтобы убедиться, что на этот раз Геллер не соврал. Мы опоздали.

— Уфф! — вскричал Виннету, указывая на дым, вившийся на склоне повыше поселка. — Я разорву собак-оглала на куски!

Я взглянул туда: краснокожие сожгли и разрушили часовню, а крест бросили с обрыва.

Мы с Виннету и Толстяком Уокером внимательно осмотрели обгоревшие остовы домов, разрушенные постройки, но нигде не нашли человеческих останков. На берегу пруда нам также не удалось обнаружить никаких следов, что было хорошим знаком: судя по всему, краснокожие напали на поселок ночью, без боя захватили жителей и увели их с собой, а не прикончили на месте. Следы оглала вели в сторону границы штатов Айдахо к Вайоминг.

— Пусть мой белый брат не торопится, — обратился ко мне Виннету со странной просьбой и ушел на склон горы к пепелищу часовни.

Вскоре он вернулся, бережно неся в руках небольшой колокол, чей звон всего несколько дней назад так зачаровал его.

— Вождь апачей нашел голос гор, — сказал он, — и зароет его здесь до тех пор, пока не вернется победителем.

Мы снова вскочили в седла и помчались вперед. Во главе отряда скакал апач, не отрывавший глаз от следа врагов. Казалось, даже сама смерть не сможет остановить его на пути мщенья. Нас было сорок человек против восьмидесяти, но никто из нас не обращал внимания на численное

превосходство противника.

До темноты оставалось около трех часов, и за это время мы ни разу не остановились и покрыли большое расстояние. Довольные тем, что наши кони не подавали признаков усталости, а значит, сохраняли силы для завтрашней скачки, мы остановились на ночлег, только когда совершенно стемнело и на небе зажглись первые звезды.

На следующий день следы показали, что оглала опережает нас на три четверти дня и что они не останавливались всю ночь. Они очень торопились, и причина такой спешки была очевидна: во время ночного нападения на поселок в Экоу-Каньоне Виннету во весь голос назвал себя, и теперь оглала совершенно справедливо опасалась погони грозного вождя апачей.

Наши лошади без усталости скакали вперед, но мы знали, что принуждать их к более быстрому бегу нельзя: в схватке с краснокожими резвость и выносливость коня может сыграть решающую роль. Именно поэтому уже на второй день стало ясно, что мы не нагоняем оглала.

— Время уходит, — обратился ко мне Толстяк Уокер, — мы можем опоздать.

— Не опоздаем, — уверенно ответил я. — Пленники должны умереть у столба пыток, а для этого оглала надо еще добраться до своих стойбищ.

— А где находятся их стойбища?

— В Квэкинг-Эспридж, так вы, бледнолицые, называете те места, — впервые за последние два дня подал голос Виннету. — Однако им не удастся уйти от нас.

На третий день перед нами неожиданно встала трудная задача — следы расходились. Одна, более многочисленная, часть отряда оглала повернула на север, вторая — на запад.

— Краснокожие хотят сбить нас со следа, — взволновался Толстяк Уокер.

— Пусть мои белые друзья остановятся, — приказал Виннету, — чтобы их лошади не затоптали следы, пока я и мой брат Чарли не осмотрели их.

Он подал мне знак рукой, и я понял его без слов: Виннету направил своего мустанга вдоль следов, ведущих на запад, а я отправился по следу, тянущемуся к северу. Остальные ждали нас у развилки.

Я ехал по следу четверть часа и все еще никак не мог даже подсчитать, сколько лошадей прошло там, так как всадники ехали гуськом. Глубина отпечатков подсказывала мне, что их было не более двадцати. И тут мне улыбнулась удача: всматриваясь в землю, я вдруг заметил несколько

маленьких точек на песке, а рядом с ними — следы от мокасин. Чуть дальше песок выглядел так, словно по нему протащили тюк.

Я немедленно повернул назад. Виннету уже ждал меня у развилки следов.

— Что видел мой брат? — спросил я вождя апачей.

— Только следы лошадиных копыт.

— Вперед! Туда! — приказал я отряду, развернул коня и направился на север.

— Уфф! — выдохнул Виннету. Он не удивлялся моей решимости и верил, что я наверняка нашел нужное направление.

Когда мы доехали до того места, где крохотные пятнышки на песке привлекли мое внимание, я остановил коня и обратился к Толстяку Уокеру.

— Фред, я знаю, что вы хороший вестмен. Взгляните-ка на эти следы и скажите, что все это значит.

— Какие следы? — не понял меня тот. — Где?

— Вот здесь!

— Да здесь просто ветром сдуло песок. У вас слишком горячее воображение.

— По-моему, оно слишком холодное. Держу пари, что Виннету прочитает эти еле заметные следы так же, как и я. Пусть мой краснокожий брат присмотрится к следу.

Апач спрыгнул с мустанга, наклонился и быстро, ничего не упуская, осмотрел указанное место.

— Мой брат Чарли выбрал правильный путь. Пленники проехали здесь.

— С чего вы взяли? Не могли же вы сговориться! — недоумевал Фред, уже начиная сердиться на нас. Он никак не мог взять в толк, почему его собственные глаза не видят того, что видят наши.

— Пусть мой брат присмотрится, — принялся объяснять ему Виннету, — маленькие пятнышки — это капли крови, а здесь, где, как сказал мой брат, ветром сдуло песок, лежали руки ребенка, а вон там было его тело...

— Ребенок упал с лошади, — добавил я, — к тому же так неудачно, что расшиб себе нос. Краснокожие подняли его и снова посадили на лошадь.

— Ах, как же я сам не догадался! — заулыбался Толстяк Уокер.

— Это только начало, Фред. Скоро нам придется отгадывать загадки потруднее. Вперед!

Я оказался прав. Через четверть часа скачки каменистая тропа сменила

песок, и следы исчезли. Снова нам пришлось останавливаться и ползать среди камней и редкой травы, чтобы найти хоть что-то, что указывало бы направление.

Внезапно Виннету с радостным возгласом протянул мне найденную среди камней толстую нить.

— Что вы скажете об этом, Фред? — спросил я вестмена.

— Гм, ничего особенно. Обычная нить из одеяла.

— Вы совершенно правы. Однако обратите внимание, какие у нее концы. Краснокожие разрезали одеяло на полосы и обмотали ими копыта лошадей. Старая, как мир, уловка, чтобы не оставлять следов.

Немного дальше отпечаток индейского мокашина в траве указал нам нужное направление. Однако поиски еле заметных следов отнимали слишком много времени, и мы продвигались вперед крайне медленно, а оглала уходила от нас все дальше и дальше. Следовало что-то предпринять, чтобы перехватить краснокожих и освободить пленных, пока их не привели в стойбище и не привязали к столбу пыток. Я натянул поводья и остановился.

Виннету, угадав мои мысли, подъехал ко мне и произнес:

— Вождь апачей знает одну пещеру в горе, которую вы, белые, называете Хенкок.

— Почему ты вспомнил о ней? — спросил я, помня о том, что Виннету никогда и ничего не говорит без особой причины.

— В той пещере племена сиу приносят человеческие жертвы Великому Духу. Мой брат помнит, что оглала разделились на два отряда и больший из них отправился к стойбищам, чтобы созвать все племя на праздник принесения жертвы, а меньший направился на север, в сторону горы Хенкок. Виннету уверен, что пленников ведут в пещеру крови.

— Как далеко отсюда до той горы?

— Мы будем там к вечеру. Виннету знает путь, потому что именно там он заключил союз с отцом вождя Кой-Тсе. Потом он предал меня, и я взял его скальп. Пусть мои братья больше не ищут следы, а доверятся Виннету.

И он пустил коня вскачь, а мы последовали за ним.

Мы долго ехали по ущельям, пока наконец горы внезапно не расступились. Перед нами показалась огромная зеленая равнина. Вокруг нее высились мрачного вида скалы.

— На языке дакота эта прерия называется И-Аком-Аконо, что значит Долина Крови, — объяснил Виннету, подгоняя коня.

Так вот какова была та жуткая долина, сплошь политая кровью, о которой так много легенд рассказывали вестмены! Именно сюда

краснокожие из племен сиу приводили пленников, обреченных на смерть. Здесь погибла не одна тысяча людей, погибла мучительной смертью у столбов пыток — их сжигали живьем, убивали ударом ножа или томагавка, зарывали в землю. Никто: ни белый, ни индеец — не осмеливался добровольно проникнуть в эту долину. Только Виннету был способен на такой отчаянно смелый поступок.

Длительная бешеная скачка начала сказываться на лошадях, даже мой мустанг потихоньку сдавал, однако мы беспощадно нахлестывали измученных животных. Внезапно перед нами возникла гора, больше напоминавшая беспорядочное нагромождение сдвинутых неведомой силой исполинских камней. У подножия этой приметной возвышенности начинался лес. Здесь Виннету приказал нам остановиться и дать отдых лошадям.

— Гора Хенкок перед глазами моего брата, — сказал Виннету.

— А где же пещера? — спросил я.

— Вход в нее с другой стороны. Пусть мой брат следует за мной, и через час мы будем у входа в нее.

— Ты берешь с собой только меня?

— Да, только тебя. В этих местах господствует смерть. Пусть наши братья пока найдут в лесу укрытие для себя и лошадей и ждут нашего возвращения.

Гора, у подножия которой мы остановились, была вулканического происхождения. По-видимому, чтобы обойти ее, понадобился бы час. Я оставил флинт и штуцер у седла моего чубарого и отправился вслед за Виннету, который уже карабкался по западному склону к вершине.

Дорога была чрезвычайно опасна. Я никогда не видел вождя апачей таким осторожным и осмотрительным. Казалось, что он ожидает стрелу или удар томагавка из-за каждого куста, из-за каждого валуна. Прошел целый час, пока мы, наконец, добрались до вершины.

Не говоря ни слова, Виннету приложил палец к губам, лег на землю и ужом пополз в заросли. Я последовал его примеру. Высунув голову из-за кустов, я обнаружил перед собой разверстую бездну, так что даже вздрогнул и замер от неожиданности. Пропасть гигантского кратера зияла так близко, что я мог рукой прикоснуться к его краю. Почти отвесные склоны поросли редким кустарником, а в самом низу, на площадке футов в сорок, лежали связанные по рукам и ногам жители поселка Хелльдорф.

Я сосчитал пленников: здесь были все, кто имел несчастье выстроить Хелльдорф на землях сиу. Вокруг сидели или расхаживали вооруженные краснокожие.

Я внимательно осмотрел склоны и убедился, что спуститься вниз без веревки невозможно. Пока я ломал голову, как бы приспособить ремни, которых у нас было предостаточно, и как бы снять часовых, Виннету пополз назад. Полностью полагаясь на его знания и опыт, я двинулся за ним.

— Это и есть та знаменитая пещера?

— Да.

— А где находится вход в нее?

— На восточном склоне, но войти туда не удастся даже десяти Олд Шеттерхэндам.

— Мы и не будем пытаться проникнуть в пещеру через вход. У нас достаточно ременных лассо, по которым мы спустимся вниз.

Виннету кивнул в знак согласия, и мы поползли вниз по склону туда, где нас ждали товарищи. Однако во всем этом было немало загадочного: почему индейцы не стерегли западный склон горы? То, что там не было часовых, не вызывало сомнений, иначе нам бы нипочем не подобраться к краю кратера незамеченными...

Солнце уже прикасалось своим краешком к вершинам гор, когда мы вернулись к нашему отряду и не мешкая стали готовиться к сражению. Собрав все лассо, мы сплели из них толстый и прочный канат. Виннету отобрал двадцать самых ловких из наших спутников, а остальные получили приказ караулить лошадей. Двое из числа оставшихся должны были через час после нашего ухода сесть на коней, объехать гору с востока и разжечь далеко в прерии несколько костров, а затем сразу же вернуться к отряду. Суть нашей уловки состояла в том, что, пока индейцы будут выяснять, кто осмелился встать лагерем в их владениях, мы успеем добраться до кратера незамеченными.

Скрывшееся за горами солнце расцветило пурпуром западную часть неба. Закатный багрянец медленно растекался, бледнел и затягивался в вечерней синеве. Виннету долго сидел на траве, устремив взор в вечернее небо. Внезапно он встал и, не сказав никому ни слова, покинул наш лагерь. Последние несколько часов он был, как мне казалось, сам не свой. В нем что-то изменилось, и, как я ни ломал голову, не мог понять — что же именно. Глаза его лихорадочно блестели, на обычно гладком лбу появились морщины, свидетельствующие о тревожных мыслях. Он явно утратил душевное равновесие, что-то угнетало его. Мне подумалось, что я имею право спросить друга о причине тревоги.

Найти Виннету было не сложно — он стоял на опушке леса, прислонившись к дереву, и всматривался в отблеск заката на быстро

темнеющем небе, по которому плыли редкие высокие облака, подсвеченные золотыми лучами уходящего солнца. Я шел бесшумно, но Виннету, несмотря на свои раздумья, не только услышал, но и узнал, кто к нему приближается. Не оборачиваясь, он произнес:

— Мой брат Чарли ищет меня. Ты снова прав. Нам надо побыть вместе, ибо вскоре мы расстанемся навсегда.

Я положил руку ему на плечо.

— Какие тени омрачили душу моего брата Виннету? Прощу тебя, гони прочь злые мысли.

В ответ он поднял руку и указал на запад со словами:

— Там горел огонь жизни, теперь все исчезло и наступает мрак. Разве ты в силах отогнать подступающие тени?

— Нет, но ранним утром появится свет и встанет новый день.

— Для Виннету не будет нового дня. Солнце его потухнет, как потух сегодня день, и никогда больше не взойдет.

— Мой любимый брат Виннету не должен принимать близко к сердцу пустые предчувствия. Этой ночью нас ждет очень опасная схватка, но вспомни, как часто смотрели мы смерти в глаза и как она протягивала к нам руки, но всегда отступала. Не поддавайся грусти! Твое тело и душа устали за последние дни.

— Виннету никогда не устает, и трудности его не пугают. Мой брат Олд Шеттерхэнд знает меня. Я всегда жаждал пить из родника знаний. Ты указал мне этот родник и утолял мою жажду. Я многому научился у тебя, но все-таки остался краснокожим мужем. Белые люди похожи на домашних животных, забывших голос природы. Индеец похож на дикого зверя, которого никогда не обманывает чутье, потому что он чувствует и слышит душой. Дикая зверь узнает о приближении смерти и старается укрыться в лесной чаще, чтобы умереть в одиночестве. Я чувствую то же самое, поверь мне, Чарли! Голос смерти зовет меня, а он никогда не обманывает.

Я обнял его.

— Твое предчувствие обманчиво, брат мой. Разве у тебя было когда-нибудь что-то подобное?

— Нет. Сегодня — впервые.

— Тогда откуда ты знаешь, что это предчувствие смерти? Ведь ты никогда не слышал ее голоса!

— Он звучит в моих ушах, он говорит мне, что Виннету погибнет от пули, которая вонзится в его грудь. Голос смерти говорит правду: только пуля может сразить меня. Вождь апачей не боится ни ножа, ни томагавка и способен отразить любой удар. Пусть мой брат поверит мне — сегодня я

уйду в Страну Вечной...

Он запнулся и не договорил последнего слова. Согласно верованиям индейцев, мертвые уходят в Страну Вечной Охоты. Что же помешало ему? Он обнял меня, помолчал, а затем продолжил:

— Сегодня я уйду туда, куда ушел сын доброго Маниту, чтобы приготовить для нас дом Отца нашего, и куда за мной придет когда-нибудь мой брат Олд Шеттерхэнд. Там мы снова встретимся, когда не будет больше различий между белыми и краснокожими сыновьями Отца, который одинаково любит всех своих детей. Там будет царить вечный мир, там белые не будут травить как зверей и убивать краснокожих, которые приняли их как братьев. Добрый Маниту взвесит на весах справедливости поступки своих детей, а Виннету предстанет перед ним и будет просить помиловать убийц своего народа.

Он прижал меня к груди и умолк. Его слова тронули меня до глубины души. Какой-то внутренний голос подсказал мне, что Виннету терзают не пустые страхи и что его предчувствие — истина. Однако я пытался найти другие причины.

— Мой брат Виннету считает себя сильнее, чем он есть на самом деле. Он самый смелый воин своего племени, но он всего лишь человек. Я никогда не видел его усталым, но последние дни изнурили даже меня. Мой брат потерял много сил, усталость гнетет его душу и лишает веры. Но как только человек отдохнет, проходят и мрачные мысли. Пойдем, брат мой. Наши спутники ждут нас у подножия горы, ляг рядом с ними и отдохни.

Вождь апачей упрямо встряхнул головой.

— Мой брат Чарли не может предлагать мне всерьез то, что он предлагает.

— Но почему? Я видел пещеру и знаю, что делать. Я сам поведу людей.

— Почему ты не хочешь, чтобы я там был? — спросил Виннету, и его глаза блеснули странным блеском.

— Ты сделал очень много, и тебе пора отдохнуть.

— А разве ты не сделал больше? Больше меня и больше других? Я не останусь.

— Даже если я попрошу тебя? Даже если я потребую?

— Нет! Ты хочешь, чтобы потом мне говорили в глаза, что вождь апачей Виннету испугался смерти?

— Никто не посмеет сказать тебе такое.

— Даже если все будут молчать и никто не посмеет назвать меня трусом, останется один человек, чьи укоры покроют краской стыда мое

лицо.

— Кто же это?

— Я сам! Если Виннету предпочтет отдых сражению, если Виннету бросит своего брата Чарли в опасности, то я без усталости буду кричать ему в ухо, что он недостойн называть себя воином и быть вождем смелого народа. Разве мой брат хочет считать меня койотом? Разве Виннету должен презирать самого себя? Нет, лучше погибнуть воином, чем жить трусом!

Я молчал. Мне нечего было ответить на эти горячие слова. Мужественный воин, он никогда не простил бы себе даже мгновенной робости, он не мог позволить себе сохранить жизнь, уклонившись от боя. Он не пережил бы такого позора. Тем временем Виннету продолжал:

— Мы столько раз стояли лицом к лицу со смертью. Ты всегда был готов умереть и даже записал на бумаге, что я должен сделать в случае твоей гибели. Бледнолицые называют это завещанием. Виннету умеет писать, он тоже написал завещание. Смерть зовет меня, поэтому сегодня я скажу тебе, где оно лежит, и попрошу тебя выполнить мою последнюю волю. Ты готов на это?

— Да, хотя от всей души желаю, чтобы твои предчувствия не сбылись и чтобы ты еще много солнц встречал на земле. Однако если тебе суждено будет умереть первым, я почту своим священным долгом выполнить твою последнюю волю.

— Даже если придется подвергнуть свою жизнь опасности, а может быть, и умереть?

— Виннету сомневается в словах своего брата? Пошли меня на верную гибель, и я пойду!

— Я знаю, Чарли, что ради меня ты готов отдать жизнь. Только ты можешь сделать то, о чем я тебя прошу. Помнишь ли ты, как много зим назад мы говорили с тобой о богатстве? Это было так давно! В то время я еще не знал тебя так хорошо, как сегодня.

— Помню.

— По твоему голосу я угадал тогда, что ты говоришь не то, что думаешь. Нет, ты не лгал, но и не говорил всей правды. В то время золото не было для тебя пылью и прахом, оно влекло тебя, не так ли?

— Ты не ошибся.

— А теперь? Скажи мне правду!

— Белые люди ценят золото, но я не желаю мертвых сокровищ. Радость, приносимая золотом, недолговечна и призрачна, настоящее же счастье следует искать не в богатстве, а в душе человека.

— Я знал, что сегодня ты скажешь именно так. Я никогда не скрывал

от тебя, что знаю множество мест, где самородки лежат под ногами. Я мог бы сделать тебя очень богатым, но не смог бы сделать тебя счастливым. Добрый Маниту не сотворил тебя для ленивой и сытой жизни, твое сильное тело и большая душа предназначены для лучшего дела. Поэтому я не открыл тебе тайны ни одного месторождения золота. Ты не сердишься на меня за это?

— Нет, — не колеблясь, ответил я. Я стоял перед другом и братом, который, предчувствуя смерть, просил меня исполнить его последнее желание. Разве мог я в такую минуту думать о золоте и богатстве?

— Твои глаза увидят много золота, очень много, — продолжал Виннету. — Но оно не станет твоим. После моей смерти отыщи могилу Инчу-Чуны, моего отца. У ее подножия, с западной стороны, я схоронил в земле завещание. Прочти его и исполни мою последнюю волю.

— Клянусь тебе, я сделаю все, о чем ты просишь! — заверил я вождя апачей. Мой голос предательски дрожал от переполнявших меня чувств. — Нет в мире такой опасности, которая помешала бы мне!

— Благодарю тебя. Нам пора идти. Я знаю, что не доживу до конца сражения, поэтому хочу попрощаться с тобой, мой брат. Пусть Добрый Маниту вознаградит тебя за все, что ты сделал для меня. Сердце твое переполнено словами, которые не могут выразить уста. Похорони меня в Скалистых горах на берегу реки Метсур, на коне, с моим серебряным ружьем. Оно не должно попасть в чужие руки! А когда ты потом вернешься к людям, ты убедишься, что никто из них не любит тебя так, как любил тебя я. Вспоминай иногда о своем друге и брате Виннету.

Суровый вождь апачей подавил рыдание, я прижал его к груди, и слезы потекли у меня из глаз.

— Виннету, брат мой, это всего лишь предчувствие, которое не сбудется, тень, которая рассеется. Ты должен остаться!

— Я ухожу, — ответил он тихо, но твердо и решительно, высвободился из моих объятий и зашагал туда, где нас ждали товарищи.

Я брел за ним, тщетно пытаясь найти доводы, которые сумели бы убедить его отказаться от участия в сражении.

Но, видимо, таких доводов не существовало.

Несмотря на то, что вождь апачей умел владеть собой как никто другой, голос его дрогнул, когда он приказал:

— Уже стемнело. Пора. Пусть мои братья следуют за мной.

Друг за другом длинной цепью мы поднимались вверх по склону, по тому же пути, которым сегодня вел меня Виннету. Двигаться бесшумно в полной темноте намного труднее, чем днем, и прошло не менее двух часов,

пока мы наконец достигли пропасти, на дне которой находились пленники. Внизу горел костер, и в его мерцающем свете мы видели, как молчаливо ходят вокруг связанных людей часовые.

Пока мы обвязывали канат вокруг огромного валуна, в прерии к востоку от горы замерцали огни костров. Сразу же из пещеры на дно кратера вышел краснокожий и что-то сказал часовым; те последовали за ним. Наша уловка удалась.

Настала решительная минута. Я схватился обеими руками за канат, чтобы первым спуститься вниз, но Виннету твердо отстранил меня.

— Отряд поведет вождь апачей. Пусть мой брат идет вслед за мной.

Приказав остальным спускаться так, чтобы на канате одновременно было не больше четырех человек, Виннету заскользил вниз. Я выждал минуту и тоже взялся за канат, за мной пошел Фред.

Спускаться вниз с высоты ста пятидесяти футов и не задеть ни одного камня — невозможно. К несчастью, падающий вниз камень ударил ребенка, тот заплакал, и из пещеры немедленно показался индеец. Услышав шум сверху, он поднял голову и в тот же миг закричал, созывая остальных воинов.

— Быстрее, Виннету! — воскликнул я. — Быстрее, иначе все пропало!

Виннету скользил так быстро, словно падал. Я тоже еле прикасался руками к канату, сплетенные в толстый жгут ремни жгли мне ладони, оставшиеся наверху товарищи увидели, что происходит, и торопились, как могли. Несколько мгновений спустя Виннету уже стоял на земле, и сразу же рядом с ним приземлился я.

Не успели мы сделать и шагу, как из пещеры полыхнули огнем два ружья, и Виннету рухнул на землю, как подкошенный.

Я окаменел. Страшное предчувствие Виннету, похоже, сбывалось.

— Брат мой! — позвал я. — Ты ранен?

— Виннету умирает, — слабым голосом отозвался апач.

Меня охватила дикая ярость, которую я не мог, да и не пытался сдержать. В ту же минуту за моей спиной появился Толстяк Уокер.

— Оглала ранили Виннету, — сказал я. — Вперед! Бей их!

К нам уже бежали пятеро оглала, среди которых я узнал вождя. Не теряя времени на то, чтобы выхватить нож или револьвер, я набросился на них с голыми руками.

— Кои-Тсе! Умри, собака! — закричал я и изо всех сил ударил его кулаком в висок.

Вождь оглала замертво рухнул на землю. Бежавший ко мне второй краснокожий, увидев в свете костра мое лицо и распростертого на земли

вождя, в смертельном испуге опустил занесенный для удара томагавк.

— Олд Шеттерхэнд! — пролепетал он.

— Да, это я, Олд Шеттерхэнд! Умри и ты!

Я сам себя не узнавал. От удара кулака свалился замертво и второй индеец.

— Олд Шеттерхэнд! — повторяли в ужасе краснокожие.

— Олд Шеттерхэнд? Так это вы, Чарли? — удивленно заорал Толстяк Уокер. — Наконец-то я все понял! Сейчас мы им всыплем! Вперед!

Кто-то из краснокожих в суматохе сумел ударить меня ножом в плечо, но я не почувствовал боли и еще одним ударом свалил своего противника. Еще двое индейцев погибли от пуль Фреда. Тем временем сверху спускались остальные наши товарищи, я предоставил им довести дело до конца, а сам поспешил к Виннету и опустился рядом с ним на колени.

— Куда попала пуля? — спросил я.

— Сюда, — прошептал он, зажимая левой рукой рану на правой стороне груди.

Я достал нож и разрезал рубашку. Пуля вонзилась ему в легкое. Жгучая боль, какой я до сих пор никогда в жизни не испытывал, пронзила меня.

— Еще есть надежда, брат мой, — пытался я утешить его.

— Приподними меня, чтобы я мог видеть бой, — попросил Виннету.

Я выполнил его просьбу. Он лежал у меня на коленях и смотрел, как из пещеры выбегали индейцы, а наши люди разили их без пощады. Освобожденные от пут пленники с радостными криками схватили лежащее на земле оружие мертвых индейцев и тоже бросились в бой. Но я ни на что не обращал внимания: я смотрел на лицо умирающего друга. Кровь перестала течь из раны на груди, а это значило, что началось внутреннее кровотечение.

— Что я могу еще сделать для моего брата? — с трудом заставил я себя задать вопрос.

Виннету закрыл глаза и ничего не ответил. Не смея пошевелиться, я держал его голову у себя на коленях. Весь забрызганный кровью, Толстяк Уокер подошел ко мне и сообщил:

— Все кончено.

— Он уходит! — не сдержался я. — Все другие — ничто по сравнению с ним!..

Вождь апачей лежал неподвижно. Рабочие, рисковавшие жизнью ради спасения поселенцев, и сами недавние пленники, чуть не павшие жертвой кровожадных оглала, обступили нас. Наконец Виннету открыл глаза.

— Что еще я могу сделать для моего брата? — повторил я.

Слабеющий голос Виннету был еле слышен:

— Пусть мой брат Чарли проводит этих людей к реке Метсур, туда, где будет моя могила. Там много драгоценных камней. Они их заслужили.

— Что-нибудь еще, брат мой?

— Не забывай своего краснокожего брата и молись за него доброму Маниту. Смогут ли поселенцы подняться на склон?

Я понял, чего он хочет, и поспешил утвердительно кивнуть головой, хотя и знал, что руки и ноги пленников искалечены путами.

— Виннету просит их спеть для него...

Поселенцы услышали его слова; не дожидаясь моей просьбы, старик Хильман подал им знак, и все стали взбираться на скальный выступ, нависший над головой Виннету. Глаза вождя апачей провожали поселенцев и обессиленно закрылись только тогда, когда они встали на выступе.

Полилась прекрасная «Аве Мария». Умиравший Виннету вслушивался, держа меня за обе руки.

Когда голоса певцов стихли, он прижал мои руки к своей груди, хотел еще что-то сказать, но ему не хватило сил. Я наклонился, приложил ухо к его губам и услышал, как он с последним вздохом произнес:

— Прощай, мой брат... Теперь Виннету стал христианином...

Предсмертная дрожь пробежала по его телу, кровь хлынула изо рта. Виннету в последний раз сжал мои руки, и вдруг его пальцы похолодели и разжались... Мой друг умер...

Что я еще могу сказать об этом? Настоящую глубокую печаль невозможно выразить словами. Мне хотелось в тот момент только одного: чтобы поскорее наступило время, когда такие кровавые истории станут не более чем старинными легендами...

Мы вдвоем не раз смотрели смерти в лицо. Житель Дикого Запада, не важно — белый или краснокожий, всегда готов встретить смерть. Однако в тот день погиб мой лучший друг, и боль разрывала мое сердце на куски. Я и доньше не нахожу слов, чтобы описать, что я чувствовал. Этот необыкновенный человек и мужественный воин пал так внезапно! Он пал, и теперь угаснет все его племя, все краснокожие!..

Всю ночь я не сомкнул глаз и не вымолвил ни слова. Мои глаза нестерпимо жгло, но они оставались сухими. Предчувствие смерти терзало Виннету не напрасно. Я с радостью провел бы с ним весь остаток своей жизни, но он лежал на моих коленях бездыханный, как когда-то лежали перед ним Клики-Петра и его сестра Ншо-Чи.

Утром мы покинули гору Хенкок. Надо было спешить: оглала могли

нагрянуть всей силой в любую минуту. Тело вождя апачей завернули в одеяло и привязали к лошади. От долины реки Метсур нас отделяло всего два дня пути. Заметая следы, мы отправились туда, где Виннету назначил место своего погребения.

На второй день к вечеру мы уже были на берегах этой небольшой горной реки. Тут мы похоронили Виннету со всеми почестями, приличествующими великому вождю. Он сидит верхом на своем мустанге внутри каменного кургана в полном вооружении краснокожего воина и с серебряным ружьем. Только не трепещут на ветру над его могилой скальпы убитых врагов — по христианскому обычаю мы воздвигли на ней крест.

В долине поселенцы нашли не только обещанные камни, но и золотой песок, что с лихвой возместило рабочим потери, которые они понесли, бросив работу и пустившись в погоню за оглала. Многие из них остались там вместе со стариком Хильманом и его друзьями и обосновали новый поселок под прежним названием — Хелльдорф. Остальные вернулись в Экоу-Каньон, где узнали, что главарь шайки железнодорожных грабителей Геллер скончался от ран. Схваченные вместе с ним бандиты были переданы в руки правосудия.

Глава VIII. ЗАВЕЩАНИЕ ВИННЕТУ

Виннету мертв! Достаточно этих двух слов, чтобы читатель представил себе душевное состояние, в котором я тогда пребывал. В течение нескольких дней я неподвижно сидел у подножия кургана, где покоился мой краснокожий брат, и мне казалось, что я никогда не смогу заставить себя покинуть его могилу. В полном молчании я смотрел на снующих по долине людей, которые строили новый поселок; я смотрел на них, но, честно говоря, ничего не видел и не замечал. Они заговаривали со мной, но я не слышал их слов и не различал их голоса, я отсутствовал душой. Я находился как бы в полубморочном состоянии, словно оглушенный неожиданным ударом по голове, как человек, который, прежде чем потерять сознание, слышит вроде бы все, но звуки доносятся издалека, видит все, но будто через мутное стекло. Нам сопутствовала удача, так как краснокожие не нашли наших следов. Я был сейчас не способен сражаться с кем бы то ни было, а может быть, как раз наоборот — опасность привела бы меня в чувство?

Доброжелательные поселенцы пытались отвлечь меня, но все их старания пропали втуне. Прошло несколько дней, пока я наконец-то пришел в себя и принялся помогать им. Я работал до изнеможения, и тяжелый труд благотворно повлиял на меня. Несмотря на то, что я все еще не мог заставить себя разговаривать с людьми, ко мне вернулись силы и я снова стал тем, кем был до того, как произошло ужасное несчастье. Я снова мог дать добрый совет другому и протянуть ему руку помощи.

Так продолжалось две недели, после чего я сказал себе, что дольше мне оставаться в новом поселке нельзя. Завещание Виннету звало меня на Наггит-циль, где мы некогда похоронили Инчу-Чуну и его прекрасную дочь. Кроме того, я считал своей обязанностью заехать в пуэбло на реке Пекос и самому рассказать апачам о славной кончине самого мужественного и знаменитого из их вождей. Конечно, подобные вести распространяются по прерии в мгновение ока, и слух о смерти Виннету наверняка опередил бы меня, но как друг и брат покойного, как один из вождей апачей, как свидетель гибели Виннету, я должен был сделать это. Поселенцы больше не нуждались в моей помощи, тем более что Толстяк Уокер оставался с ними.

Мои новые друзья сердечно попрощались со мной, и я покинул поселок верхом на моем чубаром жеребце. Не желая никого видеть и

находя утешение в полном одиночестве, я выбрал для своего путешествия самую безлюдную дорогу.

Мне действительно удалось сохранить одиночество до того места, где Бивер-Крик впадает в Канейдиан. Там на моем пути оказался вождь команчей То-Кей-Хун, из чьих рук в свое время нам чудом удалось вырваться. Пока мы с Виннету на севере сражались с племенами сиу, команчи снова встали на тропу войны, и То-Кей-Хун повел семьдесят воинов на могилы вождей на священной Желтой горе, чтобы выслушать там предсказания шаманов. По пути кровожадный команч сумел захватить в плен несколько белых путешественников и вознамерился поставить их к столбу пыток, хотя несчастные не сделали ему ничего плохого. Пришлось мне вмешаться в события и освободить пленников. Однако история спасения пленников не связана с Виннету, поэтому скажу лишь, что, проводив перепуганных белых до границы с Нью-Мексико, где им больше не угрожала опасность, я поспешил на юго-восток, чтобы кратчайшим путем добраться до Наггит-циль и исполнить последнюю волю друга.

Мой путь пролегал по владениям команчей и кайова, и если первые относились ко мне, мягко говоря, недружелюбно, то вторым мне никак нельзя было попадаться на глаза — я считался смертельным врагом всего племени после того, как моя пуля сделала калекой их вождя. Но я держал уши остро и благополучно избежал нежелательных встреч. На берегу Канейдиан я неожиданно наткнулся на отпечатки лошадиных копыт, ведущие в том же направлении, в каком стремился и я. Поразмыслив, я решил поехать по следу, чтобы проверить, кто встретился на моем пути, и уж потом решить, что делать.

Всадников было трое, проехали они всего лишь за час до моего появления, а некоторое время спустя я нашел место, где один из них спешился, чтобы подтянуть подпругу. Отпечатки ног, обутых в сапоги, не оставляли сомнений, что это был белый человек; вряд ли он решился бы путешествовать в обществе краснокожих, из чего я с уверенностью заключил, что все трое всадников были белыми.

Таким образом, не было необходимости скрываться от них; в то же время я вовсе не был обязан путешествовать вместе с ними. Двигались они не спеша, и часа два спустя я уже увидел их среди холмов.

Смеркалось, и я решил встать на ночлег у реки. Ехавшие впереди меня белые исчезли за кустами, покрывавшими берега, а когда я выбрался на открытое пространство, то увидел, что они расседлывают лошадей. Я присмотрелся: лошади у них были хорошие, вооружены путники тоже были неплохо, а вот вид их не внушал мне доверия.

Мое внезапное появление испугало их, однако, заметив, что я один, они ответили на мое приветствие и вышли мне навстречу.

— Ну, и напугали же вы нас! — обратился ко мне один из них.

— Разве у вас совесть нечиста, джентльмены, что вы так пугливы? — ответил я вопросом.

— Ну что вы! Совесть не мешает нам спать. Но ведь Дикий Запад не для прогулок. Когда внезапно появляется незнакомец, рука в этих местах сама невольно тянется к оружию. Позвольте спросить вас, откуда вы едете.

— С Бивер-Форк.

— А куда направляетесь?

— На Пекос.

— Дальше, чем мы. Мы едем все лишь до Магворт-Хиллз.

Магворт-Хиллз! Этим словом белые называли те горы, которым апачи дали имя Наггит-циль. Зачем туда направлялись эти трое?

— А где это? — изобразил я недоумение, пытаюсь незаметно выяснить их намерения.

— Не так далеко отсюда. Там в горах растет уйма полыни.

— Что? — продолжал я прикидываться простаком.

— О таких вещах не принято говорить, не то вам тоже сразу захочется в Магворт-Хиллз.

— Болтун! — прикрикнул на него второй незнакомец. — Что ты несешь?

— Извини, что на уме, то и на языке. А кто вы такой? — спросил он напрямик.

Однако слова, которые он «нес», произвели на меня такое чрезвычайное впечатление, что я решил остаться с ними и выяснить, не охотятся ли они за золотом апачей. Поэтому я ответил на вопрос осторожно:

— Простой траппер, если не возражаете.

— Я возражаю?! Боже упаси! А как вас зовут? Или вы предпочитаете держать свое имя в тайне?

— Ну что вы! К аристократам прерии я не принадлежу, меня зовут Джонс.

— Редкая фамилия! — улыбнулся один из них. — Боюсь, что мне даже не удастся сразу запомнить ее. А где же ваши силки и капканы?

— У меня их отняли вместе с двухмесячной добычей. Но я рад, что остался жив.

— Охотно верю. В последнее время команчи не щадят никого.

— А разве кайова не такие же, как и команчи?

— Еще хуже.

— И вы решились на путешествие по их владениям?

— Нам их бояться нечего, нас они не тронут. Наш товарищ, мистер Сантэр, друг вождя кайова.

Сантэр! При звуке этого имени меня словно ударило молнией. Я с трудом сохранил на лице маску равнодушия. Эти люди пользовались покровительством Сантэра! Того самого Сантэра, который подло убил отца Виннету Инчу-Чуну и его красавицу-сестру Ншо-Чи! Именно за Сантэром много лет охотился Виннету, но так и не сумел настичнуть его и отомстить за смерть близких.

У меня больше не оставалось сомнений, что я присоединюсь к ним.

— Однако уже темнеет, — осторожно заметил я, — мне пора искать место для ночлега.

— Можете переночевать с нами, — последовал ответ, которого я и ожидал.

— Боюсь, что... Вы же сами сказали мне, — продолжал петлять и я, чтобы им не показалось, будто я навязываюсь, — что не следует доверять первому встречному.

— Мы не внушаем вам доверия?

— Вовсе нет, но вы спросили у меня, кто я такой, а сами так и не назвали.

— Не беспокойтесь, мы сейчас представимся. Мы вестмены и живем охотой и всем, что под руку подвернется. Меня зовут Гейтс, это мистер Клай, а третий из нас — мистер Саммер. Вы удовлетворены?

— Вполне.

— Тогда — или добро пожаловать, или скатертью дорога. Мы вас не задерживаем, но и не гоним от себя. Решайте.

Все складывалось как нельзя лучше: они сами пригласили меня остаться.

— С вашего разрешения... Словом, я буду чувствовать себя увереннее рядом с вами.

— Ну, конечно! С нами вы будете в безопасности. Одно имя Сантэра защитит нас от краснокожих.

— Кто он такой, этот Сантэр? — продолжал спрашивать я, спешиваясь и присоединяясь к ним.

— Он настоящий джентльмен. Мы век будем благодарить его, если он выполнит свое обещание.

— А как давно вы с ним знакомы?

— Мы познакомились с ним несколько дней назад в форте Арканзас.

Почему вы о нем спрашиваете? Вы, случайно, не встречались с ним раньше?

— Что вы, мистер Гейтс! Стал бы я расспрашивать о знакомом мне человеке! Просто вы сказали, что его имя защитит вас, а раз уж я оказался в вашем обществе, то, надеюсь, оно защитит и меня!

— Вы правы. Присаживайтесь и угощайтесь. Я вижу, запасы еды у вас небогатые.

— Почему же? У меня с собой фунтов пять вяленого мяса.

— У нас побольше будет. Так что, если вам не хватит собственных запасов, мы поделимся с вами.

Вначале, с первого взгляда, я принял их за бродяг без чести и без совести, рыщущих по прерии в поисках добычи. Но теперь, присмотревшись к ним повнимательнее, готов был поверить, что они — люди честные, конечно, по меркам Дикого Запада, где требования не слишком строгие. Пока мы ужинали мясом, они рассматривали меня с ног до головы совершенно бесцеремонно, пока наконец Гейтс, который, как мне показалось, присвоил себе право говорить от имени остальных, не сказал:

— Так вы говорите, что команчи отняли у вас меха и капканы? Жаль. Как же вы собираетесь жить дальше?

— Не беда, возьмусь за охоту.

— Я вижу, у вас два ружья.

— Да. Вон то, большое, стреляет пулями, а вон то, поменьше, обычный дробовик.

Я уже был научен и возил мои слишком приметные ружья в закрытых чехлах, чтобы по ним нельзя было сразу узнать, кто я такой. Уж слишком много легенд рассказывали о штуцере и флинте работы мастера Генри из Сент-Луиса.

— Ха-ха-ха! К чему таскать с собой два ружья, если существуют двустволки с одним стволом для пуль и другим для дроби?

— Так-то оно так, но я привык к моим старым пушкам.

— А что вы собираетесь делать на Пекос, мистер Джонс?

— Ничего особенно. Говорят, что там поспокойнее, чем здесь, и дичи побольше.

— И вы поверили? Как же, разрешат вам апачи охотиться в своих угодьях! Здесь у вас отняли меха и капканы, а там снимут скальп. Вам обязательно ехать туда?

— Вовсе нет.

— Тогда поезжайте с нами.

— С вами? — притворно удивился я. — В Магворт-Хиллз? А зачем?

— Не знаю, имею ли я право сказать вам... Что вы об этом думаете? — обратился он к своим спутникам.

Вестмены переглянулись, затем тот, кого называли Клаем, ответил:

— Мистер Сантэр запретил нам болтать лишнее, но он же говорил, что для такой работенки не мешало бы найти побольше людей. Поступай, как считаешь нужным.

— Так и быть, — согласился с ним Гейтс. — Думаю, что если мистеру Сантэру потребуются еще люди, то мы имеем право взять с собой мистера Джонса. У вас есть свободное время?

— Больше, чем мне хотелось бы, — ответил я.

— Не хотите ли взяться за дело, во много раз более прибыльное, чем таскаться по прерии, добывать меха, а потом отдавать их за здорово живешь краснокожим?

— Почему бы и нет? Я не прочь подзаработать, а если дело выгодное, то не понимаю, почему я должен отказываться? Однако я хотел бы знать, во что я ввязываюсь.

— Разумеется. Нас просили держать язык за зубами, но у вас такое добродушное лицо, что, как мне кажется, вы не можете быть подлецом.

— Можете мне поверить. Я — человек честный.

— Надеюсь, что так оно и есть. Так вот: мы едем в Магворт-Хиллз за золотыми самородками.

— За золотом?! В самородках?! — вскричал я. — Да разве в Магворт-Хиллз нашли хоть крупицу золота?

— Потихе! Я вижу, мое предложение пришлось вам по душе.

— Но откуда там самородки? Кто вам сказал?

— Мистер Сантэр.

— Он нашел там жилу?

— Нет, потому что в этом случае он обошелся бы и без нас.

— А не кажется ли вам, что золото существует только в воображении мистера Сантэра?

— Он совершенно уверен, что там спрятаны сказочные сокровища, и это суцая правда. Я объясню вам все так, как он нам объяснил. Вы когда-нибудь слышали про Виннету?

— Про вождя апачей? Ну конечно!

— А про Олд Шеттерхэнда?

— Мне о нем рассказывали.

— Они были очень дружны и когда-то побывали в Магворт-Хиллз вместе с отцом Виннету. Мистер Сантэр шел по их следу и ночью

подслушал, что Виннету с отцом отправятся в горы за самородками. Конечно, он предположил, что золото лежит там под ногами, раз краснокожие берут его оттуда сколько угодно и когда угодно. Мне кажется, он рассуждал верно.

— Без сомнения.

— Слушайте дальше. Что должен был сделать на его месте любой умный человек? Ну конечно, пойти вслед за апачами и узнать, где лежит золото. Мистер Сантэр так и поступил. Зачем золото краснокожим, которые даже не знают ему цену?

— Ну и как? Ему повезло?

— К сожалению, не очень. Краснокожих было трое — Виннету, его отец и его сестра. Представляете, как осторожно надо было идти по следу индейцев, чтобы они вас не заметили? Когда мистер Сантэр приблизился к заветному месту, апачи уже возвращались назад. Он просто опоздал. Вот такая получилась паршивая история!

— Но почему же он спрятался, а потом не пошел дальше по их следам? Тогда он наверняка бы добрался до золота апачей!

— Тысяча чертей! Ведь и вправду! Вы малый не промах, как я погляжу, и нам сгодитесь. Но произошло все по-другому. Мистер Сантэр подумал, что краснокожие унесли с собой большую часть самородков, и решил отнять у них золото.

— Ему это удалось?

— Нет, он успел пристрелить только старика и девушку. Там их и похоронили. Мистер Сантэр разделался бы и с Виннету, не помешай ему Олд Шеттерхэнд, который появился там невесть откуда и так не вовремя. Потом Олд Шеттерхэнд собрал шайку белых и краснокожих и преследовал Сантэра, чтобы отомстить ему, но тот скрылся в стойбище кайова. Там он и подружился с их вождем Тингуа. Мистер Сантэр не раз возвращался в Магворт-Хиллз и искал золото, но так ничего и не нашел. Только теперь ему пришла в голову мысль набрать людей для помощи. Я предлагаю вам присоединиться к нам. Впятером мы обыщем каждую пядь этих проклятых гор.

— Вы надеетесь на успех?

— На этот раз осечки быть не может. Краснокожие так быстро вернулись тогда от своих сокровищ, что они, несомненно, спрятаны где-то поблизости от того места, где мистер Сантэр подстрелил отца и сестру Виннету. Если мы не найдем золото, то, значит, сам сатана прячет его от нас. Времени у нас хоть отбавляй, будем искать неделю, две, месяц. Никто нас из Магворт-Хиллз не выгонит. Что вы скажете на это?

— Правду говоря, мне это дело не совсем по вкусу.

— Почему же?

— Оно испачкано кровью.

— Не говорите глупостей. Разве мы ее пролили? Да и велика ли важность? Когда-то кто-то убил парочку краснокожих! Да они и так обречены, их всех со временем сотрут с лица земли. Что случилось — то случилось, нас это не касается. Мы ищем золото, а когда найдем, поделим его и заживем, как богатые люди.

Нельзя сказать, чтобы люди, повстречавшиеся мне на пути, были отъявленными негодяями. Это были обыкновенные белые, которых тысячи, десятки тысяч, и которые ценят жизнь индейца не выше жизни дичи. В то же время они не были опытными вестменами и не умели вести себя осторожно, в противном случае они не открыли бы своих намерений и не предложили первому встречному свое общество и возможность разбогатеть. Физиономия честного человека в прерии не всегда должна вызывать доверие.

Думаю, не стоит объяснять читателю, насколько меня обрадовала эта неожиданная встреча. Я снова попал на след Сантэра, я знал его планы, и у меня появилась надежда, что он наконец-то не уйдет от возмездия. Чтобы скрыть охватившие меня чувства, я с сомнением покачал головой.

— Конечно, мне хотелось бы добраться до золота апачей, но боюсь, что даже если мы его найдем, то вскоре расстанемся с ним.

— Это почему же? Я не собираюсь выбрасывать его.

— А если у нас его отнимут силой?

— Но кто решится на такое?

— Мистер Сантэр, которому вы так доверяете. Вы ведь его совсем не знаете.

— Вы не можете так судить о человеке, которого никогда не видели. Он джентльмен, и о нем хорошо отзываются в форте Арканзас.

— А где он сейчас?

— Только вчера мы расстались с ним, и он уехал на Солт-Форк, в стойбище кайова.

— Что ему там понадобилось?

— Он спешит сообщить Тангуа очень важную новость. Виннету умер.

— Это правда?

— Да. Он погиб от пули сиу. Тангуа был смертельным, непримиримым врагом Виннету. Его обрадует это известие. Поэтому мистер Сантэр встретится с нами попозже в Магворт-Хиллз, он честный джентльмен и желает нам добра. Когда вы его увидите, он вам непременно понравится.

— Может быть, но тем не менее советую вам остерегаться его.

— Да почему же?

— Я готов присоединиться к вам, но буду смотреть за ним в оба. Вы называете честным человеком того, кто из-за кучки золота убил старика и девушку? Я имею полное право опасаться, что он убьет и нас, как только мы поможем ему найти золото.

— Вы говорите серьезно... мистер Джонс?

Гейтс, видимо, от испуга стал запинаться. Клай и Саммер тоже струхнули и растерянно переглядывались.

— Серьезно, и даже очень, — продолжал я. — Думаю, что Сантэр позвал вас на помощь не для того, чтобы разделить с вами сокровища.

— Бросьте вы ваши выдумки!

— Я никогда ничего не выдумываю. Взвесьте все «за» и «против» и скажите, прав я или нет. Во-первых, этот человек пользуется доверием Тангуа, вождя кайова, сльвущего непримиримым врагом всех бледнолицых. За какие заслуги он почтил мистера Сантэра своей дружбой?

— Откуда нам знать?!

— Это легко представить. Чтобы стать другом Тангуа, надо доказать на деле, что ты тоже ни в грош не ставишь жизнь белого человека. Прав я или нет?

— Может быть, и правы. По крайней мере, сейчас ваши слова звучат убедительно. Но это во-первых, а что во-вторых?

— То, что я уже говорил раньше.

— Смерть двух дикарей? Ну, уж это я никак не могу поставить ему в вину. Нельзя по таким пустякам не доверять человеку и считать его негодяем.

— А вам не кажется, что вы очерняете сами себя?

— Нет, все краснокожие — отпетые разбойники, и их надо уничтожать без жалости.

— Но они тоже люди и живут согласно собственным обычаям, которые мы должны уважать!

— Вы собрались прочесть нам проповедь о любви к ближнему? Оставьте свое красноречие для другого случая. Да будь вы даже сто раз правы, я никак не пойму, почему белому человеку нельзя простить смерть двух дикарей?

— Итак, вы настаиваете на том, что мистера Сантэра нельзя осуждать за его действия?

— Я в этом убежден.

— Тогда ответьте на вопрос: почему он их застрелил?

— Чтобы найти их золото! Ясно как божий день!

— Но ведь покойники не говорят!

— Черт возьми! Тогда зачем же?

— Что ему стоило притаиться, пропустить апачей мимо, а потом пойти по их следам, которые и привели бы его к золоту? Он сам сказал вам, что вернулись они очень быстро, а значит, не успели замести следы.

— Вам все равно не удастся переубедить меня. К чему вы клоните?

— Сейчас увидите. Мистер Сантэр убил краснокожих не для того, чтобы добраться до их золота, а чтобы ограбить их!

— На мой взгляд, это одно и то же.

— Для него и для убитых им апачей — одно и то же, но для нас — нет.

— Почему? Решительно не понимаю!

— Судите сами. Как много золота спрятано в горах?

— Ребенку ясно, что очень много. Не знаю почему, но мне кажется, что там его чертова уйма.

— Вы не знаете почему, а я знаю.

— Вы? — удивленно уставился он на меня.

— Да я. Пораскиньте мозгами. Даже человек, никогда не бывший в Магворт-Хиллз, догадается, что там не может быть золотых месторождений. Откуда же там золото? Все очень просто: апачи спрятали в горах свои сокровища, что-то вроде золотого запаса племени. По-видимому, у них были на то свои причины.

— Теперь вы рассуждаете разумно.

— Если бы там было золото на сотню-другую долларов, индейцы не стали бы прятать его так далеко и так надежно. Там его очень, очень много. То, что взяли оттуда Виннету и его отец, было всего лишь ничтожной частью несметных сокровищ.

— Продолжайте. Вас приятно слушать.

— Мистера Сантэра ждали огромные богатства, но он позарился на жалкие два-три десятка кусочков.

— Конечно, с одной стороны, вы правы, но лучше синица в руках, чем журавль в небе.

— Неужели вы не понимаете, что я пытаюсь вам втолковать? Присмотритесь к тому, как мистер Сантэр привык действовать. Его привычки в будущем могут быть для нас очень опасны.

— Опасны? Ерунда!

— Представьте себе, что мы отправляемся в Магворт-Хиллз, находим там сокровища, а потом...

— Делим их между собой, — скороговоркой вставил мистер Гейтс.

— Но как? Я уверен, что мистер Сантэр потребует себе львиную долю, а нам выделит столько, сколько ему заблагорассудится.

— Делить будем поровну, никто не получит больше, чем остальные! — твердо произнес мистер Гейтс.

— Даже Сантэр?

— Даже он. Он обещал нам поделиться честно, и мы скрепили наш договор рукопожатием. Это самый благородный человек из всех, кого я когда-либо встречал.

— А вы самый легковверный ребенок из всех, кого я когда-либо встречал. Да кто же в здравом уме и твердой памяти поверит обещанию человека, убивающего других ради нескольких крупиц золота?

— Но ведь то были дикари!

— Да будь они даже белые, он без колебания спустил бы курок!

— Хм! — хмыкнул Гейтс, упрямо не желая согласиться со мной.

— Более того, я могу предположить, что если Сантэр пообещал вам долю, равную своей...

— То он сдержит свое слово, — перебил меня Гейтс.

— ...То только потому, что и так получит все назад.

— Вы хотите сказать, что он потом нас ограбит?

— Доля каждого из нас будет во сто крат превышать те жалкие самородки, которые несли с собой индейцы. И если он пристрелил их из-за такого пустяка, то бьюсь об заклад, что как только мы доберемся до золота, наша жизнь не будет стоить и гроша.

— Но ведь существует разница, в кого стрелять: в белого или краснокожего?

— Для человека, охваченного жаждой золота, не существует никакой разницы.

— Не могу с вами согласиться. Я готов биться с вами об заклад на любых условиях, мистер Джонс. Как только вы увидите мистера Сантэра, то сразу поймете, что он заслуживает полного доверия.

— Прекрасно! Я с нетерпением ожидаю того мгновения, когда наконец-то смогу посмотреть ему в лицо.

— В вас столько сомнений и подозрительности, сколько лягушек и пиявок в болоте. Вы можете отказаться от нашего предложения. Я и сам не знаю, как отнесется к вашему присутствию мистер Сантэр. Я-то думал, что делаю вам одолжение, предлагая ехать с нами в Магворт-Хиллз.

В его голосе зазвучала обида. Он досадовал на то, что я не проявил восторга ни по отношению к мистеру Сантэру, ни к блестящей возможности нажать состояние, ограбив апачей.

— Ну что вы, ваше предложение очень выгодно и лестно для меня. Благодарю вас, — примирительно забормотал я.

— Тогда попытайтесь проявить свою благодарность как-нибудь по-другому и не поливайте грязью джентльмена, которого вы и в глаза не видели. Давайте прекратим этот бесполезный спор, будущее нас рассудит.

Мы перевели разговор на другое, причем мне удалось рассеять возникшее между нами недоверие. Я не сомневался в том, что, если бы я назвался своим вестменским прозвищем, они без спора согласились бы со мной. Однако рисковать было нельзя. Неопытные и доверчивые, они скорее могли навредить мне, чем помочь.

Уже совершенно стемнело, и пора было ложиться спать. Место для ночлега они выбрали удачно, но я все же на всякий случай внимательно осмотрел окрестности. Не заметив ничего подозрительного, я спокойно улегся. Мои случайные спутники, называвшие себя вестменами, даже не удосужились выставить часового, я же не стал вмешиваться...

На следующее утро мы продолжили путь в Магворт-Хиллз. Весь день я провел в седле, до боли в глазах всматриваясь в траву в поисках следов краснокожих. Гейтс и его товарищи пребывали в безмятежном состоянии, уверенные, что одно имя Сантэра защитит их от индейцев и что любые предосторожности будут лишними. Я не мог им возражать, чтобы не вызвать подозрений, но не сомневался, что встретиться нам кайова — они с первого взгляда узнают меня и тогда мне несдобровать.

Вечером мы встали на ночлег в открытой прерии. Беспечные охотники за чужим золотом вознамерились было развести костер, но, к моей радости, не нашли хворосту. Ночь была теплая, и мы не озябли. Поутру мы доели остатки вяленого мяса и не мешкая продолжили путь. Теперь мы должны были добывать себе пропитание охотой.

— Может быть, вы хороший траппер, но умеете ли вы охотиться, мистер Джонс? Попадете ли вы в зайца с расстояния в сто шагов?

— С расстояния в сто шагов, говорите? — переспросил я. — Далековато.

— Как пить дать промахнетесь, — подшучивал надо мной Гейтс. — Зря вы тащите с собой свою старую пушку. Из нее можно застрелить слона, но только не мелкого зверя.

— Вы хотите сказать, что стреляете лучше моего?

— Именно это я и хочу сказать. Мы охотники, настоящие вестмены.

— Ну, этого маловато, чтобы раздобыть себе обед.

— Что же еще вам надо?

— Дичь. Вы можете быть замечательным стрелком, но если мы не

встретим зверя, то, несмотря на всю вашу меткость, нам придется голодать.

— Не беспокойтесь, мы найдем, на что поохотиться.

— В прерии? В это время года здесь можно встретить только оленей, а они не подпустят вас на выстрел.

— Да, кое-что вы знаете, но не все. В Магворт-Хиллз хватает лесов, так что голодать мы там не будем. Мистер Сантэр сказал нам, что в тех местах много дичи.

— Когда же мы туда доберемся?

— К полудню, если только не сбились с пути, — ответил мне Гейтс, вглядываясь в даль.

Я лучше их знал, что мы двигались в верном направлении и что еще до полудня увидим горы Наггит-циль. Им казалось, что они сами выбирают дорогу, но в действительности я вел их через прерии кратчайшим путем.

Солнце еще не достигло зенита, когда далеко на юге равнину сменили возвышенности, поросшие лесом.

— Это и есть Магворт-Хиллз? — спросил Клай.

— Да, — ответил ему Гейтс. — Мистер Сантэр подробно описал мне, как они выглядят. Все сходится. Через полчаса будем на месте.

— Боюсь, что нет, — возразил Клай.

— Почему?

— Ты забыл, что горы с севера недоступны для всадников.

— Я ничего не забываю, дружище. Я хотел сказать, что через полчаса мы будем у подножия гор, а потом объедем их и с юга попадем в долину, которая разделяет горы на две части.

Я вмешался в их беседу, чтобы потихоньку выяснить, насколько хорошо описал им Сантэр местность, по чему можно было бы судить, насколько он был откровенен с ними.

— Наверное, в этой долине мы и встретимся с мистером Сантэром?

— Нет, мы будем ждать его в горах.

— А мы проедем туда на лошадях? Там есть дорога?

— Дороги нет, но есть высохшее русло реки. Проехать там нельзя, но можно пройти пешком и провести лошадей за собой.

— А зачем? Какого черта нам лезть в горы? Не лучше ли остаться внизу?

— Не лучше. Апачи спрятали золото где-то на вершине. Разве я не говорил вам, что там находятся могилы вождя и его дочери?

— И мы разобьем лагерь прямо у могил?

— Да. Что ж тут такого?

— И будем там ночевать?

Я задал этот вопрос преднамеренно: я стремился во что бы то ни стало отыскать завещание Виннету, а для этого мне надо было разрыть основание могилы Инчу-Чуны. И именно там им вздумалось разбить лагерь! Желая избавиться от свидетелей, я подумал было, что, может быть, суеверный страх заставит моих случайных попутчиков обосноваться подальше от могил.

— Почему вы спрашиваете, где мы будем ночевать? — Гейтс обнажил зубы в улыбке, предвкушая потеху.

— Как вам сказать... я чувствую себя неловко вблизи могил, — ответил я.

— Так вы боитесь! Саммер, Клай, вы слышали? Мистер Джонс боится покойников! Он думает, что краснокожие выйдут ночью из могилы и вцепятся ему в глотку! Ха-ха-ха!

Он смеялся в голос, его друзья охотно поддержали его. Я молчал, не пытаясь переубедить их. В мои замыслы не входило доказывать собственную храбрость кому бы то ни было. Мне надо перехитрить искателей сокровищ и под самым их носом достать завещание Виннету.

— Вы и в самом деле такой суеверный, мистер Джонс? — продолжал Гейтс с презрительной улыбкой. — Неужели вы верите в глупые выдумки? Покойники не воскресают, и эти двое тоже никогда не покинут свою Страну Вечной Охоты, где им так хорошо живется. Но если они все же предстанут перед вами, зовите нас на помощь, а мы уж с ними справимся.

— Я и сам справлюсь с ними, мистер Гейтс. Я ничего не боюсь, но считаю, что разбивать лагерь у могил нехорошо. Можно же выбрать другое место...

Тем временем мы приблизились к горам. У подножия нам пришлось повернуть на запад и объехать их. Затем мы попали в долину, разделявшую горы, вскарабкались по руслу на вершину, спустились с нее и оказались среди поросшей лесом котловины. Гейтс время от времени останавливался, припоминая описание пути, данное ему Сантэром.

— Прекрасно! — воскликнул он, натягивая поводья. — Вот мы и на месте. Взгляните на те курганы! Теперь остается дожидаться мистера Сантэра.

Он был прав. Перед нами высились знакомые мне могилы Инчу-Чуны и Ншо-Чи.

Внутри сложенного из камней кургана восседал на своем коне отец Виннету в полном боевом снаряжении индейцев. Рядом стояла пирамида из скальных обломков, из которой тянулась к солнцу верхушка дерева. Внутри, прислоненная к стволу, спала вечным сном прекрасная Ншо-Чи.

Я подошел к могилам, и сердце мое сжалось от боли. Я несколько раз бывал здесь вместе с Виннету, чтобы отдать дань памяти погибшим, а теперь я стоял один, без друга и брата, который также покинул меня навсегда. Внезапно тоска в моей душе сменилась жаждой мести. Сантэр! Некогда все мысли Виннету так или иначе возвращались к этому человеку. Молодому вождю апачей, несмотря на все старания, не удалось поймать убийцу и привести приговор в исполнение. Теперь я стоял здесь, у дорогих мне могил, и ждал, когда появится Сантэр. Разве не вправе я был исполнить последнюю волю Виннету? Разве не стал я наследником его мести? Если я пощажу Сантэра, это будет не благородством, не христианской добродетелью, но предательством по отношению к мертвым.

Внезапно я услышал неизвестно откуда донесшийся голос друга: «Виннету стал христианином». В то же мгновение у меня за спиной раздался другой голос, голос Гейтса:

— Что вы высматриваете в этой куче камней? Или вам уже мерещатся призраки умерших краснокожих? Если вы так трусите белым днем, то что же будет с вами ночью?

Я ничего не ответил ему, отвел лошадь на поляну, стреножил и пустил пастись, а сам пошел осмотреть окрестности.

Вернувшись, я увидел, что трое моих товарищей уже устроились. Они сидели у могилы вождя, в точности там, где мне следовало копать, чтобы достать завещание Виннету.

— Куда вы ходили? — грубо спросил Гейтс. — Искали золото? Бросьте эту затею, мы вместе прибыли сюда и вместе начнем поиски, чтобы никто не мог утаить от другого место, где лежат сокровища.

Мне очень не понравились его слова. Хотя они и не знали, кто я такой, однако нельзя было допускать, чтобы со мной разговаривали в подобном тоне. Следовало дать отповедь, но и не переборщить, чтобы не обидеть Гейтса, с которым мне приходилось считаться, по крайней мере пока.

— То ли вы слишком любопытны, мистер Гейтс, то ли вы возомнили, что можете приказывать мне. В конце концов, мне совершенно неважно, почему вы позволяете себе учить меня. Учтите, то я давно вырос из коротких штанишек и сумею за себя постоять.

— Постоять за себя? Мистер Джонс, на что вы намекаете?

— Я не намекаю, мистер Гейтс, я говорю без обиняков: я никому не подчиняюсь.

— Тут-то вы и ошибаетесь. Как только вы присоединились к нашему обществу, вы стали его частью, а в таких делах всегда должен быть человек, чьи приказы остальные выполняют беспрекословно.

— И вы считаете, что отдавать приказы лучше всего получится у вас?

— Да.

— А вот тут-то ошибаетесь вы. Я буду ходить куда захочу и когда захочу. Но давайте прекратим этот спор. Я не собираюсь ссориться с вами и охотно дам вам объяснения. Я ходил, чтобы проверить, нет ли в округе подозрительных следов. Если уж вы такой опытный вестмен, то должны бы знать, что нельзя разбивать лагерь в лесу, не убедившись, нет ли в округе врагов. Вы забыли об этом правиле, поэтому я сделал все за вас. Мне кажется, я заслуживаю благодарности, а не упреков.

— Так вы искали следы? А вы умеете их отыскивать?

— Ну конечно.

— А я-то грешным делом подумал, что вы ищете золото, — с издевкой произнес Гейтс.

— Я не способен на подобные глупости.

— Вы сказали «глупости». Почему?

— Где его искать, знает только Сантэр, если только золото все еще здесь, в чем я глубоко сомневаюсь.

— У вас слишком много сомнений. Я чувствую, вы не доверяете нам. Видимо, не стоило приглашать вас ехать с нами.

— Может быть, и так. Но только боюсь, что золота нам здесь не найти ни с мистером Сантэром, ни без него. Его здесь больше нет.

— Откуда вам знать? Кто вам сказал?

— Здравый смысл. И мне очень странно, что вы выдаете себя за опытных вестменов, а сами до сих пор ни о чем не догадались.

— Хватит говорить загадками. Откройте ваши карты. Здесь было золото?

— Я уверен, что было.

— Тогда кто его унес отсюда?

— Виннету. Он был не просто мужественный воин, но и самый умный и хитрый среди индейских вождей.

— Об этом знаете не только вы, но каждый ребенок на Западе.

— Вот и подумайте: Виннету пришел сюда за золотом, но на него напал Сантэр. Конечно, вождь апачей предположил, что убийца вернется в Магворт-Хиллз, чтобы найти сокровища. Что бы вы сделали на его месте, мистер Гейтс? Неужели оставили бы золото здесь?

— Тысяча чертей! — взорвался он. — Похоже на правду, но я вам не верю.

— Если вы считаете Виннету глупым дикарем, можете искать золото, но не обвиняйте меня в том, что я охочусь за ним за вашей спиной. Я не

позволю принимать меня за дурака.

— Тогда зачем вы приехали с нами?

Я не мог сказать ему, что привело меня в Наггит-циль, поэтому ответил:

— Мне эта мысль пришла в голову только сейчас.

— А до сих пор вы ничего и не подозревали? Однако в ваших словах не все так гладко, как кажется. Наверняка Виннету прятал свои сокровища так хорошо, что не опасался за их сохранность. Я мог бы выдвинуть еще много возражений, но не буду с вами спорить. Подождем мистера Сантэра, посмотрим, что он скажет.

— Когда вы его ждете?

— Сегодня он вряд ли приедет, но завтра точно будет здесь.

— Завтра? Я думаю, это невозможно. Мне как-то довелось побывать на Солт-Форк, куда он отправился. Даже если он будет гнать лошадь, то окажется здесь не раньше, чем вечером послезавтрашнего дня. Чем мы займемся, пока он не приехал?

— Охотой. Нам надо заготовить мясо, чтобы потом не тратить время попусту.

— Мне придется охотиться вместе с вами?

Я нарочно задал этот вопрос в надежде, что все трое уйдут на охоту и я наконец-то останусь один. Увы, мои расчеты не оправдались.

— Боюсь, что вы распугаете дичь. Мы справимся и без вас. Я пойду с Клаем, а вы оставайтесь здесь с Самером и сторожите лошадей.

Вскинув ружья на плечи, они ушли в лес. Я начинал подозревать, что Гейтс, в глубине души не доверяя мне, решил не оставлять меня без присмотра. Но в этом случае он должен был бы считать меня хитрецом и пройдохой, а к таким людям относятся с уважением, ко мне же он выказывал пренебрежение. Судя по всему, он был человеком заносчивым и неопытным. Слово «траппер» он произносил с презрением, хотя для того, чтобы отправиться на пушного зверя, надо быть превосходным стрелком и обладать изрядной смелостью.

Гейтс с Клаем до темноты бегали по лесу, но их труды увенчались ничтожно малой наградой: тощим зайчишкой, мяса которого едва хватило на скромный ужин на четверых здоровых мужчин. Утром Гейтс снова собрался на охоту, на этот раз вместе с Саммером. К обеду они раздобыли только нескольких диких голубей, таких старых и жилистых, что наши зубы с трудом разрывали их мясо.

— Чертово невезение! — оправдывался Гейтс, поглядывая на меня. — Куда могла подеваться дичь? Словно краснокожие покойники, у чьих могил

мы сидим, распугали ее по всей округе.

— Да, если бы ваши обещания можно было зажарить я съесть, мы бы наелись до отвала. А эти птички чудом выжили со времени потопа. Как жаль, что вы не пощадили столь юные создания!

— Вы смеетесь надо мной, сэр?

— Ну, что вы! Моему желудку так же не смешно, как и вашему.

— Сначала принесите что-нибудь съестное, а потом смейтесь на здоровье.

— Так уж и быть. Теперь настала моя очередь добывать жаркое. И что-нибудь получше зайца или допотопной птицы.

Я встал, взял оба ружья и направился в лес. За моей спиной слышались смешки.

— Вы только посмотрите, как он шагает со своими пушками! Ни пуха ни пера!

Больше я ничего не слышал. Остановись я тогда и подслушай, что они говорят, все сложилось бы по-другому. Позже я узнал, что они в самом деле были уверены, что я не добуду «ни пуха, ни пера», и все трое сразу же за мной ушли на охоту, чтобы еще раз попытать счастья и сразить меня наповал богатой добычей. Таким образом, у могил никого не оставалось, и я мог бы преспокойно выкопать завещание Виннету, замести следы моих поисков, а потом успеть раздобыть что-нибудь на ужин.

Два дня они ходили на охоту в ту сторону, откуда мы приехали; понимая, что там они уже распугали всю дичь, я направился на север, к долине, куда мы когда-то заманили кайова и захлопнули за ними ловушку в тесном ущелье. Приближался полдень, и время было неподходящее для охоты, поэтому я ограничился тем, что подстрелил двух жирных индюков и вернулся в лагерь.

У могил никого не было; подозревая, что спутники решили подшутить надо мной и пошли по моему следу, я внимательно осмотрелся, нашел их следы и понял, что они тоже отправились на охоту.

Как много бы я дал, чтобы они подольше не возвращались!

Вырезав у западной стороны могилы большой кусок дерна, я снял его и положил на одеяло. Туда же я ссыпал выкопанную землю, чтобы не оставить в траве следов. Я очень спешил, лихорадочно долбил ножом твердую каменистую землю, время от времени поднимая голову и вслушиваясь в звуки леса: не раздадутся ли шаги или голоса возвращающихся вестменов.

Внезапно мой нож ударился о камень, я расчистил его и вынул, под ним оказался еще один. Под вторым и находился тайник, в котором лежало

завернутое в кусок кожи завещание моего друга и брата.

Я поскорее сунул его в карман и принялся засыпать яму, стараясь не оставить на траве ни песчинки. Уложив сверху вырезанный мной кусок дерна, я окинул взглядом место раскопок и остался доволен — никто не мог заметить, что я искал что-то в том месте.

Слава Богу! Мне повезло, по крайней мере мне тогда так казалось. Я снова прислушался и не услышал ни одного подозрительного звука или шороха. Непослушными от волнения пальцами я развернул кожаный сверток, найденный в тайнике, и обнаружил внутри конверт из замши, стянутый по швам оленьими сухожилиями.

Я задумался: спрятать завещание или же прочесть его сразу? Мне казалось, что скрываться от моих случайных спутников нелепо, люди они были далеко не опытные. Даже если они увидят меня за чтением, то ничего не заподозрят. Откуда им знать, что я читаю? Старое письмо от родных? Просматриваю счета, которые придется оплатить по возвращении в город? Они не вправе спрашивать меня о том, что я читаю. А если даже и спросят, то я найду, что им ответить.

Так мысленно рассуждал я, не в состоянии оторвать глаз от завещания Виннету, которое, казалось, заморозило меня. Я рассматривал его, потом вытащил из конверта бумаги и бросил на них взгляд. Клеки-Петра, которого называли Учителем апачей, сам научил Виннету письму. Я хорошо знал его почерк, несколько неуклюжий и детский, так как его привычные к оружию руки с трудом держали перо. Сомнений не было: те листы бумаги, которые я держал в руках, были написаны им.

Наконец-то я решился и в нетерпении разложил на коленях исписанные листы. Сколько же времени ему понадобилось на то, чтобы составить свое последнее послание ко мне? Слезы застилали мне глаза.

«Мой любимый и добрый брат!

Ты жив, а Виннету, который так тебя любил, уже мертв, но его душа всегда с тобой. Сейчас ты держишь ее в руке, ибо вся она в этих листах. Пусть она навсегда сохранится в твоём сердце.

Узнай же о последнем желании твоего краснокожего брата и никогда не забывай его. Виннету оставил еще одно завещание, оно хранится у его краснокожих братьев в пуэбло на Пекос. То, что ты держишь в руке, предназначено только тебе.

Твои глаза увидят золото, очень много золота, и ты поступишь с ним так, как велит тебе мой дух. Оно лежало в Наггит-циль, но убийца Сантэр кружил вокруг него, поэтому Виннету увез самородки в Деклил-То, где мы когда-то бывали с тобой. Ты проедешь через горы и доберешься до Тсе-

Шош, где со скал падает вода. Там сойдешь с лошади и вскарабкаешься...»

Пока я вспоминал, что Деклил-То на языке апачей означает Темная Вода, а Тсе-Шош — Медвежья Скала, за моей спиной раздался голос, заставивший меня вздрогнуть:

— Добрый день, мистер Шеттерхэнд. Вы решили поупражняться в чтении?

Я обернулся и тут же понял, что совершил ошибку, какой мне еще никогда в жизни не доводилось совершать — мое оружие лежало рядом с убитыми птицами в десяти шагах от меня, а я сидел, прислонившись к могиле Инчу-Чуны, спиной к дороге, ведущий из долины к курганам. Горя нетерпением узнать последнюю волю Виннету, я утратил обычную бдительность. Воспоминания о близком мне человеке, его последние слова, обращенные ко мне, настолько захватили меня, что я не заметил, как кто-то бесшумно подкрался ко мне.

Сантер собственной персоной стоял между мной и моим оружием и целился в меня из своего карабина!

В следующее мгновение обе мои руки машинально метнулись к револьверам. Увы! Пояс вместе с ножом и оружием я снял, чтобы он не мешал мне рыть яму у могилы вождя. Заметив мое движение, Сантэр презрительно расхохотался.

— Одно движение — и я стреляю! Ты меня знаешь, я шуток не люблю!

Злой блеск его глаз говорил о том, что он действительно готов выстрелить в меня. Он застал меня врасплох, но я быстро взял себя в руки и стоял, не шевелясь, оглядывая его холодным взглядом с ног до головы.

— Наконец-то ты в моей власти, — продолжал Сантэр. — Погляди сюда, видишь мой палец на курке? Стоит мне легонько нажать его, и я всажу тебе пулю в лоб. С каким удовольствием я это сделаю! Не двигайся, не то попадешь прямиком в ад! Ты не ждал меня сегодня, не так ли?

— Нет, — ответил я спокойно.

— Ты правильно рассчитал, что я буду здесь только завтра к вечеру, но обстоятельства изменились.

Если он знал, когда я рассчитывал на встречу с ним, значит, он успел переговорить с Гейтсом и его друзьями. Я скосил глаза, пытаюсь высмотреть спутников. Сантэр не мог убить меня в их присутствии, так как, пока золото не было найдено, ему приходилось играть роль благородного человека и джентльмена.

— Я собирался съездить на Солт-Форк, — продолжал Сантэр с горящими от ненависти глазами, — чтобы сообщить Тангуа, что собака-

апач наконец-то погиб. Но по пути мне встретился отряд кайова, поэтому я и приехал сюда раньше, чем ты рассчитывал. У подножия горы я увидел Гейтса, который там охотился. Он мне и сказал, что привел сюда некоего мистера Джонса. Мистера Джонса! Ха-ха-ха! Придурковатого траппера с двумя ружьями! Я сразу же заподозрил неладное и взобрался наверх, чтобы посмотреть на мистера Джонса, когда он будет возвращаться с охоты. Но ты уже был здесь и рыл яму около могилы. Что это за бумага?

— Счет от портного.

— Ты еще потешаешься надо мной? Говори правду, собака!

— Счет от портного. Подойдите и убедитесь сами.

— Сначала я свяжу тебя? Что ты делаешь в Магворт-Хиллз?

— Ищу золото, но нахожу только счета от портного.

— От кого бы ни были эти счета, ты по ним заплатишь сполна. Черт носит тебя там, где тебя меньше всего ждут, но на этот раз ты оказался там, где надо. Теперь ты от меня не уйдешь. Наконец-то я разделаюсь с тобой!

— Если уж одному из нас суждено умереть, то я готов уступить вам свою очередь.

— Только собака рычит и скалит зубы за минуту до смерти. Но тебе это не поможет. Ты уже мертв. Так что ты тут откапывал, собака? Пытался найти золотые кости? Мы их возьмем себе.

— Не обломайте о них зубы.

— Ты, правда, сказал, что здесь ничего нет, но твоя бумага поможет нам найти золото. Слушай меня внимательно. Не шевелись, иначе я спущу курок. Будь на твоём месте кто-нибудь другой, я, может быть, и не выполнил бы угрозу, но опаснее негодяя, чем ты, мне не приходилось видеть, поэтому можешь быть уверен, что рука у меня не дрогнет.

— Уж я-то знаю об этом!

— Вот и хорошо! Эй! Идите сюда и свяжите его!

Гейтс, Клай и Саммер вышли из-за деревьев, откуда наблюдали за нами, и медленно, с опаской приблизились ко мне. Гейтс вытащил из кармана узкий длинный ремень сыромятной кожи и счел необходимым извиниться передо мной:

— Извините, сэр, но нам не остается ничего другого, как связать вас. Почему вы сразу не сказали нам, что вы — Олд Шеттерхэнд? Вам вздумалось играть с нами в кошки-мышки, и вы проиграли. Не вздумайте сопротивляться, иначе мистер Сантэр убьет вас!

— К чему все эти разговоры? — оборвал его Сантэр и приказал мне: — Брось бумагу на землю и протяни ему руки!

Негодяй не сомневался, что я всецело в его власти. Однако он

допустил ошибку, и мне, чтобы выйти победителем из схватки с ним, оставалось только быстро и умело воспользоваться его промашкой.

— Живее! — торопил он меня, не подозревая о том, что сейчас должно было произойти. — Живее, а то у меня уже палец дрожит на курке от желания всадить тебе пулю в лоб!

Я покорно выронил бумагу и вытянул руки вперед, с таким расчетом, чтобы простофиля Гейтс, связывая их, стал между мной и Сантэром.

— Уйди! Уйди в сторону! — завопил Сантэр. — Ты же закрыл мне...

Он не успел закончить, потому что я ухватил Гейтса за пояс и с силой швырнул его в Сантэра. Он, правда, попытался было увернуться от летящего на него Гейтса, но было поздно. Двести фунтов живого веса, увешанные тяжелыми сапогами, шпорами, патронташами и револьверами, обрушились на Сантэра, и он покатился по земле, выронив из рук ружье. В то же мгновение, не давая ему опомниться, я бросился к нему и обрушил на голову удар кулака. Гейтс лежал рядом и с ужасом глядел на меня. Двое его товарищей растерянно переглядывались, не зная, что делать.

Я выхватил у оглушенного Сантэра револьвер и направил его на них.

— Теперь вы верите, что я и в самом деле Олд Шеттерхэнд? Не хватайтесь за оружие, джентльмены. Вы не успеете поднять его, как будете на том свете, поэтому лучше бросьте ружья на землю.

У «настоящих» вестменов не нашлось возражений, и они бросили свои ружья в траву.

— А теперь садитесь вон там, у могилы дочери вождя. Ведите себя благоразумно, и с вами ничего не случится.

— Это ужасно, ужасно! — бормотал Гейтс, ощупывая себе руки и ноги. — Я летел по воздуху, словно мяч. По-моему, вы переломали мне все кости.

— Сами виноваты, в следующий раз думайте хорошенько, прежде чем связываться с негодями вроде Сантэра. Откуда вы взяли ремень?

— Мне его дал мистер Сантэр.

— А больше у вас нет?

— Есть.

— Давайте сюда.

Гейтс вытащил ремни из кармана и протянул мне. Я быстро связал Сантэру ноги, а затем вывернул ему руки и связал их за спиной.

— Этот мне уже не опасен, — произнес я, с улыбкой глядя на Гейтса и его товарищей. — Может быть, мне лучше связать и вас?

— Не надо, сэр! Мы ни во что не вмешиваемся, — поспешил с заверениями Гейтс. — С меня достаточно. Я готов сидеть здесь и не

двигаться с места столько времени, сколько вам понадобится.

— Вы ведете себя на удивление благоразумно. Наверное, вы уже убедились, что я не люблю шутить?

— Какие уж тут шутки! Как я мог так ошибаться и принять вас за траппера?!

— Это потому, что вы в глаза не видели настоящего траппера. Как поохотились? Что-нибудь убили?

— Нет, нам опять не повезло.

— Тогда прошу вас посмотреть на этих двух птичек, которых раздобыл я. Если вы пообещаете мне не делать глупостей, мы зажарим их и подкрепимся. Надеюсь, что в самом скором времени вы убедитесь в том, что Сантэр только кажется честным человеком и джентльменом. Сам я считаю, что большего негодяя трудно найти во всех Соединенных Штатах.

Тем временем Сантэр пришел в себя, открыл глаза и пошевелился. Он увидел меня с револьвером в руке и своих трех сообщников, покорно сидящих у могилы Ншо-Чи, и глаза его округлились.

— Что такое? Я... меня связали?

— Да, я вас связал, — развеял я его сомнения. — Обстоятельства изменились. Надеюсь, вы не имеете ничего против?

— Собака! — в бешенстве заскрежетал он зубами.

— Успокойтесь и не усугубляйте свое положение. Оно и так не блестяще.

— Иди к черту!

— До сих пор разум подсказывал мне, что следует мириться с тем, как вы обращаетесь ко мне. Но теперь я советую вам вести себя повежливее.

Сантэр пропустил мое замечание мимо ушей и изучающе посмотрел на трех вестменов, сидящих у могилы Ншо-Чи.

— Вы ему уже все выложили?

— Нет! — поспешно заверил Гейтс.

— Советую держать язык за зубами! — грозно произнес Сантэр.

— Что же они могли мне выложить? — спросил я.

— Ничего!

— Говорите по-хорошему, не то мне придется силой открыть вам рот!

— Золото, — нехотя процедил сквозь зубы Сантэр.

— Что это значит?

— Где лежит золото. Я поделился с ними моими догадками и боялся, что они все выложили вам.

— Это правда? — обратился я к Гейтсу.

— Да, — подтвердил тот.

— Сантэр в самом деле ни о чем другом не говорил вам?

— Нет.

— Не вздумайте обмануть меня! Ложью вы прежде всего навредите себе!

Гейтс поколебался мгновение и сказал, как мне показалось, искренне:

— Поверьте, сэр, я не лгу. Он действительно говорил с нами только о золоте.

— Я слишком хорошо знаю Сантэра, чтобы верить его признаниям. В ваших же интересах сказать мне правду. Не говорил ли он вам о кайова, когда вы встретились с ним в долине?

— Говорил.

— Он был там один?

— Да.

— Он был на Солт-Форке?

— Нет. По дороге туда он встретился с отрядом краснокожих.

— Сколько воинов было в отряде?

— Около шести десятков.

— Кто их вел?

— Пида, сын вождя Тангуа.

— Где они теперь?

— Вернулись в стойбище.

— А вы не лжете?

— Нет, Богом клянусь, сэр!

— Помните, мистер Гейтс, что человек волен поступать, как ему заблагорассудится, но от этого зависит, станет ли его пребывание на земле раем или адом. Если вы обманываете меня, то потом вам придется горько раскаяться в этом. Что касается золота, то вы зря сюда приехали. Его здесь нет.

Только теперь я поднял с земли завещание Виннету, сунул его в замшевый конверт и спрятал в карман.

— Мне кажется, что мистеру Сантэру больше известно на этот счет, — с недовольством в голосе произнес Гейтс.

— Ничего ему не известно.

— А вы знаете, где находится золото? Скажите нам!

— Я не вправе сделать это.

— Значит, мистер Сантэр был прав, когда говорил, что вы постараетесь взять все золото себе. Он джентльмен, он покажет нам, где лежат сокровища, и поделится с нами.

— Но он мой пленник!

— Все равно вам когда-нибудь придется отпустить его на свободу.

— Это не так-то просто, как вам кажется. Сантэр должен умереть. Только так он может расплатиться за все свои злодеяния.

Наш разговор прервал громкий смех Сантэра. Я повернулся к нему.

— Скоро вам будет не до смеха. Как вы думаете, что я сделаю с вами?

— Ничего вы со мной не сделаете, — ответил он пренебрежительно.

— Кто мне помешает пустить вам пулю в лоб?

— Ха-ха-ха! Все знают, что Олд Шеттерхэнд боится поднять руку на человека.

— Да, это правда, я не убийца. Вы заслужили даже не одну смерть, и еще несколько недель тому назад я бы без колебаний пристрелил вас на месте, как бешеную собаку. Но Виннету умер, и я вместе с его телом похоронил и его месть.

— Ваше красноречие неуместно. Вы не убьете меня, и все тут!

Он вел себя неслыханно дерзко, но я посчитал, что причиной тому ярость и злоба, и спокойно продолжил:

— Не пытайтесь вывести меня из себя. Моя жажда мести легла в могилу вместе с Виннету. Но любое преступление должно быть искуплено, поэтому я не буду вам мстить, однако наказания вам не избежать.

— Мне плевать, как вы это назовете — местью или наказанием. Убийство всегда остается убийством, и нечего хвастаться своей справедливостью.

— Я не убью вас, а отведу в ближайший форт и отдам в руки правосудия.

— И вы уверены, что справитесь с этим делом? Ведь как-никак я тоже кое-что значу. А может случиться так, что вы окажетесь в моих руках. Но я по натуре злодей и, в отличие от вас, от мести не отрекаюсь. А она уже близка! Она уже здесь!

Он воскликнул громко и радостно и, как выяснилось, имел на то весьма веские основания. В то же мгновение со всех сторон раздался жуткий вой и на поляну высыпали краснокожие. Мускулистые воины кайова в боевой раскраске на лицах обступили меня тесным кольцом.

Итак, Гейтс обманул меня! Кайова следовали за Сантэром в Наггит-циль!

Узнав от Сантэра о гибели Виннету, смертельные враги апачей решили торжественно отметить радостное для них событие на могиле его отца и сестры. Подобные торжества были делом обычным среди краснокожих. Появление же кайова в Магворт-Хиллз было на руку Сантэру, поэтому он и вел себя так самоуверенно и дерзко.

Краснокожие застали меня врасплох. Я выхватил револьвер из-за пояса, но, увидев плотное кольцо из полусотни воинов, сунул его обратно. Сопротивление было бессмысленно, о бегстве нечего было и думать. Я оттолкнул тех, кто стоял ко мне ближе других, и громко воскликнул:

— Воины кайова, остановитесь! Здесь ли ваш молодой вождь? Только ему я сдамся добровольно.

Краснокожие отступили на несколько шагов и стали оглядываться в поисках Пиды, который не принимал участия в нападении. Молодой вождь стоял поодаль, прислонившись к дереву.

— Добровольно? — вскричал Сантэр, которого кайова уже успели освободить. — О какой доброй воле смеет говорить негодяй, называющий себя Олд Шеттерхэнд ом! Он вынужден сдаться, иначе погибнет. Взять его!

Сам он не посмел броситься на меня. Кайова, послушные его приказу, снова подступили ко мне и попытались взять меня голыми руками. Я защищался изо всех сил, и уже несколько человек лежало передо мной, сраженные ударом кулака, но в любом случае они одолели бы меня, если бы не появился Пида и не приказал своим воинам:

— Стойте, отойдите от него! Он хочет сдаться мне.

Воины кайова немедленно отступили, а Сантэр, брызгая слюной, продолжал вопить:

— Бейте его! Бейте, пока он не испустит дух. Пусть каждый воин ударит его! Я приказываю!

Молодой вождь подошел к беснующемуся Сантэру, остановил его пренебрежительным жестом и спросил, глядя в упор:

— Кто дал тебе право приказывать моим воинам? Разве ты не знаешь, кто их вождь?

— Я друг кайова, и с моей волей они должны считаться!

— Кто тебе сказал, что ты друг кайова?

— Твой отец.

— Ложь! Мой отец никогда не называл тебя словом «друг». Ты всего лишь бледнолицый, чье присутствие мы терпим.

Я быстро огляделся: все воины кайова смотрели на Пиду и на Сантэра. Можно было бы попытаться воспользоваться этой небольшой заминкой и проложить себе путь через толпу краснокожих, но тогда мне пришлось бы оставить в их руках свои ружья. Пока я раздумывал, не решаясь расстаться с подарком мистера Генри, Пида с презрением отвернулся от Сантэра и подошел ко мне. Он заговорил со мной, называя меня моим индейским прозвищем:

— Сэки-Лата стал моим пленником. Отдаст ли он добровольно свое

оружие?

— Да, — ответил я, в глубине души радуясь тому, как он со мной обращается. Его тон и слова свидетельствовали об уважении ко мне, и я вручил ему нож и револьверы.

Сантэр потихоньку попытался поднять с земли мои ружья и завладеть ими, что не укрылось от глаз Пиды.

— Почему ты берешь ружья Сэки-Латы? Он сдался мне, и его оружие стало моим!

— А кого ты должен благодарить за то, что он попал в твои руки? Только меня! Когда вы пришли, он уже был моим пленником, так что и Олд Шеттерхэнд, и его ружья принадлежат мне!

Пида угрожающе поднял руку и приказал:

— Отнимите у него ружья Сэки-Латы!

Множество рук протянулось к Сантэру, и он, изрыгая проклятия, бросил мое оружие на землю.

— Я отдаю его тебе, но оно обязательно вернется ко мне! Вождь Тангуа рассудит нас!

Пида не удостоил его ответа. Я протянул руки молодому вождю, чтобы он собственноручно связал их, но в это время ко мне подскочил взбешенный неудачей Сантэр и попытался вытащить у меня из кармана заветное Виннету.

— Бери его самого, берите его оружие, но все, что лежит у него в карманах, будет моим!

— Убирайся прочь! — разъярился я.

Он отпрянул, испуганный моим окриком, но быстро совладал с собой и злобно усмехнулся.

— Тысяча чертей! Ты еще брыкаешься? Тебе крышка, спасения ждать неоткуда, ты уже почти мертв! А я хочу знать, что ты выкопал и что там читал. Не упрямясь, все равно золото станет моим.

Он снова приблизился ко мне и снова попытался влезть в мой карман. Мои руки еще не были полностью связаны, только на одной из них висела ременная петля, поэтому я быстрым движением ухватил его рукой за горло, а левой ударил в висок. Негодяй рухнул на землю, как подкошенный.

— Уфф! Уфф! — раздалось вокруг.

— Теперь вяжи меня, — произнес я спокойно, протягивая Пиде свои руки.

— Сэки-Лата заслужил свое имя, — с уважением посмотрел на меня молодой вождь. — Что Сантэр хотел достать из твоего кармана?

— Бумагу с письменами, — ответил я, не вдаваясь в подробности,

чтобы скрыть истинное значение лежащих у меня в кармане листов.

— Он что-то сказал о золоте.

— Откуда ему знать, о чем говорят письма? Скажи мне лучше, чей я пленник: твой или его?

— Мой.

— Тогда почему ты разрешаешь ему грабить меня?

— Краснокожие воины желают только получить твоё оружие, до всего остального им дела нет.

— Разве по этой причине все остальное должно стать собственностью этого негодяя? Разве Олд Шеттерхэнд — мальчишка, в чьих карманах может хозяйничать кто угодно? Я сдался тебе и тем самым оказал тебе честь как воину и как вождю. Почему же ты забываешь, что и я — воин и вождь и с такими, как Сантэр, могу говорить только как с псом? Достаточно одного пинка, и он перестанет лаять.

Индеец уважает смелость и гордость даже в том случае, если обнаруживает их у своего самого заклятого врага. Кайова знали меня, знали мои правила и не могли забыть, что в те времена, когда я, спасая Сэма Хокенса, захватил в плен Пиду, с головы сына вождя не упало ни единого волоса.

Краснокожие смотрели на меня чуть не с суеверным уважением, а Пида доброжелательно — конечно, с точки зрения индейца — ответил:

— Сэки-Лата самый храбрый из белых воинов, а тот, кого он свалил с ног ударом, известен среди нас как человек с двумя языками и двумя лицами. Я запрещаю ему прикасаться к тебе и совать свои руки в твои карманы.

— Благодарю тебя. Ты смелый вождь и когда-нибудь станешь самым славным воином среди кайова, а твоё племя будет гордиться твоим именем. Благородный воин убивает врага, но не унижает его достоинства.

Пида гордо выпрямился, мои слова вселяли в юношу уверенность и возвышали в собственных глазах. Он ответил мне, и в его голосе прозвучало сожаление о том, что должно было произойти:

— Да, Пида убивает врага. Сэки-Лата умрет, но смерть его будет не унижительна, а почетна. Он умрет у столба пыток.

— Вы не услышите от меня ни стоны, ни мольбы о пощаде. Единственное, о чем я вас прошу, держите подальше от меня этого негодяя.

Мне связали руки, затем повалили на землю и спутали ноги в щиколотках, чтобы я не мог ходить. Тем временем к Сантэру вернулось сознание, он встал на ноги, пошатываясь, подошел ко мне и пнул меня ногой.

— Ты поднял на меня руку, собака! — завизжал он. — Ты заплатишь мне за это жизнью!

И он попытался вцепиться руками мне в горло.

— Не смей! — остановил его окриком Пида. — Я запрещаю тебе прикасаться к пленнику!

— Ты не вправе запретить мне что-либо! — Несмотря на охватившую его ярость, Сантэр остановился и опасно покосился на молодого вождя. — Он мой смертельный враг! Он ударил меня! Сейчас он на собственной шкуре испытает...

Не успел он прикоснуться ко мне, как я поджал ноги и с такой силой пнул его в грудь, что негодяй отлетел далеко назад и повалился на землю. Он хотел было сразу же вскочить на ноги, но ему это не удалось. Разъяренный, как раненый зверь, он медленно встал и с воплями и проклятиями выхватил револьвер.

— Ступай в ад, собака, там черт уже приготовил тебе место!

Стоявший рядом с Сантэром индеец по знаку Пиды резко ударил его под руку. Пуля унеслась в небо.

— Почему ты мне мешаешь? — набросился на краснокожего обезумевший Сантэр. — Он меня ударил! Он пнул меня ногой! Я убью его.

— Ты не убьешь его! — заявил Пида, подходя к Сантэру и сжимая его плечо рукой. — Сэки-Лата принадлежит мне, и никто не смеет тронуть его пальцем. Никто, кроме меня, не может распоряжаться его жизнью.

— Я поклялся отомстить ему!

— Твои клятвы меня не касаются. Ты оказал две-три услуги моему отцу, и он согласился, чтобы ты бывал у нас. Однако не рассчитывай на большее! Сэки-Лата должен умереть у столба пыток, и если ты его убьешь, поставлю к столбу пыток тебя!

— За чем остановка? Поставьте его к столбу пыток прямо здесь, у могил апачей, и устройте праздник по поводу смерти Виннету!

— Нам нельзя поступать так.

— Почему? Прекрасное место, прекрасный повод! Виннету мертв, а теперь вы еще замучите насмерть его лучшего друга и вашего смертельного врага!

— Нет. Мы отведем его в стойбище.

— В стойбище? Вы не в своем уме! Зачем?

— Чтобы отдать Сэки-Лату в руки моему отцу. Он сам решит, каким пыткам подвергнуть бледнолицего воина.

— Какая глупость! Вести его в стойбище!

— Замолчи! Пида — молодой вождь, но он не делает глупостей.

— Согласен, до сих пор не делал, но собирается сделать. Разве ты не знаешь, сколько раз Олд Шеттерхэнд был в плену? Сам дьявол помогал ему, и всегда ему удавалось бежать! Если вы не прикончите его сейчас же, он снова сумеет ускользнуть!

— Ему не удастся бежать. Мы будем обращаться с ним как с самым славным воином из племени бледнолицых, но и стеречь будем, как никого до сих пор не стерегли.

— Черт побери! Вы еще хотите обращаться с ним как со славным воином? Может быть, прикажете поднести ему цветы и украсить грудь орденами?

— Пида не знает, что такое ордена, и не понимает, зачем Сэки-Лате нужны цветы. Однако молодой вождь кайова знает, что с ним следует обращаться совсем по-другому, чем с тобой, если бы ты стал нашим пленником.

— Ты еще раскаешься в том, что не прислушался к моим словам. Без меня вам никогда не удалось бы его поймать, а теперь без меня вы наверняка упустите его, поэтому я еду с вами в стойбище. Я сам буду присматривать за ним и позабочусь о том, чтобы негодяй получил заслуженную кару за все зло, что он причинил мне и другим.

— Я не могу запретить тебе ехать с нами в стойбище, но не забывай, что я сказал: если ты убьешь пленника, я убью тебя. А теперь я должен посоветоваться, как поступить дальше.

— Что тут советовать? Я и так тебе скажу, что надо делать.

— Меня не интересует, что ты можешь сказать. Ты не имеешь права сидеть в совете вождей и старейшин.

Молодой вождь отвернулся от Сантэра, подозвал к себе седого воина с множеством рубцов от ран на теле и сел с ним поодаль. Пида поступал мудро, стараясь не принимать скоропалительных решений и спрашивая совета у стариков. Остальные краснокожие столпились вокруг меня. Многие из них никогда не видели меня и теперь с любопытством и уважением рассматривали Олд Шеттерхэнда. Все они были очень горды тем, что именно им удалось поймать меня, и теперь их племени выпадет честь замучить меня насмерть у столба пыток. Еще бы! Ведь им будут завидовать все другие племена.

Я не увидел на их лицах жестокой и непоколебимой жажды мести. В то время, когда я еще не был столь известен и не носил славного имени, я тяжело ранил их вождя и искалечил его на всю жизнь. Тогда их ярость и злоба ко мне были безграничны, однако с тех пор прошло много лет, и огонь ненависти перестал жечь их сердца. Обо мне рассказывали легенды в

стойбищах многих племен, и я своими поступками подтвердил, что цену человеческую жизнь, независимо от цвета кожи. Конечно, Тангуа ненавидел меня так же сильно, как и раньше, и от него нельзя было ждать пощады. Но причиной тому было увечье, которое я нанес ему, хотя он сам был виноват в том, что произошло между нами.

Итак, сегодня кайова видели перед собой знаменитого Олд Шеттерхэнда, а не молодого бледнолицего, который поссорился с их вождем и в поединке прострелил ему колени. Однако тот же молодой бледнолицый немного времени спустя взял в плен Пиду и пощадил его.

Во всех глазах, устремленных на меня, читалось уважение, но я прекрасно понимал, что надеяться на снисхождение не следует. Я знал обычаи краснокожих. Ни одному из них и в голову не пришла бы мысль отпустить меня на свободу. Более того, они скорее освободили бы любого другого человека, но только не меня. Убив великого воина, они покروют себя славой. Вот почему я должен был умереть мучительной смертью у столба пыток. Белые люди ходят в театр, чтобы посмотреть на игру великого актера, краснокожие устраивают себе подобные же зрелища. И вот теперь главная роль отводилась великому воину Олд Шеттерхэнду. Увы, эта роль станет последней в моей жизни, и сыграть ее, несмотря на мучения, придется достойно.

Я не испытывал страха, и предстоящие мне испытания не занимали меня. Сколько опасностей я уже пережил, и всегда мне удавалось чудом спастись и найти выход из самого безвыходного положения. Возможно, не все еще кончено. Нельзя терять надежды до последнего вздоха, но всеми силами следует помогать этой надежде осуществиться. Если у человека опускаются руки, он погибает.

Сантэр тоже сел в сторонке со своими товарищами и, отчаянно жестикулируя, принялся что-то им объяснять. Не трудно было догадаться, о чем они говорили. Те трое наверняка слышали об Олд Шеттерхэнде и знали, что он не негодяй, поэтому то, что сделал Сантэр, наверняка пришлось им не по вкусу. Они послушались его, дали поманить себя блеском золота, обманули меня и отдали в руки краснокожих. Может быть, их и не терзала совесть, но люди они были еще не до конца испорченные, и какое-то чувство вины не давало им покоя. Сантэру же надо было срочно восстановить доверие к себе и представить происходящее в выгодном для себя свете.

Совет закончился. Пиды и старый воин встали.

— Воины кайова не останутся здесь, — объявил свое решение молодой вождь. — После ужина мы едем обратно в стойбище. Пусть все

готовятся в дорогу.

Я догадывался, что Пида распорядился именно так. Сантэр презирал краснокожих и считал ниже своего достоинства интересоваться их обычаями, поэтому такое решение было для него полной неожиданностью. Он вскочил на ноги и подошел к Пиде.

— Вы собираетесь возвращаться? Но вы же хотели отпраздновать здесь известие о смерти Виннету.

— То, чего хочет человек, не всегда можно выполнить. Мы отпразднуем смерть нашего врага, но не сегодня.

— А когда?

— День назначит Тангуа.

— Почему вы так внезапно меняете решения?

— Я не обязан давать тебе объяснения, но нас слушает Сэки-Лата, поэтому я скажу.

Молодой вождь повернулся ко мне и продолжил:

— Мы прибыли сюда, чтобы порадоваться смерти Виннету, вождя собак-апачей. Но мы не думали, что поймем у могил Сэки-Лату. Такое важное событие удваивает нашу радость. Виннету был нашим врагом, но он был краснокожим. Сэки-Лата тоже наш враг, но враг бледнолицый. Сыновья и дочери кайова встретят его смерть с большей радостью, чем смерть Виннету, и после этого мы торжественно отметим гибель двух самых смелых и известных врагов своего народа. Со мной здесь только небольшая часть воинов, а я слишком молод, чтобы решать, какой смертью умирать Сэки-Лате. В стойбище будет созван совет старейшин племени, и Тангуа, верховный вождь кайова, сам объявит о пытках, которым подвергнут Сэки-Лату. Поэтому мы не можем задерживаться здесь и спешим домой, чтобы наши братья и сестры поскорее узнали радостную весть.

— Но ведь вам не найти лучше места для того, чтобы прикончить Олд Шеттерхэнда. Пусть он погибнет у могил тех, из-за кого стал вашим заклятым врагом.

— Где он умрет, тоже будет решать Тангуа. В одном ты прав: Сэки-Лата будет похоронен здесь.

— Вы что же, собираетесь убить его на Солт-Форк, а потом тащить вонючий труп сюда? Зачем умному краснокожему воину возиться с падалью белой собаки?

— Я объяснил тебе все, чтобы ты лучше узнал молодого вождя кайова и чтобы Сэки-Лата слышал, как я собираюсь отблагодарить его за то, что он когда-то не убил меня, а обменял на другого бледнолицего.

Пида снова повернулся ко мне.

— Сэки-Лата — благородный враг, на Пекос он мог застрелить Тангуа, но сохранил ему жизнь и только раздробил колени. Сэки-Лата всегда щадил врага, краснокожие мужи уважают его за это. Сэки-Лата должен умереть, но смерть его будет смертью героя, и он докажет нам свое мужество тем, что вынесет без стога такие мучения, каких еще никто и никогда не испытывал. А когда он умрет, мы не бросим его тело на съедение речным рыбам или койотам в прерии. Сэки-Лата — вождь, и у него должна быть могила, это будет честью и для нас, его победителей. Мне рассказывали, что когда-то Ншо-Чи, прекрасная дочь апачей, подарила Сэки-Лате свою душу, поэтому тело его будет похоронено рядом с ней, чтобы их души соединились в Стране Вечной Охоты. Так Пида отблагодарит того, кто даровал ему жизнь. Мои краснокожие братья слышали мои слова. Они согласны исполнить мое желание?

Он испытующе всматривался в лица своих воинов.

— Хуг! Хуг! — одобрительно воскликнули кайова.

Действительно, их молодой вождь был человеком необыкновенным. Обещание ужасной мучительной смерти, как это ни странно, свидетельствовало об огромном уважении ко мне, и я, по понятиям краснокожих, должен был испытывать благодарность к Пиде. А вот то, что он хотел похоронить меня рядом с Ншо-Чи, говорило о душевной утонченности, что крайне редко встречается среди краснокожих.

Когда улеглись возгласы одобрения, Сантэр издевательски улыбнулся и крикнул мне:

— Примите мои поздравления, сэр, по случаю бракосочетания с прекрасной индеанкой в Стране Вечной Охоты. Не каждому так везет! Смею ли я просить вас о приглашении на свадьбу?

Я должен был бы сдержаться и не делать ему чести, вступая с ним в разговоры, но все-таки ответил:

— Приглашение тебе не понадобится, ты будешь там раньше меня.

— Так ты надеешься сбежать? Это хорошо. Но я тебе помешаю, можешь мне поверить.

Индейцы оставили лошадей в долине. С моих ног сняли путы, чтобы я мог идти, но привязали ремнями к двум громадного роста воинам. Пида вскинул на плечо мои ружья и повел свой отряд вниз по склону. Один из кайова держал под уздцы моего коня. Сантэр и его товарищи замыкали шествие.

У подножия Наггит-циль мы разбили лагерь. Индейцы развели огонь и принялись жарить мясо. Мне тоже поднесли огромный кусок, и я с

удовольствием съел все до последнего кусочка. Во время ужина мне освободили руки, но полдюжины грозного вида краснокожих стояли вокруг и не спускали с меня глаз. О побеге нечего было и думать.

Меня привязали к лошади, и мы тронулись в путь. Я невольно оглядывался на могилы Инчу-Чуны и Ншо-Чи, пока они не скрылись из виду. Кто знает, доведется ли мне когда-нибудь еще раз увидеть их? А то, что кайова обещали похоронить меня рядом с ними, служило мне очень слабым утешением.

Дорога от Наггит-циль до Солт-Форка была мне хорошо знакома, и за время пути ничего примечательного не произошло. Краснокожие не оставляли меня ни на минуту без присмотра, а даже если бы они ослабили бдительность, то Сантэр ни за что не позволил бы мне бежать. Он изобретал всевозможные способы, чтобы уязвить меня и превратить мое существование в пытку, но не добился успеха. Я не отвечал на его дерзкие речи и оскорбления, и ни разу ему не удалось вывести меня из себя. Если же он пытался подобраться ко мне ближе, Пида грозным окриком останавливал негодяя, и тот, поджав хвост, возвращался на свое место в конце отряда.

На Гейтса, Клая и Саммера индейцы не обращали внимания, словно их и не существовало. Им не было дела до троих бледнолицых, путешествующих с Сантэром. Судя по тому, как они на меня поглядывали, вестмены были не прочь переговорить со мной, да и Пида, скорее всего, не стал бы мешать им. Однако им приходилось подчиняться Сантэру. Они влипли в нехорошую историю и не знали, как из нее выпутаться. Однако Сантэр не позволял им приблизиться ко мне, так как в его интересах было держать товарищей в неведении и полном подчинении себе. Он взял их с собой на поиски сокровищ, но как только золото оказалось бы в их руках, негодяй не остановился бы даже перед убийством, лишь бы не делиться ни с кем.

Теперь же обстоятельства изменились. Я предупредил Гейтса с товарищами о том, что золота в Магворт-Хиллз больше нет, а они наверняка поделились моими соображениями с Сантэром. Бумаги, которые они видели в моих руках, только подтверждали мою правоту, но раз искать там больше было нечего, то Гейтс, Клай и Саммер стали для Сантэра обузой, и он с удовольствием отделался бы от них. Но как? Он не мог отослать их обратно, так как боялся, что они, справедливо полагая, что только мне известно местоположение сокровищ, попытаются освободить меня. Поэтому он вынужден был таскать их за собой и различными рассказами поддерживать в них уверенность в том, что не сегодня-завтра

сокровища сами приплывут им в руки.

Бумаги! Все помыслы Сантэра теперь были направлены на то, каким образом заполучить бумаги. Он не мог отнять их у меня силой, так как Пида запретил ему приближаться ко мне. Он не мог их даже украсть у меня сонного, потому что часовые стерегли меня денно и ночью, не смыкая глаз. Оставалось следовать в стойбище и там уговорить Тангуа отдать бумаги ему. В свое время Сантэр оказал вождю кайова несколько услуг, и он надеялся, что тот в знак благодарности не воспрепятствует его желаниям. Это обстоятельство беспокоило меня сейчас больше, чем собственная судьба.

Стойбище кайова находилось в том же месте, что и раньше, там, где Солт-Форк впадает в Ред-Ривер. Мы преодолели реку вброд, и, когда до стойбища оставалось два часа пути, Пида выслал вперед двух гонцов с известием, что он возвращается. Только человек, знакомый с образом мыслей краснокожих, может представить, какое впечатление произвело сообщение о том, что Пида пленил Олд Шеттерхэнда и ведет его в стойбище.

Мы еще были в открытой прерии, довольно далеко от леса, узкой полосой тянувшегося вдоль берегов Солт-Форк, когда увидели мчавшихся к нам всадников. Это были воины кайова, жаждавшие первыми увидеть Олд Шеттерхэнда.

Они встречали нас громкими пронзительными криками, бросали на меня быстрые взгляды и присоединялись к нашему отряду. Меня не рассматривали, не пялили глаза, что было бы обычным делом в цивилизованном мире. Гордость не позволяет индейцам проявлять любопытство и бурные чувства по какому бы то ни было поводу.

Таким образом наш отряд увеличивался с каждой минутой. Когда мы наконец достигли леса, навстречу нам выехало около сотни воинов, из чего я сделал вывод, что племя Тангуа увеличилось.

Под деревьями стояли вигвамы, в которых не осталось ни единого краснокожего — все живое выбежало встречать меня. Там были старухи, молодые женщины, подростки, дети. Женщины и дети могли позволить себе быть менее сдержанными, чем взрослые воины, и пользовались своей свободой так громко, что, не будь мои руки связаны, я бы заткнул себе уши.

Внезапно Пида, возглавлявший отряд, взмахнул рукой, призывая к молчанию. Шум немедленно прекратился. Подчиняясь следующему жесту молодого вождя, всадники образовали полукруг, в центре которого находился я. Рядом встал Пида и еще двое воинов, чьей единственной задачей было не отступить от меня ни на шаг. Сантэр попытался пробиться

сквозь строй поближе ко мне, но его оттерли.

Меня подвели к большому вигваму, украшенному пучками перьев. У входа полулежал Тангуа. Он постарел и так похудел, что напоминал скелет, обтянутый кожей. В глубоких глазницах мерцали острые, как ножи, черные зрачки. Его взгляд был беспощаден, как взгляд... как взгляд Тангуа. Его длинные волосы поседели.

Пида спрыгнул с коня, воины последовали его примеру и плотным кольцом окружили нас. Каждый хотел услышать слова, которыми встретит меня верховный вождь. Мне развязали ноги и сняли с лошади. Я стоял перед лежащим на шкурах стариком и ждал, что же мне скажет мой смертельный враг, в чьей власти я оказался. Однако ждать мне пришлось недолго.

Тангуа молча разглядывал меня. Затем он закрыл глаза. Никто не проронил ни звука, кругом царила глубокая тишина, лишь иногда нарушаемая звуком лошадиных копыт. Мне стало не по себе, и я уже собрался было заговорить первым, когда старый вождь торжественно изрек:

— Цветок надеется на росу, но роса не падает, и цветок поникает головой и вянет. А когда наконец роса падает, ему уже нет спасения.

Он помолчал и продолжил:

— Бизон разгребает снег копытом, но не находит травы, он ревет от голода, зовет весну, но весна ушла далеко. Бизон худеет, горб его исчезает, силы покидают его; он вот-вот умрет. Вдруг дует теплый ветер, и бизон перед смертью успевает увидеть весну.

Тангуа снова умолк.

Какое странное и загадочное существо человек! Этот индеец ненавидел меня так, как никто другой, он преследовал меня, пытаясь убить, а я, вместо того чтобы пристрелить его на месте, как бешеную собаку, раздробил ему пулей колени, да и то по необходимости, когда у меня не было другого выхода. Теперь передо мной лежал немощный калека, старик с пергаментной кожей, обтягивавшей хрупкие кости, со слабым глухим голосом, словно доносящимся из могилы. Я почувствовал жалость к нему, хотя знал, что он жаждет мести и что глаза его закрыты из-за охватившей его радости оттого, что он наконец-то упьется моей кровью. Удивительное существо человек!

Бескровные губы Тангуа опять зашевелились.

— Тангуа был таким же цветком и таким же голодным бизоном. Он тосковал и ревел от тоски по мести, а месть не приходила. Тангуа слабел, проходили месяцы, годы. И теперь, когда Тангуа уже видел смерть, месть

явилась!

Внезапно он широко раскрыл глаза, весь напрягся, приподнялся, насколько ему позволяли искалеченные ноги, и протянул ко мне костлявые руки.

— Наконец-то месть явилась! — воскликнул он странным, рвущимся голосом. — Она здесь! Я вижу ее рядом со мною! Ты умрешь в страшных муках, собака!

Обессиленный страшным напряжением, он снова опустил на шкуры и прикрыл глаза. Никто не смел нарушить тишину, даже его сын Пида молчал. Время тянулось томительно. Наконец старик снова поднял веки и спросил:

— Как удалось вам поймать эту ядовитую змею? Отвечайте!

Сантэр немедленно воспользовался возможностью и поспешил заговорить. Как и следовало ожидать, он представил все так, словно моя поимка была его заслугой. Пида был слишком горд, чтобы вмешиваться и уличать его во лжи, а мне было решительно наплевать на то, что скажет негодяй.

— Тангуа. — умный вождь и понимает, что только благодаря мне он может отомстить Олд Шеттерхэнду, — продолжал врать Сантэр. — И я хочу в знак благодарности получить от Тангуа подарок.

Старик согласно кивнул.

— Чего же ты требуешь от меня за жизнь моего врага?

— У Олд Шеттерхэнда в кармане лежит говорящая бумага. Я хочу, чтобы она стала моей.

— Он отнял ее у тебя?

— Нет.

— Кому она принадлежит?

— Она моя. Я ездил в Магворт-Хиллз, чтобы отыскать ее, но Олд Шеттерхэнд опередил меня.

— Пусть бумага будет твоей. Забери ее.

Обрадованный Сантэр поспешил ко мне. Я ни единым словом, ни единым движением не воспротивился, а только грозно смотрел ему в лицо. Чем ближе он подходил ко мне, тем медленнее и неувереннее становились его движения.

— Ты слышал, что решил вождь? — прошипел он, уговаривая меня и одновременно пытаюсь придать себе храбрости. — Ты лучше не сопротивляйся, иначе хуже будет. Покорись, тебе ведь уже все равно. Стой спокойно, а я достану бумагу из твоего кармана.

С этими словами он подошел ко мне вплотную и запустил лапу в мой

карман. И тут связанными руками я нанес ему резкий удар снизу в подбородок. Сантэр буквально взлетел в воздух и грохнулся о землю.

— Уфф! Уфф! — раздались возгласы одобрения.

Однако Тангуа был иного мнения.

— Эту собаку связали, но она еще пытается кусаться. Стяните его ремнями так, чтобы он не мог двинуться.

Сантэр сидел на земле и тряс головой, с трудом приходя в себя. Пида с презрением посмотрел на него и решил, что пора вмешаться.

— Мой отец, великий вождь кайова, мудр и справедлив. Он выслушает своего сына.

До сих пор старик говорил так, словно его душа витала где-то далеко, словно он пребывал в состоянии умопомрачения. Однако когда его взор остановился на сыне, глаза его заблестели, а голос зазвучал ясно и спокойно.

— Почему мой сын произносит такие слова? Разве бледнолицый по имени Сантэр требует то, что ему не принадлежит?

— Неужели мудрый вождь кайова поверит, что бледнолицый по имени Сантэр сумел бы взять в плен Сэки-Лату? Когда мы пришли к Наггит-циль, Сантэр лежал связанный, во власти Сэки-Латы. Мы окружили его, и он не стал защищаться, не ранил никого из нас, а добровольно сдался мне. Скажи, чей он пленник?

— Твой.

— Кому принадлежит его конь, оружие и все, что у него имелось?

— Тебе.

— Я получил большую добычу! Какое право имеет Сантэр требовать говорящую бумагу?

— Потому что эта бумага принадлежит ему.

— Сможет ли он доказать свое право на нее?

— Он говорит, что поехал к Наггит-циль, чтобы отыскать там эту бумагу. Но Сэки-Лата нашел ее раньше его.

— Если он искал бумагу, то должен знать, о чем она говорит.

— Ты прав, сын мой. Пусть Сантэр скажет нам, какие слова говорит бумага, и она станет его.

Новый поворот дела смутил Сантэра. В замешательстве он поглядывал то на меня, то на старого и молодого вождей. Конечно, можно было догадаться, что письмо касается золота, спрятанного в Наггит-циль, однако он боялся, что если письмо начнут читать, то тайна, которой он стремился завладеть, перестанет быть тайной. Поэтому он нашел верный ход.

— Если бы я знал, о чем говорит бумага, я не стал бы ее искать. Олд

Шеттерхэнд же знает, о чем там идет речь, только потому, что случайно нашел ее раньше меня. Разве то, что я поехал за ней в Магворт-Хиллз, не подтверждает мою правоту?

— Он говорит умно, — поддержал Сантэра Тангуа. — Пусть забирает бумагу.

Однако я не собирался сдаваться.

— Он говорит умно, — заговорил я. — Но это умная ложь.

Старый вождь вздрогнул, услышав звук моего голоса, словно человек, услышавший голос преисподней.

— Бледнолицая собака снова принялась лаять, — прошипел он злобно, — но пощады ей не будет!

— Пида, молодой вождь кайова, сказал, что Тангуа мудр и справедлив, — продолжал я, не обращая внимания на злобное шипение старика. — Пида ошибся, иначе Тангуа рассудил бы нас по справедливости.

— Пида не ошибся.

— Тогда скажи, подозреваешь ли ты меня во лжи?

— Нет. Сэки-Лата — самый опасный среди бледнолицых и мой смертельный враг, но у него никогда не было двух языков, — вынужден был признать Тангуа.

— Тогда выслушай меня. Никто, кроме меня, не мог знать о существовании этой бумаги. Я, а не он приехал к Наггит-циль, чтобы найти ее. Я, а не он достал ее из тайника, он же только подсматривал за мной. Надеюсь, ты мне веришь.

— Тангуа думает, что Сэки-Лата говорит правду, но и Сантэр утверждает, что говорит правду. Как мне поступить, чтобы рассудить вас по справедливости?

— Правильно поступает тот, кто соединяет справедливость с мудростью, Сантэр часто ездил в Наггит-циль, чтобы искать там золото. Тангуа сам разрешил ему бывать в тех горах. Я говорю, что и на этот раз Сантэр поехал туда на поиски золота.

— Это ложь! — взорвался окончательно пришедший в себя Сантэр.

— Пусть Тангуа спросит у тех троих бледнолицых, — ответил я возмущенно.

По знаку вождя Гейтс, Клай и Саммер приблизились и подтвердили, что Сантэр привел их во владения кайова на поиски золота.

И все же обескуражить Сантэра было не так-то просто.

— Ну и что же? Я ехал туда за бумагой, а заодно захватил с собой товарищей, чтобы поискать сокровища. О бумаге я ничего не говорил, потому что она касается только меня.

Слова Сантэра снова склонили чашу весов на его сторону. Старый вождь после некоторого колебания произнес:

— Похоже, что прав все-таки Сантэр.

И тут я пустил в ход свой последний козырь:

— Если бумага принадлежит Сантэру, то он должен знать, кто ее написал.

— Уфф! — воскликнул Пида, устремляя на меня взгляд, в котором к уважению примешивался восторг.

— Сэки-Лата прав, — твердо решил старый вождь. — Тот, кто знает, кем написана бумага, и станет ее хозяином.

Я загнал Сантэра в угол. Даже если Сантэр и догадывался, что письмо написано Виннету, он никак не мог сказать об этом, потому что ни один краснокожий в здравом уме не поверил бы, что вождю апачей вздумалось оставить послание убийце своего отца и сестры. Назвать любое имя белого человека было вдвойне опасно, так как тогда ложь мгновенно выплыла бы наружу.

— Имя этого человека ничего вам не скажет, — заявил Сантэр. — Письмо написано одним из моих друзей, которого вы не знаете.

— Пусть молодой вождь достанет говорящую бумагу из моего кармана и покажет последний лист тем трем бледнолицым, — обратился я к Пиде с просьбой.

Тангуа не возражал и только молча смотрел, как его сын достает бумаги и протягивает их вестменам.

— Виннету! — воскликнул пораженный Гейтс. — Письмо подписано Виннету!

По рядам зрителей снова прокатилось удивленное «уфф!». Сантэр схватился за голову и набросился с упреками на Гейтса:

— Болван! Неужели нельзя было назвать любое имя! Сказали бы «Джонс» — и вся недолга!

Старый вождь внимательно смотрел на меня. Пида так и стоял, разглядывая непонятные знаки, начертанные рукой Виннету!

— Теперь я ясно вижу, что говорящая бумага принадлежит Сэки-Лате, — произнес Тангуа. — Только ему мог оставить послание вождь апачей у могил на Наггит-циль. Теперь Виннету мертв. Знаки, начертанные рукой нашего смертельного врага, могут иметь особую силу. Поэтому я решил: бумага станет талисманом моего сына. Пида, спрячь ее в свой мешочек с «лекарствами». Возможно, эта добыча ценнее, чем оружие Сэки-Латы.

Пида повиновался. Он медленно сложил листы бумаги и спрятал их в

мешочек, висевший у него на шее. Я переиграл Сантэра, но ничего от этого не получил. Теперь, даже если бы мне удалось бежать, я не могу получить заветное Виннету обратно. Краснокожие никогда добровольно не расстаются со своими талисманами, берегут их как зеницу ока, а похитителя преследуют всю жизнь. Однако нет худа без добра: теперь и Сантэру не добраться до бумаг, хотя их ценность в его глазах значительно возросла.

Уязвленный неудачей, Сантэр плюнул, круто развернулся на каблуках и зашагал прочь. Гейтс, Клай и Саммер послушно пошли за ним. Никто не задерживал их, индейцам не было дела до бледнолицых, случайно попавших в их стойбище.

— Сэки-Лата держал при себе говорящие бумаги, — обратился старый вождь к сыну. — Почему вы до сих пор не осмотрели его карманы?

— Потому что он великий воин, — ответил тот. — Мы его убьем, потому что он заслужил смерть, но мы не хотели оскорблять его. Мы отняли у него оружие, пока этого достаточно. После его смерти все остальное и так станет моим.

Мне казалось, что старик не согласится с сыном и упрекнет его за мягкое обращение со мной, но я ошибся. Тангуа окинул Пиду гордым взглядом и сказал:

— Молодой вождь кайова — благородный воин, в его сердце нет страха перед самыми опасными врагами, он убивает их, но не оскорбляет их достоинства. Со временем его имя станет известнее, чем имя Виннету. В награду за его смелость и благородство я разрешу ему утопить нож в сердце Сэки-Латы, когда бледнолицый воин устанет от пыток и жизнь начнет покидать его. Сыновья кайова будут гордиться тем, что от руки их молодого вождя пал самый славный и мужественный бледнолицый воин. А теперь соберите совет старейшин! Мы должны решить, какой смертью умрет белый пес. Пусть его привяжут к дереву смерти.

Меня подвели к толстой ели, около которой были вбиты в землю столбы, по четыре с каждой стороны дерева. Их предназначение я узнал только вечером. Ель называли деревом смерти, потому что к ней привязывали осужденных на мучительную смерть. Меня прислонили к стволу и опутали ремнями, справа и слева от меня сели четыре воина. Тем временем у вигвама вождя старейшины племени расположились полукругом и принялись решать мою участь, а проща говоря, подбирать для меня самые изощренные пытки — чтобы мучения были как можно ужаснее, а смерть наступила как можно позже. Еще до начала совета ко мне подошел Пиди и проверил стягивающие меня ремни. Найдя узлы слишком

тугими, он ослабил их и приказал часовым:

— Следите за ним в оба, но не истязайте его. Великий вождь белых воинов никогда не подвергал мучениям краснокожих мужей.

И он ушел, чтобы принять участие в совете.

В индейском стойбище есть два самых почетных места: вигвам вождя и, как ни странно, столб пыток. Пожалуй, стоять у столба пыток почетнее, чем гостить у вождя, ибо такую честь необходимо заслужить. Именно поэтому женщины и девушки стайками приходили поглазеть на меня. Взрослые воины, юноши и даже мальчики были слишком горды, чтобы выказать свое любопытство, и держались поодаль. Ни на одном лице я не заметил ненависти, на них читалось только уважение. Им не терпелось посмотреть на белого, о котором они столько слышали и чья смерть должна была стать незабываемым и сладостным зрелищем, о каком только может мечтать краснокожий.

Неожиданно мое внимание привлекла молоденькая индеанка, еще не ставшая, как мне показалось, ничьей скво. Поймав на себе мой взгляд, она смутилась, выбралась из толпы товарок, отошла в сторону и стала там совсем одна, исподтишка посматривая на меня, словно стыдясь того, что оказалась среди любопытных зевак. Она не была красавицей, но мягкие черты лица и огромные черные глаза делали ее привлекательной. Ее глаза напомнили мне Ншо-Чи. Не задумываясь, я дружелюбно кивнул ей. Румянец окрасил ее лицо по корням волос, она отвернулась и зашагала прочь. Подойдя к одному из самых больших и богатых вигвамов, девушка остановилась, еще раз взглянула на меня и скрылась за пологом, закрывавшим вход.

— Кто эта молодая дочь кайова? — спросил я моих сторожей.

— Какхо-Ото, дочь Сус-Хомаши, который еще мальчиком получил право носить в волосах орлиное перо. Она тебе нравится?

— Да, — признался я, хотя понимал, что подобный разговор в моем положении крайне нелеп.

— Ее сестра стала скво нашего молодого вождя, — объяснил мне словоохотливый стражник.

— Скво Пиды?

— Да. Воин с большим пером в волосах, которого ты увидишь на совете, — ее отец.

Так и закончился наш странный короткий разговор, последствий которого я тогда никак не мог предвидеть.

Совет продолжался больше часа, потом меня отвязали и снова привели к вигваму вождя, чтобы объявить приговор. Мне пришлось выслушать

длинные речи, суть которых сводилась к обвинениям по двум основным пунктам: во-первых, меня обвиняли во всех преступлениях, которые когда-либо совершались белыми против краснокожих, то есть во всех смертных грехах человечества, и хотели, чтобы я один заплатил по общему счету; во-вторых, мне ставилась в вину давнишняя вражда с Тангуа, его увечье, пленение Пиды и освобождение Сэма Хокенса. Словом, я был смертельным врагом, о помиловании которого нельзя было и помыслить. Еще больше времени занял перечень пыток, которые ожидали меня. Я мог бы гордиться ими, так как их количество и изощренность говорили о том, что краснокожие относятся ко мне чуть ли не с суеверным трепетом. Единственным для меня утешением послужило то, что эти милые люди не стали спешить с приведением приговора в исполнение: в стойбище не вернулся еще один отряд воинов, выехавших на охоту, и было решено отложить торжественный обряд казни, чтобы не лишать отсутствующих возможности лицезреть смерть Олд Шеттерхэнда.

Я вел себя как человек, не боящийся смерти. Краснокожие, находясь перед судом врага, стараются своими речами привести мучителей в ярость, это считается доказательством отваги. Я же был белым, моя слава и известность были таковы, что я нисколько не заботился о том, как бы меня не посчитали трусом, поэтому и не стал издеваться над советом вождей и старейшин, а отвечал им с достоинством, но не дерзко. Кайова приняли меня совсем не так, как я мог ожидать, да и их молодой вождь отнесся ко мне великодушно, и я не испытывал к ним вражды и ненависти.

Не знаю почему, но когда мои стражи получили приказ снова привязать меня к дереву смерти, они повели меня прямо мимо вигвама, принадлежавшего Сус-Хомаши — Одному Перу. У входа стояла его дочь Какхо-Ото — Темный Волос. Без всякой задней мысли я остановился и спросил:

— Моя молодая краснокожая сестра тоже радуется, что воины ее племени наконец-то поймали злого бледнолицего?

Она снова покраснела до корней волос и ответила после мгновенного колебания:

— Сэки-Лата вовсе не злой.

— Откуда тебе известно, злой я или нет?

— Это знают все.

— Почему же вы хотите меня убить?

— Потому, что ты изувечил Тангуа, и потому, что ты вождь апачей, а не бледнолицый.

— Я бледнолицый и навсегда останусь им.

— Разве Инчу-Чуна не сделал тебя вождем своего племени? Разве ты не пил кровь Виннету, а он твою?

— Это так, но разве я снял хоть один скальп с сыновей кайова? Разве я сам напал на Тангуа? Меня вынудили защищаться. Пусть Какхо-Ото не забывает об этом.

— Сэки-Лата знает мое имя?

— Я узнал, что ты дочь великого и славного воина, поэтому спросил, как тебя зовут. Пусть в твоей жизни будет много зим и солнц, много больше, чем мне осталось часов.

Я направился к дереву. Мои стражники не пытались помешать мне беседовать с девушкой, но я не сомневаюсь в том, что они не делали подобных поблажек ни одному пленнику. Причиной тому было не только поведение Пиды и его отношение ко мне, но и то, как старый вождь изменился со временем, что было следствием не одного только преклонного возраста, смягчающего нрав. Сын влиял на отца. Молодые побеги придали старому дереву новые качества, наполнили и его новыми соками...

Когда меня снова привязали к дереву, мне никто не надоедал — не только воины, но и женщины и дети держались поодаль. Видимо, вожди дали приказ не приближаться ко мне, чем я был весьма доволен. Думаю, никому не доставит удовольствия чувствовать себя диковиной, на которую все пялят глаза.

Потом я увидел Какхо-Ото. Она вышла из вигвама с глиняной миской в руках и подошла ко мне.

— Мой отец разрешил мне принести тебе пищу. Ты примешь мой подарок?

— С удовольствием, — ответил я. — Но я не могу есть, у меня связаны руки.

— Я покормлю тебя.

Взяв нож, она принялась накалывать на его острие мелко нарезанное печеное бизонье мясо и подавать мне его в рот кусок за куском. Молоденькая индеанка кормила Олд Шеттерхэнда из своих рук, как ребенка! Несмотря на всю нелепость положения, меня разбирал смех, и я с трудом сдерживался. Хотя девушке, которая так милосердно отнеслась ко мне, кормить приговоренного к смерти не казалось чем-то особенным.

Мои стражники с серьезным видом наблюдали за нами. Когда я проглотил последний кусок мяса, один из них решил вознаградить девушку тем, что сказал:

— Какхо-Ото нравится Сэки-Лате.

Девушка взглянула на меня своими темными глубокими глазами, и я почувствовал, что краснею точно так же, как раньше она. Не сказав ни слова, она отвернулась и пошла назад, но через несколько шагов остановилась и спросила:

— Воин кайова сказал правду?

— Он спросил меня, нравишься ли ты мне, и я ответил, что да, — не стал отпираться я.

Она ушла, и я принялся бранить моего словоохотливого стражника, что, впрочем, не произвело на него ни малейшего впечатления.

После обеда я увидел Гейтса, снующего между вигвамами.

— Могу ли я поговорить вон с тем бледнолицым? — обратился я к часовым.

— Да, но если вы заговорите о побеге, я сразу же прогоню его прочь, — ответил воин.

— Пусть мой брат не беспокоится, я убегу сам, без чьей-либо помощи.

Услышав мой зов, Гейтс медленно направился ко мне, воровато озираясь по сторонам, словно человек, сознательно нарушающий приказ.

— Ближе! Подойдите поближе! — попросил я его. — Или вам запретили говорить со мной?

— Боюсь, как бы мистер Сантэр нас не увидел, — сознался Гейтс. — Он не хочет, чтобы мы разговаривали.

— Разумеется. Он опасается, что я открою вам все его делишки.

— У вас с ним счеты, но к нам он относится по-джентльменски.

— Скоро вы на собственной шкуре убедитесь в обратном.

— Я вовсе не собираюсь слушать ваши доводы, сэр, потому что знаю, как плохо вы к нему относитесь.

— Не просто плохо — он мой враг, и у него есть веские основания, чтобы бояться меня.

— Бояться вас? Не обижайтесь на меня, сэр, но мне кажется, что вас уже можно не бояться.

— Только потому, что меня приговорили к смерти? Уж я-то как никто другой знаю, что между приговором и смертью есть существенная разница и не менее существенное расстояние по времени. Я уже столько раз должен был умереть, а, как видите, все еще жив. Скажите мне лучше, вы и в самом деле верите, что Олд Шеттерхэнд такой негодяй, каким его представляет Сантэр.

— Я могу верить только одному из вас. Вы враги, а кто из вас прав, меня мало волнует.

— Вам не следовало хотя бы обманывать меня!

— Когда же я обманул вас?

— В Магворт-Хиллз, когда скрыли от меня, что кайова направляются к могилам. Будь вы честным человеком, я бы не стоял здесь.

— Но вы первый солгали нам! Вы назвали именем Джонс!

— Ложь преследует единственную цель — извлечение выгоды, я же от вымышленного имени ничего не выигрывал. Это была даже не хитрость, а обычная мера предосторожности. На совести Сантэра не одна человеческая жизнь. Он дерзкий и опасный человек, который пытался убить меня. Вы же были его товарищами. Судите сами, мог ли я тогда открыться вам?

— Несмотря на это, вы не должны были ничего от нас утаивать. Мы не заслужили вашего недоверия.

— А доверия — тем более! Вы люди неопытные, по крайней мере, в сравнении с таким вестменом, как я. Я знал, что вас нанял Сантэр, поэтому мне волей-неволей пришлось скрыть от вас правду и присмотреться к вам поближе. Как же я мог открыто назвать свое имя, если вы на все лады расхваливали моего злейшего врага?

— Но если бы вы тогда представились своим настоящим именем, мы бы поверили вам и встали на вашу сторону.

— Теперь вы знаете, что я Олд Шеттерхэнд. Поверьте мне и встаньте на мою сторону.

— Поздно, сэр, вы сами виноваты в том, что произошло, так как обманули нас.

— Не пытайтесь выкрутиться. Неужели вы не убедились в том, что Сантэр горит желанием убить меня?

— Он не желает вам зла. Он сам сказал об этом.

— Как я ни пытаюсь доказать вам, что у Сантэра нечестные намерения, вы мне не верите, хотя любой вестмен на вашем месте уже давно почел своей прямой обязанностью покинуть его и помочь мне, пленнику, которому угрожает опасность.

— Сантэр сказал, что хочет спасти вас.

— Ложь! Сантэр заморозил вас, и вы прозреете слишком поздно.

— Вам незачем беспокоиться о нас. И мы ничего плохого не сделали Сантэру, не выслеживали его и не пытались убить, поэтому нам нечего его бояться.

— Вы все еще надеетесь найти золото? Учтите — в Магворт-Хиллз его больше нет.

— Зато есть в другом месте, и рано или поздно мы узнаем, где оно лежит.

— От кого?

— Нам скажет об этом Сантэр.

— Но до сих пор ни словом, ни намеком он не дал вам знать, где он собирается искать золото?

— Нет.

— Вам нужны еще доказательства, что он принимает вас за дураков?

— Но не может ведь он сказать нам то, что и сам еще не знает!

— Он-то знает, очень хорошо знает, каким образом отыскать место, где теперь спрятаны самородки.

— Если вы так говорите, значит, тоже знаете это место.

— Конечно, знаю!

— Так скажите мне!

— Увы, это невозможно.

— Так вот она, ваша хваленая честность. Как же мы можем стать на вашу сторону? — Судя по его словам, Гейтс готов был назвать честным человеком любого, кто посулит ему золотые горы.

— Как видите, мы не доверяем друг другу, поэтому вам не в чем меня упрекнуть. Вы сами вынуждаете меня хранить тайну. Где вы поселились?

— Мы живем вчетвером в одном вигваме, который выбрал для нас Сантэр.

— И где же он стоит?

— По соседству с вигвамом Пиды.

— Странно! Сантэр сам выбрал его?

— Да. Тангуа разрешил ему жить, где он захочет.

— И он поселился рядом с молодым вождем, который относится к нему не так уж и дружелюбно. Берегитесь! Если Сантэр вдруг исчезнет из стойбища и бросит вас здесь одних, я за ваши скальпы и ломаного гроша не дам.

— Но почему?

— Пока они мирятся с вашим присутствием, но потом могут счесть вас врагами, и, если вас захотят поставить к столбу пыток рядом со мной, даже мне будет трудно спасти вас.

— Спасти нас? Вам? — изумился Гейтс. — Вы говорите так, словно находитесь на свободе и пользуетесь дружбой и уважением кайова.

— У меня есть на то веские причины, поверьте...

— Черт побери! Сейчас он увидит, что я беседую с вами.

Действительно, из-за вигвамов вышел Сантэр, увидел стоящего рядом со мной Гейтса и быстрым шагом направился к нам. Его лицо пылало злобой.

— Э-э-э, да вы его боитесь, хотя пытаетесь убедить меня, что между

вами дружба и полное доверие, — язвительно заметил я.

— Никого я не боюсь, просто мистер Сантэр не хочет, чтобы мы разговаривали с вами, — неуклюже оправдывался Гейтс.

— Поспешите, мистер Гейтс, бегите к нему навстречу и извинитесь прежде, чем он даст вам нагоняй.

— Что вам здесь понадобилось, Гейтс? — еще не доходя до нас, набросился Сантэр на своего товарища. — Кто позволил вам вступать в разговор с Олд Шеттерхэндом?

— Я случайно проходил мимо, и он позвал меня, — вяло защищался Гейтс.

— Случайно? Зарубите себе на носу — я терпеть не могу случайностей! Идите со мной!

— Но, мистер Сантэр, я не ребенок...

— Замолчите! Ступайте за мной!

Он ухватил Гейтса за руку и потащил за собой. Прожженный негодяй умел лгать, как никто, и ему удалось с помощью лжи обрести такую силу над этими людьми, что они беспрекословно слушались его и безропотно выполняли любые его приказания. Но хуже всего было то, что они даже не пытались сопротивляться.

Мои стражники, хотя и с грехом пополам, но все же понимали английский. Они прислушивались к моей беседе с Гейтсом, и один из них, тот, кто охотно отвечал на мои вопросы, сказал:

— Если овцы следуют за волком, то он сожрет их, как только почувствует голод. Почему они не верят предостережениям Сэки-Латы, который желает им добра?

Вскоре появился Пида, чтобы проверить надежность ремней и узнать, нет ли у меня каких-либо просьб.

— Наверное, Сэки-Лата уже устал стоять. На ночь его положат между этими столбами, — сказал он, указывая на врытые в землю столбы, о которых я уже упомянул. — А может быть, он хочет лечь прямо сейчас?

— Нет, я еще могу стоять, — ответил я. — У меня есть одна просьба.

— Скажи мне, и если я смогу, то охотно исполню ее.

— Прощу тебя: берегись Сантэра.

— Сантэра? Он червь и слизняк. Так считает Пида, сын вождя Тангуа.

— Я согласен с тобой, но соседство с червями может быть опасно даже для могучего дуба. Я слышал, что он поселился рядом с тобой.

— Да, соседний вигвам был свободен.

— Остерегайся, чтобы он не зашел в твой.

— Я прогоню его, как пса.

— Ты прогонишь его, если он придет к тебе открыто, а если он прокрадется тайком?

— Ему не удастся войти незамеченным.

— А если тебя не будет в вигваме?

— В нем всегда сидит моя скво. Она прогонит Сантэра.

— Он жаждет получить говорящие бумаги Виннету, которые стали твоим талисманом.

— Он их не получит.

— Я знаю, что ты не отдашь их ему добровольно, но сможешь ли ты помешать ему похитить их?

— Даже если Сантэру удастся тайно проникнуть в мой вигвам, он не найдет говорящие бумаги.

— Надеюсь, что так оно и будет. Ты разрешишь мне еще раз взглянуть на говорящие бумаги Виннету?

— Ты уже прочел их.

— Я не успел, мне помешал Сантэр.

— Уже темнеет. Я принесу их тебе завтра, как только рассветет, и буду держать их перед твоими глазами, сколько понадобится.

— Благодарю тебя. Еще я хотел предупредить, что Сантэр постарается украсть у тебя мое оружие. Спрячь его получше.

— Даже если бы ему удалось проникнуть в мой вигвам днем, он не увидит оружия. Твои ружья завернуты в одеяла и лежат под моим ложем. Они — мои. Я буду твоим наследником, и ко мне перейдет слава Сэки-Латы, потому что он исполнит мою просьбу.

— Охотно, если только смогу.

— Я рассмотрел твои ружья и понял, что умею стрелять только из одного. согласишься ли ты перед смертью научить меня, как заряжать и как стрелять из твоего штуцера?

— Непременно.

— Сэки-Лата — благородный воин. Спасибо тебе. За все, что ты сделаешь для меня, я постараюсь, чтобы к тебе относились хорошо, пока не начнутся твои муки.

Он ушел, не подозревая о том, что вселил надежду в мое сердце.

До той минуты я надеялся воспользоваться тем, что Гейтс, Клай и Саммер оставались свободными в стойбище кайова. Даже если они не были моими друзьями, они были белыми. Заметь я в них хоть малейшую готовность прийти мне на помощь, я бы исхитрился освободить руки от пут, и тогда никто не смог бы помешать мне бежать. Увы, эту мысль пришлось оставить. После разговора с Гейтсом мне стало ясно, что

рассчитывать на него и его товарищей нельзя.

Итак, я был предоставлен самому себе, однако, несмотря на отчаянное положение, не падал духом. Я не сомневался, что так или иначе мне удастся избежать мучительной смерти. Для спасения мне доставало самой малости: освободить одну руку и добыть нож! Неужели мне, Олд Шеттерхэнду, это не удастся?

Я вспомнил о краснокожей девушке по имени Темный Волос. Она явно сочувствовала мне, а я знал, что многим, очень многим белым посчастливилось воспользоваться расположением индейских женщин и бежать из плена. В любом случае я не мог позволить себе покорно дожидаться смерти и был готов пойти на самый отчаянный шаг.

И вот в то самое мгновение, когда все мои мысли были заняты изобретением способа побега, ко мне обратился Пида с просьбой научить его стрелять из штуцера. Лучшего стечения обстоятельств невозможно было желать. Молодому вождю придется развязать мне руки, чтобы я показал ему, как следует заряжать ружье. Одним движением я выхватываю нож из-за его пояса, разрежу ремни, стягивающие ноги, и буду свободен. К тому же у меня в руках окажется мой замечательный штуцер с магазином на двадцать пять патронов. Надежда, правда, была невелика, но я ведь только рисковал жизнью, которая, честно говоря, уже и так мне не принадлежала.

Конечно, несравненно лучше было бы сбежать тайно, не подставляя себя под пули краснокожих. Но как это сделать?

Мысль моя работала лихорадочно, но в голову ничего дельного не приходило.

Тем временем совсем стемнело, и у вигвамов стали разжигать костры. Индеанки готовили ужин. Темный Волос снова принесла мне еду. И на этот раз ей пришлось уговаривать отца, чтобы тот получил согласие старого вождя. Мы почти не разговаривали, я только поблагодарил ее за доброту, и она сразу же ушла. Вскоре мои стражники тоже покинули меня, а их место заняли двое других. Я спросил, когда смогу лечь, и они ответили, что ждут Пиду, который хочет лично проверить надежность узлов и ремней.

Однако раньше молодого вождя ко мне пришел человек, которого я совершенно не ждал, — Одно Перо, отец девушки, приносившей мне еду. Он долго в молчании смотрел на меня изучающим взглядом, а потом, прежде чем заговорить со мной, приказал стражникам:

— Пусть мои братья оставят нас наедине, пока я не позову их.

Моя стража повиновалась без возражений, из чего я заключил, что старик пользовался среди соплеменников большим уважением и властью, хотя и не был вождем. Когда они ушли, Одно Перо сел передо мной на

корточки и снова принялся молча рассматривать меня. Наконец он торжественно произнес:

— Бледнолицые жили по ту сторону Великой Соленой Воды, я хотя у них было много земли, они приплыли к нам в огромных лодках, чтобы завладеть нашими горами и долинами.

Он снова умолк. Правила индейского красноречия требуют, чтобы любой мало-мальски значимый разговор с белым человеком начинался с пространного вступления, где следовало перечислить все прегрешения бледнолицых. Я терпеливо ждал, когда он закончит обвинять белых и перейдет к сути. Но что же он хотел сказать мне? Передо мной показался проблеск надежды.

— Краснокожие мужи встретили белых дружелюбно, как братьев, но они отплатили нам черной неблагодарностью.

Он снова умолк. Я тоже выжидательно молчал.

— И сегодня они думают только о том, как бы обмануть нас и согнать нас с земель, которыми всегда владели наши предки. Если им не удастся добиться своего хитростью, они применяют силу.

Последовало новое молчание.

— Краснокожий муж встречает белого и совершенно уверен в том, что перед ним его смертельный враг. Разве есть среди бледнолицых люди, которые не желали бы нам зла?

Теперь я догадался, куда клонил старик. Дело было во мне. Когда я и на этот раз не ответил ему, он спросил меня напрямик:

— Сэки-Лата не желает говорить со мной?

— Почему же? К чему мне отвечать, если я согласен с тобой?

— Разве не все бледнолицые желают нам зла?

— Нет, не все, — возразил я.

— Пусть Сэки-Лата назовет хоть одного из них.

— Я мог бы назвать много имен, но не сделаю этого. Если ты пошире откроешь глаза, то непременно увидишь одного из них.

— Я вижу лишь Сэки-Лату.

— Его я и имел в виду.

— Ты хочешь сказать, что Сэки-Лата не питает к нам вражды.

— Нет.

— Ты когда-нибудь убивал или ранил краснокожих?

— Мне приходилось защищать свою жизнь. Я давно доказал, что не желаю зла краснокожим. Сколько раз помогал я им в борьбе против белых! Если ты справедлив, то должен будешь согласиться со мной.

— Сус-Хомаши справедлив.

— Вспомни о Виннету. Мы были с ним братья. Разве Виннету не был краснокожим воином?

— Он был великим краснокожим воином, хотя и нашим врагом.

— Он не хотел быть вашим врагом, но вы вынудили его стать им. Он любил всех индейцев так же, как и своих апачей. Он старался жить в согласии со всеми краснокожими, но вы предпочитали воевать друг с другом. Сколько раз он пытался примирить племена, ставшие на тропу войны! Все, что мы с ним делали, мы делали из любви к краснокожему народу.

Я нарочно говорил так же медленно и торжественно, как Одно Перо. Когда я умолк, он наклонил голову и в течение нескольких минут не проронил ни слова. Потом встал передо мной во весь рост и ответил:

— Сэки-Лата не солгал. Сус-Хомаши справедлив и соглашается даже с врагом, если тот прав. Будь весь краснокожий народ похож на Виннету, а белый — на Сэки-Лату, мы жили бы рядом как братья и любили бы друг друга, а на земле с избытком хватило бы места для наших сыновей и дочерей. Мне жаль, что никто не последовал вашему примеру. А если за вождями никто не идет, вождей ждет верная гибель. Виннету пал от пули, а Сэки-Лата скоро умрет у столба пыток.

Видимо, только теперь Одно Перо посчитал, что пора заканчивать вступление и переходить к делу. Я решил не торопить его и молчал.

— Сэки-Лата прославил свое имя, поэтому ему придется пройти через страшные мучения, прежде чем он попадет в Страну Вечной Охоты. Разве позволит он своим врагам увидеть, его слабость?

— Нет. Если мне суждено умереть, я встречу смерть, как воин, которому воздвигнут могилу славы.

— Ты говоришь «если мне суждено умереть»! Разве ты считаешь возможным избежать смерти?

— Да.

— Сэки-Лата даже не скрывает, что хочет бежать?

— Я всегда говорю правду.

— Но высказать такую правду — большая смелость!

— Я никогда не был трусом.

Моя откровенность привела его в замешательство.

— Уфф! Уфф! — воскликнул он, возведя руки к небу. — Сыновья кайова до сих пор щадили тебя, но теперь я вижу, что с тобой надо обращаться сурово!

— Тебе меня не запугать, я горжусь тем, что сказал тебе правду. Никто другой не отважился бы говорить с тобой так открыто.

— Сэки-Лата прав. Никому другому не останется смелости признаться, что он собирается бежать. Сэки-Лата не просто смел, он дерзок!

— Нет. Человек дерзкий поступает так от отчаяния, когда ему терять уже нечего. Моя откровенность другая, у нее иные причины.

Не мог же я сказать ему в глаза, что знаю, зачем он пришел!

Одно Перо хотел спасти меня, предложив в жены собственную дочь. Став мужем индеанки, я получил бы свободу, но был бы вынужден стать кайова. Такой исход я не мог принять, поэтому вынужден был отклонить предложение Одного Пера, но так, чтобы краснокожий не оскорбился моим отказом. Это и было главной причиной моей откровенности. Я намекал ему на то, что способен сам спасти свою жизнь, не прибегая к браку с индеанкой.

Однако Одно Перо не догадался об истинном значении моих слов и продолжил тоном превосходства:

— Сэки-Лата хочет причинить нам зло, хотя и знает, что бежать ему не удастся. Наверное, гордость воина не позволяет ему признаться, что он погиб. Однако тебе не перехитрить меня.

— Я уверен, что сбегу!

— Нет. Ты умрешь здесь, у столба пыток. Если бы я полагал, что у тебя есть возможность бежать, я сам день и ночь сидел бы рядом с тобой и не спускал с тебя глаз. Но ты можешь избежать смерти.

— Каким образом? — спросил я, понимая, что уже не в силах помешать Одному Перу выполнить его намерение.

— С моей помощью.

— Я не нуждаюсь ни в чьей помощи.

— Разве можно отказываться от помощи, если речь идет о жизни и смерти? Твоя Гордость больше, чем я думал, она настолько велика, что ты даже не думаешь о благодарности. Но я и не требую, чтобы ты благодарил меня. Я только хочу, чтобы ты стал свободным. Моя дочь Темный Волос очень жалеет тебя.

— Ты хочешь сказать, что я не мужественный воин, а человек, достойный жалости? Жалость оскорбляет!

Я говорил намеренно жестко, чтобы в последний раз попытаться остановить его, но мне не удалось. Индеец мягко ответил:

— Ни я, ни моя дочь не хотели обидеть тебя. Она много слышала о тебе и знает, что Сэки-Лата — самый смелый воин среди своих белых собратьев. Она хочет спасти тебя.

— У нее доброе сердце, но ей не останется сил спасти меня.

— Это не так трудно, как ты думаешь. Ты знаешь многие обычаи

краснокожих людей, но один из них тебе все-таки неизвестен. Мы расскажем тебе о нем, и ты подчинишься ему. По закону краснокожих людей, тот, кто возьмет в жены дочь краснокожих, становится сыном племени.

— Я знаю этот закон.

— Он становится сыном племени даже в том случае, если был врагом или пленником. Ему прощают вину и даруют жизнь.

— Это я тоже знаю.

— Тогда ты понимаешь, что я хочу сказать. Ты сказал стражникам, что моя дочь нравится тебе. Ты нравишься ей. Согласен ли ты, чтобы она стала твоей скво?

— Нет.

Воцарилась гробовая тишина. Краснокожий не ожидал от меня такого ответа. Он никак не мог взять в толк, почему осужденный на смерть отвергает одну из самых желанных девушек племени, дочь уважаемого воина.

— Почему? — коротко спросил Одно Перо после долгого молчания.

Неужели я мог открыть ему настоящие причины моего отказа?! Прямо сказать, что образованный европеец никогда не решится перечеркнуть все свое будущее ради простой краснокожей девушки, что брак с ней не принесет счастья ни мне, ни ей? Я не хотел ему объяснять, что Олд Шеттерхэнд не принадлежит к числу тех бледнолицых, которые берут в жены краснокожую скво для того, чтобы вскоре бросить ее, и что очень часто у них бывают такие жены почти в каждом племени. Следовало найти понятный для него и благородный в его глазах повод для отказа.

— Мой краснокожий брат говорит, — начал я издали, — что считает меня великим воином. Мне кажется, что он сказал неправду.

— Ты действительно великий воин.

— Но ты же хочешь, чтобы я получил жизнь в подарок от женщины! Разве ты согласился бы на подобный шаг?

— Уфф! — воскликнул он и умолк. Очевидность моего довода потрясла его. Затем он спросил: — Ты хочешь стать моим другом?

— Я буду гордиться дружбой с тобою.

— А что ты думаешь про мою младшую дочь Темный Волос?

— Она самый красивый цветок среди дочерей кайова.

— Заслуживает ли она того, чтобы ее взяли в жены?

— Любой воин, которому ты разрешишь стать ее мужем, почтет за счастье привести ее в свой вигвам?

— Значит, ты отказал ей не из-за презрения?

— Твоя дочь очень хороша. Она нравится мне, но Олд Шеттерхэнд должен сам защищать свою жизнь и сражаться за нее, а не получить ее из рук женщины.

— Уфф! — с уважением повторил Одно Перо, а я продолжал:

— Неужели ты считаешь, что Олд Шеттерхэнд согласится на это, чтобы потом над ним насмехались? Чтобы у каждого костра в прерии рассказывали о том, какой ценой он купил свободу?

— Нет.

— Ты считаешь, что Олд Шеттерхэнд может позволить, чтобы о нем говорили, что он убежал от объятий смерти в объятия молодой и красивой скво?

— Нет.

— Разве не должен я поддерживать славу своего имени и беречь честь даже ценой собственной жизни?

— Ты обязан поступить так.

— Теперь ты понимаешь, почему я сказал тебе «нет»? Я благодарен тебе и твоей прекрасной дочери за вашу доброту.

— Уфф! Уфф! Сэки-Лата настоящий воин. Мне очень жаль, что он должен умереть. Я подсказал ему единственно возможный путь к спасению, но теперь ясно вижу, что славный муж не может следовать по этому пути, не потеряв чести. Когда я передам его слова своей дочери, она тоже не обидится на Сэки-Лату.

— Да, расскажи ей все! Мне не хотелось бы, чтобы она подумала, что я отказался взять ее в мой вигвам из-за нее самой.

— Темный Волос еще больше полюбит тебя. Когда ты будешь терпеть смертельные муки и все другие будут смотреть на тебя и радоваться, она сядет в темном углу вигвама и закроет свое лицо. Хуг! Я все сказал.

Одно Перо встал и удалился. Сразу же после его ухода появились стражники и заняли свои места рядом со мной.

Благодарение Богу, одно сражение я выиграл! Это был тот подводный камень, невидимый глазу мореплавателя, который пробивает днище корабля и разрушает все надежды на благополучный исход плавания. Если бы Одно Перо почувствовал себя оскорбленным, если бы мой отказ разжег в нем чувство мести, я стал бы его личным врагом. Краснокожий был бы способен выполнить свою угрозу и стеречь меня как зеницу ока днем и ночью.

Вскоре пришел Пида, и меня «уложили» спать. Меня растянули между четырьмя столбами, привязали к ним руки и ноги, а под голову подсунули свернутое одеяло.

Как только ушел Пида, меня навестил новый гость, которому я очень обрадовался. Этот был мой чубарый, щипавший неподалеку в одиночестве травку. Он отказался идти в табун, и все время бродил поблизости от меня. Обнюхав меня с ног до головы, мустанг потрепал меня зубами за волосы и лег рядом. Стражники не стали прогонять его.

Преданность коня обрадовала меня. Если мне действительно удастся освободиться, то не придется терять драгоценное время на поиски лошади, к тому же мой чубарый по резвости превосходил даже лошадь Пиды.

Как я и полагал, уснуть было невозможно. Растянутые руки и ноги занемели, начали ныть суставы. Время от времени я погружался в сон, словно проваливался в черную дыру, но почти сразу же просыпался. С рассветом меня снова привязали к дереву, и мне показалось, что я воскрес.

Я с любопытством ждал, кто же мне принесет еду. Темный Волос? Скорее всего, нет. Я отказал ей и ее отцу. Наверняка она обиделась на меня и больше не придет.

Но она пришла и снова накормила меня из своих рук. Девушка не произнесла ни слова и только глядела на меня своими темными грустными глазами, в которых читались жалость и восхищение.

Вслед за ней появился Пида.

— Я уезжаю на охоту, — сказал он. — Нам понадобится много мяса, чтобы завтра, после твоей смерти, устроить большой праздник, а затем торжественно захоронить твое тело на Наггит-циль. Поэтому я уезжаю с отрядом сыновей кайова. Мой мешочек с «лекарствами» и говорящей бумагой Виннету остается в моем в вигваме. Когда я вернусь, я выполню свое обещание и покажу ее тебе.

Я пожелал ему счастливой охоты, и он ушел. Вскоре я увидел отряд охотников, мчавшихся по прерии. А два часа спустя я заметил Сантэра, идущего между деревьями, с ружьем на плече и с оседланной лошадью в поводу. Он остановился передо мной и принялся рассматривать меня с улыбкой превосходства.

— Как видишь, я тоже собрался на охоту и считаю своим долгом уведомить тебя об этом.

Он умолк, ожидая моего ответа, а я притворился, что не вижу и не слышу его.

— Ты что, оглох?

Я молчал.

— Поверь, я страшно огорчен тем, что случилось, и не столько из-за тебя, сколько из-за себя.

И он издевательски погладил меня по плечу.

— Прочь отсюда, негодяй! — рявкнул я.

— О, а я-то думал, что ты уже разучился говорить. Это очень хорошо, потому что мне хотелось порасспросить тебя кое о чем.

Он продолжал рассматривать меня. В его лице появилось нечто дьявольское, и я вдруг понял, что он замыслил совершить очередную подлость.

— Я думаю, что ты охотно ответишь мне. Ха-ха-ха! Раз уж славный Олд Шеттерхэнд стоит у дерева смерти, а подлец Сантэр гуляет на свободе, то ты просто обязан ответить мне. Ты случайно не знаешь местечка, которое на языке апачей называется Деклил-То?

Если бы мое тело не было туго спеленуто ремнями, я бы вздрогнул. Это слово упоминалось в завещании Виннету. Я впился глазами в Сантэра.

— Ну что ты так на меня смотришь, словно у тебя вместо глаз наконечники стрел? — он снова расхохотался. — Я знаю, что это значит Темная Вода, но не знаю, где это.

— Откуда тебе стало известно, негодяй?! — вскричал я.

— Не стоит задавать вопросы. Лучше ответь на мои. Там где-то рядом находится Тсе-Шош.

— Тысяча чертей! Я...

— Подожди, не кричи так громко, — оборвал меня он. — Ты мне только шепни на ухо, где это находится, а уж об остальном я позабочусь.

— Негодяй! — закричал я, словно раненый медведь. — Бумаги!

— Да-да, бумаги! Они у меня! — издевательски уведомил меня Сантэр.

— Ты обокрал Пиду!

— Обокрал? Ну что ты! Я всего лишь взял то, что по праву принадлежит мне. Бумаги теперь у меня вместе с упаковкой, — и он похлопал себя по карманам.

— Держите его! — крикнул я моим стражникам.

— Меня? — засмеялся Сантэр, вскакивая на лошадь. — Попробуйте.

— Хватайте его! — бесновался я. — Он обокрал молодого вождя! Не дайте ему уйти! Он...

Ремень, охватывающий мою шею, впился в горло, и дальнейшие слова застряли у меня в глотке. Я рвался вперед нечеловеческим усилием, но путы надежно держали меня. Нахлестывая коня, Сантэр быстро удалялся галопом. Стражники вскочили на ноги, но только бессмысленно таращили на нас глаза, не понимая, что происходит.

Завещание Виннету! Сантэр похитил его! По прерии скакал вор, и никто и не думал преследовать его! Как же я теперь узнаю последнюю

волю моего брата?!

Безумная ярость охватила меня. Последним усилием я напряг руки и почувствовал, что вот-вот мои мышцы лопнут от напряжения. Но лопнул ремень, и я неожиданно упал лицом в землю.

— Уфф! Уфф! — хором воскликнули стражники. — Он разорвал ремни! — и они кинулись ко мне.

— Пустите меня! — кричал я. — Я не собираюсь бежать, я хочу поймать Сантэра!

Мои крики всполошили все стойбище. Со всех сторон ко мне бежали мужчины, и каждый считал своим долгом схватить меня и удержать, что не составляло труда, так как мои ноги все еще были связаны. Множество рук протянулось ко мне, меня подняли и снова прислонили к дереву. В ярости я раздавал удары направо и налево, несколько краснокожих упало тут же без чувств, но в конце концов меня снова связали.

Индейцы стояли вокруг, потирая ушибленные мною места, и с удивлением разглядывали меня. Они не сердились на меня, нет. Все их внимание было приковано к обрывкам ремня, которые они рассматривали и передавали из рук в руки.

— Уфф! Уфф! Он разорвал ремень... Бизону не сорваться с такой привязи...

Ярость моя проходила, и я начал чувствовать боль: прежде чем лопнуть, ремень разрезал мне мышцы чуть ли не до кости.

— Почему вы стоите здесь? — пытался я перекричать гул голосов. — Разве вы не поняли, что я сказал? Сантэр обокрал Пиду! Скорее садитесь на коней и догоните его!

Как и следовало ожидать, никто из них не послушался меня. Наконец появился человек поумнее остальных — Одно Перо. Перед ним расступились, он подошел ко мне и спросил, что случилось. Я рассказал.

— Ты утверждаешь, что Сантэр похитил говорящие бумаги Виннету? — спрашивал он, не понимая причины моего волнения.

— Да! Ты ведь сам слышал, как старый вождь приказал Пиде хранить их!

— В таком случае мы должны спросить Тангуа, что нам делать. Он вождь, и ему решать.

— Спрашивайте же! Только поскорее!

Но Одно Перо не спешил. Он все еще колебался, рассматривал порванный мной ремень, покачивал головой и приговаривал:

— Уфф! Ему не зря дали имя Сэки-Лата. И такой воин должен умереть! Почему он не краснокожий, почему он не кайова, а бледнолицый!

Посетовав на цвет моей кожи, он наконец-то ушел, унося с собой обрывки ремня. Все, кроме моих стражников, последовали за ним.

С огромным нетерпением и беспокойством я ожидал, когда десяток-другой краснокожих помчится в погоню за воров. Но, к моему огорчению, я не видел даже намека на какие-либо приготовления. Жизнь стойбища вошла в свое спокойное и размеренное русло. Я был взбешен до предела и попросил моих стражников узнать, что же происходит. Так как они не могли отойти от меня ни на минуту, то окликнули проходившего мимо воина, и тот сообщил, что Тангуа не поверил в недобрые намерения Сантэра, сказал, что тот, наверное, уехал на охоту и скоро вернется.

В ярости я скрежетал зубами так, что караульщики испуганно поглядывали на меня. Вполне возможно, что мне снова удалось бы разорвать ремни, несмотря на боль в изрезанных руках, но зачем? Разве я мог исправить то, что случилось? Следовало смириться с судьбой, и в конце концов я успокоился, если не внутренне, то, по крайней мере, внешне. Однако во мне созрело решение использовать малейшую возможность для побега, даже если это будет сопряжено с невероятными трудностями и опасностями.

Так прошло часа три, когда вдруг до меня долетел пронзительный женский крик. Я посмотрел туда, откуда он доносился, и увидел Какхо-Ото, бегущую к вигваму отца. Она исчезла за пологом, но через минуту снова выскочила наружу, теперь в сопровождении Одного Пера. Все, кто оказался рядом, побежали за ними. Произошло что-то из ряда вон выходящее.

Через пять минут снова появился Одно Перо и побежал напрямик ко мне. Он остановился и второпях даже не позаботился о том, чтобы принять степенный и важный вид. Не в силах сдерживать свои чувства, он не сказал, а воскликнул:

— Сэки-Лата умеет все! Может он вылечить человека?

— Да, — ответил я в надежде, что меня проводят к больному и хотя бы на время снимут путы.

— Можешь ли ты воскресить умершего?

— Кто умер?

— Моя дочь.

— Твоя дочь? Темный Волос? — переспросил я испуганно и удивленно, так как несколько минут назад видел ее бегущей по стойбищу.

— Нет, ее сестра, скво молодого вождя Пиды. Наш шаман говорит, что она умерла. Ее убил Сантэр. Сэки-Лата пойдет со мной, чтобы вернуть ей жизнь?

— Ведите меня к ней.

Меня отвязали от дерева и сняли путы с ног, однако не полностью — так, что я мог шагать мелкими шажками, и повели через все стойбище к вигваму Пиды. Семеня в окружении индейцев, я мысленно радовался удачному стечению обстоятельств — меня вели к вигваму Пиды, в котором хранилось мое оружие. У входа толпились краснокожие. Они уважительно расступились, давая мне проход.

Одно Перо ввел меня внутрь жилища. На одеялах лежала молодая женщина, рядом с ней сидела Какхо-Ото и уродливого вида старик. Это был шаман племени.

Увидев нас, шаман и Темный Волос встали. Я быстрым взглядом окинул все помещение. Слева от входа лежало мое седло и попона, на одной из жердей висели мои револьверы и нож. Читатель может себе представить, как мне хотелось добраться до собственного оружия.

— Сэки-Лата посмотрит на умершую и скажет, может ли он ее оживить, — требовал и одновременно просил Одно Перо.

Опустившись на колени рядом с телом женщины, я попытался связанными руками нащупать пульс, мне это удалось не сразу, но в конце концов я почувствовал, как под моими пальцами ровно бьется слабенькая жилка. Женщина находилась в глубоком обмороке, может быть, она бы даже действительно умерла, если бы ее не привели в чувство. Отец и сестра не спускали с меня глаз.

— Она умерла, и никто не в силах воскресить ее, — глухим уверенным голосом заявил шаман.

— Я сделаю это, — ответил я.

— Ты вернешь ей жизнь? В самом деле? — спросил Одно Перо с надеждой в голосе.

— Разбуди ее, разбуди! — умоляла меня Какхо-Ото, в волнении забыв о правилах поведения индейской женщины и вцепившись в мою руку.

— Если вы хотите, чтобы я вернул ей жизнь, — выйдите и оставьте меня наедине с умершей.

— Уфф! Ты понимаешь, чего ты требуешь? — спросил отец.

— Чего же? — переспросил я, хотя прекрасно понимал, что он имеет в виду.

— Здесь находится твое оружие, если оно попадет к тебе в руки, ты попытаешься освободиться. Обещай мне, что ты не прикоснешься к нему!

Мой язык не хотел повиноваться мне, когда я произносил слова обещания. Нож, револьверы и штуцер! Мне хватило бы минуты, чтобы разрезать ремни, и тоща хотел бы я посмотреть на смельчака, осмелившегося остановить меня! Однако хвататься за оружие было

безрассудством. Краснокожие тоже схватились бы за ружья, полилась бы кровь. Кроме того, воспользоваться обмороком женщины, чтобы достичь своей цели, мне показалось недостойным Олд Шеттерхэнда.

В углу на расстеленной шкуре я заметил лежащие в беспорядке предметы, необходимые для женского рукоделья: иглы, шила, бисер, кожаные ремешки, иглы дикобраза и прочую мелочь. Там же были два крохотных ножичка с острыми, как бритва, лезвиями, которыми индейки режут кожу на тонкие узкие полоски. Этими полосками они сшивают вместо ниток части одежды.

— Я обещаю тебе, — нехотя выговорил я. — А если вы не доверяете мне, можете унести отсюда мое оружие.

— Мы знаем, что Сэки-Лата никогда не лжет, поэтому оставим оружие здесь. Но это еще не все, что ты нам обещаешь.

— Что вы еще требуете от меня?

— Мы отвязали тебя от дерева, и ты мог бы попытаться бежать и без оружия. Обещай мне, что сейчас ты не убежишь, вернешься к дереву и позволишь привязать себя снова.

— Слово Олд Шеттерхэнда.

— Пусть все выйдут. У него один язык и одно слово, ему можно верить.

Одно Перо освободил меня от ремней и оставил одного. Как только он исчез за пологом, я быстро спрятал ножичек для рукоделья за манжет рубашки и занялся женой Пиды.

С тех пор, как Сантэр, воспользовавшись отсутствием молодого вождя, проник в вигвам и напал на женщину прошло довольно много времени. Почему же она так и не пришла в себя? Скорее всего, негодяй оглушил ее. Я осторожно ощупал череп и обнаружил на затылке огромную шишку. Я нажал посильнее на это место, пытаюсь определить, целы ли кости. Женщина застонала от боли и открыла глаза. Поначалу ее взгляд был совершенно бессмысленным, однако вскоре она прошептала мое имя.

— Ты узнаешь меня? — спросил я.

— Да.

— Расскажи мне, что случилось, и постарайся больше не терять сознание, не то умрешь.

Мои слова возымели действие, индейка встряхнула головой и, поморщась от боли, села, прижимая руку к затылку.

— Я была одна, когда вошел бледнолицый и потребовал отдать ему мешочек с «лекарствами». Я отказала ему, и он меня ударил.

— Где был мешочек?

Она посмотрела вверх на одну из жердей и воскликнула сдавленным от испуга голосом:

— Уфф! Его нет! Бледнолицый украл «лекарства»!

Так вот что имел в виду Сантэр, когда хвастался, что у него бумаги вместе с упаковкой! Он взял не только завещание Виннету, но и все талисманы молодого вождя! Уж теперь-то Тангуа поверит в злые намерения Сантэра и вышлет за ним погоню.

— У тебя хватит сил сидеть или ты чувствуешь, что можешь потерять сознание? — спросил я.

— Нет, нет! Я больше не упаду, — поспешила она заверить меня. — Ты вернул мне жизнь. Благодарю тебя!

Я откинул полог, закрывающий вход в вигвам. Отец и сестра стояли рядом, остальные жители стойбища толпились поодаль.

— Входите! — позвал я Одно Перо и Темный Волос. — Умершая ожила.

Думаю, читатель понимает, какую радость испытали отец и сестра бывшей «покойницы». И они, и все остальные кайова были убеждены в том, что я совершил чудо, я же не считал необходимым разуверять их. Я приказал прикладывать больной на затылок холодные примочки и показал, как это делается.

Столь же сильной, как и радость, была ярость краснокожих, узнавших, что Сантэр выкрал все талисманы молодого вождя. Тангуа немедленно выслал отряд воинов вслед за воров и отправил гонцов к молодому вождю. Одно Перо снова провел меня к дереву смерти и собственноручно привязал к нему. При этом он не скупился на похвалы, которые человеку, не знающему образ мыслей краснокожих, показались бы угрозами:

— Мы подвергнем тебя еще более страшным мучениям у столба пыток, чем решено было раньше. Никто еще до сих пор не испытывал того, через что придется пройти тебе. Мы сделаем так, чтобы в Стране Вечной Охоты ты был самым благородным и достойным из всех бледнолицых, которым будет разрешено попасть туда после смерти.

Я счел излишним благодарить его за честь и ответил:

— Если бы вы сразу же пустились в погоню за Сантэром, как я от вас требовал, он уже был бы в ваших руках. Но теперь, скорее всего, ему удастся скрыться.

— Ему не уйти от нас. Его следы будут видны в прерии еще несколько дней. К тому же ты поможешь нам. Если ты обещаешь нам вернуться, чтобы мы могли поставить тебя к столбу пыток, мы разрешим тебе присоединиться к погоне.

— Нет. Если уж мне суждено умереть, то пусть этот день наступит поскорее. Я не могу его дожидаться.

— Да, ты настоящий герой, ибо только герой способен произнести такие слова. Мы все сожалеем, что ты бледнолицый, а не кайова.

Он ушел, а я был настолько любезен, что не сказал ему, что его сожаление не нашло понимания в моем сердце. Более того, я от души желал покинуть тех, кто так заботливо пытался устроить мою загробную жизнь. И покинуть их я собирался той же ночью и без единого слова прощания.

Пида нашли быстро. Он примчался в стойбище на взмыленной лошади, сразу же направился в свой вигвам, затем навестил отца, а в конце концов подошел ко мне. Его бронзовое лицо было бесстрастно, но я догадывался, скольких сил стоило ему удерживать на нем выражение каменной невозмутимости.

— Сэки-Лата спас от смерти мою скво, которую я люблю, — сказал он. — Пида благодарит тебя за это.

— Пустое. Как себя чувствует твоя жена?

— У нее болит голова, но холодная вода и примочки снимают боль. Скоро она будет здорова. Однако моя душа больна и не излечится до тех пор, пока я не нагоню Сантэра и не верну себе мой мешочек с «лекарствами».

— Я ведь предупреждал тебя, что Сантэра следует остерегаться.

— Сэки-Лата всегда прав. Если бы наши воины послушались его сегодня и сразу же пустились в погоню за вором, он бы уже стоял здесь, привязанный к дереву.

— Пида будет преследовать Сантэра?

— Да, я очень тороплюсь и пришел к тебе только затем, чтобы попрощаться. Твою казнь придется отложить, хотя ты и желаешь умереть поскорее — так говорит Одно Перо. Но ты должен быть терпелив и ждать, пока я не вернусь.

— Так уж и быть, подожду.

Он понял мои слова по-своему и принялся меня утешать:

— Долгое ожидание смерти измучит твою душу, поэтому я приказал, чтобы за тобой ухаживали как можно лучше, но время пробежит быстрее, если ты согласишься исполнить мою просьбу.

— Какую?

— Ты хотел бы поехать со мной?

— Разумеется.

— Уфф! Я очень рад. Мы наверняка поймаем вора. Я развяжу тебя и

дам тебе твоё оружие.

— Постой! У меня есть условие...

— Слушаю тебя:

— Я могу поехать с тобой только свободным человеком.

— Уфф! Это невозможно!

— В таком случае я остаюсь!

— Ты будешь свободен, пока мы не вернемся обратно, а потом снова станешь нашим пленником. Мы требуем от тебя только обещания не убежать по пути.

— Так, значит, вы берете меня с собой только потому, что ни один след не укроется от моего глаза? Олд Шеттерхэнд — не ищейка, которую берут с собой на охоту, а потом снова сажают на цепь!

— Ты не изменишь своего решения?

— Нет!

— Пусть Сэки-Лата подумает о том, что будет, если мы не поймаем Сантэра!

— Я повторяю — нет! Я мог бы пойти с вами и изловить Сантэра, но пусть каждый сам заботится о том, как вернуть похищенное.

Пида не понял моего намека на то, что я сам собираюсь пуститься по следу вора и отнять у него украденное завещание Виннету.

— Я взял бы тебя с собой, — оправдывался он, — чтобы отблагодарить тебя за то, что ты вернул жизнь моей скво. Мне очень жаль, что ты отказываешься, но моей вины в том нет.

— Если ты действительно хочешь меня отблагодарить, исполни одно мое желание.

— Какое?

— Меня беспокоит судьба тех трех бледнолицых, которые прибыли сюда вместе с Сантэром. Где они теперь?

— В своем вигваме.

— Они свободны?

— Нет. Друзья моих врагов становятся нашими врагами, поэтому их связали.

— Они невиновны. Разве могут они отвечать за поступки Сантэра?

— Они говорят так же, но наш обычай велит отомстить и им. Они будут привязаны к дереву смерти и умрут вместе с тобой.

— Уверяю тебя, они не были сообщниками Сантэра!

— Для нас это не имеет значения. Ты предостерегал их, и они не захотели послушаться твоего совета. Теперь они кровью заплатят за дружбу с нашим врагом.

— Пусть молодой и благородный вождь кайова выслушает меня. Я знаю, что должен умереть мучительной смертью. Поэтому я прошу не за себя, а за них. Верни им свободу!

— Ты просишь отпустить их с лошадьми и с оружием? Это невозможно!

— Отпусти их в знак благодарности за спасение твоей скво, которую ты любишь.

Он отвернулся от меня, чтобы я не увидел на его лице отражение борьбы, происходившей у него в душе. Через минуту он сумел совладать с чувствами, впился в меня глазами и произнес:

— Сэки-Лата не такой, как все остальные бледнолицые. Он не похож и на краснокожих мужей. Его нельзя понять! Проси он за себя, возможно, я нашел бы способ как спасти его. Мы позволили бы ему бороться за свою жизнь с самыми сильными и мужественными нашими воинами. Но он просит не за себя, а за других! Ему претит получать что угодно, даже жизнь, из чужих рук и даром!

— Я еще раз повторяю мою просьбу!

— Пида согласен, но у него тоже есть одно условие.

— Говори!

— Теперь мы тебе ничего не должны, совсем ничего. Мы рассчитались с тобой за то, что ты спас мою скво, и ты не имеешь права ничего требовать!

— Я и раньше не имел права ничего требовать!

— Они свободны. Хуг! Я все сказал!

Он направился к отцу, чтобы сообщить ему о данном мне обещании. Спустя некоторое время он вышел из вигвама старого вождя и исчез между деревьями. Вскоре он появился снова в сопровождении троих вестменов, сказал им что-то, указывая рукой на меня, и ушел.

Гейтс, Клай и Саммер всем своим видом выражали отчаяние и смирение. Они были похожи на осужденных на смерть, которых помиловали в последнюю минуту.

— Мистер Шеттерхэнд, — обратился ко мне Гейтс, когда все трое подъехали к ставшему мне «родным» дереву. — Мы ничего не понимаем. Может быть, вы нам объясните, почему краснокожие подняли такой шум вокруг старого потертого мешочка с «лекарствами»?

— Вы еще раз подтвердили, что совершенно не знаете Дикого Запада. Что может быть страшнее для индейца, чем потеря «лекарств»?

— Так вот почему Пида пришел в такую ярость, что даже приказал связать нас. Не завидую я Сантэру, если кайова догонят его! Но зачем ему

понадобилось похищать какой-то хлам?

— Неужели вы еще не поняли? Там лежали бумаги Виннету, до которых ему так хотелось добраться. Теперь-то вы верите, что Сантэр обманул вас?

— Не совсем. Нам-то какое дело до этих бумаг?

— Там подробно описано место, где спрятаны сокровища апачей.

— Черт побери! Вы уверены?

— Конечно. Я сам читал.

— Так, значит, вы тоже знаете, где искать золото?

— Знаю.

— Скажите нам! Скажите! — голос Гейтса дрогнул, глаза его сверкнули. — Мы помчимся за Сантэром и похитим золото у него из-под носа!

— Во-первых, вы не заслужили золото, так как до сих пор стояли на стороне Сантэра и не согласились помочь мне. Во-вторых, вам просто-напросто не удастся обойти Сантэра. Он хитрее и сумеет обвести вас вокруг пальца. Он нанял вас как землекопов, как рабочую скотину, чтобы потом убить и завладеть всем сокровищем. Я предупреждал, но вы мне не поверили. Теперь вы стали ему не нужны, поэтому он очень ловко отделался от вас — обокрал Пиду и тем самым отдал вас на растерзание кайова.

— Неужели индейцы убили бы нас из-за Сантэра? Мы же ничего у них не воровали! — к Гейтсу вернулся страх за свою жизнь.

— Достаточно того, что вы — друзья вора и их врага. Вас ждал столб пыток.

— Действительно, Пида что-то толковал насчет мучительной смерти. Он сказал, что мы должны благодарить вас. Почему?

— Я просил за вас.

— Вы? И Пида вас послушался?! Невероятно! Но что же будет с вами?

— То же, что и раньше. Меня ждет смерть.

— Нам очень жаль вас, сэр. Чем мы могли бы вам помочь?

— Поздно, мистер Гейтс. Вчера я просил вас о помощи, но вы отказали мне, предпочтя общество негодяя Сантэра. Поезжайте с Богом, а когда доберетесь до селений белых людей, расскажите всем, что Олд Шеттерхэнд погиб, замученный кайова.

— Очень грустное известие, сэр. Мне бы сообщить людям что-нибудь более радостное.

— Виной тому вы сами. Вы обманули меня в Магворт-Хиллз и передали в руки кайова. Вы отказали мне в помощи. Блеск золота затмил

ваш разум. И вы повинны в моей смерти, которая будет жестокой и страшной. Я знаю, что вы не посмеете сообщить об этом людям, но пусть ваша совесть не даст вам спать по ночам. А теперь убирайтесь отсюда!

Гейтс от растерянности не знал, что ответить. С побитым видом все трое молча удалились, так и не найдя слов благодарности за спасенную жизнь. Сгорбленные спины горе-золотоискателей говорили о том, что урок пошел им на пользу.

Не успели они скрыться за горизонтом, как из стойбища выехал Пида и, нахлестывая коня, помчался во весь опор по следу отряда, высланного отцом в погоню за Сантэром. Пида даже не взглянул в мою сторону: он рассчитался со мной сполна, как я и пожелал. Теперь он надеялся, что следующая наша встреча непременно произойдет несколько дней спустя у того же дерева смерти, 9 то время как я был совершенно уверен, что увяжусь с ним на Пекос или еще дальше, в Сьерра-Рита, куда нас приведут следы Сантэра. Будущее должно было рассудить, кто из нас ошибался в своих расчетах.

Когда в полдень Какхо-Ото принесла мне еду, я спросил ее о здоровье сестры. Она ответила мне, что боль утихла, но молодая скво еще не может ходить. Подавая мне на кончике ножа кусочки мяса, она смотрела на меня влажными от слез глазами — что-то беспокоило ее, но она боялась заговорить с мужчиной первой.

— Моя молодая сестра хочет сказать мне что-то, — начал я, чтобы вывести ее из затруднительного положения. — Пусть она поведаст мне, что случилось и почему ее душа неспокойна.

— Сэки-Лата поступил неправильно, — ответила она после мгновенного колебания.

— Почему? — удивился я тому, что женщина осуждает действия мужчин.

— Ты зря отказался ехать с Пидой.

— Олд Шеттерхэнд не собака, загоняющая дичь для других.

— Тебе следовало поехать. Умереть у столба пыток без стопа боли — большая честь, но Темный Волос считает, что жизнь лучше.

— Но мне все равно пришлось бы вернуться в плен, чтобы умереть.

— Пида потребовал от тебя обещания вернуться потому, что не мог сразу сказать по-другому. Возможно, когда бы вы поймали Сантэра, он разрешил бы Сэки-Лате стать своим другом и выкурить с ним трубку мира.

— А друга и брата не убивают у столба пыток, не так ли?

— Да.

— Ты права, но и я тоже прав. Тебе хотелось бы, чтобы я остался жив?

— Да, — ответила она чистосердечно. — Ведь ты вернул жизнь моей сестре!

— Пусть тебя не беспокоит моя судьба. Олд Шеттерхэнд знает, что делает.

Она задумчиво посмотрела вдаль, затем бросила быстрый взгляд на стражников и нетерпеливо взмахнула рукой. Я понял, что ей хотелось поговорить со мной о побеге, но она боялась даже произнести это слово, опасаясь, что охранявшие меня краснокожие заподозрят неладное. Когда она снова подняла глаза на меня, я с улыбкой сказал:

— Взгляд моей сестры чист и прозрачен, через него Олд Шеттерхэнд видит ее сердце и читает мысли. Задуманное моей сестрой исполнится.

— Когда? — испуганно вздрогнула она.

— Очень скоро.

— Пусть твои слова станут правдой. Какхо-Ото будет рада!

Наша короткая беседа вернула девушке душевное спокойствие и мужество. Когда наступило время ужина, она позволила себе еще большую откровенность. У вигвамов уже горели костры, наступал вечер, и под кронами деревьев было темно. Подавая мне очередной кусок мяса, она вдруг наступила мне на ногу, чтобы привлечь мое внимание,

— Сэки-Лата уже почти все съел, но, наверное, еще голоден. Может быть, принести еще? Темный Волос принесет ему, что он пожелает.

Стражники не придали ее словам никакого значения, но мне стало ясно, что она предлагает свою помощь и готова передать мне все необходимое для побега.

— У моей сестры очень доброе сердце, — ответил я, — и я благодарен ей за все. Но я сыт, и мне больше ничего не надо. Как себя чувствует скво молодого вождя кайова?

— Она еще слаба, и мы делаем ей примочки, как ты учил нас.

— Она нуждается в уходе. Кто смотрит за ней?

— Я.

— Сегодня вечером ты тоже будешь с ней?

— Да.

— Но ведь и ночью кто-то должен сидеть у ее ложа...

— Я останусь с ней до утра, — голос индеанки дрогнул: она поняла меня.

— До самого утра? Тогда — до свидания.

— До свидания, Сэки-Лата.

Она ушла. Стражники проводили ее глазами, так и не раскусив двусмысленность нашей беседы.

Дело было в том, что я не мог, освободившись, не пойти в вигвам Пиды — там лежало мое оружие. Вечерний разговор с девушкой успокоил меня только частично: возьми я оружие в присутствии сестер, наутро их упрекнули бы в том, что они помогли мне. Как дочери кайова, они должны были поднять крик, чтобы воины помешали мне бежать; с другой стороны, они не хотели предавать смерти человека, спасшего жизнь одной из них. Какой же выход можно было найти? Наверное, девушки позволят мне связать их. Когда я уйду, они могут кричать сколько угодно, а потом рассказать, что я внезапно появился в вигваме, сбил их с ног и связал. Мой штуцер, скорее всего, все еще находился в вигваме Пиды. Хотя, конечно, зная цену моему оружию, молодой вождь мог взять его с собой, хотя так и не научился стрелять из него. От того, где находилось оружие, зависели мои дальнейшие действия. Если Пиды взял штуцер с собой, то мне придется сначала нагнать его и любой ценой вернуть оружие себе.

Тем временем сменились мои стражники, пришел Одно Перо, чтобы лично проверить, как меня привяжут к столбам на ночь. Когда меня отвязали и повели к месту ночлега, я осторожным движением вытряхнул ножик из рукава в ладонь, а едва на руку накинута петля, я сделал вид, что с трудом терплю боль в измученных мышцах, и крепко сжал кулаки, пряча в одном из них крохотный кусочек стали, который должен был открыть мне путь к свободе.

— Не притрагивайтесь к его ранам! — прикрикнул на стражников Одно Перо. — Не причиняйте ему боли, чтобы он сохранил силы до часа пыток.

Моя уловка удалась: крепко сжатые кулаки не привлекали внимания индейцев, а ремень, притягивавший мою левую руку к столбу, находился над ладонью. Краснокожие занялись моими ногами, затем принесли мне два одеяла и подсунули одно под голову, а другим укрыли. Тщательно проверив узлы, Одно Перо с удовлетворением сказал:

— Сегодня Сэки-Лата не убежит. Эти ремни ему не порвать.

И он ушел, а оба стражника сели на корточки у моих ног.

Многие люди в минуты, предшествующие важным решительным событиям, не владеют собой от волнения, их бьет дрожь, они теряют терпение и тем самым губят дело. Я же, наоборот, становлюсь совершенно спокоен, в меня вселяется непоколебимая уверенность в успехе.

Я лежал не шевелясь. Прошел час, другой, костры в стойбище погасли, хотя один все еще горел у входа в вигвам вождя. Стало холодать, стражники свернулись калачиком и легли на землю, пытаясь согреться.

Медленно разжав левую ладонь, я пошевелил пальцами,

восстанавливая в них кровообращение, я осторожно сжал имя ножичек. Действовать приходилось на ощупь. Я сделал надрез на ремне, другой — и вдруг ножичек выскользнул из моих негнущихся пальцев и упал в густую траву. К счастью, тех двух надрезов, которые я успел сделать, хватило, чтобы сильным рывком, преодолевая боль, разорвать ремень. Осторожно и медленно, чтобы не привлечь внимания и не разбудить стражников, я ощупал то место, куда упал ножик, перебрал траву стебелек за стебельком и в конце концов нашел его. Через минуту у меня уже была свободна и правая рука!

Приняв прежнее растянутое положение, я шевельнулся несколько раз под одеялом, чтобы проверить, насколько глубоко спят мои сторожа. Они не двигались и не обращали на меня внимания.

Будь, что будет! Стражники лежали у моих ног, их головы находились не более чем в футах от меня. Осторожно освободившись от одеяла, я сделал два быстрых взмаха кулаком, чтобы оглушить краснокожих. Я связал их по рукам и ногам теми же ремнями, которые минуту назад стягивали мое тело, отрезал от одеяла два куска, сунул часовым в рот кляпы и оглянулся в поисках моего верного жеребца. Чубарый, как и в прошлую ночь, бродил поблизости.

Я встал и потянулся. Боже, какое же это блаженство — размять хотя бы несколькими движениями застывшее тело, разогнать кровь по жилам! Как только я почувствовал, что силы возвращаются ко мне, я снова лег на землю и пополз от вигвама к вигваму. В стойбище было тихо, и я без помех добрался до жилища молодого вождя, но, когда моя рука уже протянулась к пологу входа, слева от меня послышался легкий шорох. Я отдернул руку и прислушался. Шорох перешел в звук шагов, и кто-то остановился напротив меня у входа, не замечая моего присутствия.

— Темный Волос! — тихим шепотом позвал я.

— Сэки-Лата! — откликнулась она.

Я встал во весь рост.

— Почему ты не в вигваме? — спросил я.

— Вигвам пуст. Я не хочу, чтобы потом меня или сестру обвинили в том, что мы помогли бежать тебе. Моя сестра больна, и за ней нужен уход, поэтому я взяла ее в вигвам отца.

Ее женская хитрость потрясла меня.

— Мое оружие там же?

— Да. Там же, что и днем.

— А где лежат ружья?

— Под ложем Пиды. У Сэки-Латы есть конь?

— Мой жеребец ждет меня у дерева смерти. Ты была ко мне очень добра, я многим тебе обязан. Спасибо.

— Сэки-Лата добр ко всем людям, мне хотелось бы, чтобы все были такими же, как он. Ты когда-нибудь вернешься к нам?

— Думаю, что да. Я вернусь вместе с Пидой, который станет моим другом и братом.

— Ты едешь за ним? Не говори ему ничего про меня. О том, что я сделала, не должен знать никто, кроме моей сестры.

— Ты сделала для меня очень много. Благодарю тебя, — сказал я, взяв ее за руку

— Пусть твой побег будет удачен. Мне пора идти.

Девушка исчезла в темноте. Я стоял неподвижно, прислушиваясь к удаляющимся шагам. Краснокожий ребенок с добрым сердцем! Я вошел в вигвам, в котором, как уже знал, никого не было, нашел на ощупь ложе Пиды, а под ним — ружья, завернутые в одеяла. Револьверы, нож и седло были там, где я видел их днем. Не прошло и пяти минут, как я уже снова стоял под деревом смерти и седлал моего коня. Когда все было готово, я склонился над стражниками и заметил, что они уже пришли в себя.

— Счастье отвернулось от воинов кайова. Им никогда не видеть Олд Шеттерхэнда у столба пыток, — сказал я тихо. — Я уезжаю следом за Пидой, чтобы помочь ему схватить Сантэра. Может быть, я вернусь к вам вместе с ним. Передайте старому вождю, что он может не беспокоиться за сына: я буду защищать его и вести себя с ним как с другом и братом. Сыновья и дочери кайова были добры ко мне, поблагодарите их за меня и скажите, что я навсегда сохраню их в своем сердце. Хуг! Я все сказал!

Я взял чубарого под уздцы и повел за собой. Я не решился вскочить ему на спину там же, в стойбище, из опасения, что топот разбудит кого-нибудь из индейцев. Удалившись на несколько сот шагов от стойбища, я с удовольствием сел в седло, которое, как самонадеянно утверждали кайова, никогда не будет служить мне.

Мой путь лежал на юг. В темноте я не мог различить следов Сантэра и гнавшихся за ним кайова, но на этот раз они мне и не были нужны. Было совсем ни к чему идти за ними след в след, так как я доподлинно знал, что Сантэр направился на Пекос.

Откуда же мне стало известно, что он едет именно туда?

Завещание Виннету.

Я не успел дочитать его до конца, но там упоминались названия на языке апачей. Ни одно из них ничего не говорило Сантэру. Даже если он и понял, что Деклил-То означает Темная Вода, а Тсе-Шош — Медвежья

Скала, ему все равно было невдомек, где их искать. А находились они очень далеко отсюда, в Сьерра-Рита, где я вместе с Виннету побывал только один раз. Именно мы дали название скале и озеру, и никто, кроме нас и еще двух сопровождавших нас апачей, не мог знать об этом. Чтобы выяснить, где находятся указанные в завещании Виннету места, Сантэру придется ехать в пуэбло на Пекос.

Да, читатель! Именно в пуэбло на Пекос. Любой апач, к которому он обратился бы с расспросами о Деклил-То и Тсе-Шош, посоветовал бы ему отправиться в пуэбло и там найти двух стариков, которые некогда сопровождали нас в путешествии. Все племя знало эти названия и связанные с ними наши приключения, и все племя также знало тех двух престарелых воинов, которые прошли с нами через все опасности дальнего пути.

Но ведь среди апачей были и те, кто знал Сантэра как смертельного врага Виннету, убийцу Инчу-Чуны и Ншо-Чи. Неужели он осмелится отправиться в Пуэбло?

А почему бы и нет? Такой человек, как он, готов рисковать собственной шкурой ради горсти золота. Кроме того, само завещание служило ему охранной грамотой, так как на кожаном конверте был искусно вырезан тотем Виннету. Мне следовало опередить Сантэра и достичь пуэбло раньше его, предупредить воинов и схватить убийцу. Дело это было нетрудное, тем более что мой чубарый был очень резв. Но самое главное заключалось в том, что этот план избавлял меня от необходимости идти по следам беглеца, повторять весь его путь и терять время на разгадывание головоломок, которые так часто встречаются во время погони.

Увы, мой жеребец охромел! Я долго не мог найти причину, и только два дня спустя обнаружил, что он занозил длинным и острым шипом бабку правой передней ноги. Шип я, конечно, поспешил удалить, но время было безвозвратно потеряно.

Я еще не добрался до берегов Пекос, я ехал по поросшей редкой травой прерии, когда впереди меня появились два всадника, скакавшие мне навстречу. Это были индейцы. Увидев, что я один, они не стали скрываться и направились прямо ко мне. Когда расстояние между нами сократилось, один из них вскинул вверх ружье и громко выкрикнул мое имя.

Это был Ято-Ка, знакомый воин из племени апачей. Второго я не знал. Мы приветствовали друг друга с обычными у индейцев пожеланиями доброй охоты и многих солнц жизни. Потом я спросил:

— Мои братья не вступили на тропу войны и не выехали на охоту. Куда же они направляются?

— На север. В долину реки Метсур, чтобы навестить могилу нашего вождя Виннету, — ответил Ято-Ка. — Мы узнали печальную новость несколько дней назад, и великий плач пронесся по нашим горам и долинам.

— Известно ли моим братьям, что я был при кончине Виннету?

— Да. Сэки-Лата расскажет нам о последних днях жизни славного вождя апачей и сам поведет наш отряд, чтобы отомстить за его смерть.

— Но разве вы лишь вдвоем решились на столь далекий и опасный путь на север?

— Нет, мы выехали вперед, так как собаки-команчи снова откопали топор войны и вышли в поход против нас. Остальные апачи следуют за нами.

— Сколько воинов идет за вами?

— Пять раз по десять.

— Кто их ведет?

— Тилл-Лата.

— Я знаю его. Он сумеет провести отряд в долину реки Метсур. Вам не встретились по пути незнакомые всадники?

— Вчера нам встретился бледнолицый, который спросил нас о Тсе-Шош. Мы посоветовали ему отправиться в пуэбло к старику Инте.

— Я ищу этого человека. Он убийца Инчу-Чуны и Ншо-Чи.

— Уфф! Уфф! — одновременно простонали оба апача. — Убийца?! Мы не знали, кто он, и только поэтому не схватили его!

— Ничего страшного. Достаточно того, что мы знаем, куда он отправился. Сейчас вам нельзя уезжать. Придется вернуться в пуэбло и схватить убийцу. Потом я сам поведу вас в долину реки Метсур.

Я дернул поводья, и чубарый двинулся вперед.

— Да, мы возвращаемся, — согласился со мной Ято-Ка — Быстроногий, пристраиваясь справа от меня. — Мы должны поймать убийцу!

Несколько часов спустя мы уже были на берегах Пекос, переправились через нее вброд и поехали дальше. По пути я поведал апачам о встрече в Наггит-циль и о том, что приключилось со мной в стойбище кайова.

— Молодой вождь Пида преследует убийцу один? — спросил Ято-Ка.

— Он поехал вслед за воинами, посланными раньше его отцом. По-видимому, Пида уже нагнал их.

— Знает ли Сэки-Лата, сколько их?

— Я видел, как они покидали стойбище. Их было десять человек, вместе с Пидой будет одиннадцать.

— Так мало?

— Слишком много, чтобы поймать одного беглеца.

— Уфф! Сыновья апачей исполняют танец победы, когда поймают Пиду и его воинов и привяжут их к столбу пыток.

— Нет! — оборвал я его.

— Нет?! — удивился апач, по-своему истолковавший мою резкость. — Ты думаешь, им удастся уйти от нас? Убийца Инчу-Чуны направился в пуэбло, и они вслед за ним сами попадут нам в руки.

— Я не сомневаюсь, что они последуют в пуэбло за Сантэром и схватить их не составит труда. Я хочу сказать, что они не погибнут у столба пыток.

— Нет? Но ведь они наши враги! Они приговорили тебя к смерти!

— Они отнеслись ко мне с уважением, а Пиди стал моим другом, несмотря на то, что на совете тоже подал свой голос за смертный приговор.

— Уфф! — воскликнул потрясенный Ято-Ка. — Сэки-Лата совсем не изменился. Он мужественный воин, но он щадит своих врагов! Тилл-Лата может не согласиться с его решением.

— Думаю, что он согласится.

— Его имя — Тилл-Лата, Кровавая Рука, у его пояса висят скальпы врагов, а теперь он стал вождем. Он не может ронять свое достоинство, проявляя жалость к врагу.

— А разве я не вождь апачей?

— Да. Сэки-Лата — вождь апачей.

— Разве не стал я вождем раньше его?

— На много солнц раньше.

— Поэтому он должен подчиниться мне. Если кайова попадут к нему в плен, ему придется отпустить их на свободу, потому что я так хочу.

Возможно, Ято-Ка еще долго пытался бы доказывать мне свою правоту и защищать мнение отсутствующего Тилл-Латы, но наше внимание привлек след, ведущий по речным отмелям, а затем появившийся на правом берегу Пекос. Лошади шли друг за другом, а так всегда поступают всадники, стремящиеся скрыть количество людей в отряде. По-видимому, оставившие след люди ехали по вражеской территории, из чего я без труда сделал вывод, что это должен быть отряд Пиды.

Идя по следу, мы вскоре подъехали к месту, где всадники остановились на отдых и где можно было сосчитать лошадей. Их оказалось одиннадцать! Это действительно были кайова.

— Воины апачей идут сюда с верховьев реки? — обратился я к Ято-Ка.

— Да! Пять раз по десять апачей встретятся с десятью и одним кайова.

— Как далеко отсюда находятся апачи?

— Когда мы встретили тебя, они были в половине дня пути от нас.

— Судя по следам, кайова опережают нас на полчаса. Надо торопиться, чтобы нагнать их до того, как они встретятся с апачами.

Я пустил коня вскачь, так как встреча двух отрядов враждующих племен могла произойти в любую минуту. Пида заслужил, чтобы я встал на его защиту.

Через четверть часа мы подъехали к излучине реки. Кайова явно хорошо знали местность, так как не поехали вдоль берега, а переправились через реку, чем сократили расстояние.

Мы последовали их примеру и вскоре увидели кайова. Они ехали гуськом через равнину и не заметили нас.

Вдруг всадники остановились и круто повернули назад. Только теперь они увидели, что мы идем по их следу, снова остановились на мгновение и сразу же помчались в нашу сторону, забирая ближе к реке.

— Почему они возвращаются? — спросил Ято-Ка.

— Они увидели апачей, потом нас и поняли, что поскольку нас всего трое, то мы не сможем сдержать их.

Вдали действительно показался большой отряд апачей, мчавшихся вслед за кайова,

— Поезжайте навстречу и скажите Кровавой Руке, чтобы он остановился и ждал меня, — приказал я своим спутникам.

— Почему ты не едешь с нами?

— Я должен поговорить с Пидой. Вперед, скорее!

Они повиновались, я же повернул моего чубарого туда, куда направились, чтобы объехать нас стороной, кайова. Они были слишком далеко, чтобы узнать меня. Я мчался наперерез, прижимая их к реке. Когда Пида разглядел, что за одинокий всадник пытается задержать отряд, из его груди вырвался крик ужаса, и он принялся нахлестывать лошадь. Однако я уже преградил ему путь и громко крикнул:

— Пусть Пида остановится, я не отдам его апачам.

Несмотря на охвативший его страх, молодой вождь кайова, похоже, питал ко мне безграничное доверие, потому что резко осадил лошадь. Его воины повиновались жесту вождя и тоже остановились. Краснокожему воину даже в самую трудную минуту обычай велит сохранять на лице невозмутимость, однако я заметил, что Пиде и его спутникам с большим трудом удастся скрыть впечатление, которое на них произвело мое внезапное появление на Пекос.

— Сэки-Лата! — воскликнул Пида. — Сэки-Лата на свободе! Кто отпустил тебя?

— Никто, — ответил я. — Я не принял бы свободу ни из чьих рук. Я сумел бежать.

— Уфф! Это невозможно!

— Кому-нибудь другому — может быть, но не мне. Я ни на минуту не сомневался, что сумею вернуть себе свободу. Помнишь, я отказался ехать с тобой и сказал, что каждый должен сам заботиться о том, как вернуть похищенное? Не бойся меня, я твой друг и сделаю так, что апачи не станут преследовать тебя.

— Ты действительно сделаешь так?

— Даю тебе слово.

— Я верю слову Сэки-Латы.

— Я хочу, чтобы ты доверял мне. Посмотри назад: апачи, к которым я послал своих спутников, остановились. Они ждут, когда мы к ним подъедем. Вы видели след Сантэра?

— Он направился в пуэбло апачей. Но Пида готов следовать за ним куда угодно, чтобы отнять мешочек с «лекарствами». Мы собирались устроить засаду на него вблизи пуэбло.

— Теперь вам не угрожает опасность, апачи не тронут вас. Но чтобы я защитил тебя, ты должен стать моим другом и братом. Выкурим трубку мира.

— Уфф! Великий воин Сэки-Лата, сумевший бежать из плена, считает Пиду достойным своей дружбы?

— Пида станет великим вождем кайова, и я не унижу себя, побратавшись с ним. Поторопись, мы не должны заставлять воинов апачей долго ждать.

Мы спешили и выкурили трубку мира, тщательно соблюдая ритуал. Затем я приказал Пиде оставаться на месте и ждать моего знака, а сам снова вскочил на мустанга и поехал к апачам, которые тем временем расспрашивали Ято-Ка о том, где и как он меня встретил. Держа коней под уздцы, апачи расположились большим кругом, в середине которого стояли Быстроногий и Кровавая Рука.

Я хорошо знал их нового вождя, Кровавую Руку, еще с тех времен, когда он был молодым воином. Он был смел и честолюбив, но ко мне всегда относился доброжелательно, и я мог рассчитывать, что он выполнит мои требования и пощадит Пиду. Поприветствовав его, я сразу же приступил к делу:

— Я прибыл к вам один, без вождя апачей Виннету. Мои краснокожие братья хотят узнать, как погиб великий воин, и я им все расскажу. Однако сейчас я желаю говорить с ними о кайова, которых вы видите там, у реки.

— Ято-Ка передал нам желание Сэки-Латы, — ответил Кровавая Рука. — Ты вождь апачей, и мы повинемся твоей воле. Пусть эти десять воинов немедленно возвращаются в свое стойбище, мы не будем преследовать их.

— А их молодой вождь Пиде?

— Я видел, что Сэки-Лата курил с ним трубку мира, пусть он едет с нами и будет нашим гостем столько времени, сколько сам пожелает, но потом он снова станет нашим врагом.

— Благодарю тебя. Теперь воины апачей поедут со мной в погоню за убийцей Инчу-Чуны и его дочери. Когда наша месть свершится, я сам поведу их на могилу вождя Виннету.

— Хуг! — ответил Тилл-Лата, прикасаясь своей рукой к моей.

Я подал знак Пиде, он не без некоторой опаски подъехал к нам, выслушал условия апачей и отослал своих воинов домой, а мы продолжили путь вдоль берегов Пекос вниз по течению. К вечеру мы разбили лагерь и остановились на ночлег.

Мы находились во владениях апачей и не опасались нападения врагов, поэтому разожгли костер. Сидя вокруг огня, мы неторопливо жевали мясо, а я рассказывал о гибели Виннету. Когда я закончил говорить, апачи долго молчали, потрясенные мужеством своего вождя, а затем начались воспоминания. Воины перебирали все военные походы с Виннету, все опасные стычки, из которых он неизменно выходил победителем, называли поименно многочисленных врагов, чьи скальпы он носил у пояса. А мне казалось, что мой друг и брат, мой любимый Виннету, снова лежит у меня на коленях и истекает кровью.

Потом мне приснился сон. На краю бездонной пропасти лежали груды золота, они блестели на солнце, а Сантэр с дьявольским хохотом сбрасывал их вниз. Я хотел остановить Сантэра и спасти сокровища, бросился с голыми руками на него, но он не поддавался, становился все сильнее, и я никак не мог его одолеть. Внезапно земля расступилась под нами, я чудом успел отпрыгнуть в сторону и удержаться на краю. Земля ходуном ходила у меня под ногами, я видел, как Сантэр вместе с золотом летит в зияющую пустоту.

Меня прошиб холодный пот, и я проснулся. Весь следующий день я не мог отделаться от ощущения, что видел вещий сон.

С рассветом мы не теряя времени снова тронулись в путь и остановились на короткий отдых только около полудня. Нами двигала жажда мщения, и мы торопились поскорее добраться до пуэбло, уверенные в том, что Сантэр там долго не задержится.

Солнце клонилось к закату, когда мы добрались наконец до пуэбло. Справа, на вершине холма, виднелся крест на могиле Клеки-Петры. Чуть ниже по течению реки я узнал то место, где когда-то сражался за свою жизнь, состязаясь в плавании с Инчу-Чуной. Сколько раз вместе с Виннету мы сидели там, на берегу, беседуя о давно минувших днях.

Поворот долины, и перед нами открылось пуэбло апачей — огромное пирамидальное сооружение в несколько ярусов, служащее и жилищем и крепостью. Дым, курящийся из разных этажей, подсказывал нам, что женщины уже начали готовить ужин. Нас заметили. Тилл-Лата приложил ладонь к губам и крикнул:

— Сэки-Лата! К нам прибыл Сэки-Лата! Воины, спешите навстречу ему!

Пуэбло зашевелился, как потревоженный муравейник, отовсюду понеслись громкие возгласы, появились лестницы, а когда мы спешили и начали подниматься наверх, со всех сторон потянулись маленькие и большие руки, чтобы прикосновением поприветствовать нас. Увы, встреча не была радостной. Я впервые возвращался в пуэбло без Виннету, которому уже не суждено было увидеть свой родной дом.

Я уже как-то говорил читателям, что в пуэбло обитала лишь малая часть апачей, остальные жили в разбросанных по окрестностям стойбищах. Однако тут находились те, кого Виннету любил больше всех. Меня засыпали вопросами, но поиски Сантэра не терпели отлагательства, и я поднял руку, требуя внимания.

— Где Инта? Я должен немедленно видеть его.

— Он у себя, — ответили мне. — Сейчас мы его позовем.

— Инта стар и слаб, я сам пойду к нему.

Меня проводили в небольшую келью, выдолбленную в скале. Старик обрадовался мне и завел длинную приветственную речь.

— Здесь был кто-нибудь из бледнолицых? — пришлось оборвать мне старика.

— Да, — удивленно ответил Инта.

— Когда?

— Вчера.

— Он назвал свое имя.

— Нет. Виннету запретил ему называть себя.

— Где он сейчас?

— Он уже ушел.

— Как долго он был в пуэбло?

— Это время бледнолицые называют часом.

— Он сам пришел к тебе?

— Он нашел меня, показал тотем Виннету, вырезанный на коже, и сказал, что должен исполнить последнюю волю вождя апачей.

— Что он требовал от тебя?

— Он хотел, чтобы я описал озеро, которое вы назвали Деклил-То. Я подчинился, потому что так хотел Виннету.

— Что ты описал ему?

— Дорогу к озеру, нависающую скалу и водопад. Он без труда найдет это место. Я был очень рад, что могу поговорить с ним о местах, которые некогда посетил с Виннету и Сэки-Латой. Виннету покинул нас навсегда и ушел в Страну Вечной Охоты, но вскоре я снова увижу его.

Старика нельзя было обвинить ни в чем. Сантэр показал ему тотем любимого вождя, и Инта повинился. Но мне надо было узнать больше подробностей, и я продолжал спрашивать:

— Лошадь бледнолицего устала?

— Когда он уезжал из пуэбло, конь бежал резво, словно после хорошего отдыха.

— Бледнолицый просил что-нибудь у сыновей апачей?

— Он спрашивал, нет ли у нас запального шнура.

— И вы дали ему шнур?

— Да.

— Он не сказал, зачем ему шнур?

— Нет, еще он потребовал много пороха.

— Для ружья?

— Нет, чтобы крушить скалы.

— Мой брат видел, куда он спрятал тотем?

— В мешочек с «лекарствами». Я очень удивился, потому что знаю, что бледнолицые не носят «лекарств».

— Уфф! — громко воскликнул стоявший рядом со мной Пида. — Мешочек все еще у него! Это мои «лекарства», он украл их у меня!

— Украл? — удивился Инта. — Разве бледнолицый — вор?

— Он хуже вора.

— Но ведь у него был тотем Виннету!

— Он его тоже украл. Это был Сантэр, убийца Инчу-Чуны и Ншо-Чи.

Старик лишился дара речи и смотрел на нас словно в столбняке. Мы молча вышли из его жилища.

Увы, нам не удалось настичь Сантэра! Мы даже не сумели сократить расстояние между нами. Рассвирепевший от неудачи Тилл-Лата предложил:

— Воины апачей проведут ночь в пути. Если мы не будем терять

времени, то сумеет настичь Сантэра еще до того, как он приедет в Деклил-То.

— Ты полагаешь, мы можем двигаться дальше без отдыха?

— Воины апачей не нуждаются в отдыхе!

— А как считает Пида? — обратился я к молодому вождю кайова.

— Пида не почувствует усталости и не будет отдыхать до тех пор, пока не получит обратно свои «лекарства».

— Прекрасно! Выезжаем сразу же после ужина. Пусть Тилл-Лата прикажет сменить лошадей на самых лучших, какие найдутся в табуне. Нам надо спешить — Сантэр взял с собой порох и шнур для фитиля. Если он сумеет первым добраться до Деклил-То, все наши усилия пропадут зря.

Жители пуэбло просили нас остаться, но, узнав, куда мы направляемся и кого преследуем, перестали настаивать и принялись помогать нам собираться в дорогу. Два часа спустя мы снова мчались на свежих лошадях, а в наших переметных сумках лежало достаточно вяленого мяса, чтобы в пути не тратить время на охоту. В погоню за Сантэром выехали я, Тилл-Лата, Пида и двадцать апачей. Кровавая Рука сам отобрал воинов, и, хотя столь многочисленный отряд был нам не нужен, я не стал спорить. Наш путь лежал через владения индейцев мимбрени, состоящих в родстве с апачами, с этой стороны опасность нам не угрожала. От пуэбло до Деклил-То нам предстояло проехать шестьсот миль. Если учесть, что всадник на хорошей лошади может сделать пятьдесят миль в день, нас ожидало двенадцатидневное путешествие.

Решив не тратить драгоценное время на поиски следов Сантэра, мы выбрали путь, который я некогда проделал с Виннету. Можно было предположить, что по той же дороге ехал и Сантэр — старик Инта не мог описать ему другого пути, кроме того, который знал сам.

Путешествие проходило монотонно и буднично: равнина сменялась холмами, холмы — равниной, и ничего не происходило. На десятый день пути нам встретились двое краснокожих, отец и сын. Они были из племени мимбрени, и одного из них я знал — когда-то он помог нам раздобыть мясо.

Он также узнал меня и радостно воскликнул:

— Сэки-Лата! Ты жив!

— Разве до вас дошли слухи, что я умер? — удивился я тому, что меня уже считали покойником.

— Мне сказали, что ты погиб от пули сиу.

И тут я догадался, что старик мимбрени встретился с Сантэром.

— Кто тебе сказал, что меня убили сиу?

— К нам приехал бледнолицый, имени которого я не знаю, и рассказал

нам, как погибли Сэки-Лата и славный Виннету. Как я мог не поверить ему, если у него был тотем Виннету и его «лекарства»?

— Ни тотем, ни «лекарства» не умеют говорить. Говорят люди, а они очень часто лгут. Как видишь, я жив.

— Значит, жив и Виннету?

— Увы, Виннету мертв. Где ты встретил этого бледнолицего?

— Два дня назад он заехал в наше стойбище, чтобы сменить изнуренную трудной дорогой лошадь и попросить проводника до Деклил-То. Мы не сразу поняли, о чем он говорит, у нас это озеро называют Шиш-Ту. Он предложил мне взамен мешочек с «лекарствами» Виннету, и я согласился, дал ему хорошего коня, и мы вместе с сыном отвели его на Шиш-Ту.

— Бледнолицый обманул тебя. Ты можешь показать нам тот мешочек с «лекарствами»?

— Да, вот он.

Недоумевающий индеец достал мешочек из сумы, висевшей у седла. Пида радостно вскрикнул и потянулся к своим талисманам, но мимбрени оттолкнул его руку. Назревала ссора, которая если бы и не кончилась плачевно и трагически, то в любом случае задержала бы нас.

— Остановитесь, братья, — приказал им я. — Верите ли вы, что я рассужу вас?

— Да! — хором ответили мне спорящие.

— Эти талисманы принадлежат молодому вождю кайова. Виннету никогда не держал их в руках.

— Ты ошибаешься! — возразил мимбрени. — Ведь ради этого мешочка с «лекарствами» я проделал дальний путь с бледнолицым и отдал ему хорошего коня.

— Тот бледнолицый был врагом Виннету, мешочек с «лекарствами» он украл у молодого вождя кайова, а тотем Виннету — у меня. Он знал, что мы идем по его следу, и нуждался в свежей лошади, поэтому обманул тебя.

— Я верю тебе, Сэки-Лата. Я возвращаю мешочек с «лекарствами» владельцу, но поеду с вами и отниму жизнь у лжеца!

Таким образом наш отряд увеличился еще на двух разгневанных на Сантэра краснокожих. Старик мимбрени, узнав, что помог убийце Инчу-Чуны и его дочери, даже изменился в лице. Он скакал рядом с апачами, и блеск его глаз не предвещал ничего хорошего для Сантэра.

Пида, получив свои «лекарства» обратно, был счастлив, но только наполовину. Он горел желанием отомстить за оскорбление.

На следующий день к вечеру, когда уже стемнело, мы подъехали к

озеру. Не зная, где остановился Сантэр, мы не стали искать его в ночной темноте, а расположились на ночлег под ветвистыми деревьями. Старик мимбрени тоже не знал, где лагерь Сантэра — тот, не раскрывая собственные карты, поспешил избавиться от проводника и выпроводить его в обратный путь загодя.

Выехав с Пекос, мы пересекли наискось юго-восточную часть Нью-Мексико и добрались до Аризоны, где проходит граница между землями гилени и мимбрени. Гилени тоже родственны апачам и заключили с ними союз. Места там пустынные и навевают грусть. Скалы, скалы, и ничего, кроме скал. Там, где встречается хоть немного воды, однообразный пейзаж оживляют узкие полосы растительности, теснящие берега источника.

Однако в том месте, куда мы попали, природа словно сделала исключение. Мы находились в долине, орошаемой несколькими родниками, вода из которых собиралась в ручьи, наполняющие озеро. Из озера вытекала маленькая речушка. Поросшие густым лесом склоны долины круто поднимались вверх, отчего вода в озере приобретала мрачный цвет, что и стало причиной тому, что мы назвали его Темной Водой, а мимбрени — Черным озером, Шиш-Ту. Северный склон был самым высоким и больше походил на каменную стену, увенчанную голой скалой в форме столба, в которой вода пробивала ход, откуда падала в озеро. Это и была та Падающая Вода, о которой упоминал Виннету в своем завещании. Чуть выше водопада виднелась пещера, в которую мы с Виннету пытались пробраться еще во время нашего первого путешествия, но так и не нашли туда дорогу. По-видимому, вождь апачей позже все-таки отыскал ход туда. Над входом в пещеру козырьком нависала самая высокая часть скалы, и было удивительно, как она еще держится — ведь по всем законам природы она должна была давно рухнуть в пропасть.

Справа от первой скалы, словно прижавшись к ней, высилась вторая, поменьше, — там мы с Виннету убили серого медведя, потому-то и дали ей название Медвежья Окала.

Близился час мести. Всю ночь я не сомкнул глаз. Едва забрезжил рассвет, мы приступили к поискам следов Сантэра, но ничего не нашли. Тогда я решил взобраться на северный склон. Со мной пошли Тилл-Лата и Пида. Тропа привела нас к Медвежьей Скале. Я помнил слова, написанные Виннету в завещании: «Там сойдешь с лошади и заберешься...» — дальше я не успел прочесть.

Так куда же надо было забраться? На скалу? Хотя склон был очень крут, мы поднимались по нему все выше и выше, пока не оказались на самой вершине. Однако пути к пещере отсюда не было. Если и

существовала какая-то возможность перебраться к сокровищнице Виннету от Медвежьей Скалы, то мы не знали, как это сделать — ведь завещание по-прежнему находилось в руках негодяя Сантэра. Проклиная его в душе, я уже собрался было вернуться обратно.

Говорят: «Не поминай черта, не то он явится к тебе». Не успел я мысленно пустить несколько крепких словечек по адресу Сантэра, как вдруг раздался выстрел, и пуля ударила в камни рядом со мной. Сверху послышался знакомый мне голос:

— Собака! Ты снова на свободе! А я-то надеялся, что за мной гонятся одни недоноски кайова! Ступай в ад, там черти тебя уж заждались!

Прозвучал второй выстрел, и снова пуля просвистела мимо. Задрвав вверх головы, мы увидели Сантэра на уступе у входа в пещеру.

— Ты тоже пришел за золотом? — издевался он, уверенный в своей недосыгаемости. — Ха-ха-ха! Опоздавшему — кости! Я уже здесь, и у меня все готово. Фитиль уже горит! Все, что тебе завещал Виннету, станет моим, моим!

Его лицо исказилось странной улыбкой, больше похожей на волчий оскал.

— Да ты, как я вижу, не знаешь дороги сюда! — продолжал он. — Значит, тебе неизвестен и второй путь, через вершину. Вот им-то я и уйду с золотом, а вы будете скрипеть зубами и кусать локти, но помешать мне не сможете! Проехать шестьсот миль, чтобы увидеть своими глазами, как я добрался до сокровищ Виннету! Ты заслужил это, клянусь Богом! Ха-ха-ха!

Что делать? Может быть, после долгих поисков мы бы в конце концов и нашли дорогу к пещере, но ни Сантэра, ни золота там бы уже не было. Медлить было нельзя, я в несколько прыжков спустился немного ниже, туда, где находилась скальная площадка, — оттуда было удобнее стрелять. Я взвел курок и вскинул штуцер.

— Ха-ха-ха! Он хочет убить меня! — бесновался Сантэр. — Так уж и быть, сделаю тебе одолжение и встану поудобнее.

Он исчез и вскоре появился на каменном козырьке, нависавшем над пещерой. Встав на самом краю обрыва, Сантэр взмахнул рукой. В его кулаке было зажато что-то белое. У меня внезапно закружилась голова, к горлу подступил комок.

— Смотрите! — вопил он. — Вот оно, завещание Виннету! Я выучил его наизусть, и мне оно больше не понадобится. Вам же оно не достанется никогда!

Он рвал бумагу на мелкие кусочки и бросал обрывки в воздух; медленно кружась, они опускались на воду. Слова «гнев» или «ярость»

ничто по сравнению с тем, что я тогда почувствовал.

— Подлый негодяй! — крикнул я. — Послушай меня!

— С удовольствием, — послышалось сверху.

— Инчу-Чуна и Ншо-Чи шлют тебе привет!

— Премного благодарен!

— Не стоит благодарности! От имени Виннету я посылаю тебе эту пулю!

Я снова вскинул ружье, совершенно уверенный, что не промахнусь. Обычно мне хватало одного мгновения, чтобы прицелиться, но вдруг я увидел, что мушка пляшет. Неужели дрогнула моя рука? А может быть, пошевелился Сантэр? Или это дрогнула скала?

Боже мой! На наших глаза скала качнулась, послышался тяжелый глухой звук взрыва, из пещеры повалили клубы дыма. Казалось, что невидимый исполин толкнул могучей рукой верхнюю накрененную часть скалы, и она медленно поползла вниз. Сантэр, почувствовав, что теряет опору, завопил, взывая о помощи. В следующее мгновение гигантская каменная глыба обрушилась и с ужасающим грохотом упала в озеро, увлекая за своими обломками и негодяя! Сверху, над рваным краем скалы, вились маленькие облачка дыма.

Я стоял, как громом пораженный, не в силах вымолвить ни слова.

— Уфф! — воскликнул Пида, воздевая руки к небу. — Великий Дух сам покарал его и опрокинул под ним скалу.

Тилл-Лата, заметно побледневший, несмотря на бронзовый оттенок кожи, указал рукой на воды озера, напоминавшие огромный кипящий котел, и сказал:

— Злой Дух бросил его в воду и не вернет его, пока не наступил конец этого мира. Он был проклят.

Я молчал. Мои сон! Мой вещий сон! Пропасть поглотила золото! Пропасть поглотила Сантэра! В последнее мгновение Бог удержал мою руку и заменил суд человеческий своим судом, а приговор Сантэр сам привел в исполнение — собственными руками: он поджег фитиль и тем самым казнил себя ужасной казнью.

Внизу к скале бежали наши воины. Оба вождя, бывшие со мной, быстро спускались к воде, чтобы проверить, не остался ли Сантэр в живых. Но нет! Обломки скалы похоронили его на дне озера.

Внезапно я, человек сильный, которого до сих пор ничто не могло потрясти, почувствовал невероятную слабость. Ноги мои задрожали, мне пришлось присесть. Голова кружилась, я закрыл глаза, но ясно видел перед собой качающуюся скалу, а в ушах у меня все звучал и звучал

душераздирающий вопль Сантэра.

Почему же так случилось? По-видимому, Виннету предусмотрел, что завещание может случайно попасть в руки врага, и устроил тайник таким образом, что только я мог без риска для жизни добраться до золота. Наверняка, прочти я в завещании зашифрованное для меня описание пути к сокровищам, я понял бы, где находится ловушка. Но где же золото? Осталось оно в скале или же вместе с обломками рухнуло в воды Деклилт-То?

Я не жалел о золоте. Если оно покоится на дне озера, пусть там и лежит хоть целую вечность. Невосполнимой потерей казалось мне то, что навсегда утрачено завещание моего краснокожего брата... Но, вспомнив о падавших в воду обрывках завещания, я сразу же пришел в себя и почувствовал прилив сил. Вскочив на ноги, я быстро спустился вниз, чтобы собрать и сохранить то немного, что еще, возможно, осталось от последней воли Виннету. Посреди озера что-то белело. Раздевшись, я прыгнул в воду. Это действительно был клочок бумаги.

Я долго плавал по озеру во всех направлениях и отыскал еще три клочка. Когда они просохли на солнце, я попытался прочесть расплывшиеся от воды буквы. Но мне так и не удалось установить связи между отдельными словами, которые еще можно было разобрать: «...половину получит...», «...нужна...», «...под скалой...», «...разделить...», «...не мстить...».

Это было все, что осталось от завещания. Я до сих пор храню эти обрывки бумаги, как святую реликвию.

Когда же я пришел в себя после потрясения окончательно, мы начали тщательно обследовать окрестности. Часть апачей отправилась искать лошадь Сантэра. Ясно, что животное находилось невдалеке, привязанное к дереву или стреноженное, и, если бы мы его не нашли, оно погибло бы голодной смертью. Остальные снова пошли со мной на вершину горы, чтобы попытаться найти дорогу в пещеру, которой больше не существовало.

Мы долго бродили по горе, пытаясь и так и сяк подступиться к неприступной скале. У меня в мозгу неожиданно всплыла последняя фраза, прочитанная мною в завещании: «... там сойдешь с лошади и взберешься...» Вдруг меня осенило: разве мы взбираемся только на горы? А если Виннету говорил о дереве? Рядом со скалой действительно росла огромная ель, и сучья ее касались скалы. Я взобрался на дерево, и под одним из сучьев увидел удобный выступ в три фута шириной, по которому можно было без труда добраться до пещеры, то есть до нынешнего рваного

края скалы. Большие и маленькие обломки камней укрывали бывшее дно пещеры.

По моей просьбе апачи поднялись ко мне, и с их помощью я перевернул каждый обломок, каждый камень, но не нашел ничего, что навело бы нас на след или натолкнуло на догадку. Апачи знают о значении малейших следов и умеют делать из них выводы, однако, сколь мы ни старались, ни зоркие глаза, ни живой ум не выручили нас.

К вечеру мы спустились на берег озера, чтобы переночевать там. Апачи, посланные на поиски лошади Сантэра, нашли ее и привели к месту стоянки. Я вытряхнул из переметных сум все содержимое, однако не обнаружил ничего достойного внимания.

Мы провели у Темной Воды четыре дня, с утра до вечера пытаюсь найти след, ведущий к золоту, но поиски наши не увенчались успехом. Я совершенно уверен, что, будь золото укрыто в скале, мы непременно добрались бы до него. Но оно покоилось на дне озера рядом с тем, кого оно погубило. Так мы и вернулись на Пекос без убийцы Инчу-Чуны и Ншо-Чи, но удовлетворенные тем, что месть наконец свершилась.

...Вот так и погибло навсегда завещание вождя апачей, как погиб он сам, как вскоре погибнет все краснокожее племя. И хотя оно богато одарено от природы, ему не суждено вознестись к высокой цели и выполнить свое назначение — словно летящие по воздуху обрывки завещания вождя, скитаются по земле краснокожие воины без твердой опоры. Скитаются по далеким равнинам, которые им некогда принадлежали...

Однако придет время, и всякий, кто побывает в долине реки Метсур, остановится у могилы вождя апачей и скажет: «Здесь покоится Виннету, великий краснокожий человек!» А когда в зеленеющей прерии истлеют останки последнего из индейцев, новое благородно мыслящее поколение, появившееся на равнинах Дикого Запада, воскликнет: «Здесь покоится краснокожее племя. Оно могло бы стать великим, но история, увы, не дала ему обрести это величие!..»

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

Примечания

1

От французского sans (без) и английского ear (ухо).

Видимо, имеется в виду современный город Юнион-Сити /штат Калифорния/.

3

(искаж. исп. Estampida) — паническое бегство лошадей

4

Микстура (исп.)

5

Козья шерсть (фр.).

«Желтый Джек» — так на Диком Западе называли желтую лихорадку.

Северный парк — имеется в виду Йеллоустонский национальный парк.

Южный каньон — имеется в виду Большой каньон р. Колорадо.